

С. Б. КУРАШ

МЕТАФОРИКА РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ:

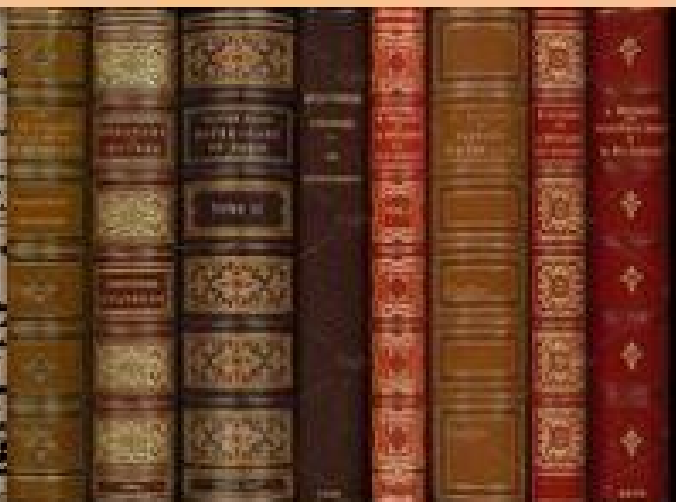

*Талант твой исповед,
близко к тебе, но не близок!
Восхищение твое, являясь,
Твое слово твое, являясь!*

*Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,*

*О твоем таланте, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,
Талант твой исповед, близок тебе,
И близок тебе, близок тебе,*

ТЕКСТО- ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

С. Б. Кураш

МЕТАФОРИКА
РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ:
ТЕКСТО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

МГПУ им. И. П. Шамякина

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2020

УДК 81'373.612.2'42:[811.161.1+811.161.3]

ББК 81.2-5 рус+81.2-5 бел

К93

Печатается по решению научно-технического совета
УО МГПУ им. И. П. Шамякина (протокол от 22.02.2020 № 2)

Автор

С. Б. Кураш, кандидат филологических наук, доцент

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Н. А. Илюхина*;
доктор филологических наук, профессор *О. А. Лецинская*;
доктор филологических наук, профессор *В. Д. Старичёнок*

Кураш, С. Б.

К93

Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.

ISBN 978-985-477-710-8.

В монографии представлено концептуальное осмысление феномена поэтической метафоры в тексто-дискурсивном ракурсе. Отталкиваясь от известного тезиса о генетической связи метафоры и художественного мышления, автор рассматривает метафору в контексте дискурса с присущими ему многомерными отношениями, в частности: текст – действительность, текст – язык, текст – интертекст, текст в аспекте адресации – текст в аспекте восприятия. Основой подобного ракурса выступают такие свойства языковых, текстовых, дискурсивных и ментальных единиц, как изоморфизм и интерактивность.

Выдвигаемые в монографии теоретические положения иллюстрированы фрагментами поэтических произведений, представляющих белорусскую и русскую поэзию преимущественно XX–XXI вв.

Издание адресовано специалистам в области разных отраслей филологии, семиотики, культурологии, а также может быть использовано в практике подготовки будущих учителей-филологов.

УДК 81'373.612.2'42:[811.161.1+811.161.3]

ББК 81.2-5 рус+81.2-5 бел

ISBN 978-985-477-710-8

© Кураш С. Б., 2020

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕКСТО-ДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ	10
1.1. Поэтическая метафорика в аспекте исследовательского интереса к языку художественной литературы в русистике и белорусистике	10
1.1.1. Феномен поэтической метафоры: парадигмы рефлексирования	10
1.1.2. Метафорика поэтической речи в аспекте изучения национального литературного языка	18
1.1.3. К проблеме сопоставительного изучения национальных поэтических метафориконов	25
1.2. Генеративные способности поэтической метафоры как предмет исследования: проблема метафорических контекстов	27
1.2.1. О действии метафорического механизма на разных языковых уровнях	27
1.2.2. Общие основания контекстного подхода к метафоре и проблема минимального метафорического контекста в поэтической речи	31
1.2.3. Развёртывание метафоры в поэтическом контексте	37
1.2.4. Конвергированные тропеические контексты	42
1.2.5. Метафора в тексте и метафора-текст	45
1.3. Метафора и «притекстовые зоны» дискурса: к постановке проблемы	56
1.3.1. Понятие дискурсивной модели текста	56
1.3.2. Интерактивность как основа структурного изоморфизма метафоры и текста / дискурса	62
1.3.3. Дискурсивная модель функционирования поэтической метафоры	69
Выводы по 1-й главе	71
ГЛАВА 2. МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСИВНЫХ СВЯЗЕЙ «ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ»: СПОСОБЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	73
2.1. Метафора – текст – действительность: лингвосемиотическая природа отношений	73
2.2. Метафора как принцип семиотической организации поэтического текста	80
2.2.1. Полиденотативность («двойное зрение») как базовое проявление метафорики: общая характеристика	80
2.2.2. Метафорические интеракции денотативных пространств в поэтических текстах белорусских и русских авторов	86

2.3. Метафорические, смежно-метафорические и метафороподобные контексты в лингвосемиотическом аспекте	90
2.3.1. Семиотическая градуальность метафорических построений в поэтической речи	90
2.3.2. Смежнометафорические и метафороподобные интеракции денотативных пространств в белорусских и русских поэтических текстах	95
2.4. Интракультурные и интеркультурные метафоры в русской и белорусской поэзии	99
Выводы по 2-й главе	109
ГЛАВА 3. МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСИВНЫХ СВЯЗЕЙ «ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ / ДИСКУРС – ЯЗЫК»	111
3.1. Язык как фигурант дискурсивной модели текста и объект поэтического рефлексирования	111
3.2. Метафороподобие отношений «содержание – фактура» в текстах русской и белорусской поэзии	116
3.2.1. Фоника, ритмика и метафорика	117
3.2.2. Морфемно-словообразовательный уровень и метафорика	120
3.2.3. Грамматика и метафорика	122
3.2.4. Поэтическая графика, визуальный облик текста и метафорика ¹	124
3.3. Языковые феномены как фигуранты метафорических моделей в текстах русских и белорусских поэтов	126
3.3.1. Денотасфера «Язык / Мова» как объект метафоризации	126
3.3.2. Денотасфера «Язык / Мова» как источник метафоризации	133
3.4. Метафора как объект поэтической рефлексии	138
3.4.1. «Метафора» как лингвокультурный концепт: pro vs. contra	138
3.4.2. Концепт «метафора» / «метафара» в текстах русской и белорусской поэзии	147
Выводы по 3-й главе	153
ГЛАВА 4. МЕТАФОРИКА РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСИВНЫХ СВЯЗЕЙ «ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ – ИНТЕРТЕКСТ»	155
4.1. К определению интертекстуальности и основаниям изоморфизма метафоры и интертекста	155
4.2. Дискурсивный аспект: диалоги с метафорами и диалоги метафор	164
4.2.1. Диалог «неметафора» – «метафора»	165
4.2.2. Диалоги метафор	166
4.2.3. Жанрово-стилистический аспект диалога метафор	169
4.2.4. Способы развёртывания метафоры в интертекстуальном континууме	172
4.3. Поэтическая метафорика в межкультурном (белорусско-русском) интертексте	177
Выводы по 4-й главе	183

ГЛАВА 5. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ПОЭТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ	185
5.1. Специфика художественной (поэтической) коммуникации с точки зрения лингвометафорологии	185
5.2. Текстовые коммуниканты в метафорическом преломлении	191
5.2.1. Автометафоры в русской и белорусской поэзии	191
5.2.2. Коалиционные метафоры в русской и белорусской поэзии	198
5.2.3. Метафорические презентации собеседника (адресата) (ТЫ / ВЫ): интерлокутивные метафоры	206
5.2.4. Метафорическое структурирование коммуникативных ситуаций с разными видами коммуникантов	209
5.3. Дискурсивная интеракция «текст в акте адресации» vs. «текст в акте восприятия» в аспекте лингвометафорологии	213
Выводы по 5-й главе	220
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 222
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	 230
 ПРИЛОЖЕНИЯ	 255
Приложение А. Тексты и фрагменты текстов, не вошедшие в основной объем работы	255
Приложение Б. Список источников фактического материала	312
Приложение В. Действие метафорического механизма на разных уровнях языка	231

ВВЕДЕНИЕ

Идея о тесной связи метафоры и художественного стиля высказывалась в науке неоднократно, начиная ещё с древнегреческих риторик, и к настоящему моменту времени стала аксиомой.

Особое место отводится метафорике поэтической разновидности художественной речи. Наиболее длительную традицию изучения имеют формы языкового выражения тропов. При этом с течением времени всё более заметной становится тенденция увеличения интереса к «расширению» границ метафоры как объекта исследования, к её «экспансионистскому» потенциалу. К настоящему времени выполнен ряд работ, в которых троп, рассматриваемый как строевой элемент художественного текста, анализируется с точки зрения формирования какого-либо одного текстового параметра (структурного, стилистического, жанрового и т. д.), а также как особый способ текстопорождения (текст-троп).

Данная область филологических исследований по сути представляет собой пересечение интересов двух современных лингвистических направлений – лингвистики текста / дискурса и лингвометафорологии. Если первое из них активно развивается уже несколько десятилетий и в настоящее время прочно удерживает одни из лидирующих позиций, то второе скорее находится на стадии утверждения своих прав на статус особого научного направления, однако, судя по огромному количеству метафорологических исследований, принадлежащих лингвистам, философам, литературоведам, психологам и даже представителям «точных наук», эта стадия преодолевается новой дисциплиной весьма успешно.

Основная идея данного исследования заключается в следующем. Художественный текст представляет собой семиотический объект – сложный знак. Одновременно в процессе своего порождения и функционирования он включается в так называемую дискурсивную (т. е. коммуникативно-экстралингвистическую) рамку. В связи с этим нами предпринимается исследование художественного текста как дискурсивного феномена, строение которого изоморфно строению метафоры. Интеракционный механизм, работающий при образовании метафоры (М. Блэк), действует и при структуризации связей в дискурсивной рамке: «текст – действительность», «текст – язык», «текст – интертекст», «текст в аспекте адресации – текст в аспекте восприятия». Эти связи можно характеризовать как метафороподобные, что существенно углубит представление о метафоре как тексто- и дискурсообразующем феномене и фундаментальном способе поэтического мышления.

Выявление лингвосемиотических механизмов и способов метафорической репрезентации действительности в поэтическом дискурсе к тому же может стать основой лингвокультурологического сопоставления русской и белорусской национальных поэтических систем XX века.

Таким образом, **актуальность** данного исследования связана с переориентацией современной лингвистики на антропоцентрическую парадигму, что, в частности, стимулировало изыскания в смежнолингвистических направлениях (лингвосомиотика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, теория межкультурной коммуникации и др.), а также способствовало становлению в качестве самостоятельной области исследования метафорологии как комплексной науки, изучающей феномен метафоры во всех проявлениях его бытия (О. Н. Лагута, Б. П. Иванюк, О. А. Староселец и др.). Своевременность предпринятого исследования также обуславливается его направленностью на современные рече-языковые процессы в русском и белорусском языках (в отношении их литературно-художественных стилей) в их непосредственной связи с проблемой межкультурного взаимодействия (белорусско-русскими поэтическими взаимосвязями).

Исходя из сложившегося в лингвопоэтической традиции (М. В. Ломоносов, В. В. Виноградов, А. Н. Веселовский, Г. О. Винокур, Л. С. Выготский, В. М. Жирмунский, А. А. Потебня, О. М. Фрейденберг и др.), представления о подчинённости словесно-художественного творчества принципу умножения смысла, в чём одну из центральных ролей играет метафоризация, **теоретико-методологической базой** нашего исследования стали фундаментальные исследования в области

- **теории метафоры (метафорологии)** (А. А. Ричардс, М. Блэк, Х. Блюменберг, Г. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, Л. В. Балашова, Б. П. Иванюк, Н. А. Илюхина, Л. В. Калашникова, Н. А. Кожевникова, О. Н. Кондратьева, Н. Ф. Крюкова, О. Н. Лагута (Алёшина), А. С. Самигулина, В. Д. Старичёнок, М. В. Субботина, З. А. Харитончик, И. Штерн и др.);

- **лингвопоэтического структурализма, постмодернистской поэтики и семиотики художественного текста** (Р. Барт, М. М. Бахтин, Н. Н. Белозёрова, Т. ван Дейк, Ю. Кристева, Ю. И. Левин, Ю. М. Лотман, М. И. Стеблин-Каменский, Б. А. Успенский, Б. Ф. Егоров, Е. Н. Лучинская, Ю. М. Лотман, В. Я. Пропп, В. П. Руднев, Ц. Тодоров и др.);

- **теории текстообразования и филологического анализа текста** (Е. Е. Анисимова, Л. Г. Бабенко, Г. Х. Бакиева, А. Г. Баранов, Б. Л. Борухов, К. А. Долинин, М. Я. Дымарский, И. С. Ефимов, Ю. В. Казарин, О. Л. Каменская, И. П. Кудреватых, Н. А. Купина, В. А. Лукин, В. А. Маслова, А. Ф. Папина, С. В. Пискунова, Н. Б. Попова, Ю. В. Попов, Т. В. Радзиевская, Т. П. Трегубович, З. Я. Тураева, И. Я. Чернухина, К. Э. Штайн и др.);

- **дискурсологии, прецедентологии и интертекстуальности** (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Безруков, А. Д. Васильев, Е. А. Горло, Г. В. Денисова, Е. Г. Задворная, Ю. П. Зотов, В. В. Красных, Ю. Н. Караулов, Н. А. Кузьмина, А. А. Леонтьев, А. Т. Липатов, Т. Е. Литвиненко, Е. Н. Лучинская, М. Л. Макаров, В. А. Миловидов, Е. Ю. Муратова, Ю. Е. Прохоров, О. И. Ревуцкий, В. П. Руднев, И. П. Смирнов, Ю. С. Степанов, И. В. Толочин, В. И. Тюпа, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская, И. И. Чумак-Жунь и др.);

- **лингвокультурологии и сопоставительной лингвистики** (М. Г. Булахов, В. В. Воробьёв, В. Г. Гак, С. Д. Жордания, О. Н. Кондратьева,

Х. Д. Леэметс, В. А. Маслова, Е. А. Охримова, И. С. Ровдо, Э. Р. Хамитова, А. Т. Хроленко, Л. Н. Чумак, Е. Е. Юрков и др.).

Феномен метафоричности художественного мышления заключается в структурно-функциональном изоморфизме художественного текста и метафоры. В литературоведческом ракурсе данная проблема рассматривалась Б. П. Иванюком, охарактеризовавшим сходство метафоры с такими категориями произведения, как жанр, стиль, метод, сюжет. Выбранный нами вектор исследования выводит в центр внимания иные свойства метафоры: знаковость (В. К. Тарасова), производность (М. Н. Литвинова, Т. Н. Симашко), повышенная информативность (И. Б. Шатуновский), континуальность (В. А. Пищальникова), прагматичность (С. Левин) и др., одновременно присущие и тексту / дискурсу.

Экстраполяция интеракциональных взаимоотношений двух смыслов в метафоре (А. А. Ричардс, М. Блэк) на тексто-дискурсивное измерение приводит нас к идее исследования художественного, в частности, поэтического текста / дискурса как феномена, сущностно изоморфного метафоре (текст есть метафора / метафора есть текст).

Характеризуя состояние исследованности данной проблемы в отечественной русистике и белорусистике, в особенности в русле обозначенных выше тенденций современной лингвистической науки, можно отметить, что перспективное поле деятельности остаётся пока весьма обширным. Здесь можно отметить работы отечественных учёных Н. В. Абабурко [Абабурко 2000], Е. Г. Задворной [Задворная 2001], В. И. Ивченкова [Ивченков 2002], Т. И. Лариной [Ларина 2011]; И. Я. Лепешева [Лепешаў 2009] О. А. Лещинской [Ляшчынская 2003а; Ляшчынская 2003б], В. А. Масловой [Маслова 1997; Маслова 1999], Е. Ю. Муратовой [Муратова 2014], В. И. Сенкевича [Сянкевіч 1995], М. Н. Сидоренко [Сидоренко 2012], И. Н. Софроновой [Софронова 1990], В. Д. Старичёнка [Старичёнок 2018; Старычонок 2007; Старычонок 2017а; Старычонок 2017б], Е. А. Тихомировой [Тихомирова 1991], И. Л. Шевляковой-Борзенко [Шаўлякова 1997; Шаўлякова-Барзенка 2001], Т. Ф. Плехановой [Плеханова 2003], О. И. Ревуцкого [Ревуцкий 1998б; 2006], И. Ф. Ухвановой-Шмыговой [Ухванова-Шмыгова 2014], З. А. Харитончик [Харитончик 2013], Л. Н. Чумак [Чумак 1997] и нек. др.

Из российских лингвистов, занятых лингвометафорологической и тексто-дискурсивной тематикой, можно назвать Н. Д. Арутюнову [Арутюнова 1990], Л. В. Балашову [Балашова 2014], Н. А. Илюхину [Илюхина 2016а; Илюхина 2016б], Л. В. Калашникову [Калашникова 2005], Н. А. Кожевникову [Кожевникова 1979; Кожевникова 1988; Кожевникова 1993], О. Н. Кондратьеву [Кондратьева 2014], Н. Ф. Крюкову [Крюкова 2000], Н. А. Кузьмину [Кузьмина 1999], О. Н. Лагута (Алёшину) [Алёшина 2003; Лагута 2003а; Лагута 2003б], В. А. Лукина [Лукин 2005], В. П. Москвина [Москвин 2006], Л. Н. Мурзина [Мурзин 1976], Д. Б. Ольховикова [Ольховиков 1987], Е. А. Охримова [Охромов 2002], Н. В. Павлович [Павлович 1995], Н. Б. Попову [Попова 1994], Ю. Е. Прохорова [Прохоров 2004],

Н. В. Пшеничникову [Пшеничникова 2006], А. С. Самигуллину [Самигуллина 2008], Т. В. Симашко [Симашко 1993], Г. Н. Скляревскую [Скляревская 1993], М. В. Субботину [Субботина 2005], Р. Уфимцева [Уфимцев 2010], Н. А. Фатееву [Фатеева 2000], В. К. Харченко [Харченко 1989; Харченко 1992], С. А. Хахалову [Хахалова 1997], И. Н. Чумак-Жунь [Чумак-Жунь 2014], А. П. Чудинова [Чудинов 2001] и др.

Проблемы лингвометафорологии, лингвистики текста и дискурса разрабатывают и представители европейской и американской науки о языке (М. Блэк [Блэк 1990; Black 1962], Р. Барт [1994], Ф. Дюбуа [Dubois 1975], Ю. Кристева [Kristeva 1980], Т. Добжиньска [1990; 2000], Х. Блюменберг [Blumenberg 1983], Д. Бувро [Bouverot 1969], А. Дейгнан [Deignan 2005], М. С. Холи [Haley 1988], И. Калужа [Kaluza 1973], А. Киклевич [Kiklewicz 2006], В. Кинч [Kintsch 2000], З. Ковечеш [Kovecses 2002], К. Д. Краген [Kragen 1989], Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff 1980; Лакофф 2004], А. Ортони [Metaphor 1993], Н. Новаковска [Nowakowska 1974], Р. Панзару [Panzaru 2010], И. Штерн [Stern 2000], К. Сулливан [Sullivan 2013], М. Тавернье [Taverniers 2002] и др.).

Однако, несмотря на разработанность в отечественной и зарубежной науке отдельных аспектов поэтической метафорологии, создающих необходимый теоретико-методологический фундамент для данного исследования, комплексного исследования метафорики русской и белорусской поэзии в совокупности обозначенных аспектов на данный момент не существует. «Теория тропов в славяноведении, а в особенности в белорусистике, не получила чёткого освещения», – констатирует В. И. Ивченков [Ивченков 2002, с. 11].

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕКСТО-ДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

1.1. Поэтическая метафорика в аспекте исследовательского интереса к языку художественной литературы в русистике и белорусистике

1.1.1. Феномен поэтической метафоры: парадигмы рефлексирования

В структуре гуманитаристических учений теория метафоры является настолько молодой, насколько и старой, и в первую очередь это справедливо по отношению к лингвистической науке с её неугасающим интересом к феномену метафоры: «когда античная традиция прекращает свое существование, имелось уже развернутое, достаточно стройное метафорологическое учение (в рамках общего тропологического)» [Лагута 2003а, с. 22], а вся последующая «история языкознания – это в каком-то отношении и история постоянного обращения к феномену метафоры. Но, с другой стороны, в самом факте постоянного обращения к данной теме заключено и признание ее неисчерпаемости» [Кулиев 1987, с. 81].

Метафорология художественного творчества, и в первую очередь поэзии, количественно (по числу публикаций), пожалуй, самое разработанное направление науки о метафоре. «Свое окончательное завершение деятельность художественного сознания получает в метафоре» [Иванюк 1987, с. 25], – пишет Б. П. Иванюк, формулируя один из основных лейтмотивов современных метафорологических исследований художественной литературы.

Востребованность метафоры самой природой лирического жанра объясняется во многих работах и тем, что метафора – одно из важнейших средств репрезентации личностных смыслов, индивидуально-авторской картины мира.

Взаимодействие двух информативных систем, имеющее место в метафоре, попытка объяснить «новое», «неизвестное» через «старое», «знакомое» составляет когнитивную сторону метафоризации, её эвристическую силу. Так, А. А. Потебни отмечал: «Необходимость метафоры (или метафорического сравнения) сказывается особенно наглядно в тех случаях, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденных неопределённым множеством действий, слов и пр.» [Потебня 1990, с. 204]. Ср. также: «метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда ... возникают метафоры в языке» [Ричардс 1990, с. 47]; «Метафора вездесуща, она возникает везде, где человек может проявить себя, и пронизывает все человеческое существо, более того, она же может быть источником радости – радости узнавания, декодирования и / или креативного и эстети-

ческого познания. Трудно предположить, что существует еще одна подобная универсалия, характерная для понятийного, языкового, психического, социального и прочих человеческих миров» [Лагута 2003а, с. 104]; «метафора является исключительно естественной фигурой мышления, тем более художественного, воплощающейся в любом природном материале – дереве, глине, камне и др., в частности, в таком оприродненном сознанием материале, как слово» [Иванюк 1998, с. 11].

В первую очередь сказанное можно отнести к эстетическому освоению действительности, проявляющемуся в форме искусства слова – поэзии [Виноградов 1976; Винокур 1991]¹. Поэтическая речь, по выражению Н. А. Купиной, является «той средой, для которой наиболее характерно возникновение метафор» [Купина 1969, с. 4]. Использование метафоры в поэзии преследует цель «выразить бесконечное многообразие оттенков смысла, семантических нюансов, индивидуальных «обертонов»» [Кузьмина 1999, с. 210]. Более того, метафоризация, как и генетически и структурно близкие к ней явления (например, миф, параллелизм) (см. работы А. Н. Веселовского [Веселовский 1989], О. М. Фрейденберг [Фрейденберг 1998], Р. О. Якобсона [Якобсон 1975] и др.) рассматриваются в качестве принципа поэтического творчества и художественного мышления в целом [Коваль 2016; Сигнеева 1976; Тимошенко 2001; Metaphor 1982; Metaphor 1993; The Cambridge 2008 и др.].

По словам Ю. М. Лотмана, «то, что принято называть тропами, ... представляет собой всеобщий закон поэтического текста» [Лотман 1964, с. 117], а метафору многие её исследователи по праву называют основным тропом, черты которого (такие, как умножение смыслов, неузуальность словоупотребления и пр.) можно найти в любых других тропах [Оганьян 2006; Падучева 2003; Самигуллина 2008; Сигнеева 1976; Староселец 1997; Сырма 2007; Фридрих 1971; Chandler 2007 и др.]. Ср.: «Метафора настолько распространена, что часто используется в качестве зонтичного термина (еще одна метафора!), обозначающего и другие фигуры речи (например, метонимию), которые технически отличимы от метафоры лишь при её узком понимании» [Chandler 2007, с. 126].

С исследованием метафоры как элемента художественного мышления, с разработкой проблем соотношения метафоры и поэтического стиля, связан широкий круг вопросов, затрагивавшийся как отечественными, так и зарубежными учёными-филологами. Нас, прежде всего, интересует «лингвистический сектор» филологической метафорологии.

¹ В этом плане весьма показательным выглядит множество метафороцентрических определений самой поэзии: «Язык поэзии начинается с образа, с метафоры» (В. Огнев) [Вознесенский 1973, с. 73]; поэт «вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм – стенография большой личности, скоропись её духа» [Пастернак 1991, с. 416] и т. п.

Длительную традицию изучения имеют формы языкового выражения тропов. Одной из наиболее обсуждаемых здесь является проблема соотношения тропа с феноменами системно-языкового и речевого порядка, реализуемая в таких аспектах, как «метафора и контекст», «метафора и текст», «метафора и дискурс», «метафора и стиль», «метафора и жанр», «метафора и грамматика» и др. Наибольшее количество исследований посвящено в этом плане проблеме развития переносно-метафорических значений у слов, функционированию метафор в различных видах словосочетаний и иных синтаксических конструкций.

Одно из первых фундаментальных исследований, посвящённых тропам в русистике, и в первую очередь метафоре, – знаменитая «Риторика» М. В. Ломоносова (1748). Во второй части «Риторики» – «О украшении» – центральное место занимает учение о тропах, наряду с учением о фигурах.

В трактовке сущности тропа учёный опирается на традиции античных риторик, определяя троп как «перенесение речений» и выделяя две группы тропов: «**троп речения**» («состоит в пренесении одного речения от собственного знаменования к другому» – *каменный человек, щедрота похвальна* и под.) и «**троп предложения**» («состоит в пренесении предложения от собственного знаменования к другому» – *По саже гладь, хоть бей, / Ты будешь черн от ней*)¹. Как видно, основной признак разграничения данных двух групп – номинативность либо предикативность тропеизируемой единицы.

Назначение тропа М. В. Ломоносов видит в «риторическом украшении» (именно эта их функция рассматривалась в качестве основной на протяжении риторической традиции вплоть до XX века), однако, говоря об этом, учёный видит в украшении не столько самоцель, сколько момент прагматический: «слово риторическое, хотя будет чисто составлено, приличным течением установлено и украшено великолепно, но без пристойного движения речений и предложений живности в нем никакой не будет» [Ломоносов 1952, с. 244–245].

«Тропов речений» Ломоносов выделяет шесть: метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис и металепсис². Трактовка *метафоры*

¹ Нами приводятся те примеры, которыми сам Ломоносов иллюстрирует те или иные типы описываемых им тропов.

² Понимание Ломоносовым *синекдохи* и *метонимии* по сути не отличается от современных трактовок данных тропов, приводящихся в многочисленных пособиях по стилистике и риторике, терминологических словарях и справочниках. Остальные «тропы речений» получают у Ломоносова следующие определения. *Антономазия* – собственное имя вместо нарицательного («*Самсон или Геркулес вместо сильного, Крез вместо богатого, Цицерон вместо красноречивого*»). *Катахрезис* – перемена «речений» на другие, близкие к ним, для усиления или ослабления при обозначении предмета речи («*бояться вместо ждать; бежать вместо идти; бранить вместо выговаривать; лукав вместо хитр; скуп вместо бережен; нахален вместо незастенчив*»). *Металепсис* – «перенесение через два или три знаменования от собственного значения» («*Как десять жатв прошло, взята пространна Троя*»).

у него традиционно-риторическая, восходящая к аристотелевской – перенос «речений» на основе «подобия» с выделением 4 направлений переноса: неживое – живое, живое – неживое, неживое – неживое, живое – живое. Вместе с тем учёный даёт рекомендации по использованию метафор: «1) чтобы метафор не употреблять чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь стесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают; 2) к вещам высоким и важным непристойно переносить речений от вещей низких и подлых, например: *небо плюет* непристойно сказать вместо *дождь идет*. Но ежели вещи, от которых слово переносится, в не очень подлы, то могут прилагательными именами быть повышены и употреблены: так, ежели *гром* назвать *трубою*, то будет метафора низка; однако с прилагательным *труба небесная* будет много выше; 3) к низким и подлым вещам от высоких и важных переносить речения также непристойно, кроме шуток, например, *блистающая солома, громогласный комар*». В этом чувствуется созвучие идее настороженного отношения к метафоре, культивировавшегося в трудах английских философов-рационалистов Дж. Локка, Т. Гоббса и др. Серьёзный пересмотр этой точки зрения произойдёт только в XX веке.

Несмотря на преимущественную практическую направленность «Риторики» М. В. Ломоносова в трактовке им отдельных тропов, характере деления на главные и второстепенные, на речевые и синтаксические («тропы речений» и «тропы предложений»), мы усматриваем идеи, соответствующие отправным положениям современных исследований, включая те из них, в которых разрабатываются новые тропеические классификации.

Прежде всего, обратим внимание на трактовку тропа не просто как переноса наименования в пределах категорий «род» – «вид», определившую в дальнейшем развитие учения о тропах в лексикологическом (словесном) аспекте, а как «перенесения», которое может заключаться и во включении частей одних предложений в другие. Такое понимание соответствует

Четвёртая глава «Риторики» названа «О тропах предложений», которых Ломоносовым выделено пять: «аллегория, парафразис, эмфазис, гипербола, ирония». За первыми четырьмя признаётся ведущая роль. Тропы предложений – это «перенесение предложений от собственного знаменования к другому». Как видно, критерий их выделения – формально-синтаксический. Им даются следующие определения. **Аллегория** – это «перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих» («*окропил ты мне горящую грудь*, то есть печальному духу моему дал ты отраду»). Как и в отношении метафоры, Ломоносов предостерегает авторов от излишнего обращения к аллегоризации. **Парафразис** – это изображение того, что может быть описано одним словом, через несколько слов. Ломоносов выделяет 4 типа подобных конструкций, в числе которых, в частности, рассматривает генитивную метафору (*юность лета; старость дня; волнение мыслей*). **Эмфазис** – переносное употребление, при котором одно непрямо изображённое действие вытекает из другого, также фигурального («*Волы несут домой повешенные плуги*»). **Гипербола** («*ипербола*») – «повышение или понижение слова невероятное». **Ирония** – придание предложению обратного смысла – с выделением трёх её типов: сарказма, хариентизма, астеизма.

тенденциям развития современной тропологии, включившей в сферу своих исследований образные фрагменты любой степени протяжённости, вплоть до тропеических текстов.

Ломоносовские толкования аллегии как приёма, характеризующегося «стечением многих метафор», и эмфазиса как «употребления, при котором одно непрямо изображённое действие вытекает из другого, также фигурального», можно рассматривать в качестве базовых положений современных лингвосомиотических исследований развёрнутой метафоры, где изучается механизм последовательного усложнения данного тропа, приобретающего статус суперзнака.

Трактовка в «Риторике» катахрезиса (катахрезы) как «перемены «речений» на другие, близкие к ним, для усиления или ослабления при обозначении предмета речи» расходится с толкованием этого приёма многими другими авторами. Так, Квинтилиан рассматривал данный троп как образное средство, применимое там, где названия вовсе не было [Лагута 2003а, с. 17]. В исследованиях XX века катахреза рассматривалась как «ломаная метафора» (*Сплетня вкусна, господа.* Ф. Достоевский) [Лагута 2003а, с. 31].

Можно утверждать, что все виды тропов, относимые М. В. Ломоносовым к числу главных, составляют ядро тропеической системы и в её современном понимании, так как именно этим тропам в разной степени присущи такие основные тропеические признаки, как сближение семантически разнородных областей (метафора, эмфазис, метонимия, металепсис), тенденция к преувеличению или преуменьшению (катахрезис, гиперболо), тенденция к контрасту или противоположности (ирония). Кроме того, между отдельными видами тропов прослеживается достаточно чёткое распределение по параметрам «системно-языковое – содержательное».

В целом в отношении классификации тропов, предложенной Ломоносовым, трудно говорить о наличии чётко выраженного единого критерия классификации, за исключением стержневого противопоставления «тропов речений» и «тропов предложений» по формально-синтаксическому признаку. Для учёного важнее было представить известный ему спектр тропов, а не последовательно классифицировать их, в чём виделась практическая цель «Краткого руководства...», в частности, его второй главы «О украшении». Это объясняется тем, что Ломоносовская «Риторика», вслед за классической традицией, ориентировалась гораздо больше на создание произведений, а не на их анализ.

В дальнейшей лингвистической традиции к феномену метафоры обращались такие видные представители отечественной филологии, как Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Б. В. Томашевский и др.

Переориентация современной лингвистики на антропоцентрическую парадигму, смещение исследовательского вектора в смежнолингвистические направления (лингвокультурология, лингвосомиотика, когнитивная

лингвистика и др.), становление новых интегративных научных направлений, в качестве объекта которых выступают уже не язык, не речь в целом, а отдельные (разумеется, ключевые, знаковые) рече-языковые феномены, ставит новые вопросы к теории метафоры.

Всё чаще на страницах специальных исследований встречается слово «метафорология» (или его партнёр-гипероним – «тропология») [Blumenberg, 1983; Taverniers 2002; Тимошенко 2001; Лагута 2003; Иванюк 1998; Староселец 1997 и др.]. Ср.: «Сам термин «метафора» давно вышел за рамки поэтико-риторического употребления. Как метафорические рассматриваются даже элементы ландшафта, предметы дизайна, исторические и социальные события, художественные стили и средства, направления в развитии информационных технологий и мн. др. Именно всплеск всестороннего интереса к метафорогенной деятельности и механизму метафоризации, глубокое исследование различных ее сторон позволили в свое время А. Вежбицка, вслед за Н. Blumenberg, утверждать, что метафорология – отдельная самостоятельная ветвь лингвистических исследований. Анализ ситуации в современной науке позволяет сделать существенное дополнение: не только лингвистических, но и общенаучных. Поэтому современные исследователи метафоры полагают, что имеются все предпосылки для создания специальной междисциплинарной науки – метафорологии, объектом которой является метафора в совокупности всех своих свойств и признаков¹ [Староселец 1997], а «обилие литературы, посвященной метафоре, свидетельствует о том, что фундаментальная наука выходит на новый этап осознания ее сущности» [Толочин 1996, с. 20]».

Дж. Лакофф подчеркивает, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии, что наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути [Lakoff 1980; Лакофф 2004].

Таким образом, к концу XX века становится очевидно, что в постижении феномена поэтической метафоры не произойдет существенных сдвигов, если круг научных поисков останется в радиусе традиционных риторико-стилистических подходов к данному рече-языковому явлению, на что ещё в 1990 году обратила внимание В. Н. Телия: «Остается только удивляться тому, что... метафора изучается эпизодически и скорее как стилистическое средство, нежели универсально-лингвокреативное. Очевидно, причина этого кроется в том, что механизмы метафорического процесса “скрыты”, а лингвистика начала оперировать “глубинными” структурами только в последние десятилетия» [Телия 1990, с. 46–47]. А ещё ранее В. П. Григорьев (исследуя, к слову, именно лингвостилистическую сторону русской

¹ Ср. также: «метафорологию предлагается рассматривать как междисциплинарную отрасль научного знания, исследовательским объектом которой является как собственно метафорогенная деятельность человека, так и результаты этой деятельности» [Алешина 2003, с. 14].

поэтической метафорике) очертил тот общий вектор исследовательского интереса, который обусловил характер внимания к метафоре на перспективу: «По-видимому, всё более глубокое осознание того, что моделью связей между словом и образом может служить метафора, лежит в основе постоянного (в последние годы – явно возрастающего) интереса филологов к метафорическому аппарату языка» [Григорьев 1979, с. 187]. В справедливости сказанного уже можно было убедиться, принимая во внимание констатацию факта становления метафорологии как науки о метафоре в самом её широком понимании, по сути ставящем знак равенства между понятиями «метафора» и «модель», «метафора» и «способ мышления».

Иными словами, на рубеже XX – XXI веков исследователи метафоры подошли к доказательному осознанию некоего более серьёзного предначертания, данного этому феномену, по отношению к языку, мышлению, человеку как языковой личности [Пшеничникова 2006].

В частности, в трудах С. А. Хахаловой [Хахалова 1997; Хахалова 2011] и Ж. Вардзелашвили [Вардзелашвили 2002] выделяется в качестве особой языковой категории выделяется категория метафоричности языка, а метафоризация характеризуется как одна из универсалий языка [Вардзелашвили, с. 25]: «Категория метафоричности представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком; она отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. (...) Категория метафоричности относится к одному из наиболее общих и фундаментальных понятий, отражающему существенные всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания по признаку нахождения ассоциативных связей между ними» [Вардзелашвили 2002, с. 26].

В таком понимании метафора становится одним из основных объектов смежнолингвистических направлений современной антропоцентрической парадигмы языковедческой науки: «Современная когнитивная лингвистика считает метафору не тропом, призванным украсить речь и сделать образ более понятным, а формой мышления. В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Соответственно для ученого анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового (партийного, классового и др.) и национального самосознания (...) Метафора – это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2001, сс. 7, 33].

Вместе с тем переоценка статуса метафоры «по восходящей линии» не отвергает и даже, по большому счёту, не уводит в сторону от её тропеического понимания. Не изымая метафору из арсенала тропов, исследователи,

как было замечено выше, всё чаще подчёркивают её особое – главенствующее – положение в нём. Об этом, в частности говорит Н. Н. Белозёрова, ссылаясь на Р. О. Якобсона, который выдвинул «тезис о следах метонимии в метафорах и следах метафоры в метонимиях, по сути, постулировал положение о взаимопроникновении тропов и о синтетическом характере типов творчества» [Белозёрова 2001, с. 51]. Эта же мысль находит поддержку у исследователей, пропагандирующих точку зрения на «максимально широкое понимание метафоры: когда ею является и собственно метафора, и символ, и аллегория, и эмблема, и персонификация, и гипербола, и симфора, и семиметафора, и метафоричный эпитет» [Тимошенко 2001; Chandler 2007].

Лингвистика, и в частности, лингвопоэтика всё чаще обращаются к герменевтическим, психологическим, нейрофизиологическим аспектам метафоры – её рассмотрению как «техники интерпретации текста, наделения знаков смыслом» [Тимошенко 2001, с. 7]; при этом говорится про «укоренённость метафоры в подсознании, про её связанность с досознанием, про метафоризм сновидений (З. Фрейд); про метафорическое и метонимическое структурирование подсознательного в языке (Ж. Лакан). Выводы психоаналитиков, как и нейролингвистов и исследователей функций больших полушарий головного мозга, указывают на гетерогенность человеческого сознания, на присутствие в нём двух принципиально разных способов отображения и создания новой информации – метафоры и метонимии» [Тимошенко 2001, с. 7]. Фундаментальные работы на эту тему принадлежат М. Арбибу [Арбиб 2004], Р. О. Якобсону [Якобсон 1975], Т. В. Черниговской [Черниговская 1986; Черниговская 2006], Ю. М. Лотману [Лотман 1992] и др.

Подобные исследования помогают глубже объяснить «родство» метафоры и художественного, в частности поэтического, стиля на уровне когнитивных и психо- и нейролингвистических аспектов метафоризации. В частности, с психолингвистической точки зрения поэтическое творчество рассматривается как недискретный процесс порождения континуальных по своей природе поэтических смыслов, которые получают своё материальное воплощение в форме их фиксации дискретными единицами языка [Пищальникова 1992, с. 3–37]. С целью устранить противоречия такого рода, поэтическая система вынуждена вырабатывать и использовать средства, позволяющие преодолевать дискретность языка при передаче континуальных по своей природе поэтических смыслов. Одним из таких средств является метафора, выступающая с когнитивной точки зрения «едва ли не единственным языковым феноменом, вносящим недискретность в дискретную структуру языка» [Баранов 1991, с. 188]. «В ней таким образом проявляется со всей избыточностью структурное свойство художественного целого – непрерывность содержания при дискретности организующей его формы» [Иванюк 1998, с. 13–14].

В аспекте проблемы информативности художественных текстов эта же мысль проводится исследователями, рассматривающими метафору в числе одного из специфических средств поэзии, позволяющих повышать

количество информации на определённый текстовый отрезок. В этом плане характерна трактовка метафоры как «свёрнутого» (компрессированного) текста [Шатуновский 1976], высказывания, результирующего контаминацию нескольких других высказываний [Симашко 1993].

Отмеченные свойства, присущие поэтической метафорике, хорошо согласуются с понятием признаковости (постоянного выдвигания «нового» – в терминах актуального членения), которое И. И. Ковтунова квалифицирует как одно из фундаментальных свойств поэзии, обуславливающих тропеичность поэтической речи [Ковтунова 1986, с. 153]. Эту мысль развивает Ю. В. Тимошенко, отмечая то, что «из двух доминирующих направлений трактовки метафоры – субституции и предикации – природу метафоры наиболее адекватно раскрывает второе направление. Оно трактует метафору как интеракциональный синтез семантических полей, взаимное сцепление смыслов, внутреннее напряжение между которыми и служит источником метафорической образности» [Тимошенко 2001, с. 7].

Своеобразным индикатором популярности интереса к тому или иному феномену бытия в последние 10-15 лет является его представленность на веб-страницах и сайтах глобальной сети Интернет.

Как видно, к данному моменту времени отчётливо определилось проблемное поле, на котором пересеклись интересы самых разных наук – лингвистики текста, когнитивной лингвистики, герменевтики и других, о которых речь пойдёт далее (дискурсивная лингвистика, лингвосомиотика) – с одной стороны, и метафорологии – с другой. Если первые из названных активно развиваются уже несколько десятилетий и в настоящее время удерживают лидирующие позиции, то вторая – метафорология, – можно сказать, находится на стадии утверждения своих прав относительно статуса особого научного направления. Однако, судя по огромному количеству метафорологических исследований, принадлежащих лингвистам, философам, литературоведам, психологам и даже представителям «точных наук», эта стадия преодолевается новой дисциплиной весьма успешно.

1.1.2. Метафорика поэтической речи в аспекте изучения национального литературного языка

Метафора – одно из важнейших средств репрезентации личностных смыслов, индивидуально-авторской картины мира. Попытка объяснить «новое», «неизвестное» через «старое», «хорошо знакомое» составляет когнитивно-лингво-креативную сторону метафоризации и – как наивысшее воплощение последней – способность к эвристике, к самовыражению сильной языковой личности. Максимум этого самовыражения связан со способностью личности влиять на развитие национального языка. Проблема этого влияния – особый объект научного интереса, в том числе и в рамках современных научных методологий. В частности, А. Т. Хроленко замечает: «Синергетика – современная наука о сложных, самоорганизующихся

системах, у которых существует несколько альтернативных путей развития, – не считает преувеличенной роль личности в сохранении и преумножении языка» [Хроленко 2005, с. 131].

Сказанное уместно будет продолжить словами Д. С. Лихачева о том, что «далеко не все люди в равной мере обладают способностью обогащать «концептосферу» национального языка (...). Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам)...» [Лихачев 1997, с. 283]. Индивидуально-авторская картина мира не просто монтируется в национально-поэтическую языковую картину мира, но и осязательно дополняет её новыми смыслами, оттенками, нюансами, измерениями.

«Исследователи языка произведений белорусских писателей, – отмечает В. И. Ивченков в книге, посвящённой тропеической системе Ю. Казакова, – успешно воссоздают художественную лингвистическую картину мира, строят концептосферу образной системы родного языка. Подобного рода исследования настоятельно показывают своевременность и закономерность проявления исследовательского интереса к языку художественной литературы как системы выражения речевыми средствами воображаемого писателем мира, когнитивной сутью которого является возможность воспроизведения данных автором эстетических, коммуникативных и иных установок» [Ивченков 2002, с. 15]. Данному тезису созвучна мысль одного из исследователей, высказанная относительно метафорики русского языка и русской художественной литературы, – о том, что «художественные произведения представляют ценность для анализа не только индивидуального процесса познания мира и отражения полученной информации в тексте, но и для изучения всей метафорической картины мира в русском языковом сознании» [Шинкаренкова 2005, с. 5–6].

В комплексном изучении метафорикона белорусского языка особая роль принадлежит многочисленным работам В. Д. Старичёнка, в частности, монографии «Метафора в белорусском языке». Учёным систематизирован большой объём конкретного языкового материала – метафоризированных субстантивов в художественных контекстах (20 000 единиц) – по ряду направлений их семантической и структурной типологизации. Определены основные закономерности метафоризации и направления семантического развития метафорических субстантивов. Разработана общая классификация метафор в соответствии с характером соотносённости исходного и реципиентного ЛСВ и их общей смысловой направленности, согласно с которой описаны 16 семантических типов субстантивных метафор. Охарактеризованы основные типы метафорических структур и особенности их выявления в языке и речи, очерчены семантические поля (сферы), компоненты которых послужили базой для создания субстантивных метафор.

Эта работа, безусловно, является основательным фундаментом для дальнейшей разработки белорусской поэтической метафорологии в иных направлениях – текстовом, дискурсивном, лингвокультурологическом и др., «без чего нельзя понять природы, закономерностей функционирования

и развития языка, особенностей материальной и духовной жизни её носителей и их культурно-национального видения мира» [Старычонак 2007, с. 4].

В этом плане как на ещё один весьма показательный пример укажем на монографическое исследование метафоры Янки Купалы, предпринятое О. А. Лещинской, основной задачей которого обозначено выяснение того, что именно составляет творческое своеобразие поэта в использовании богатого ресурса родного языка, в чём он выступает как новатор. Соотнося метафорику классика отечественной поэзии с фактами национального литературного языка, исследователь указывает на то, что «поэтическое наследие Янки Купалы характеризуется не столько созданием новых слов (авторских неологизмов, авторских новообразований, окказионализмов, индивидуальных слов), сколько использованием общеизвестных слов в необычных сочетаниях, которые позволяют придавать новые и глубокие образные смыслы» [Ляшчынская 2003, с. 5]. При этом О. А. Лещинская делает ряд интересных наблюдений и обобщений относительно роли Я. Купалы в выявлении «потенциально реального» в языке, в расширении возможностей белорусского литературного языка.

Метафорика отдельных поэтических идиостилей белорусских авторов и некоторые вопросы лингвистической теории метафоры рассматривались также в работах А. Э. Астраух [Астраух 2001], С. А. Важника [Важнік 2001], И. Я. Василевской [Васілеўская 2000], В. Я. Граванс [Граванс 2000], О. А. Лещинской [Ляшчынская 2003а; Ляшчынская 2003б], Л. В. Поплавной [Паплаўная 2003], В. М. Сайковской [Сайкоўская 2002], Ф. С. Шумчика [Шумчык 1999] и др.

Современные белорусские исследователи всё чаще обращаются к таким аспектам метафоризации, как «метафора и культура», «метафора и когниция», «метафора и дискурс». Здесь следует назвать работы таких известных белорусских учёных, как В. А. Маслова, И. Э. Ратникова, Е. Г. Задворная, З. А. Харитончик и др. В частности, В. А. Маслова [Маслова 1997; Маслова 2004; Маслова 2014] затрагивает лингвокультурологический аспект белорусских и русских метафор и сравнений (в его взаимосвязи с лингво-поэтикой). Весьма своеобразный материал – ономастическая метафора в современном публицистическом дискурсе – всесторонне исследован в работах И. Э. Ратниковой [Ратникова 2003а; Ратникова 2003б], где отмечается непосредственная связь метафорически употребляемых ономастических единиц с этно-, лингво- и социокультурой носителей языка.

Среди работ теоретико-литературной направленности, которые наиболее глубоко раскрывают сущность метафоры как явления текста и культуры, отличаются наиболее тонкими наблюдениями и размышлениями труды А. Н. Андреева [Андреев 1995; Андреев 2000; Андреев 2003; Андреев 2018], И. Л. Шевляковой-Борзенко [Шаўлякова 1997; Шаўлякова-Барзенка 2001] и др.

Изучение метафорики представителей того или иного национального поэтического стиля тем самым открывает путь к постижению так

называемых тропеических типов и тропеического кода национального языка в целом. Введение этих понятий принадлежит С. Ф. Гончаренко, который отмечает, что «всё множество компаративных тропов какого-либо языка, соответствующих одинаковой грамматической, вербальной и смысловой модели (то есть обладающих одинаковой смысловой и вербальной структурой), можно рассматривать как определённый (компаративный) тропеический тип данного языка. Тропеический тип, характеризующийся регулярно употребляющимися (нормативными) моделями, целесообразно считать нормативным тропеическим типом. Количество нормативных тропеических типов, которыми оперирует поэтика какого-либо языка, очевидно, в определённой мере также квалифицирует “метафорический код” поэзии данного языка» [Гончаренко 1973, с. 22].

В данной работе продолжение поисков этого самого «метафорического кода» будет предпринято по отношению к творчеству белорусских и русских поэтов преимущественно XX века, – во-первых, тех, с чьими именами устойчиво ассоциируется данный историко-литературный период; во-вторых, преимущественно тех авторов, для которых метафоричность является отличительной или, по крайней мере, важной чертой идиостиля и сочетается в себе как следование национальной языковой поэтической традиции, так и то новое, оригинальное, авторское что может дополнить представление о языке и стиле современной русской и белорусской поэзии.

Временной срез также выбран нами не произвольно. Учёные-филологи, литературные критики, сами художники слова неоднократно отмечали необычайно возросшую метафоричность, суггестивность, смысловую усложнённость поэзии XX века. Более того, в статье В. В. Иванова «Категория времени в искусстве и культуре XX века» встречаем одно из объяснений причины подобной эволюции поэтической речи явлением «биологического цейтнота» (описанным Н.А.Бернштейном и его последователями): «Речь идёт о тех ограничениях во времени, которые положены на все живые организмы. Из-за этих ограничений требуется принятие решения за сравнительно небольшие отрезки времени, что исключает последовательный перебор всех возможностей». И далее: «На современном кибернетическом языке суть возникновения метафоричности можно объяснить необходимостью параллельного (одновременного) вывода тех сообщений, которые при отсутствии цейтнота можно было бы передавать последовательно. Путём употребления слов (или сочетаний слов) в переносных (образных) значениях оказывается возможным одновременное высказывание нескольких мыслей (что аналогично двойной экспозиции в кино, развивавшей принципы кубистической живописи и другие более ранние аналогичные приёмы передачи двуплановости в искусстве)» [Иванов 1973, с. 54].

В отношении русской поэзии XX века специфику метафорики данного периода весьма точно охарактеризовала Е. В. Ермилова: «Разумеется, метафора сама по себе – не откровение нового времени. Классическая русская поэзия метафоры вовсе не чуждалась. Однако место и значение её были

иными. Она была традиционным средством поэтической выразительности в ряду других. Всякая подчёркнутость, выдвинутость, реализация метафоры, естественные для поэтики XX века, были бы здесь неуместны и бессмысленны» [Ермилова 1977, с. 170].

При этом мы вполне отдаём себе отчёт в том, что более чем насыщенный в количественном и качественном отношении (и в плане авторов, и тем более в плане текстов) период не может рассматриваться как нечто цельное и единое. Так, говоря лишь о поэзии последних десятилетий прошлого столетия, В. В. Ивашева отмечает, что «было бы прямым упрощением говорить о какой-либо унификации стиля во второй половине XX века». Вместе с тем, отмечает В. В. Ивашева, «всё же можно и закономерно ... говорить здесь об общих чертах, порой общей тенденции, характеризующей облик литературы нынешнего дня» [Ивашева 1979, с. 60]. Полагаем, что в качестве такого общего может быть использован тот самый модельный, организующий потенциал метафорики, о котором речь шла выше.

Современная метафорология как междисциплинарная наука о метафоре в качестве одной из важнейших перспектив развития имеет смыкание с идеологией корпусности.

С. А. Хахалова в связи с этим отмечает, что «метафорический корпус любого языка представляет собой благодатный материал для исследования когнитивной реальности эгоцентрической категории метафоричности, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [Хахалова 2011, с. 177].

О. Н. Лагута в качестве первоочередных задач данной науки называет «проведение системных исследований индивидуальных языковых метафорик: на материале как живых языков с богатой книжно-письменной традицией и развитыми функционально-стилевыми подсистемами, так и младописьменных языков с диффузными функционально-стилистическими характеристиками, а также на материале мертвых языков, зафиксированных на широком пространстве текстов, с целью последующего выявления корпуса наиболее актуальных моделей метафоризации и их сопоставительного описания» [Лагута 2003б, с. 160]. Этот же автор с сожалением отмечает тот факт, что «из-за дискретности научных сфер лингвисты практически не используют достижений психологической и психотерапевтической метафорологии (корпус психотерапевтических текстов, используемых регулярно в клинической практике, почти не имеет лингвистического, особенно когнитивистского, описания). Однако только нейрологические исследования могут пролить свет истины на связь языка – естественного коммуникативного кода, коммуникативной (с включенной в нее речевой) деятельности и ментального языка с работой высшей нервной системы. В свою очередь, нейрологические исследования результатов структурно-семантического

описания метафор и их когнитивной интерпретации могут раскрыть ряд загадок полушарной асимметрии, а исследование результатов сопоставительных работ по изучению языковых метафорик может способствовать решению проблемы естественной и языковой категоризации» [Лагута 2003б, с. 162].

Таким образом, идеология корпусности способствует дальнейшей интеграции различных наук и направлений, их методолого-методического аппарата, что в итоге может привести к получению принципиально нового знания о, казалось бы, давно и неплохо изученных объектах действительности. Можно констатировать, что к настоящему моменту в этом направлении сделан ряд шагов и получены теоретически и практически значимые, весьма интересные научные результаты и продукты. Однако здесь приходится отмечать тот факт, что в реализации корпусного подхода к метафоре первенство принадлежит западноевропейским учёным [Corpus-based 2006; Deignan 2005; Holmes-Higgin 1996].

Что касается русско- и белорусскоязычных корпусно-лингво-метафорологических исследований, то, не претендуя на полноту обзора, мы назовём лишь некоторые из них.

Из тематических групп метафор в первую очередь следует отметить корпусное описание политических метафор. Здесь прежде всего следует отметить работы А. Н. Баранова [Баранов 2001], Э. В. Будаева [Будаев 2008], Н. А. Санцевич [Санцевич 2003], А. П. Чудинова [Чудинов 2007] и др.

В соответствии с задачами исследования иных тематических групп метафор были составлены и другие соответствующие метафорические корпуса – юридических, педагогических, медицинских, психотерапевтических метафор, метафор информационных технологий, эмоциональных состояний человека и др. Кроме того, методика корпусного исследования активно применяется при изучении индивидуально-авторских метафороконов.

Близким и не менее перспективным направлением в исследовании метафоры является разработка электронных словарей метафор, которые отчасти соответствуют вышеупомянутой «идеологии корпусности». Отметим, в частности, опыт отечественных исследователей О. Ю. Шиманской [Шиманская 2009] и Т. Н. Рябовой [Рябова 2013], разработавших соответственно электронные словари метафор эмоционального состояния человека в белорусском и английском языках и количественных метафор в русском и белорусском языках.

Особо следует отметить возможности использования национальных языковых корпусов, в частности, Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в решении задач лингвометафорологических исследований. К числу основных мы бы отнесли такие: семантическая разметка (определяет возможность поиска употребления слова в составе иного таксономического класса, т. е. вне прямой референции); синтаксическая разметка, дающая возможность поиска по заданным синтаксическим моделям (а метафора

возникает именно в контексте, причём некоторые модели контекстов, можно сказать, специализируются на рождении метафорической семантики, например, генитивные словосочетания, словосочетания с творительным падежом и др.); разметка по параметрам текстов (позволит подключить так называемые жанрово-тематические ожидания: например, больше метафорических контекстов со словами типа *звезда*, *огонь*, *луч* и т. п. можно ожидать от поиска в подкорпусе поэтических текстов, в сравнении с другими подкорпусами).

Наконец, НКРЯ позволяет проследить эволюцию самого концепта «метафора» в разных сферах его функционирования, дополнить его содержание [Кураш 2007а; Кураш 2012; Кураш 2014; Кураш 2017б]. Подробнее о возможностях использования НКРЯ в изучении метафоры см. в работе А. Д. Плисецкой [Плисецкая 2010].

Заметим, однако, при этом, что непосредственно маркер «метафора» (как и какие-либо иные тропеические маркеры) отсутствует в метаразметке текстов НКРЯ.

В то же время попытки создания корпусов метафор (метафорических контекстов) уже известны. В частности, можно отметить Амстердамский метафорический корпус, разработки российских исследователей в области создания русскоязычного корпуса концептуальной метафоры с применением инструмента BRAT для разметки и некоторые иные проекты, которые «делают возможным наиболее полный и объективный анализ метафорической структуры дискурса» [Бадрызлова 2013, с. 91] на разных языках.

Вместе с тем по отношению к применению корпусного подхода к исследованию метафоры учёными признаётся ряд ограничений: «Во-первых, эффективность анализа корпусов метафорических контекстов явно снижается, когда исследователь сталкивается с таким феноменом, как инновативная метафора (*innovative metaphor*). Во-вторых, проводимый анализ крупных корпусов по своей сути представляет интроспективную деятельность человека познающего, направленную на рассмотрение определенного объекта исследования “извне”, а не “изнутри”, что значительно снижает ценность теоретических обобщений в дифференциальной составляющей полученного научного продукта. В-третьих, возникает проблема репрезентативно-иллюстративного представления практического материала в рамках того или иного экспериментального проекта» [Самигуллина 2008, с. 119].

Однако заметим: данные ограничения касаются не столько идеологии корпусности в принципе, сколько говорят об опасениях, обусловленных молодостью данного подхода и связанными с ней «болезнями роста»; с развитием корпусной лингвистики, с появлением и совершенствованием новых корпусов таких опасений, на наш взгляд, должно становиться всё меньше и меньше. Это в полной мере касается и прихода корпусных методов в лингвометафорологию.

1.1.3. К проблеме сопоставительного изучения национальных поэтических метафориконов

Привлечение для анализа фактов поэтической метафорики двух близкородственных языков (русского и белорусского), а соответственно и двух близких, связанных множеством духовных связей культур (русской и белорусской) предполагает использование сопоставительного метода в структуре исследовательского аппарата данной работы¹.

Сопоставительному изучению русского и белорусского языков в целом (как в системно-языковом, так и в функционально-стилистическом аспектах) посвящён целый ряд серьёзных исследований лингвистов, главным образом отечественных. Это прежде всего работы Н. В. Абабурко [Абабурко 1992], М. Г. Булахова [Булахов 1979; Сравнительно-сопоставительное 1981], А. Н. Булько [Сравнительное 1990], А. А. Гируцкого [Гируцкий 1990; Міхневіч 1990], М. И. Конюшкевич [1994], А. А. Лукашанца [Сравнительное 1990; Сопоставительное 2014], А. Е. Михневича [Міхневіч 1990], Л. Г. Мощенской [Мощенская 1992], И. С. Ровдо [Роўда 1999], В. И. Роговцова [Рагаўцоў 2001], А. Е. Супруна [Супрун 1983], Л. Н. Чумак [Чумак 1997] и др., дающие достаточно полное представление об общности и специфике системы и функционирования двух восточнославянских языков.

Гораздо меньше исследован в подобном ракурсе тропеический фонд обеих сопоставляемых лингвокультур.

В. Г. Гак отмечает, что «изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане дает огромный лингвистический материал. Оно позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего» [Гак 1988, с. 48]. Сходное мнение высказывает В. И. Ивченков: «Исследование тропа в сопоставительном плане, когда полем его функционирования является художественная речь, – проблема чрезвычайно важная для сопоставления языков с семантическом разрезе. (...) Для доказательства близости и различия образных систем двух или более языков необходимо провести многочисленные исследования функционирования её элементов в различных пластах выражения сущности денотативного мира. Лишь результат тщательного изучения общеязыковых систем русского и белорусского языков может дать предпосылки для типологических выводов...» [Ивченков 2002, с. 19].

В ряде работ метафора исследовалась в связи с проблемой перевода художественных произведений. Так, в кандидатской диссертации и ряде

¹ «“Видеть” чужую метафорику – сложнейшая задача, а соотносить ее со своей метафорикой и обнаруживать пересекающиеся участки-эквиваленты – задача еще более сложная», – отмечает О. Н. Лагута [Лагута 2003-2, с. 113]. К нашему исследованию данное положение имеет весьма специфическое применение: «чужая» метафорика (в данном случае – метафорика русской поэзии), строго говоря, для носителя белорусской культуры таковой является весьма условно, хотя, как можно будет убедиться в дальнейшем, оппозиция «свое» – «чужое» для взаимоотношений русской и белорусской метафорики всё же имеет место.

других работ В. И. Ивченкова предметом исследования были избраны средства словесной образности в прозе В. Короткевича в сравнении с их переводом на русский язык. Эта работа стала отправной для ряда исследований в данном направлении, посвящённых переводу образных средств того или иного автора с белорусского языка или на белорусский. В частности, здесь следует отметить диссертационную работу Л. В. Цалко [Цалко 2007], в которой анализировались закономерности перевода системных метафор А. С. Пушкина.

В диссертационных и монографических работах Е. А. Тихомировой [Тихомирова 1991], Н. В. Яскевич [Яскевич 2004], О. Ю. Шиманской [Шиманская 2009], Т. И. Лариной [Ларина 2011], Т. Н. Рябовой [Рябова 2013] отдельные типы метафор (метафоры-олицетворения, зооморфические метафоры, метафоры психологической сферы человека, ономастические метафоры, качественные метафоры) исследовались в плане сопоставления русского, белорусского языков, английского и польского языков. Новым и заслуживающим особого внимания научным продуктом стали разработанные О. Ю. Шиманской и Т. Н. Рябовой электронные двуязычные словари метафор психологической сферы человека и качественных вторичных номинаций соответственно.

Что касается нашего исследования, то «на выходе» мы а priori можем ожидать гораздо больше общего, чем различного в силу отмеченной выше близости культур, а соответственно и художественно-литературных традиций русских и белорусов, особенностей данных национальных типов мышления. Тем не менее близость, во-первых, не означает идентичности (в особенности в плане лингвокультурологическом); во-вторых, не отрицает возможности тех или иных типологических обобщений межъязыкового характера; в-третьих, создаёт условия для объективных оснований сопоставления, как бы повышая коэффициент его корректности. К тому же «только глубокое всестороннее исследование национальных метафорик (особенно их языковых “участков”) и изучение истории их формирования позволит описать общую метафорику, т. е. универсальные законы метафорогенной деятельности человека и систему результатов этой деятельности» [Лагута 2003а, с. 104].

Есть и другой аспект интереса к сопоставительному исследованию двух национальных поэтических метафорик. Ср.: «По необходимости фрагментарный анализ текста, связанный с выявлением художественно-экспрессивных функций только одного звена в иерархии художественных средств поэтического произведения, может быть отчасти компенсирован задачей сопоставительного анализа нескольких художественных идиостий по избранному признаку. Такой анализ предполагает достаточно широкий охват материала в пределах одного идиостиля...; кроме того, подход, проведённый по единому принципу, проверенному затем при анализе фрагментов других идиостилей, не только даёт возможность накопления лингвопоэтического материала в пределах определённой художественной системы, но и проверяет диапазон сопоставительных возможностей избранной структурной единицы поэтического языка» [Некрасова 1982, с. 81].

1.2. Генеративные способности поэтической метафоры как предмет исследования: проблема метафорических контекстов

1.2.1. О действии метафорического механизма на разных языковых уровнях

В обозначенное проблемное поле входит определение статуса метафоры в уровне (ярусном) устройстве языка. При этом обнаруживаются определённые противоречия между традиционными трактовками ряда лингвистических феноменов и развивающимися представлениями о языковой действительности (как в целом, так и в отношении отдельных её фактов), которым мы в последнее время прежде всего обязаны научным направлениям и дисциплинам, развивающим функционально-антропоцентрическую парадигму языкознания (когнитивная лингвистика, лингвистика текста и дискурса, прагмалингвистика и др.).

В первой – внешней – проблемной области, при всех прочих вопросах, оставляемых за скобками [см., напр.: Солнцев 1977], никак не удовлетворяет представление о синтаксическом уровне как о вершинном в системе языка. Если принимать во внимание функциональный подход (а здесь фактически общепризнанной является точка зрения о том, что основная функция языка – коммуникативная), то, примиряясь с вершинностью синтаксического уровня, надо было бы признать и то, что именно синтаксические единицы реализуют коммуникацию, т. е. наше общение идёт на уровне предложений и текстов, определяемых в синтаксическом ключе (как группа предложений, связанных общей темой и грамматическими связями).

Однако уже совершенно очевидно: мы не общаемся предложениями, и не они являются основными коммуникативными единицами, что очень легко доказать, – достаточно вырвать предложение из контекста, как его коммуникативная нагрузка может свестись практически к нулю. Да и в процессе порождения речи мы тоже не программируем её синтаксического членения. Отсюда и следуют те определения текста как языковой единицы, которые имеют несинтаксический (а коммуникативно-прагматический, психолингвистический, когнитивный и пр.) характер. Хотя, конечно же, и совсем «отбирать» у предложения коммуникативные способности тоже нельзя. Предложение, таким образом, – это единица коммуникативная, но не основная для реализации этой функции, если коммуникацию понимать в полном смысловом объёме этого слова.

Следовательно, если не терять из виду коммуникативную функцию языка как основную для данной знаковой системы, то придётся признать за совокупностью продуктов текстовой деятельности надсинтаксический (и даже в определённой мере внесинтаксический) характер и констатировать целесообразность выделения текстового уровня языка. В специальной литературе предлагается выделять и единицу такого уровня – текстему (как спрофилированный на уровень текста аналог структурной схемы предложения); в близком понимании в отечественной и зарубежной лингвис-

тике функционируют также понятия «текстотип», «textsorte», «textgenre», «textklasse» и др. [Чернявская 2009, с. 57].

Но и здесь ещё рано подводить черту, – по причине всё той же исходной отправной коммуникативной функции. Её в полной мере текст выполняет лишь в диалогическом пространстве взаимодействия с другими текстами. Этот тезис, заданный и обоснованный в своё время М. М. Бахтиными [Бахтин 1986] и поддержанный его многочисленными последователями, приведший, в частности, к возникновению сначала понятия интертекстуальности (Ю. Кристева), а затем и к развёрнутой лингвистической теории интертекста (см. труды Г. В. Денисовой [Денисова 2003], Н. А. Кузьминой [Кузьмина 1999], Т. Е. Литвиненко [Литвиненко 2008], Н. В. Фатеевой [Фатеева 2000], В. Г. Чернявской [Чернявская 2009] и др.), сейчас принимается как общепризнанный в лингвистике научный факт. Иное дело, что есть два подхода к нему, один из которых возводит данное положение в абсолют (любой текст интертекстуален и диалогичен), а другой признаёт за содержанием категории интертекстуальности лишь её конкретные проявленные свидетельства и факты [см.: Чернявская 2009, с. 180–185]. Но даже в случае выбора в пользу последнего мы признаём, что не всегда даже завершённый текст полностью способен реализовать коммуникативный замысел, если не будет воспринят на фоне иных текстов; более того, целый ряд текстотипов просто не может появиться без произрастания на почве текстовой прецедентности (мы имеем в виду так называемые вторичные жанры: от рецензий и аннотаций до пародий и стилизаций).

Именно на волне признания такого «разгерметизированного» статуса текста, его активного взаимодействия со средой из лингвистики текста выделилась дискурсивная лингвистика, объектом которой стал текст «в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [Чернявская 2009, с. 147], за которым закрепилось понятие дискурса. Этот феномен также не должен изучаться в отрыве от языковой системы (как, собственно, и наоборот), поскольку, как отмечает А. В. Бондарко, «система как множество элементов с соотношениями и связями между ними, образующими определенную целостность, проявляет и формирует все свои свойства во взаимодействии со средой» [Бондарко 2001, с. 7]. Более того, такой подход «стыкует» системно-структурную и функционально-антропоцентрическую парадигмы языкознания. Ср. высказывание О. Г. Ревзиной о том, что «целостной теории языка в настоящее время не существует. Наиболее сложным оказалось определение отношения между языком как системой и языком как деятельностью» [Ревзина 2004, с. 12].

Следовательно, структура языка как основной коммуникативно ориентированной знаковой системы должна достраиваться в качестве вершинного

ещё одним уровнем – уровнем взаимодействия текстов, с учётом и факторов дискурсивной природы последних. Этот уровень (не претендуя на безупречность термина, хотя одновременно и не находя ничего точнее) мы бы назвали дискурсивно-интертекстовым. Выявлению системно-языковых отношений, имеющих место на данном языковом уровне, посвящено, в частности, диссертационное исследование О. Н. Хаками [Хаками 2007].

В системе языка статус метафоры традиционно связывается с лексическим уровнем, где метафора рассматривается как механизм пополнения номинативной системы языка, определяется как путь развития полисемии, связывается с проблемами синонимии и рядом других вопросов. Лексикологические исследования метафоры – наиболее развитое в качественном (по разнообразию подходов) и количественном (по числу публикаций) отношении направление лингвометафорологии. Для лексического уровня метафора – обычный и привычный «обитатель». Правда, здесь идёт речь о так называемой «языковой метафоре», выделяемой в противовес «поэтической метафоре»: последняя обычно выводится за рамки лексической системы языка, будучи всецело обусловленной контекстом [Скляревская 1993, с. 29–64], хотя и та и другая есть результат действия аналоговых способностей мышления.

Что же касается остальных уровней языковой системы, выделяемых как традиционно, так и в свете предложенных нами подходов, то здесь не так много сказано о метафоре, хотя отдельным моментам внимание лингвистами уже неоднократно уделялось. Прежде только отметим, что основным свойством метафоры мы считаем её онтологическую бинарность, т. е. результат взаимодействия (совмещения, соположения, замещения) двух однопорядковых сущностей, имеющих разный таксономический статус (так называемый «категориальный сдвиг»).

Максимально кратко охарактеризуем действие метафорического механизма на каждом из языковых уровней (за исключением лексического по уже указанным выше причинам).

Метафора и фонетико-фонологический уровень. Основным проявлением действия метафорического механизма здесь является феномен, определяемый, вслед за В. Вундтом, как звуковая метафора [Вундт 2001]. Под это понятие также попадают все идеофоны, звукоподражания (плюс производные от них слова) и звуковые варианты слов (типа *papa – tata* в детской речи) [Вундт 2001; Козинец 2007], а также разные виды звукописи как изобразительно-выразительного средства.

Метафора и морфемно-словообразовательный уровень. К результатам действия метафорического механизма на данном уровне мы относим:

а) словообразовательную метафору – явление связанности производных слов со своими производящими отношениями метафорической мотивации (например, *афишировать, маячить, вуалировать, сердцевина, подножие* и т. п.) [Козинец 2007];

б) окказиональное словообразование, состоящее в неузуальном, метафорообразном, сталкивании морфем, приводящем к образованию тропов внутрисловного характера [Ревуцкий 1998, с. 64–67].

Метафора и синтаксический уровень. Во-первых, синтаксис, как уровень грамматической связи слов, позволяет реализоваться не только узуальным, но и всевозможным потенциальным и окказиональным значениям грамматических категорий, их переносным значениям, в связи с чем в научный оборот был введён термин «грамматическая метафора» [Шендельс 1972]. Во-вторых, следует указать на работы Л. Н. Мурзина и его последователей (Т. Н. Симашко, М. Ю. Литвиновой и др.), в которых порождение метафорического высказывания рассматривается как результат синтаксической деривации предложения (совмещения двух «правильных» предложений) [Мурзин 1976].

Метафора и текстовый уровень. На этом уровне языковой системы метафора функционирует как один из механизмов текстопорождения, приводящий к формированию особого жанротипа – текста-метафоры [Иванюк 1988], характерного для разных видов дискурса, прежде всего, художественного и публицистического.

Метафора и дискурсивно-интертекстовый уровень. Если в свете теории референции метафору можно квалифицировать как слово или развёрнутое высказывание, получающее двойную референтную соотнесённость с фрагментом внеязыковой действительности, то «интертекстуальность можно определить как двойную референтную отнесённость текста (полиреферентность) к действительности и к другому тексту (текстам)» [Бабенко 2005, с. 33–34]. Следовательно, и на вершинном уровне языковой системы, максимально сомкнутом со средой, действует тот же самый метафорический механизм, продукты которого фиксировались на нижерасположенных языковых ярусах.

Таким образом, феномен метафоры явно перерастает традиционно отпускаясь ему пространство, ограниченное либо сферой лексикологии в системно-структурном языкознании, либо сферой приёмов изящной словесности в риторико-поэтологических сочинениях. «В предыдущие периоды метафора рассматривалась преимущественно как средство создания образности в языке и способ «украшения» речи, т. е. в рамках риторики, поэтики, стилистики и теории литературы. В 70-е годы началось активное изучение метафоры в парадигмах когнитивной лингвистики, психолингвистики, позже – лингвокультурологических штудий, которое показало: метафора является необходимым, “неизбежным” элементом языка, потому что она представляет собой такой способ осознания мира, без которого человек не может обойтись» [Опарина 2000, с. 186]. Отсюда – тенденция понимать под метафорой «разноуровневые единицы вторичной косвенной номинации – номинативные знаки (слова, словосочетания), предикативные знаки (предложения), сложные предикативные знаки (тексты), основанные на переносе формата с фиктивного единичного (а может быть, и сложного денотата) на реальный единичный (сложный денотат), между которыми обнаруживается общая константа сравнения» [Хахалова 2001, с. 78].

В обобщённом виде материал данного подраздела отражён в таблице, представленной в Приложении В.

1.2.2 Общие основания контекстного подхода к метафоре и проблема минимального метафорического контекста в поэтической речи

Вопрос о том, в каких языковых конструкциях может реализоваться метафорическое значение, насколько метафорический импульс способен «зарядить» своё лексическое окружение в тексте, привлёк внимание целого ряда исследователей, в результате чего сформировался особый подход к изучению поэтических тропов – контекстный, суть которого – исследование линейного, горизонтального вектора метафорического развёртывания, т. е. от структурного «минимума» к «максимуму».

В научной литературе можно встретить различное понимание термина «контекст», употребляемого по отношению к метафоре. С одной стороны, контекстом называют окружение некоторой языковой единицы; с другой – имеется и такое понимание термина «контекст», как «контейнер», «сегмент», заключающий в себе ту или иную единицу языка или речи, её «вместитель», т. е., если говорить о метафоре, то это сама метафора в её протяжённости от левой до правой границы.

Е. А. Некрасова вводит понимание экспрессивного центра тропа (им является образно употреблённое слово), контекст которого образуют единицы, связанные с данным словом иррадиацией экспрессии, а именно: слова, выявляющие художественный сдвиг и слова, формирующие, уточняющие характер семантического сдвига [Некрасова 1975, с. 89]. Л. Н. Рыньков говорит о метафорическом контексте как о некоторой последовательности языковых единиц, которую пронизывает одна метафорическая ассоциация (семантическое наложение) [Рыньков 1975, с. 33]; метафора квалифицируется и анализируется как комбинаторно-семантическая и валентностная проблема [Филатова 2004].

На наш взгляд, к наиболее адекватному пониманию термина «контекст» по отношению к метафорическому тропу приводит интеграция этих двух подходов. В результате контекст метафоры можно определить следующим образом: это речевой сегмент, границы которого определяются сосредоточением в них единой метафорической ассоциации, исходящей от некоторого центра (фокуса) и обуславливающей заданное лексическое окружение.

Как указывает Л. Н. Рыньков, метафоризация прежде всего связывается не с «синтаксисом» контекста, а с его «лексикой» [Рыньков 1975, с. 33]. Иными словами, метафорический контекст – это контекст синтаксически (синтагматически) «обычный», «нормативный», но при этом семантически (ассоциативно, парадигматически)okkaзиональный. Однако если учесть описанное в литературе явление грамматической метафоры (Е. И. Шендельс, О. И. Ревуцкий и др.), то нужно будет признать наличие «равных возможностей» у синтаксиса и лексики (а следовательно, у синтагматики и парадигматики) на образование метафорического контекста. К тому же, как показывают исследования метафоры, предпринятые с позиций синтакси-

ческой деривации (Л. Н. Мурзин, Т. В. Симашко, М. Н. Литвинова), природа любого метафорического контекста – и синтагматическая, и парадигматическая одновременно, поскольку метафору можно рассматривать как результат парадигматических (ассоциативных) отношений двух семантически правильных синтагм: *ветер шумит* + *зверь воет* = *ветер воет*.

К настоящему моменту осуществлено немало исследований поэтической метафоры со стороны контекстно оформляющих её языковых единиц – словосочетаний, предложений, сложных синтаксических целых, текстов. Наиболее детально изучены в этом плане бинарные (двучленные) метафорические словосочетания ([Басилая 1971; Бельский 1954; Лашкевич 1976; Рыньков 1975; Хоанг Лай 1977; Шакирова 1974 и др.]).

Среди первых основательных научных исследований этой тематики в белорусском языкознании можно отметить работы А. И. Лашкевича [Лашкевич 1976], в которых анализировались метафорические репрезентации семантики квантитативности в границах генитивных словосочетаний. Метафоризации слов в контекстах небольшой протяжённости были также посвящены несколько статей М. Т. Ковалёвой [Ковалёва 1992].

В связи с изучением поэтической метафоры в контекстном аспекте прежде всего был поставлен вопрос о минимальной языковой единице, способной выступать в качестве контекста метафоры, т. е. быть носителем метафорической семантики.

В качестве противоположных подходов здесь функционируют две точки зрения на метафору: субституциональная (определяющая метафору как замену одного наименования другим по сходству в широком смысле) и интеракционистская (рассматривающая метафору прежде всего как семантически двуплановый комплекс, взаимодействие двух смыслов).

Первый подход даёт основания считать, что контекст тропа составляют «метафоричные» (непрямо употреблённые) и «неметафоричные» слова (те, которые в бинарных метафорических словосочетаниях квалифицируются как обуславливающие метафоризацию первых). Этот подход ограничивает сущность метафоризации семасиологическими изменениями внутрисловного характера¹. Так, в примерах *И били вразрядку копыта по клавишам / мёрзлым* (О. Мандельштам); ...*трымаюць на зялёных руках / Сосны / Самае зыркае сонца* (П. Панчанка) метафорами следует считать только выделенные слова, а остальные лексемы контекста – «сопроводителями» метафор. Однако далеко не всегда есть возможность «вернуть» на место метафоры слово в прямом значении. Так, если для слова *клавиши* и *руки* такие соответствия подобрать можно (соответственно *бульжники* и *веткі*), то к слову *трымаюць* такого заменителя подобрать уже не удаётся. Именно поэтому

¹«Такой подход к трактовке метафоры можно назвать узко лексикологическим. Предметом исследования при этом подходе являются отдельные лексемы. Их подробный анализ даёт интересную информацию о структуре языкового значения отдельных словарных единиц, обладающих изобразительным началом. Однако такой подход не может дать ответ на вопрос о механизмах формирования образного смысла в различных видах речи» [Толочин 1996, с. 22–23].

в качестве метафорической следует рассматривать всю конструкцию, хотя и с учётом того, что в ней могут быть непосредственные «точки» тропеической образности.

Рассмотрим другие примеры – минимальные метафоры *весёлый ветер* (*вясёлы вецер*), *осень плачет* (*восень плача*), *ледяной панцирь* (*лядовы панцыр*). Согласно субституциональной теории, эти бинармы можно трактовать соответственно как адъективную метафору (метафоризация прилагательного *весёлый / вясёлы*), глагольную (метафоризация глагола *плачет / плача*) и субстантивную (метафоризация существительного *панцирь / панцыр*). Нередко такие метафоры квалифицируются как однословные ([Долинин 1987; Левин 1965; Левин 1969; Москвин 2006; Петрова 1978; Петрова 1982]). Вместе с тем ясно, что речь идёт не о контексте тропа, равном одному слову, что в принципе невозможно, а об одночленности в смысловом плане, когда не названо сравниваемое понятие. Тем не менее, правомерность применения данного термина в одном ряду с понятиями двучленных и многочленных метафор представляется спорной, так как в любом случае при наличии метафоры мы будем иметь дело с взаимодействием того, что подлечит образному переосмыслению и того, при помощи чего это переосмысление осуществляется.

Основы именно такого подхода можно наблюдать уже в рассуждениях А. А. Потебни, которым оспаривалась, в частности, точка зрения Ф. И. Буслаева: «Буслаев говорит, что в случае метафоричности прилагательное и глагол отличаются от существительного тем, что переносят свое значение не *сами по себе* (как существительные), а только по отношению к существительным, т. е. переносят свое значение, применяясь к различным предметам. Например, *тухлый* (чуть слышный) *гром*; *сочная* (глубокая), *сытая* (полная, покрывающая мели) *вода*; *сладкий* (южный, обещающий плодородие) *ветер*; *тешить* корову (доить), *замереть* (о листьях), завянуть, поблекнуть (...). Это различие неверно. Какою бы частью речи ни было не только метафорическое, но вообще иносказательное слово, его иносказательность узнается по контексту. Это вполне применяется к примерам существительных, приведенным там же (...): *чело*, полные зерна, падающие впереди прочих; *щеки*, утесы по обеим сторонам реки; *шея*, пролив; *рог*, угол, мыс; *грива*, роща, длинное, неширокое возвышение между двумя логами или пропастями; *хвост*, конец острова, лежащий ниже по течению реки, и прочие названия частей тела человека и животных, употребляемые в переносном значении...» [Потебня 1990, с. 206].

В приведённой цитате заложены основы подхода, весьма продуктивного для развития теории порождения метафорического контекста как семантически единого континуума, выявления в нём имплицитных звеньев метафоризации, ср. в продолжение сказанного: «Метафора в части предложения делает метафоричным все то целое, которое нужно для ее понимания, т. е., например, “хоть *каплю жалости* храня” (Пушкин): жалость – жидкость, которую хранить можно в сосуде, каким, стало быть, представляется человек (...) Метафора может заключаться во всяком члене

предложения, причем остальные, первоначально (т. е. до сочетания) неметафоричные, становятся метафоричны» [Потебня 1990, с. 206].

Подход, предложенный учёным, можно проследить в ряде признанных на данный момент концепций метафоры, прежде всего тех, которые признают, что природа метафоры прежде всего синтаксическая (сочетаемостная, синтагматическая), «для него границы метафоры более широки – она рассматривается на уровне синтаксической сочетаемости слов. Этот подход содержит больше динамизма» [Толочин 1996, с. 22].

Следовательно, семасиологические изменения (метафоризация слов) – это следствие процесса порождения высказывания особого рода, в основе которого лежит взаимодействие двух смыслов (М. Блэк), или, в синтаксической интерпретации, – двух предложений (Л. Н. Мурзин, Т. В. Симашко).

Согласно интеракционистской теории метафоры Макса Блэка [Black 1962; Блэк 1990], метафорический контекст следует рассматривать сквозь призму отражения в нём этого упомянутого концептуального взаимодействия. При таком подходе не возникает проблемы разграничения «метафоричных» и «неметафоричных» слов контекста – они все оказываются «метафоричными», будучи вовлечёнными в процесс фиксации смыслового взаимодействия между некоторыми понятийными областями (денотасферами) *A* и *B*.

Есть, однако, и попытки «примирить» эти две точки зрения на контекстный «минимум» метафоры. Ср. мысль Л. Н. Мурзина: «Мы обнаруживаем метафору лишь в некотором сочетании слов, которое может быть равно целому тексту. Если так, то мы должны признать, что носителем метафоры является словосочетание, предложение или текст. Для такого утверждения есть все основания. И всё-таки, наверное, не случайно на протяжении веков лексикографы упорно говорили о метафорическом значении именно слова. Действительно, в сочетаниях *рог месяца, серп луны, серебро снега* и т. п. зависимым словам мы не можем приписать никакого переносного смысла, хотя без них метафора бы тоже не состоялась; лишь первые слова не могут быть поняты в прямом, буквальном смысле. Значит, метафора выражена и в слове, и не только в слове в одно и то же время» [Мурзин 1993, с. 3–4].

На данных позициях основывается исследование деривации метафоры, предпринятое Т. В. Симашко [Симашко 1993, с. 14–135]. Примерно в том же русле рассуждал и Г. В. Колшанский, говоря о тесной связи метафоры и контекста, но всё же связывая природу метафоры только «с расширением значения слова» [Колшанский 1980, с. 99]. И всё же о контекстной природе метафоры говорит большинство как отечественных, так и зарубежных исследователей [см.: Kaluza 1973; Nowakowska 1974].

Таким образом, исходя из интеракционистской теории метафоры, мы будем настаивать на том, что любая метафора, будь она формально однословная, двусловная и т. д., – это феномен только бинарный: взаимодействие двух смыслов (*A*) и (*B*) по принципу $A = B$.

На грамматическую основу эту теорию положили В. И. Зимин и Э. А. Модебадзе: «В процессе метафоризации участвуют прежде всего имена существительные, обозначающие конкретные предметы. Эти существительные являются базой процесса метафоризации вообще и основными компонентами метафорических конструкций независимо от того, метафоризируется ли существительное, прилагательное, глагол или наречие» [Зимин 1977, с. 78]. В результате деривационный процесс можно представить следующим образом: *весёлый ветер* ← *весёлый* ← *ветер* = человек (*вясёлы вецер* ← *вясёлы* ← *вецер* = чалавек); *осень плачет* ← *плачет* ← *осень* = человек (*восень плача* ← *плача* ← *восень* = чалавек), *ледяной панцирь* ← *лёд* = панцирь (*лядовы панцырь* ← *лёд* = панцырь). Как видно, при таком подходе «неметафоричных» элементов в метафорическом контексте не остаётся: в первых двух примерах понятия *ветер* (*вецер*) и *осень* (*восень*) – это объекты имплицитного олицетворения; в третьем примере слово *ледяной* (*лядовы*) также включается в метафору как её объект (*лёд* = панцирь / *лёд* = панцырь)¹. Выделение же в контексте «метафоризированных» и «неметафоризированных» существительных, прилагательных, глаголов и пр. – это не что иное, как чисто исследовательский приём, в известной степени уводящий от метафорической семантики целого в сторону грамматической формы составных частей этого целого.

Таким образом, о минимальных метафорах можно говорить лишь в отношении двучленных (как минимум) конструкций – метафорических бинармах (Н. А. Базилая, Ю. Л. Лясота, Л. Н. Рыньков, С. А. Фридрих, Хоанг Лай и др.). К таким метафорическим контекстам применялись различные терминологические определения. Например, Ю. Л. Лясота оперирует термином «метафорическая группа» [Лясота 1962], М. Блэк называет контекст метафоры термином «рамка» («frame») [Black 1962, с. 39–40] и т. д.

Разработаны и различные классификации метафорических словосочетаний, в основу которых кладутся те или иные характеристики составляющих их компонентов и / или взаимоотношения между ними.

С грамматической точки зрения, т. е. относительно способов частеречного выражения метафоризируемого и метафоризирующего элементов, метафорические словосочетания изучались в работах Ю. Л. Лясоты [Лясота 1962], Л. Н. Рынькова [Рыньков 1975], Е. Т. Черкасовой [Черкасова 1959] и др. Исследования метафорических бинарм в данном аспекте предпринимались и в рамках конкретных их классов: генитивных метафор ([Бельский 1954; Кнорина 1990; Лашкевич 1976;

¹ Обратим внимание на то, что в контекстах типа *весёлый ветер* (*вясёлы вецер*) прилагательное традиционно квалифицируется как эпитет (метафорический эпитет). Однако критерий выделения эпитета как особого вида тропа – чисто грамматический (эпитетом называется образное определение либо обстоятельство), что в большей степени соответствует субституциональному подходу к тропам. С точки зрения интеракционистской теории, оснований для противопоставления подобного рода словосочетаний остальным типам метафорических бинарм не имеется, а потому они рассматриваются нами в кругу минимальных метафорических контекстов.

Михеев 2000; Образцова 1992] и др.), атрибутивных метафор ([Шакирова 1974]), субстантивных метафор ([Орлова 1973; Фёдорова 1976; Старычонак 2007] и др.). Различные классы метафорических бинарм исследовались и со стороны семасиологических отношений между их компонентами ([Басилая 1971]).

Ю. И. Левин, исследуя структуру русской метафоры [Левин 1968, с. 293], выделяет три её типа в зависимости от способа реализации «принципа сравнения», по которому строится любой компаративный троп:

1) метафоры-сравнения, в которых описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом (*колоннада роуци*); 2) метафоры-загадки, в которых описываемый объект замещён другим объектом (*били копыта по клавишам мёрзлым*, где *мёрзлые клавиши* = булыжник; *ковёр зимы* = снег); 3) метафоры, приписывающие описываемому объекту свойства другого объекта (*ядовитый взгляд, жизнь сгорела*). Метафоры (1) типа отличаются от метафор типа (2) и (3) тем, что в последних назван лишь какой-либо один из сопоставляемых объектов. Заметим, что типы (2) и (3) – это как раз те метафоры, которые при субституциональном подходе трактуются как одночленные, или однословные.

Сходные классификации предложены Л. Ф. Тарасовым [Тарасов 1980], В. П. Москвиным [Москвин 2006] и др.

Заключая сказанное, отметим, что типы минимальных метафорических контекстов в языке русской и белорусской поэзии в принципе идентичны в силу высокой степени сходства синтаксических систем двух близкородственных языков. Покажем это на примере различного рода бинарных сочетаний.

Таблица 1.1. – Типы минимальных метафорических контекстов, представленных в языке русской и белорусской поэзии

Тип минимального метафорического контекста	Рус.	Бел.
Адъективное словосочетание	<i>лунный гребень</i> (С. Есенин), <i>звёздные кусты</i> (М. Луконин), <i>сердечные домны</i> (Н. Клюев)	<i>туманная сівізна</i> (П. Панчанка), <i>птушыны мітынг</i> (П. Панчанка), <i>слоўны гром</i> (П. Макаль)
Генитивное словосочетание	<i>жизни кувшин</i> (В. Луговской), <i>панцирь презренья</i> (О. Мандельштам), <i>трава судьбы</i> (Р. Рождественский)	<i>татуны навальніц</i> (П. Панчанка), <i>нажы маланак</i> (П. Панчанка), <i>сентыментаў іржа</i> (П. Панчанка)
Приложение	<i>душа-сума</i> (С. Есенин), <i>девушки-ели</i> (С. Есенин), <i>мальчишка-океан</i> (О. Мандельштам), <i>пространство-нелюдим</i> (Б. Ахмадулина)	<i>цягнік-летуценнік</i> (Р. Барадулін), <i>зерняты-зоркі</i> (Г. Кляўко), <i>месяц-старэча</i> (С. Блатун), <i>волаты-дубы</i> (М. Рудкоўскі)

Продолжение таблицы 1.1

Предикативное сочетание	<i>рыбка – припев</i> (Б. Окуджава), <i>поэзия – граната</i> (Б. Слуцкий), <i>жизнь – это конь</i> (Е. Винокуров)	<i>узыходзіла памяць</i> (Р. Барадулін), <i>планета нявесціца</i> (Р. Барадулін), <i>я – травінка</i> (С. Панізнік), <i>на сэрцы замець</i> (С. Блатун)
-------------------------	--	---

1.2.3. Развёртывание метафоры в поэтическом контексте

В метафоре заложено потенциальное стремление к развёртыванию в метафорические поля, подчиняющие себе порождение дискурса [Dubois 1975]. В этом плане показательны определение метафоры как «свёрнутого текста» [Шатуновский 1976] и оперирование понятием «метафоры широкого контекста» [Авеличев 1974].

Ряд исследований посвящён развёрнутым и усложнённым образно-метафорическим контекстам ([Лопаткина 2004; Петрова 1978; Петрова 1982; Слухай 1984; Фридрих 1970] и др.). Выделен и в ряде аспектов описан и такой объект исследования, как тексты-тропы [Иванюк 1988].

Последним обстоятельством обуславливается интерес к метафоре как к феномену, способному генерировать континуумы разной протяжённости – от контекстов, понимаемых традиционно (от минимальных синтаксических конструкций, способных реализовать метафору, до целого поэтического текста), до контекстов, понимаемых в расширенном значении, когда речь идёт о таких протяжёностях, как идиостиль, группа идиостилей (например, принадлежащих одному литературному направлению, жанру), наконец, целая литературная эпоха, национальный стиль.

Однако генеративные потенции метафоры (сколь бы развёрнутой она ни была) всегда заложены в минимальной конструкции.

Ю. И. Левиным разработан понятийный аппарат для анализа простых (бинарных) метафор с целью показать типы операций над значениями слов, входящих в их состав. В метафоросодержащих бинармах им выявлено два типа таких операций, соответствующих двум основным классам метафорических словосочетаний.

Первый тип – это операции вследствие приписывания референту предиката, узуально не сочетающегося с ним, т. е. «не предусмотренного» функциональными семами данного слова (в терминологии Ю. И. Левина – присоединение к семному набору денотата семы, не являющейся для него факультативной), что характерно для метафорических словосочетаний типа *жизнь сгорела, ядовитый взгляд*.

Операции второго типа имеют место в результате объединения двух значений в «нечто целое», при котором «происходит колебание восприятия» от одного к другому, «каждое значение как бы просвечивает сквозь другое», при этом одно из них (*B*) доминирует над другим (*A*) [Левин 1969, с. 291], что наблюдается в метафорических бинармах типа *колоннада рощи*.

Отношения типа $A=B$ присутствуют (эксплицитно или имплицитно) в любом метафорическом контексте в качестве отправных, фокусных. Так, для словосочетания *ядовитый взгляд* эти отношения заключаются в косвенном уподоблении взгляда тому, что может быть в действительности ядовитым (например, какому-то плоду); для словосочетания *колоннада рощи* это уподобление расположения деревьев в роще колоннаде. Дальнейшая генерация контекста заключается в развёртывании образной темы « $A=B$ » путём приписывания предикатов доминирующего члена (B) семантически и грамматически подчинённому (A).

Процесс актуализации одних и редукации других сем при образовании метафоры чётко описал М. Ю. Михеев: «Следует оговорить, что при заимствовании для метафоры оформляющей оболочки у какого-то другого предмета (ситуации) на исходный предмет переносится, конечно же, не весь объём свойств и коннотаций первого, а всегда только лишь некоторое, никогда до конца не уточняемое их количество.

Так, например, в *сочетании сноп* новостей имеется в виду: [таких же перепутанных между собой, т. е. не связанных друг с другом <и как бы направленных в разные стороны> как соломинки в] *снопе*; но, например, не: таких (новостей), <которые сразу же, только появившись, “падают подкошенными, как сноп”>; последняя коннотация явно не при чём» [Михеев 2000, с. 56].

Таким образом, семантические механизмы порождения метафорического континуума включают следующие процессы:

а) весовую переакцентировку сем в семантических наборах каждого из взаимодействующих понятий, в результате чего одни семы выдвигаются на первый план (увеличиваются в весе), а другие, наоборот, редуцируются;

б) добавление новых сем в семантические наборы объединяемых метафорой понятий;

в) эксплицитное расширение предикативных характеристик объекта метафоры (A), дающее стимул к дальнейшему «движению» текста.

К совокупности этих процессов Макс Блэк применяет понятие фильтра [Блэк 1990, с. 163], а Карл Бюлер называет их законом перекрывания, состоящим в сочетании двух явлений – сверхсуммативности (т. е. образования некоторого семантического нового) и подсуммативности, подразумевающей отбор сем, их дифференциацию, выпадение [Бюлер 2000, с. 32–322].

Вслед за Л. Н. Мурзиным [Мурзин 1972; Мурзин 1976] и Т. В. Симашко [Симашко 1993, с. 14–35] синтаксическую деривацию высказывания посредством метафоры мы рассматриваем как результат контаминации двух исходных неметафорических (прямых) высказываний, первое из которых упомянутые авторы называют «интродуктивной структурой» (она содержит предмет уподобления, объект метафоры), а второе – «базовой структурой» (в ней содержится то, что привлекается для оценки содержания интродуктивной структуры, т. е. субъект метафоры). Так, например, метафорическое высказывание *Яблоки выглядывают из-за забора* есть, согласно Л. Н. Мурзину, результат парадигматических отношений двух семанти-

чески правильных высказываний: *Яблоки видны из-за забора* и *Человек выглядывает из-за забора*. Первое – интродуктивная структура, второе – базовая структура. Члены данных семантически правильных предложений согласованы, имеют общие семы (в терминологии Л. Н. Мурзина – «продлённый признак»). Ср. также: *Столетия повернётся колесо* (Е. Винокуров). Деривационно-синтаксическая интерпретация данного метафорического высказывания выглядит следующим образом:

столетье завершится
↑ ↓
колесо повернётся.

Базовая ассоциация «столетье – колесо» представляет собой образно-смысловой фокус данной метафорической конструкции. Тропы подобного рода мы квалифицируем как **однофокусные развёрнутые метафоры** (ОРМ).

Взаимодействующие смысловые ряды могут быть и более продлёнными. С деривационно-синтаксической точки зрения это можно представить как контаминацию пропозиций более сложной структурной схемы, чаще всего с логико-синтаксическим наполнением типа «актант – предикат – сирконстант». В результирующем контексте образуется метафора с несколькими образно-смысловыми фокусами, сформированными соответственно актантами и сирконстантами. Так, характер синтаксической деривации высказывания *Облаков барашки голубые / Жарятся на вертелах лучей* (А. Жаров) будет иметь следующий вид:

облака проплывают в лучах солнца
↑ ↓ ↑ ↓
барашки жарятся на вертелах.

Такого рода конструкции трактуются нами как **многофокусные развёрнутые метафоры** (МРМ) [Кураш 2001, с. 18–25].

Контексты второго типа мы рассматриваем не как механическое объединение нескольких отдельных тропов, а как «единый знак, имеющий смысл только в этом единстве» [Тарасова 1976, с. 5–6]. Это положение подтверждается тем, что входящие в состав МРМ смысловые фокусы вступают, помимо отношений синтагматических (синтаксической связанности) и парадигматических (отнесённости их объектов и субъектов к единым ЛСГ), в отношения деривационно-иерархические (в отношении логико-смыслового неравноправия). Так, в МРМ *Облаков барашки голубые / Жарятся / на вертелах лучей* более ясным, лёгким для восприятия оказывается первый смысловой фокус – *облаков барашки* и несколько менее ясным выглядел бы взятый в отдельности второй смысловой фокус – *вертела лучей*, который полностью раскрывает свой образный смысл только на фоне первого, будучи продолжением заданной им образной темы.

В составе МРМ есть основания вычленять главный, развиваемый (наиболее прояснённый, отправной) смысловой фокус и подчинённые ему развивающие смысловые фокусы.

Таким образом, есть все основания понимать минимальную метафору как порождение контекста (минимум – бинарного) – с одной стороны и как феномен, в то же время обладающий способностью породить более широкие контексты, – с другой. Рассмотренные выше типы метафорических контекстов могут усложняться в конструктивном отношении, отступая тем или иным способом от своего базового облика.

Наиболее распространёнными в текстах белорусской и русской поэзии являются конструкции, которые можно назвать **веерными метафорами**.

Первый их тип – **многократные метафоры**. Данный термин употребляется нами вслед за Г. И. Лубянской, понимающей под многократной метафору, воспроизводящую объект уподобления «в разных обличьях» [Лубянская 1975, с. 26], что соответствует структурным отношениям $A = (B1, B2, B3)$. Помимо подобных, встречаются (значительно реже) такие конструкции, в которых «умножается» не «донорская», а «реципиентная» область. Такие «веерные» РМ можно назвать **интегрирующими**, так как для нескольких сопоставляемых понятий создаётся один общий образ, что соответствует формуле $(A1, A2, A3) = B$.

Итак, сущность организации «веерной» метафоры можно схематизировать следующим образом:

Наличие деривационно-иерархических отношений отличает МРМ от так называемых **«метафорических цепочек»** (термин Ю. И. Левина), для которых характерна или чисто синтагматическая, или синтагматико-парадигматическая связанность «нанизывающихся» метафор. «Метафоры, обладающие разными денотатами, но объединённые темой перифразирования, как бы цепляются друг за друга, образуя метафорические цепочки» [Кузьмина 1976, с. 96].

В основе описанных путей порождения метафорического контекста лежит, по наблюдению М. Л. Новиковой, общий принцип организации и развёртывания текста – причинно-следственные отношения, логическую суть которых представляет импликация, выражающая зависимость того или иного явления от какого-либо условия [Новикова 1983, с. 15].

Описанные типы метафорических контекстов широко представлены в русской и белорусской поэтической речи, что отражено в таблице 1.2.

Таблица 1.2. – Типы развёрнутых метафорических контекстов, представленных в языке русской и белорусской поэзии

Тип метафоры	Рус.	Бел.
Однофокусная	<p><i>К душе / льнёт прилив незатейливых истин</i> (Б. Ахмадулина); <i>И тяжёлым панцирем презренья / Я окован с головы до ног</i> (О. Мандельштам); <i>Но целую армию красок / художник / гнал в наступленья</i> (Р. Рождественский)</p>	<p><i>Ах, гэта азбука жыцця, / Якую з веку ў век мы вучым!</i> (П. Макаль); <i>Доўга слаць яшчэ нам / Лён турбот...</i> (Р. Барадулін); <i>Лесу арган ахрып.</i> (Л. Філімонава); <i>...З духоўнай торбаю ты выладзішся ў свет...</i> (В. Зуёнак)</p>
Многофокусная	<p><i>На небесном синем блюде / Жёлтых туч медовый дым</i> (С. Есенин); <i>...у песни бегущей воды / эта рыбка – припев</i> (Б. Окуджава); <i>По министрам, по актёрам / жёлтой пяткою своей / солнце жарит полотёром / по паркету из людей</i> (А. Вознесенский)</p>	<p><i>Завабіўшы ў жытнёвы гай густы, / Казыча сэрца колас умалотны...</i> (П. Макаль); <i>Паэт – ён гарыць, / Як балючы гузак / На лобе абражанага народа</i> (Р. Барадулін); <i>Ружаватая воблакі ўнізе плывуць астравамі / Па сямнелым ужо акіяне вячэрніх нябёс</i> (Н. Гілевіч)</p>
Многократная типа A = (B1, B2, B3)	<p><i>И твой, бесконечность, учебник / Читаю один, без людей, – / Безлиственный, дикий лichenник, / Задачник огромных корней</i> (О. Мандельштам); <i>Хорошо быть протоном в потоке искусства, / быть частицей, элементарною пусть</i> (Б. Слуцкий)</p>	<p><i>Я свой тут, нібы клён, я свой, бы звер</i> (М. Рудкоўскі); <i>Толькі з роднага долу, толькі ў роднай дуброве / Як не дрэвам, хоць зёлкай прарасту для жывых.</i> (Н. Гілевіч); <i>Яна – пылінка космасу і хата, / Пагроза бамбавоза, гул чмяля. / Бярэ і сына любага, і ката / Адна ўсёдаравальная зямля</i> (Р. Барадулін)</p>
Многократная типа (A1, A2, A3) = B	<p><i>∴ ... пьют ... горький бром / полубессонниц, полудрём</i> (Б. Пастернак); <i>Это расступается Чёрное море / Чёрных сосен и чёрного тумана</i> (Э. Багрицкий)</p>	<p><i>За мною стаяла адд анае войска / Падгалістых клёнаў, магутных дубоў</i> (И. Лагвіновіч); <i>Ды сівізна – не горкі цвет адчаю. / Яна – Спеў жаўранка над полем спраў і дум</i> (А. Пысін); <i>І валасы ляжалі дымам, / І барада – / кудлаты дым</i> (А. Пысін)</p>
Метафорическая цепочка	<p><i>Всё тебе: и молитва дневная, / И бессонницы млеющий жар, / И стихов моих белая стая, / И очей моих синий пожар</i> (А. Ахматова); <i>Автомобилей мчатся светляки, / Летят стрекозы и жуки стальные, / Мерцают звезд булавки золотые</i> (О. Мандельштам)</p>	<p><i>Нават на пенсіі – за работай Бед камандзіры, / Дум канваіры...</i> (П. Макаль); <i>Глеў лістанад, кіпела гразь...</i> (А. Пысін); <i>П'е будучыню / пачуццяў лісце, / Мурашнік дум / кіпіць</i> (А. Пысін); <i>гор мазалі і жылы рэк</i> (А. Наўроцкі); <i>Спыніўся лічыльнік часу, / заглух рухавік прагрэсу, / патухла стагоддзя лампа</i> (І. Лагвіновіч)</p>

1.2.4. Конвергированные тропеические контексты

В процессе развёртывания в контексте метафора часто комбинируется с другими видами тропов. Такое явление в различных источниках именуется по-разному: взаимодействие тропов [Синельникова 1973], гипертроп [Слухай 1984], конвергенция [Риффатер 1980], многочленный стилистический приём [Чулкова 1978], тропеический комплекс [Долинин 1985] и пр. В подобных конструкциях какой-либо из тропов может выполнять роль стержневого, быть структурно-смысловым каркасом всего единства [Слухай 1984, с. 16].

Наиболее типичной конструкцией данного характера является **метафоро-компаративный троп**, под которым будем понимать конвергированное образование «метафора + сравнительный оборот». Такие поэтические конструкции весьма типичны в русской и белорусской поэтической речи, а их распространённость объясняется общностью языковой природы этих двух тропов, на что неоднократно указывалось в специальной литературе ([Ковалёв 1975; Кожевникова 1988; Ревуцкий 1998; Синельникова 1973; Слухай 1984; Бувро 1969 и др.]). Метафоро-компаративные конструкции образуются на базе основных, описанных выше, структурных типов развёрнутых метафор:

1) ОРМ: ... *может сверкнуть и ударить / как молния в ночь – седина* (С. Кирсанов); ... *как у крабов на побережье, / у соборов горят клешни* (А. Вознесенский); *И слёзы мои так стеклянны, / так их паденья тяжелы, / они звенят, как бы стаканы, / разбитые средь тишины* (Б. Ахмадулина); *Як жыту ў полі, у сваёй душы / Дай прарасці прыязнасці і згодзе* (П. Макаль); *Ушчэнт разбілася каханне, / Як той гарлач* (В. Кунцэвіч); *Нібытушкі, што з поўдняляцяць, мае думкі на момант / Прыпыняюцца дых перавесці на тыхастравах* (Н. Гілевіч);

2) МРМ, ср.: *Как с небесного дерева клонилось, как плод перезрелый, / Слишком яркое солнце* (О. Мандельштам); *Стучатся опавшие годы, как листья, / В садовую изгородь календарей* (Б. Пастернак); *Поэт собой, как в колокол, / Колотит в свод обид* (А. Вознесенский); *Мае гады – / Як электрычкі: / Скачу ў вагон, / Нібы ў агонь* (Р. Барадулін); *Абрывае нячутна зямля-парадзіха, / Нібы ягадкі, зоркі у чорны прыпол* (С. Сяргей); *Мяне, як скрытку, пілавалі / Смыкі дванаццаці вятроў* (П. Панчанка); *Восень, як жменю калосся, / Скосіць жыцця майго сон* (У. Жылка);

3) «веерных» ОРМ и МРМ, ср.: *И тесные дома – зубов молочных ряд / На дёснах старческих, как близнецы, стоят* (О. Мандельштам); *Оттого и лохмотья сиротства / Я как брачные ризы ношу* (А. Ахматова); *Тут граница, / Як слова, як стрэл, / У чужацкія б'е перапонкі* (Ю. Голуб); *Дзень новы пагоду нясе, / І лугу лятучая ваза / Іскрыцца э світальнай расе / Рубінам, / Сапфірам, / Алмазам* (В. Гардзеі).

В приведённых примерах сравнение призвано мотивировать («подсказать») образ, подготовить его метафорическое развёртывание. Отличие подобных конструкций от рассмотренных выше разновидностей развёрнутой метафоры по большей части имеет формальный характер – наличие союзов

типа *как, будто, точно (як, нібы, быццам, бы)*, слова *похож (падобны)* и т. п., хотя они в некоторой мере устраняют однозначность, категоричность вводимого с их помощью сравнивающего понятия.

Среди метафоро-компаративных конвергентов особо следует указать на небольшую группу таких, в которых образное сравнение не является «подсказывающим» скрытый элемент отправной метафоры (В), а вводит на его место понятие, которое, как и названный метафорический элемент (А), оказывается с предикатом в отношениях образно-смыслового контраста (на подобного рода тропы указывает, в частности, О. И. Ревуцкий [Ревуцкий 2006]), ср.: *Жадным взором василиска / вижу: за бревном, остро, / вспыхнет мордочка лисички, / точно вечное перо* (А. Вознесенский); *И сверху окуни в свой мир, / Как в зеркало, в моё спасибо* (Б. Пастернак); *Ты – зніклівая плынь, / Жаданая, як здрада...* (Р. Барадулін). Как видно, выражения типа *вспыхивать, как перо; окунать, как в зеркало; жаданая, як здрада* сами по себе являются образными, вследствие чего они не проясняют центральную метафорическую ассоциацию (мордочка лисички – перо; мир – зеркало; плынь – здрада), а наоборот, обогащают контекст добавочными образными смыслами, создают «троп в тропе».

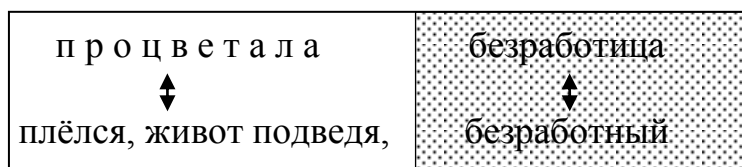
Языковая близость и вызванная ею частотность взаимодействия двух основных компаративных тропов – метафоры и сравнения – обуславливает и явление их взаимообратимости [Кожевникова 1979], ср.: *Небо – как колокол, / Месяц – язык (...)* *И в колокол синий / Я месяцем бью* (С. Есенин); *Вельмі багатая родная мова, / Жылай здаецца яна залатой, / Як залацінка, ў ёй кожнае слова* (А. Балутенка); *Начныя госці – кажаны / Ў начной спалоханай пагодзе. / Пад кажанамі сняцца сны / Не па жаданню і ахваце (...)* *Хоць чорнае няма віны, / Ноч зводзіць чорнай мітульгою. / Прачнуўся – засыпаюць сны, / Як кажаны – / Ўніз галавою* (А. Пысін).

Реже можно встретить обратный случай взаимодействия метафоры и образного сравнения, когда основой метафоро-компаративного тропа выступает сравнение: *И не поезд раскинул / дыма синие руки – / Я, закинув за спину, / вынес тело подруги* (С. Кирсанов); *...Грудкі магільніка спрадвечныя, / Нібы радкі чарнавіка / Жыцця* (Р. Барадулін).

Гораздо менее описанным в литературе является **метафоро-метонимический троп**, возникающий на пересечении сходственной и смежностной ассоциаций, отдельные приёмы построения которого рассматривались в работах О. И. Ревуцкого [Ревуцкий 1998, с. 55–56], Л. П. Кожевниковой [Кожевникова 1993], А. П. Седых [Седых 1999], В. А. Сиротиной [Сиротина 1980].

Метафоро-метонимические конвергенты имеют иную языковую природу, нежели метафоро-компаративные. Так, если характер конвергенции метафоры и образного сравнения принимает форму присоединения тропов друг к другу с частичным наложением их собственных контекстов, то конвергенция метафоры и метонимии – это семантическое наложение тропов друг на друга, в результате чего создаётся возможность интерпретации одного и того же контекста и как метафоры, и как метонимии.

Рассмотрим следующий пример: ... *а под витринами / всех Елисеевых, / живот подведя, / плелась безработица* (В. Маяковский). Данную тропеическую конструкцию можно рассматривать как персонифицирующую развёрнутую метафору, смысловым фокусом которой является наделение отвлечённого понятия *безработица* чертами, свойственными человеку. месте с тем одновременно возможно и её метонимическое прочтение данного контекста, поскольку развивающие предикаты *живот подведя* и *плелась* являются атрибутами самих безработных. Характер синтаксической деривации данной конструкции можно представить следующим образом:

Заштрихованная зона в данной схеме – область образования метонимии в пределах метафорического контекста.

Ср. ряд аналогичных примеров из текстов русских и белорусских авторов: *Империализм / во всём оголении – / живот наружу, / с вставными зубами, и море крови / ему по колени – / сжирает страны, / вздымая штыками* (В. Маяковский); *И вот она грохочет – / Сталь по стали – / Индустрия на собственном ходу* (Е. Исаев); *Субботник шатается, песню поющий* (Б. Ахмадулина); *Дзень адгалёкаў, адхадзіў, адтупаў, / Адхлехатаў у мене і ў мане...* (Р. Барадулін); *Каб рана устаць, / Кладзеца Прага рана, / Сцяжэла мружачы навекі крам...* (Р. Барадулін); *Здае пасуду панядзелак / І, хмурачыся, п'е расол...* (Р. Барадулін); *Як сапла, варочала, крахтала, / Ціха мацюкалася вайна* (П. Панчанка); *Зайшла усмешка у купэ, / Пакінула мне шклянку чаю. / А я сягоння ад цябе / На самы край зямлі ўцякаю* (В. Шніп).

Выделенные слова имеют в данных контекстах и метафорическое, и метонимическое осмысление. С одной стороны они являются фокусами олицетворения, а с другой – кодируют смежные понятия (соответственно *империалисты, техника; люди на субботнике; люди; жители Праги; люди в понедельник; солдаты на войне; улыбающаяся проводница*).

Помимо метафоро-компаративных и метафоро-метонимических тропов встречаются и примеры более сложных – метафоро-компаративно-метонимических – конвергентов, ср.: *Как пахарь, битва отдыхает* (А. Пушкин); *...и фанатизм, / скатясь до жалкой роли, / визжит, как поросёнок, / на футболе* (Е. Евтушенко); *Далёкі тупат кананады. / Бягуць грывоты, як сланы* (А. Пысін).

Наконец, можно выделить ещё одну группу конвергентов с участием метафоры, когда в состав метафорического контекста попадает такой вид тропа, как **совмещение значений** [см.: Ревуцкий 1998, с. 64–67], ср.: *До свиданья, мой лес – / зелёный колонный зал сосновых и еловых люстр, / что никогда не пуст, / где постоянный бал / ландышей-выпускников, / дубов-подростков / и с гордостью на них глядящих старых пней* (С. Кирсанов);

Як жа я дамоў вярнуся / З фінкаю / У сэрцы?! (Р. Барадулін). В данных конструкциях слова *пень* и *фінка* реализуют одновременно два значения: в первом примере – 'остаток от спиленного дерева' + 'старый человек'; во втором – 'жительница Финляндии' + 'особый вид ножа'. Такие конвергированные тропы можно называть **метафоро-полисемическими**.

Последние иногда накладываются не на собственно метафорический, а на метафоро-компаративный троп, ср.: *Мои глаза, как будто два обжоры, / Всё смачно пожирали на пути (Е. Винокуров); ...живой, как бабочка в ладошке, / из телефона бьётся голосок (А. Вознесенский);* либо – на метафоро-метонимический, ср.: *Май пачынае кальцаванне / Дзяўчат і птушак (П. Панчанка).*

Таким образом, в процессе развёртывания в тексте метафора может не только «отпочковывать» новые смысловые звенья, но и образовывать тропеические конвергенты, основными из которых являются метафоро-компаративный (метафора + образное сравнение), метафоро-метонимический (метафора + метонимия) и метафоро-полисемический (метафора + совмещение значения), а также их различные комбинации.

Подобного рода тропеические конвергенты могут выполнять и собственно текстообразующую функцию, т. е. выступать в качестве основы построения целых стихотворных текстов, о чём речь пойдёт далее.

1.2.5. Метафора в тексте и метафора-текст

Метафора – контекст – текст. В исследованиях по лингвопоэтике отмечалось, что в зависимости от специфики использования метафоры в качестве конструктивного элемента текста может строиться классификация самих поэтических текстов. Предлагались и общие очертания подобной классификации. В частности, В. А. Маслова отмечает: «Использование казалось бы сходных метафор, но в различных текстах, создаёт тексты разных типов, которые можно классифицировать в зависимости от использования в них метафоры: есть поэтические тексты (но их не так уж много в русской поэзии), где преобладают слова в прямых значениях, на фоне которых выделяются редкие метафоры; а в других текстах, напротив, преобладают метафоры, а на их фоне наблюдаются редкие вкрапления слов в прямых значениях. Это два полюса, между которыми располагаются остальные поэтические тексты» [Маслова 2000, с. 74–75].

В целом принимая данное положение как отправное для дальнейших наблюдений, внесём лишь ясность относительно «полюсов». Если с трактовкой первого из них мы согласны всецело, то в относительно второго к текстам с преобладанием метафор над словами в прямых значениях мы бы добавили тексты, в которых метафора функционирует в качестве структурно-смысловой основы, способа текстопостроения, когда границы текста совпадают с границами тропа. По отношению к таким художественным, и в первую очередь поэтическим текстам в специальной литературе,

как уже отмечалось, принят термин «текст-троп», и как частное его проявление – «текст-метафора» (М. Л. Новикова, Б. П. Иванюк, Н. В. Кузьмина, О. И. Ревуцкий и др.).

Итак, основным критерием, позволяющим квалифицировать характер функционирования метафоры в тексте, является её включённость / невключённость в формирование смыслового ядра текста, его композиционной структуры, системы образов.

Способы функционирования метафоры в структуре поэтических текстов, представленные в лирических произведениях русских и белорусских авторов, можно свести к следующим.

Во-первых, метафора может быть сосредоточена на определённом локальном текстовом отрезке, обычно периферийном в смысловом плане. В этом случае, как правило, контекст тропа локализуется в пределах словосочетания или одного-двух предложений и такого же количества стихотворных строк; в текстах относительно большого объёма контекст тропа может быть и более продолженным. Такую метафору можно назвать **локальной**. В качестве примера можно привести метафорическое предложение *Ушла к другим бессонница-сиделка* в структуре текста стихотворения А. Ахматовой «Слаб голос мой, но воля не слабеет...». Структурно-смысловое ядро названного текста можно представить в виде некоторой общей пропозиции, выведенной из обобщения содержащихся в тексте центральных субъектов речи и их предикатов. Для рассматриваемого текста её можно представить так: героиня привыкает к утрате любви. По отношению к данному смысловому ядру текста отрезок *Ушла к другим бессонница-сиделка* является не более чем одним из его конкретизаторов, локализованных в пределах одного предложения и не находящихся дальнейшего развёртывания.

Следующий вариант – это выполнение метафорой роли **одного из ключевых структурно-смысловых и идейно-образных элементов** текста. Локализованная в текстовом фрагменте метафора может реализовать одну из центральных или даже центральную микротему текста, вступая в самые тесные образно-тематические и лексико-семантические связи с неметафоричным отрезком текста, раскрывая при этом одну из микротем (или несколько микротем) текста и включающихся, таким образом, в число основных средств обеспечения цельности и связности текста, т. е. факторов текстообразования. Главная особенность подобных текстов – это их довольно чёткое членение на неметафоричные и метафоричные сегменты. Этот способ функционирования метафоры в тексте был предметом анализа в работах М. Л. Новиковой [Новикова 1983], Е.Г. Петровой [Петрова 1978; Петрова 1982], Н. В. Слухай [Слухай 1984] и др. Для анализа текстообразующих свойств метафоры важна описанная Д. Б. Ольховиковым категория **метафоричности текста**, под которой понимается «результат семантико-стилистического взаимодействия отдельной метафоры, сравнения или другого тропа, имеющего качество метафоричности, со структурой

текста и разноуровневыми элементами этой структуры» [Ольховиков 1987, с. 17]. В таком понимании метафоричность можно рассматривать как одно из частных проявлений такой универсальной эстетической категории стихотворных текстов, как их гармоническая организация [Штайн 2006].

Что касается промежуточной группы текстов, расположенных между упомянутыми выше «двумя полюсами» метафоричности, в которых метафора функционирует в роли одного из ключевых текстовых элементов, то их, как показывают наблюдения, большинство.

На них и остановимся подробнее, в частности, охарактеризуем возможные способы соотношения метафоричных и неметафоричных сегментов текстов (МСТ и НМСТ), чего не предпринималось в работах указанных выше исследователей.

Будучи локализованной в текстовом фрагменте (либо «разбросанной» по тексту), метафора может реализовать одну из центральных или даже центральную микротему текста, вступая в самые тесные образно-тематические, лексико-семантические и концептуальные связи с окружающими её неметафоричными фрагментами текста. Подобный способ функционирования метафоры характерен и для текстов большого объёма (прозаических произведений, поэм и т. п.), где зачастую имеется не один, а несколько образно-метафорических фрагментов, взаимодействующих между собой дистантно, раскрывающих при этом одну из микротем текста и включающихся, таким образом, в число факторов текстообразования как средства обеспечения цельности и связности текста.

Нами рассматривается наиболее характерная (по наблюдениям М. Л. Новиковой) позиция МСТ – постпозиция по отношению к НМСТ. При этом для анализа были отобраны такие примеры текстов, в которых тропеическая и нетропеическая зоны прорисованы достаточно чётко и тем или иным образом (эксплицитно или имплицитно) маркирована граница между ними.

Анализ материала показал, что между денотативным содержанием НМСТ и последующим МСТ могут устанавливаться следующие типы концептуально-смысловых отношений:

Отношения концептуальной аналогии между денотативными сферами НМСТ и МСТ. Так, в стихотворении А. Вознесенского «Торгуют арбузами» сначала речь идёт о бытовой сцене торговли, которая влечёт далее за собой метафорически структурированную аналогию: *И так же весело и свойски, / Как те арбузы у ворот, / Земля мотается в авоське / Меридианов и широт.* Маркером граничного «шва» между метафорой и дометафоричным контекстом здесь выступает образное сравнение, вводимое сравнительным союзом *так же, как*. Приведём аналогичный пример из белорусской поэзии: *Вятры і дождж – такая блытаніна, / Нібы вясна забыла каляндар* (А. Пысін). Ср. также: *І поўня / на воблака ўскрайку / Святлее над ночы мазутам / Так, быццам / у ноч гэту ўкраўся / Твой, Поўнач, лазутчык* (У. Някляеў). Данный пример несколько отличается от предыдущих тем,

что в нём в отношении концептуальной аналогии входят два МСТ (переход от первого ко второму маркируется словами *так, быццам*, однако в целом смысловые отношения между данными двумя сегментами в обоих случаях являются тождественными.

Отношения концептуальной перекодировки денотативной сферы НМСТ в денотативную сферу МСТ имеют место в случае моделирования ими не разных сходных ситуаций, а одной и той же ситуации, причём МСТ представляет собой индивидуально-авторскую онтологическую модель ситуации, представленной в НМСТ. Ср., например, стихотворение В. Маяковского «Лунная ночь»: *Будет луна, / есть уже / немножко. / А вот и полная повисла в воздухе. / Это бог, должно быть, / дивной / серебряной ложкой / роется в звёзд ухе.*

Как видно, коннектором (и одновременно маркером границы) НМСТ и МСТ выступает местоимение-сказуемое *это*, вбирающее в себя всю семантику предшествующего контекста и – соответственно – обуславливающее модельно-интерпретативный статус последующего контекста.

Аналогичным образом выглядят отношения препозитивного НМСТ (первое двустипие) и постпозитивного МСТ в стихотворении «Заяц варыць піва» (У. Караткевіч) [Приложение А, текст 1]¹.

Отношения смыслового контраста между содержанием НМСТ и МСТ. В качестве примера приведём отрывок из стихотворения С. Кирсанова «Маяковскому», в двух начальных строфах которого речь идёт о море и плывущей по нему яхте; далее, как бы выростая из реального мира и отрицая его, вводится метафора «поэзия – море»: *Это море дрожит полосой теневой, / берегами янтарными брезжит... / О, я знаю другое, и нет у него / ни пристаней, ни побережий. / Там рифы – сплошное бурление рифм, / и, чёрные волны прорезывая, / несётся, бушприт в бесконечность вперед, / тень парохода «Поэзия».* Выделенные граничные маркеры НМСТ и МСТ в приведённых примерах, как видно, сигнализируют о переходе к концептуально контрастному содержанию. Ср. аналогичные примеры – стихотворения «Часы» (Р. Рождественский) [ПА-2], «На алмазной трубцы» (М. Арочка) [ПА-3] и «Памер чалавек» (В. Шніп) [ПА-4].

«Скользкий» смысловой переход (М.Л. Новикова) от денотативной сферы НМСТ к денотативному плану МСТ (и/или наоборот). Примером подобной организации текста является стихотворение А. Вознесенского «Не забудь (стихи для детей)». Ср. его начало: *Человек надел трусы, / майку синей полосы, / джинсы белые, как снег, / надевает человек. / Человек надел пиджак, / на него нагрудный знак / под названьем «ГТО». / Сверху он надел пальто. / На него, стряхнувши пыль, / он надел автомобиль. / Сверху он надел гараж / (тесноватый – но как раз!), / сверху он надел наш двор, / как ремень надел забор, / сверху наш микрорайон, / область надевает он.*

Как видно, граничный «шов» здесь фактически не маркирован: переход от узуально употребляемых и сочетаемых лексем к окказиональной синтагматике происходит неожиданно, в пределах однородного ряда: *надел*

¹ Далее [ПА-1], где ПА – Приложение А, цифра через дефис – порядковый номер текста в приложении.

труссы, майку, джинсы, пиджак, нагрудный знак, пальто ... автомобиль, гараж, двор, забор, микрорайон, область...

Аналогичный сплав метафоричных и неметафоричных сегментов находим в стихотворениях [ПА-5; ПА-6; ПА-7 и др.]

Опосредованная ассоциативная опора метафоры на денотасферу НМСТ. Ср.: *Я по первому снегу бреду, / В сердце ландыши вспыхнувших сил...* (С. Есенин). Метафора *ландыши сил* вступает в данном фрагменте в метонимическую переключку с предшествующей сюжетной деталью – упоминанием о первом снеге. Ср. также: *Як доўга не было дажджу! / Як доўга не было каханя! / У неба з-пад рукі гляджу, / Стаміўся позірк ад чаканя. / Мо сінявокай хмары цень / Да траў паніклых дакранеца?.. / І згіне мой спякотны дзень: / Пачуццяў шумны дождж пральеца!* (Л. Сільнова); *Паэт і фізік-атамнік у нечым / Усё-такі падобны між сабою. / Душа паэта – то ж рэактар вечны, / Што выпраменьвае часціцы болю / І сотні тысяч сэрцаў чалавечых / Бамбардзіруе імі без адбою, / Каб шляхам ядзернага расшчаплення / Прывесці ў рух энергію сумлення* (Н. Гілевіч); *Перапаўненне прыносіць страты. / Стукоча часта, стукоча рэдка / Аб рэбры сэрца, нібы аб краты. / Турмою стала грудная клетка* (П. Макаль); *Рухавічок туркоча. / Усе пайшлі ў кіно. / Да самае паўночы / Экранам мне – акно* (А. Пысін).

Приведём примеры иного рода: *Колокола. Коллоквиум колоколов...* (С. Кирсанов); *Мора моху. Мухаморы / Чырванеюць на ўзлессі* (З. Астапенка). Здесь основой ассоциативной опоры послужил звуковой (идеофонический) фон лексем контекста.

Тексты-метафоры в белорусской и русской поэзии

Метафора способна функционировать и в качестве **структурно-смысловой основы целых стихотворных текстов**. В этом случае можно говорить о **собственно текстообразующей функции** тропа, приводящей к появлению текстов, границы которых совпадают с границами тропа. По отношению к таким поэтическим текстам в специальной литературе, как отмечалось выше, принят термин «**текст-троп**» [Иванюк 1988 и др.]. Уже в поэтической традиции XVIII–XIX вв. отмечаются случаи обращения поэтов к тропеичности как принципу построения текста и – одновременно – главному способу выражения авторских концептов [Гулый 1989; Тарасов 1976].

Б. П. Иванюк находит достаточно веские основания для того, чтобы считать тексты-тропы особой жанровой разновидностью стихотворных текстов. Во-первых, и троп, и жанр имеют мировоззренческую содержательность. Во-вторых, общей для тропа и жанра является интерпретационная функция, суть которой заключается в априорной способности каждого из них к определённом «прочтению» того или иного жизненного явления [Иванюк 1988; Иванюк 1998]. По отношению к таким текстам мы говорим не о том или ином характере взаимодействия тропа с окружающим контекстом, а о тропе как структурной форме целого произведения, «которая,

охватывая всё произведение целиком, обуславливает его как внешнюю завершённость, так и внутреннюю собранность и тем самым осуществляет художественное целое произведения» [Иванюк 1988, с. 8]. В-третьих, текстообразующий троп задает «пусковой механизм» генерирования текста, обеспечивая характер его целостности, связности, смысловой динамики, композиции и пр., включается в организацию всех связей текста с универсумом.

Тропеичность как тексто- и жанрообразующий феномен по-разному проявляется в литературных эпохах и индивидуально-авторских стилях.

Так, для романтической традиции было характерным использование в текстообразующей функции метафор, ориентированных не столько на раскрытие основной темы стихотворения, сколько на создание эмоционального фона, сопутствующего раскрытию темы и призванного воздействовать на читателя [Гулый 1989]. У А. С. Пушкина находим ряд текстов, восходящих в реализации текстообразующей функции метафоры к данной традиции. Обычно в основу таких текстов кладётся олицетворяющая метафора («Кораблю», «Вот муза, резвая болтунья...» и др.).

Противоположная традиция эксплуатации текстообразующей функции метафоры, восходящая ещё к доромантической поэзии, – участие метафоры в раскрытии темы текста, «рационалистическое» использование тропа [Гулый 1989] – вновь актуализируется в пушкинскую эпоху, постепенно набирая силу в творчестве поэтов XIX века и, наконец, становясь ведущей в творчестве многих поэтов XX столетия. У самого А. С. Пушкина данная традиция текстообразующего использования метафоры находит своё выражение в ещё достаточно немногочисленных текстах стихотворений, но вместе с тем именно в таких текстах, типы и модели которых становятся универсальными для произведений тропеического жанра в дальнейшем, хотя в допушкинскую эпоху некоторые из этих типов текстов встречаются ещё достаточно редко.

Так, метафорическое раскрытие темы стихотворения может реализоваться в текстах, образованных по модели бинарной метафоры-сравнения по принципу «А = В». Эту достаточно традиционную (в особенности в доромантической поэзии) модель текста-метафоры А. С. Пушкин реализует, например, в стихотворении «Дружба»: *Что дружба? Лёгкий пыл похмелья, / Обиды вольный разговор, / Обмен тщеславия, безделья / Иль покровительства позор.*

В стихотворении «Напрасно ахнула Европа...» находим интересный пример реализации текстообразующих способностей так называемой «метафоры-загадки» (по Ю. И. Левину), причём являющейся одновременно реминисценцией библейских мотивов: *Напрасно ахнула Европа, / Не унывайте, не беда! / От петербургского потопа / Спаслась Полярная звезда. / Бестужев, твой ковчег на бреге! / Парнаса блещут высоты; / И в благодетельном ковчеге / Спаслись и люди и скоты.*

Наконец, среди рассматриваемых поэтических текстов великого русского классика находим и такие, которые ещё в целом не характерны для

первой трети XIX века (данный тип станет весьма продуктивным позже, в поэзии XX века). Это тексты, основанные на МРМ, образно-смысловыми фокусами которых выступают последовательно развивающиеся и / или дополняющие друг друга звенья метафоризации.

Так, в стихотворении «Телега жизни» [ПА-8] находим пример одновременного развёртывания в тексте двух тематически связанных, но вместе с тем самостоятельных метафор, одна из которых эксплицирована, лежит «на поверхности» текста, а другая развивается параллельно в глубинно-смысловых слоях. В первой строфе задаются два образно-тематических фокуса: *жизнь – телега* и *время – ящик* (в самом тексте слово *жизнь* не функционирует, однако, оно представлено в заглавии). В каждой из последующих трёх строф данные метафоры развиваются предикативными элементами, формирующими последовательно сменяющиеся одна другую микротемы произведения, ср.: *рады голову сломать; кричим: пошёл!* (2-я строфа); *порастрясло нас; нам страшней; кричим: полегче* (3-я строфа); *дремля едем* (4-я строфа). Таким образом создаётся динамическая картина изменений, происходящих с ездой телеги, причём содержанием каждой из микротем становится характеристика определённой фазы этих изменений.

При этом нельзя не заметить появление в каждой из этих строф и ещё одного ряда ключевых слов – *утро* (2-я строфа), *полдень* (3-я строфа) и *вечер* (4-я строфа). Они являются элементами второй метафоры, обнаруживающейся на глубинно-смысловом уровне текста: *утро* – молодость человека, *полдень* – его зрелые годы, *вечер* – старость. Взаимодействие метафор эксплицитного и имплицитного уровней текста рождает образный смысл всего стихотворения, сводящийся к осмыслению автором таких философских категорий, как *жизнь* и *время* применительно к разным этапам человеческой жизни.

Характерно также и то, что в текстообразующей функции здесь выступает активно осваивавшийся в поэтической традиции XIX века тип метафорического тропа – генитивная метафора. По наблюдениям В. П. Григорьева, генитивные метафоры Пушкина – это в своём большинстве обновлённые общие поэтические формулы типа *покров угрюмой ночи* [Григорьев 1979, с. 203]. Как видим, то же можно сказать и в отношении генитивной метафоры *телега жизни*, использованной Пушкиным в текстообразующей функции. Данная метафора имела опору на известный в 20-е годы XIX века образ *дорога жизни*, выраженный также генитивной метафорой в одноимённом стихотворении Е. А. Баратынского, а также на смежные с названной традиционные поэтические формулы типа *утро жизни*, *утро дней* и т. п. [см.: Григорьева 1969; Федоров 1985, с. 68].

Генитивные метафоры лежат и в основе текста стихотворения «Три ключа» [ПА-9], основанного на реализации иной структурно-смысловой модели – с тремя самостоятельными метафорическими звеньями, объединёнными общим метафоризирующим элементом (*ключ*).

Как видно, в трёх значимых для человека концептах (*юность*, *вдохновение* и *забвение*) поэт находит не только очевидные различия, но

и скрытое, реализуемое именно через метафору, сходство: их метафорическое сталкивание с одним и тем же словом-понятием *ключ* актуализирует общую сему *живительности*, т. е. – в данном контексте – неотъемлемости данных концептов от человеческой жизни, их диалектической взаимосвязи.

Исследования текстов-тропов в таком их понимании пока достаточно немногочисленны (особенно в белорусистике) и раскрывают лишь немногие частные стороны проблемы ([Везерова 1991; Кузьмина 1976; Новикова 1983; Ревуцкий 1998; Ревуцкий 2006]).

Вместе с тем тексты тропеического характера можно обнаружить едва ли не у каждого поэта, а для таких мастеров слова, как М. Цветаева, О. Мандельштам, Л. Мартынова, Е. Винокурова, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, В. Высоцкий, Р. Бородулин, Н. Гилевич, П. Макаль, А. Пысин, А. Рязанов и др., они являются отличительной чертой их идиостилей, склонных в принципе к тропеическому типу структурирования образов. Как правило, это тексты небольшого объёма, обычно философской, пейзажной, пейзажно-философской и лирической направленности.

В связи с изложенным представляется продуктивной реализация текстоцентрического подхода к тропу, в центре внимания которого – непосредственно сам тропеический текстотип, т. е. текст-троп. Неслучайно учёными высказывается мысль о необходимости создания своеобразных текстовых «таблиц Менделеева» [Егоров 1965, с. 113], моделей анализа определённых структурных типов текста [Ефимов 1982, с. 6].

В качестве типологически релевантных при описании текстов-метафор нами определены основные структурные параметры текстообразующих тропов, спроецированные на текстовые категории. Такой подход обусловлен тем, что на тексты-тропы распространяется следующая закономерность: каждый значимый элемент текстообразующего тропа есть значимый элемент текста и наоборот – каждый значимый элемент текста одновременно является элементом текстообразующей метафоры.

На основании сказанного мы выделяем следующие основные структурные типы текстов-метафор, представленные в русском и белорусском поэтических дискурсах.

Тип 1. $A = B$. Текст строится как развёртывание одной ключевой метафоры $A=B$, где A – базовое понятие (сравниваемое), B – привлечённое понятие (сравниваемое), т. е. соответствует модели однофокусной развёрнутой метафоры. Две тематические линии (A и B), пронизывающие текст, пересекаются, переплетаются между собой. Иначе говоря, в одном смысловом блоке таких текстов способны сосуществовать два взаимодействующих смысла, как, например, в стихотворениях [ПА-10; ПА-11].

Тип 2. $A = B, C = D$. Данный способ текстопостроения соответствует модели многофокусной развёрнутой метафоры. В качестве центрального предмета речи здесь фигурирует не один предмет или явление, а целая образная картина, иными словами, в качестве текстообразующей выступает концептуальная метафора ([Добжиньская 2000; Илюхина 2005; Лассан 1996; Хамитова 2009 и др.]). См., например: [ПА-12; ПА-13].

Подобный тип текстов представлен в русской и белорусской поэзии рядом композиционных модификаций. Например, взаимозаменой элементов текстообразующей метафоры по принципу $A = B, C = D \rightarrow A = D, C = B$, как в приводимом ниже стихотворении «Наконт серабра і золата» (А. Лойка) [ПА-14].

Следующие два типа текстов-метафор соответствуют моделям веерных метафор, которые также срабатывают на уровне организации целых поэтических текстов. «Эффект текстообразования, – по словам В. К. Харченко, – это следствие таких особенностей метафорической информации, как панорамность образа, большая доля бессознательного в его структуре, плюрализм образных отражений» [Харченко 1992, с. 23–25]. Именно последнее из названных свойств метафорической информации ярче всего выявляется на примере «веерной», или, иначе говоря, полилогической метафоры.

Для таких текстов вырисовывается довольно чёткая модель их смысловой структуры, в основе которой – формирование и смена блоков информации (БИ) текста [Кудреватых 2001] в зависимости от появления нового сообщения о предмете. Это «сообщение» формируется столкновением центрального понятия «реципиентной» области с поочерёдно сменяющимися друг друга понятиями-«донорами» и развивающими данные «столкновения» предикативными метафорическими элементами.

Тун 3. $A = (B_1, B_2, B_3 \dots)$. Для текстов, основанных на данной модели, вырисовывается довольно чёткая модель их смысловой структуры – формирование и смена БИ (микротем) путём введения нового сообщения о предмете, что достигается путём поочерёдного сталкивания A -элемента текстообразующей метафоры со сменяющимися друг друга B_1 -, B_2 ... B_n -элементами. Ср. стихотворение В. Высоцкого [ПА-15], в котором поочерёдное сталкивание центрального понятия *память (прошлое)* с такими понятиями, как *колодець, глиняный сосуд, клад, путь, минное поле*, формирует соответствующие БИ текста: глубины памяти, «хрупкости», ценности, неоднозначности, того, что требует к себе особо бережного отношения и пр.

Логико-смысловые и композиционные отношения между БИ подобных текстов сводятся к следующим.

1. Последовательно-логический переход от одной микротемы к другой, – в том случае, когда предмет характеризуется с разных сторон. Подобные отношения между БИ текста иллюстрируют [ПА-15; ПА-16].

К этой же группе можно отнести и такие тексты, в которых микротема, сменяющая предыдущую микротему, как бы «затирает», иногда отрицает её. Подобная смысловая динамика характерна для текстов, в которых вскрывается некий антагонизм во внутренней сущности центрального предмета речи («реципиентного» понятия) или в его «внешней», субъективной оценке. Ср. стихотворение Л. Мартынова «Прошлое» [ПА-17], где переход от БИ, содержащего уподобление прошлого медведю, к БИ, содержащему сравнение прошлого с медвежьей шубой, знаменует переход от микротемы прошлого как грозного к его изображению как безобидного, оживающего лишь

в воспоминаниях человека. Как видно, логическими отношениями между БИ здесь являются метонимические отношения – *медведь* и *медвежья шуба*. Ср. аналогичные образцы из белорусской поэзии: [ПА-18; ПА-19].

2. Повторение и – тем самым – усиление одной и той же микротемы в последовательно сменяющих друг друга БИ. В этом случае центральный предмет речи («реципиентная» область) получает характеристику с какой-либо одной стороны. Ср. стихотворение Е. Винокурова [ПА-20] семантическим признаком, объединяющим понятия «донорской» зоны (*конь, медведь, ботик*) и понятие «реципиентной» зоны (*жизнь*), становится сема экстремальности, трудности, опасности для человека. Метафора реализует основную идею текста: жизнь человека – это цепь различных трудностей, препятствий, экстремальных ситуаций, с которыми ему суждено не раз столкнуться и которые нужно преодолеть.

Подобным образом создаётся многомерный метафорический образ поэзии в одноименном стихотворении белорусского поэта Л. Голубовича [ПА-21].

3. Наличие между БИ текстов таких логико-смысловых отношений, которые демонстрируют своеобразное «наложение» друг на друга отношений двух ранее рассмотренных типов (сходства и контраста одновременно). Подобного рода отношения наблюдаем, в частности, между БИ стихотворения Е. Винокурова «Время хлещет» [ПА-22]. Два шага метафоризации, которым соответствуют два БИ данного текста, здесь оформлены в виде синтаксически параллельных конструкций. При первом прочтении между данными БИ улавливаются отношения смыслового сходства: оба выражают единый образный смысл неудержимого течения времени. Однако при более внимательном анализе каждого из БИ, образованных текстообразующей метафорой, обнаруживается, что последние находятся и в отношениях логико-смыслового контраста. В первом случае речь идёт об экстремальной, исключительной ситуации, во втором – о ситуации каждодневной, бытовой, обычной. Отсюда синтезируется общий смысл текста: время течёт одинаково быстро и неумолимо, будь то неторопливый и размеренный быт или исключительная для человека ситуация.

Ср. подобный подход к метафорической репрезентации внутренней противоречивости центрального понятия у Р. Бородулина в стихотворении «Загадка перекладу» [ПА-23], посвящённом Язэпу Семежону.

Для текстов, имеющих в основе своей смысловой структуры многократные «веерные» метафоры, характерны разные варианты лексической организации «реципиентной» зоны. Так, большинство из них отличает повторение слова-«реципиента» или его местоименного заместителя при каждом столкновении с новым словом-«донором». Подобного рода повтор нередко усиливается специальными синтаксическими (риторическими) средствами. Так, лексема, номинирующая «реципиентное» понятие, может выноситься в подлежащее каждого из предложений (обычно синтаксически параллельных), примером чему может служить стихотворение Е. Винокурова «Жизнь –

это конь, что рвётся из удил...» [ПА-20]. Характерно также вынесение целого метафорического фокуса или его «реципиентного» понятия в обращение, как, например, в стихотворении Л. Мартынова «Прошлое» [ПА-17].

В ряде рассматриваемых текстов «реципиентная» зона представлена не одним словом-понятием, а целым классом однородных понятий. Шаги метафорического развёртывания в таких текстах формируются столкновением слов «донорской» области с последовательно приводимыми словами-понятиями одного класса. Ср. стихотворение Н. Заболоцкого «О красоте человеческих лиц» [ПА-24]. Подобная организация характерна и для текстов-автометафор, когда «реципиентной» зоной становится лирическое Я. Ср., например, стихотворения «Книга травы» (А. Тарковский) [ПА-25] и «Я – толькі ўсхліп...» (З. Дудзюк) [ПА-26].

Реализация «вверной» метафоры на уровне целого текста может принимать как монологическую, так и диалогическую форму. В тексте стихотворения Л. Мартынова «Танки» [ПА-27] текстообразующая метафора распадается на диалогические реплики, в результате чего обнажается сам процесс рождения метафоры. Ср. также приведённый выше пример – стихотворение «Воблака над школай» (У. Някляеў) [ПА-28].

Дополнительный стилистический эффект, связанный с данным приёмом, – более глубокое и разностороннее изображение объекта метафоризации за счёт его «сталкивания» не с одним, а с несколькими понятиями, нередко образующими градационный ряд.

Тип 4. (А1, А2, А3...) = В. Тексты, структурно организованные по данной модели, встречаются гораздо реже, чем тексты описанных выше типов. Подобные тексты отражают попытки авторов найти нечто общее (объективное или субъективное) в разных предметах, понятиях или явлениях и интегрировать это общее в едином метафорическом образе. Так, например, в стихотворении А. Вознесенского [ПА-29] таким единым интегрирующим образом для различных реалий (*Париж, Сена, Булонский лес, транзистор, город*) становится образ *шарфа*.

В примере – стихотворении Р. Рождественского «Будем горевать...» [ПА-30] интегративный метафорический образ создаётся путём многократной трансформации одного фразеологизма (*писать в стол* – «создавать литературное произведение, которое не имеет шансов быть издано»), посредством чего формируется общая «донорская» область для нескольких «реципиентных». Аналогичным образом строится текст стихотворения «Бульбяная балада» (Р. Барадулін) [ПА-31].

Тип организации смысловой динамики таких стихотворных текстов – последовательная смена предметов речи.

Все описанные текстотипы могут варьироваться и комбинироваться в структурно-смысловом и композиционном отношениях.

1.3. Метафора и «притекстовые зоны» дискурса: к постановке проблемы

1.3.1. Понятие дискурсивной модели текста

Мысль о том, что метафора является чем-то более сущностно глубоким и универсальным, нежели только изобразительно-выразительным средством, тропом (пусть даже и основным), как уже отмечалось выше, на данный момент новой и оригинальной назвать трудно.

Несмотря на отсутствие серьёзной научной проработки данного тезиса, тем не менее, в той или иной форме он постулировался даже тогда, когда безраздельно доминировал именно традиционно-риторический подход к изучению поэтической метафорики (т. е. вплоть до последних десятилетий XX века)¹. Причём порой не просто постулировался, а оценивался как перспектива развития интереса к метафорическому ресурсу поэтической речи. Ср.: «По-видимому, всё более глубокое осознание того, что моделью связей между словом и образом может служить метафора, лежит в основе постоянного (в последние годы – явно возрастающего) интереса филологов к метафорическому аппарату языка» [Григорьев 1979, с. 187]. Такая расширенная трактовка метафоры нацеливает на перспективу её углубленного изучения в статусе принципа мышления, модели создания семиотически сложных форм дискурса.

Полагаем, что перспективы очерченного вектора исследований могут быть связаны не с языковыми «отдельностями» (метафоризацией слов, их сочетаний и т. п.), а с текстом как центральной *подлинно коммуникативной единицей* в единстве с «прилегающими», «при-(сверх-, мета-, интер-) текстовыми» зонами, т. е. – в той самой «жизни текста» (по М. М. Бахтину, Н.Д. Арутюновой), которая заставила лингвистов закрепить на рубеже XX – XXI веков в своём активном обиходе понятие «дискурс».

¹ Здесь уместно ещё раз напомнить о широком понимании метафоры как о модели тропообразования и семиотическом механизме, противопоставленном её узкой трактовке – как об одном из видов тропов. Так, определяя метафору, А. А. Потебня отмечал: «Метафора есть перенесение постороннего слова (т. е. слова с другим значением по отношению к значению искомому: а) или от рода к виду б) или от вида к роду, в) или от вида к виду, г) или по соответствию (сходству), а) и б) синекдоха, в) метонимия, г) метафора в тесном смысле» [Потебня 1990, с. 201]. Такой подход фокусирует взгляд на метафору как на родовое понятие по отношению к любым формам умножения смыслов посредством языковых знаков, и прежде всего – по отношению к тропам, что неоднократно отмечалось в работах современных метафорологов, ср: «На наш взгляд, наиболее оптимально сегодня максимально широкое определение метафоры: когда ею является и собственно метафора, и символ, и аллегория, и эмблема, и персонификация, и гиперболы, и симфора, и семиметафора, и метафорический эпитет» [Тимошенко 2001, с. 7]; «Поскольку объем и содержание понятия “троп” определяется понятием “метафоры” в широком смысле, включающей сравнение, гиперболу, метонимию, синекдоху, перифразу и другие языковые средства, метафоре отводится первое место как “первотропу” в том смысле, что она является самым главным средством метафоризации» [Белецкая 2007, с. 5] и т. п.

Вместе с тем приходится констатировать, что количественное нарастание «дискурсоцентризма» в лингвистике пока ещё достаточно слабо снимает энтропию в данном информационном поле, а кое-где и наращивает её за счёт совершенно различных подходов к трактовке данного термина ([Арутюнова 1990; Басималиева 1999; Дымарский 2001; Задворная 2001; Красных 1999; Макаров 2003; Милевская 2003; Овшиева 2004; Прохоров 2004; Ревуцкий 2004; Руднев; Самойлова 2005; Усманова 2001; Ухванова-Шмыгова 2014; Чернявская 2003 и др]). Не без сожаления и иронии один из исследователей по этому поводу замечает, что «в современной науке под дискурсом понимается практически всё, что угодно исследователю. Причём мало кто оговаривает своё понимание термина, предоставляя, таким образом, читателю/слушателю замечательную возможность разобраться во всём самому» [Руднев].

Первая часть процитированного положения (о плюрализме понимания дискурса) свидетельствует о факте, в какой-то мере закономерном, уже хотя бы потому, что дискурс – во-первых, интернаучный термин, во-вторых – сравнительно новый в широком научном обиходе.

Во второй части цитаты речь о «замечательной возможности» идёт, разумеется, с изрядной долей иронии (обратим внимание: «замечательной» – в кавычках). Естественно, элементарная терминологическая корректность (чёткая оговоренность содержания термина) – это то, что в научной работе должно присутствовать безоговорочно, аксиоматически. Отдавая себе отчёт в том, что дальнейший разговор о дискурсе без подобного «оговаривания» идти не может (по указанной уже причине), мы всё же постараемся выполнить данное требование, ставя логическое ударение не на слове *своё*, а на слове *понимание*. Иными словами, не ставя задачей предложить ещё один подробный обзор определений дискурса, к тому же имея возможность сослаться на подобные обзоры, сделанные целым рядом других авторов (см. выше), мы намерены принять и оговорить приемлемый и теоретически базовый подход для избранного (дискурсивно-семиотического) ракурса исследования, интегрирующий ряд позиций из числа утвердившихся в практике дискурсологических исследований.

Во-первых, широко применяемой является практика дублетного (синонимического) использования терминов «текст» и «дискурс» в лингвистических исследованиях. Во многом она обусловлена тем, что французское слово *discours* на ряд языков (в том числе на русский и через посредство русского – на белорусский) переводилось и как «дискурс», и как «текст», и даже как «речь» (элемент оппозиции «язык – речь», выдвинутой Фердинандом де Соссюром) [Усманова 2001, с. 239]. Однако абсолютное большинство исследователей, оперирующих данным термином, усматривают – на тех или иных основаниях – необходимость дифференциации понятий «дискурса» и «текста».

Одно из наиболее распространённых определений дискурса – его определение как связного текста «в совокупности с экстралингвистическими,

социокультурными, психологическими и другими факторами», текста, взятого «в событийном аспекте» [Арутюнова 1990, с. 136]. Аналогичные трактовки, порой различающиеся лишь акцентом на какой-либо одной или нескольких дискурсивных интеракций текста (с экстралингвистическими, с коммуникативными и пр. факторами) находим у целого ряда авторов. Ср.: «...текст не автономен и не самодостаточен – он основной, но не единственный компонент текстовой (речемыслительной) деятельности. Важнейшими составляющими её структуры, помимо текста, являются автор (адресант текста), читатель (адресат), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему адекватно воплотить свой творческий замысел» [Бабенко 2005, с. 13]; «Под универсальной антропоцентрической моделью поэтического дискурса (далее: поэтический дискурс), соответственно, понимается сложная система, объединяющаяся вокруг стихотворного текста, наполненная прагматическим содержанием и репрезентирующая индивидуальные характеристики отправителя и получателя стихотворного текста» [Горло 2005, с. 3].

Французские учёные А. Греймас и Ж. Курте акцентируют внимание на взаимодействии текста как акта коммуникации с экстралингвистической составляющей [Греймас 1983]. Сходные определения дискурса находим в терминологических словарях: «ДИСКУРСИЯ, дискурс (франц. Discours – речь) – в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т. е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» [Усманова 2001, с. 239]; «Связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин дискурс, в отличие от термина текст, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно» [Ахманова 1966, с. 136–137].

В. А. Миловидов в своей дефиниции объединяет интерактивный, коммуникативный и экстралингвистический аспекты дискурса: «Дискурс (от discourse – последовательное изложение; беседа, разговор), с одной стороны, есть практика текстопостроения, процесс создания, развертывания текста во времени и пространстве; с другой стороны, дискурс – это и процедура осмысливания текста в акте художественной коммуникации, когда текст становится объектом чтения. Взаимодействие означивания и осмысливания как двух нерасчленимых составляющих дискурса осуществляют и “санкционируют” внетекстовые ряды, внетекстовые структуры» [Миловидов 1998, с. 39-40].

В свете сказанного можно в целом согласиться с Н. А. Белозёровой в том, что в целом «все определения дискурса представлены через понятие “текст”» [Белозерова 2001, с.18].

Место текста в «дискурсивной рамке», согласно приведённым трактовкам, как видно, центральное, подобное «яблочку» мишени. Т. В. Милевская отмечает: «Дискурсивный подход дает возможность решить многие проблемы лингвистики текста, расставляя акценты в пользу обусловленности параметров текста ролью отправителя речи – субъекта высказывания, осуществляющего свою деятельность в определенных условиях с определенной целью. В качестве продукта дискурсивной деятельности цепь, комплекс высказываний – речевых (коммуникативных) актов, предстает как связный текст. (...) связный текст рассматривается как необходимый, базовый, конституирующий элемент дискурсивной деятельности» [Милевская 2003, с. 12].

Из приведенных определений следует и то, что одной из ведущих категорий дискурса является интерактивность. «Интерактивность как тексто-дискурсивная категория представлена субъектно-объектно-субъектным взаимодействием коммуникантов, погружённых в семиосферу и бытие, и вербально – “следами” этого взаимодействия в тексте, высказывании» [Селиванова 2003, с. 61].

Таким образом, «акцент в интерпретации дискурса ставится на его интеракциональной природе» [Усманова 2001, с. 239]. В отношении языка художественной литературы (а поэзии – в первую очередь) понятие дискурса призвано подчеркнуть «динамический и диалогический характер процессов текстообразования» [Миловидов 1998, с. 39].

Упомянутая интеракциональность в целом соотносима с бахтинским учением о глобальном диалоге текстов, характеризующем бытие художественного текста во времени и пространстве, развитом позднее Ю. Кристевой, Р. Бартом и их последователями, в том числе в русистике (Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева, В. А. Миловидов, В. П. Руднев и др.) и белорусской лингвистической школе (Е. Г. Задворная, В. А. Маслова, Т. В. Плеханова, И. Э. Ратникова, О. И. Ревуцкий, В. И. Ивченков и др.).

При дальнейшем концептуальном наполнении понятия «дискурс» важно принять во внимание замечание о том, что «каждый тип дискурса ... определяется набором правил, выполнения которых он требует» [Тодоров 1983, с. 367]. Постулируя данное положение, Ц. Тодоров развивает его далее, говоря о парадоксальной особенности некоторых дискурсивных правил, состоящей «в том, что они отменяют действие тех или иных общеязыковых правил» [Тодоров 1983, с. 367]. И вслед за этим учёный экстраполирует сказанное на поэтический дискурс: «Однако сточки зрения оформления определённого дискурса, дело всегда идёт об увеличении, а не об уменьшении числа правил; доказательством служит то, что в любом “отклоняющемся от нормы” поэтическом высказывании мы имеем возможность без труда восстановить нарушенное языковое правило, потому что оно было не столько отменено, сколько оспорено другим, новым правилом» [Тодоров 1983, с. 367].

Данный тезис знаменует собой подход к понятию дискурса в собирательном значении (дискурс = типы текстов, дискурс = совокупность микро-дискурсов). Как бы в развитие данной мысли белорусский лингвист Е. Г. Задворная вводит понятие «дискурсивных эпистемических трансформаций», определяя их как «трансформации, которым подвергаются в разных дискурсивных сферах основные эпистемические сущности (знание, мнение, вера, факт) и процедуры (верификация, истинностная оценка и т. п.). Содержательная специфика и степень значимости основных эпистемических сущностей, – пишет далее исследователь, – обнаруживает сильную зависимость от дискурсивной “системы координат”, в которой они реализуются в конкретном акте речевой и мыслительной деятельности. (...) Научный дискурс конституируется как дискурс знания (причем последнее реализуется и как собственно фактуальное знание, и как обоснованное, верифицированное мнение). Религиозный дискурс представляет собой дискурс веры» [Задворная 2001, с. 238]. Отталкиваясь от данного высказывания, своей задачей мы видим выяснение того, **насколько** и **как** поэтический дискурс выступает как дискурс метафорики (и в широком – как типа мышления, и в узком – как троповости – понимании).

Основные положения нашего подхода сведём к следующим.

1. Целью осуществления дискурса является передача информации от продуцента (автора) к реципиенту (читателю / слушателю). Очевидно, что эта информация существует постольку, поскольку её нужно передать от одного объекта к другому, кодировать и декодировать, отправить и получить.

2. Областью кодирования информации является некоторое денотативное пространство (денотасфера) – внешнее по отношению к тексту положение дел (экстралингвистический универсум), о котором мы получаем информацию из данного текста.

В исследованиях по семантике и семиотике языкового знака предложены классификации денотатов, предлагаемые по отношению к словам. Денотаты слов принято делить на два больших класса: 1) объекты внеязыковой действительности – телесные (предметы), феноменальные (свойства, качества), конструктивные (например, леший, русалка и т. п.) и 2) объекты языкового характера (факты языка, отношения в его системе). В целом такую классификацию можно распространить и на тексты, с поправкой лишь на то, что текстами кодируется информация о сложных денотатах (денотативных пространствах = денотасферах) [Тарасова 1976, с. 26].

3. В качестве своеобразного «промежуточного» звена в данной дискурсивной модели текста уместно поместить интертекст: «Между слоем реалий (фактов, событий, явлений реальной действительности) и слоем языка помещается уровень интертекстуальности. Промежуточное положение данного слоя ... объясняется тем, что эта информация является и экстралингвистической, поскольку не выпадает из круга сведений исторического, культурного и иного плана, и лингвистической, ввиду того, что является

уже вербализованной другими авторами» [Ревуцкий 2006, с. 44; см. также Бабенко 2005; Липатов 2003].

4. Названные «признаки дискурсивности» текста тесно взаимосвязаны. Например, в отношении художественных текстов Ю. М. Лотман отмечает такую детерминантную связь между коммуникативной сущностью текста и его генеративными способностями, т. е. интертекстовыми связями: «...художественный текст – многоязычное устройство со сложными и нетривиальными отношениями между субтекстами (структурными аспектами, которые высвечиваются на фоне какого-либо одного из языков). (...) стоит включить его в коммуникационную структуру, начать пропускать через него внешние сообщения, как он начинает функционировать как генератор новых сообщений и текстов» [Лотман 1992, с. 27].

Таким образом, под дискурсом мы будем понимать:

1) речевое произведение, рассматриваемое в единстве с коммуникативно-экстралингвистической рамкой, в которую оно вписано, т. е. это текст в его «жизни», в динамике, в развёртывании, во всевозможных взаимосвязях и взаимодействиях, составляющих, по терминологии Ю. П. Зотова, диалогическую метапарадигму [Зотов 2000]. Будучи вычлененным из дискурсивной рамки, текст теряет динамику и рассматривается как чисто языковой феномен, являющийся «результатом этого развёртывания, которое осуществляется в соответствии с нормами фонетической, морфологической, семантической, синтаксической, стилистической и т. д. корреляции» [Миловидов 1998, с. 40]. Ср. приведённый выше метафорический образ текста, вычлененного из дискурсивной рамки, как «яблочка» мишени;

2) определённый тип коммуникации, располагающий своим (хотя бы в самых общих чертах) некоторым типом (типами) свойственных ему текстов и их интеракций (дискурсивных рамок).

Исходя из этого, в объём понятия **дискурсивной модели художественного текста** мы вводим совокупное действие основных его интеракций: **текст – денотасфера** (бытие, действительность, вне-текст, экстралингвистический универсум); **текст – семиосфера** (т. е. знаковое пространство, прежде всего, языковые знаки – от звуков до текстов)¹; **текст – коммуниканты**. Именно их суммирование и даёт момент дискурса (или, если придерживаться позиции текстоцентризма, – дискурсивной модели текста).

Данный подход принимается как теоретическая основа для дальнейшего этапа в разработке метафорологии поэтической речи – метафорологии поэтического дискурса, выросшей из метафорологии поэтического текста.

Если рассматривать метафорологию дискурса как непосредственное развитие и продолжение метафорологии текста (по той же логике, что и лингвистику дискурса рассматривают как развитие лингвистики текста, а лингвистику текста – как выросшую из синтаксиса сверхфразовых единиц),

¹ Ср. высказанную Л. Н. Мурзиным мысль о том, что «текст не является наивысшим уровнем языка. Если признать семиотичность культуры, то именно культура и составляет этот наивысший уровень» [Мурзин 1994, с. 165].

то проблема «метафора и поэтический текст / дискурс» обретёт ясные очертания путей своего решения «на новом витке»: функционирование метафоры уже не в структуре текста, а в осуществлении его дискурсивных связей, что до сих пор было лишь контурно намечено в достаточно немногочисленных исследованиях. К тому же, во-первых, это задача, выдвинутая логикой развития целого ряда наук: поэтики, лингвистики текста, дискурсивной лингвистики, семиотики, наконец, метафорологии; во-вторых, объективное требование времени – конца XX – начала XXI века, – явившего читателю (участнику дискурса) огромный массив текстов метафоричных, зашифрованных, аллюзивных, информативно уплотнённых, о чём речь уже шла выше.

1.3.2. Интерактивность как основа структурного изоморфизма метафоры и текста / дискурса

Идеи изоморфизма во взглядах на основополагающие феномены бытия далеко не новы. Они уходят своими корнями в античную философскую мысль. В частности, у Платона и ряда других выдающихся мыслителей прошлого находим представление о мире как о мире идей, о многоуровневой реальности, уровни которой находятся в отношении глобального взаимодействия, взаимодублирования, взаимодополнения, взаимообусловленности, обусловленных их гомогенностью и структурным изоморфизмом.

В лингвистический оборот понятие изоморфизма ввёл известный польский языковед Ежи Курилович. Изоморфизм в языке он видел в наличии структурных аналогий между звуковыми и семантическими единицами. Эта же идея – идея глубокого структурного параллелизма формального и содержательного языковых планов – входит в число основных положений глоссематической концепции Л. Ельмслева [Ельмслев 2006].

Во многом попытки обнаружения изоморфизма внутри языка – более или менее успешные – до сих пор представляют одну из наиболее дискуссионных проблем лингвистической науки [Трубачев 1988, с. 197–222], предлагая исследователям всё новые и новые вопросы, наводя их на интересные, подчас весьма неожиданные параллели.

В числе осмысляемых в данном отношении феноменов первостепенную роль играет СЛОВО в своём отнологическом понимании, сводящее к себе как к некоему центру все механизмы языка (по Ф. де Соссюру) и – более того – бытия. Современной науке известны уже не единичные прецеденты поиска (и нахождения!) структурного изоморфизма СЛОВА с такими феноменами идеального и материального бытия, как МОЗГ, ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД, ЧЕЛОВЕК, ВСЕЛЕННАЯ [Гируцкий 2001, с. 199–266].

В. А. Маслова, ссылаясь на другого известного лингвиста, отмечает: «Современный учёный В. В. Налимов справедливо рассматривает мир как семантическую вселенную, а человека – как текст, который сам себя читает. В генетической книге достаточно сдвинуть только одну букву – и весь дальнейший текст будет иметь иной смысл. Наш организм постоянно читает эту книгу. Чтобы повлиять на другого человека, необходимо войти

в его семантическое поле, знать законы его функционирования, знать его грамматику. Тексты ДНК и РНК подчиняются общим законам универсальной грамматики. Если мы знаем эту грамматику, то можем существенно повлиять на человека. Но уровень влияния определяется не только смыслом, ритмом, другими чисто языковыми характеристиками, но и уровнем значительности личности, которая пробует воздействовать, например, на преподавателя, врача» [Маслова 2017, с. 123].

В свете сказанного логично будет принять в качестве исходного, аксиоматического, положения тезис о потенциально присущих универсальным изоморфическим свойствам и для такого понятия, как текст в его дискурсивном понимании.

Эти же свойства, безусловно, распространены и на такую ипостась СЛОВА, как метафора, имеющую фактически равную со СЛОВОМ историю своего осмысления.

Пожалуй, ни один из феноменов речемыследеятельности, ни одна из онтологических ипостасей слова не заявила о своих изоморфических потенциях в той степени, в какой это удалось метафоре. «В основе всех взглядов на природу метафоры находится положение о метафорической природе мышления как такового. Метафоричность мышления объясняется таким его свойством, как изоморфизм. Под изоморфизмом понимается способность мышления формировать понятия, относящиеся к различным областям бытия, через систему языковых единиц, способных одинаково успешно использоваться для обозначения явлений самых различных сторон действительности. Именно изоморфизм мышления и позволяет человеку мыслить о самом себе, о природных явлениях, технике и т. д. в сходных терминах» [Толочин 1996, с. 29].

Итак, метафора генетически, онтологически и экзистенциально изоморфична, поскольку по своему генезису, деривации и экзистенции бинарна: её «нерв», как уже отмечалось, – это взаимодействие, интеракция ([см.: Блэк 1962; Ричардс 1990; Лагута 2003; Мурзин 1976; Coulson 2002; Kiklewicz 2006; Kragen 1989; Metaphor 1993; Metaphor 2009; Researching 1999 и др.]²).

¹ «Возникновение изоморфизма связано с синкретичностью первобытного сознания, которому было свойственно общее анимистическое мироощущение и антропоморфизация природы. Основа первобытного сознания – миф, который базировался на представлениях о тождестве человеческого рода и определенных животных, жизни человека и жизни наблюдаемой им природы; на вере в магическую силу слова, тождественного по своей природе называемому предмету. Мифологическое сознание, возможно, и обусловило зарождение и развитие системы метафор, пронизывающих всю структуру организации понятий в современном языке.

Физиологической основой изоморфизма является моделирование как важный элемент поведения животного и человека. Психологи проводят соответствие между игрой животного, в которой оно моделирует жизненные ситуации (competitive interaction), и моделированием возможных условий бытия человеком (existential modelling)» [Толочин 1996, с. 30].

² «Метафора вообще возникает в силу природной склонности человека к соположению объектов и явлений, к поиску реального или мнимого изоморфизма разных проявлений окружающего мира» [Ратникова 2003, с. 5].

Неслучайно «следы» изоморфизма мы в любом случае обнаружим там, где «приложила свои силы» метафора. Будь это словарный фонд переносных значений (*ножка стула, глазное яблоко, кисть винограда* и т. п.), парадигмы терминосистем (ср.: *родство языков, языковая семья, корень слова, мёртвый язык* и т. д.), целостные концептуальные образования (фреймы) типа *жизнь – книга, жизнь – театр, политика – шоу, человек – растение* и т. п., получившие в когнитивной лингвистике наименование концептуальных метафор ([Добжиньская 2000; Илюхина 2005; Лассан 1996; Хамитова 2009 и др.]). «Сам термин “метафора”, – отмечает О. Н. Лагута, – давно вышел за рамки поэтико-риторического употребления. Как метафорические рассматриваются даже элементы ландшафта, предметы дизайна, исторические и социальные события, художественные стили и средства, направления в развитии информационных технологий и мн. др.» [Лагута 2003а, с. 7]. Именно отсюда привычные в последнее время нашему слуху выражения наподобие *метафора города, метафора сада, метафора танца* и пр., о чём речь ещё пойдёт далее.

В последнем случае в концептуальном объёме понятия «метафора» явственно акцентируется сема модельности. Между метафорой и моделью по сути ставится знак равенства. «Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2001, с. 33]. А как известно, «моделирование возможно только там, где существует ряд близких в чем-либо друг другу явлений, существенные признаки которых совпадают. Поэтому очень важными понятиями при описании моделирования (как и метафоризации) являются понятия аналогии, изоморфизма, равенства, тождества (и гомоморфизма), абстракции» [Лагута 2003-1, с. 74].

В силу этого весьма символична сформировавшаяся в научных исследованиях различной направленности практика раскрытия сущности изоморфизма каких-либо феноменов бытия посредством оперирования понятием «метафора»¹. Так, например, в 1974 году М. И. Стеблиным-Каменским была опубликована статья «Изоморфизм и “фонологическая метафора”», в которой учёный затронул проблему транспозиции фонологических терминов в описание нефонологических явлений: «Какой лингвист, – пишет М. И. Стеблин-Каменский, – ...не употреблял терминов “оппозиция”, “нейтрализация”, “маркированность” и т. д. в описании не фонологических явлений?» [Стеблин-Каменский 1974, с. 74]. К названной терминологической экстраполяции учёный обращается для попытки решения проблемы соотношения двух основных планов языка – плана выражения и плана

¹ См., например, фундаментальное монографическое исследование М. Арбиба по названию «Метафорический мозг», в котором учёный предпринимает попытку разобраться в работе человеческого мозга посредством опоры на две ключевые взаимосвязанные метафоры: кибернетическую «человек – это машина» и эволюционную «человек – это животное» [Арбиб 1976].

содержания. Именно этот процесс – сравнение элементов или явлений разных планов языка – М. И. Стеблин-Каменский и рассматривает как своего рода метафору: «Когда термины “оппозиция”, “нейтрализация”, “дифференциальный признак” и т. п. применяются к не фонологическим явлениям, то это, так сказать, “фонологическая метафора”» [Стеблин-Каменский 1974, с. 77].

Итак, в качестве промежуточного вывода констатируем: метафора как языковой (речевой, концептуальный) феномен обладает существенным свойством изоморфичности, на основе которого устанавливаются аналогии. «Аналогии – это метафоры на основе структурного изоморфизма, и для того, чтобы проводить аналогии, необходимо, чтобы у двух сопоставляемых вещей были схожи структуры» [Уфимцев 2010, с. 58].

В этом плане представляется важным замечание О. Н. Лагута, о том, что «действие метафоризации не симметрично операции сравнения, поскольку последнее предполагает установление общего признака у сравниваемых объектов. Аналогия, которую логика рассматривает как операцию, позволяющую переносить существенные свойства с одного предмета на другой – на основании определенного тождества этих предметов, при применении к объяснению метафоры заставляет последнюю рассматривать как нечто, имеющее собственное значение, а это возвращает исследование тропов на уровень других языковых выражений. Аналогия и сравнение могут быть верными или же нет, но ничего подобного нельзя сказать о метафоре. Дело в том, что метафоризация чаще всего не связана с абстрагирующей силой познания и не обязана отвечать требованиям логических правил. Посредством метафоры, скорее, происходит замещение или постановка одного значения вместо другого» [Лагута 2003а, с. 44].

В развитие сказанного мы далее предпринимаем попытку свести в одну точку изоморфические потенции двух упомянутых выше феноменов, двух суперзнаков – текста (в его дискурсивном понимании) и метафоры. Как это свойство проявляется у них в отношении друг друга? Иными словами: в какой мере и в каких категориях о тексте / дискурсе можно говорить как о метафоре? Развивая приведённые выше мысли М. И. Стеблина-Каменского, мы по сути ставим вопрос о «метафоре метафоры» в отношении текста.

Рассматривая художественный текст, с одной стороны, как дискурсивное образование (обнаруживающее в качестве основных дискурсивных интеракций такие, как «текст – действительность», «текст – язык», «текст – интертекст», «продуцент – текст – реципиент», см.: [Бабенко 2005; Маслова 1997; Ревуцкий 2004]), а с другой – как семиотический объект (знаковое образование в единстве означаемого и означающего), выдвинем несколько отправных постулатов метафороподобия художественного текста / дискурса:

- наличие интеракционного механизма, работающего как при образовании метафоры, так и в процессе порождения текста / дискурса;

- обусловленность данным механизмом свойства двуплановости (двусторонности), характеризующего любой знак, содержащий денотат (означаемое) и сигнификат (означающее), что также присуще как тексту, так и метафоре;

- установление между исследуемыми феноменами (метафора, текст, дискурс) отношений взаимовключения (части / целого), также ведущее к их изоморфизму. Ср.: «Существенной особенностью структурного построения ядерных механизмов семиосферы, – пишет Ю. М. Лотман, – является то, что каждая ее часть сама представляет собой целое, замкнутое в своей структурной самостоятельности. По отношению к целому они, находясь на других уровнях структурной иерархии, обнаруживают свойство изоморфизма. Таким образом, они являются одновременно и частью целого, и его подобием. Для прояснения этого отношения можно прибегнуть к образу, использованному в другой связи в конце XIV в. чешским писателем Томашем Штитным. Подобно тому как лицо, целиком отражаясь в зеркале, отражается так же и в любом из его осколков, которые, таким образом, оказываются и частью, и подобием целого зеркала, в целостном семиотическом механизме отдельный текст в определенных отношениях изоморфен всему текстовому миру и существует отчетливый параллелизм между индивидуальным сознанием, текстом и культурой в целом» [Лотман 2000, с. 23].

Метафора, как было отмечено выше, – это, с одной стороны, один из почти обязательных в языке поэзии конструктивных элементов текста (т. е. опять же часть в целом), а с другой стороны – сама по себе «свёрнутый текст», т. е. способ поэтически реагировать на мир посредством текста (и тогда уже текст относится к метафоре как часть к целому).

Следовательно, продолжая и развивая приведённую выше мысль Ю. М. Лотмана, мы подходим к обоснованию постановки вопроса о сущности и проявлениях структурного сходства (изоморфизма) между метафорой и текстом / дискурсом в поэзии.

Такой подход уже однозначно утвердился в статусе методологического при изучении метафоры в различных ракурсах. Ср.: «Ключевыми словами в определении метафоры являются «соотношение» и «перенос» (последнее конкретизирует специфику переноса), то есть метафора предстает перед нами как принцип установления связей между предметами и объектами реальности в рамках целостности, заданной первообразом» (...) Основываясь на этимологическом анализе, мы делаем заключение о сущности механизма метафоры. Само слово может быть разбито на две части: «мета» (имеет 2 значения: 1) после, над, через, за, пере 2) совместно, сообща) и «фора» (движение). Отсюда мы можем сделать следующие выводы: 1) метафора как-то связана с объединением, 2) но это объединение совершенно отлично от механической суммы, оно предполагает взаимовлияние, взаимосвязь элементов с возможной их последующей трансформацией» [Свирепо 2002].

В трудах Р. О. Якобсона получил обоснование принцип параллелизма как ведущий принцип организации поэтического текста и – шире – поэтичес-

кой речи. Тропеичность в широком смысле при этом рассматривается как один из важных показателей параллелизма. В подтверждение своей мысли Р. О. Якобсон ссылается на Г. Гопкинса: «К параллелизмам отчётливого или «резкого» типа принадлежат метафоры, сравнения, иносказания и т. д., где эффект достигается за счёт сходства вещей, а также антитеза, контраст и т. д., где параллелизм достигается за счёт их несходства» [Якобсон 1975, с. 217]. В художественной речи, отмечает Ю. М. Лотман, «каждая деталь и весь текст в целом включены в разные системы отношений, получая в результате одновременно более чем одно значение. Будучи обнажено в метафоре, это свойство имеет более общий характер» [Лотман 1998, с. 68].

На своём начальном этапе «метафора ... имеет дело не с отождествлением разных предметов, а с различием внутри одного предмета, отличием предмета от самого себя. Точнее – точка уподобления двух разных предметов является точкой расподобления предмета с самим собой» [Амелин 1994, с. 267].

Эта особенность метафоры имеет под собой более общие лингвистические основания. «Диалектика мира и его бытия, его гармония и противоречивость, симметрия и асимметрия объектов и явлений не позволяют существования четких границ между сходством и различием. Существует некая зона равновесия сходств и различий объекта(ов). Лингвокреативное сознание носителей языка заметило и отметило это равновесие (временное или постоянное, с чередованиями переменных перетягиваний в пользу того или другого, с колебаниями и отклонениями и т. д.) языковыми категориями. Человек и сам нередко стоит перед выбором в определении сходства и различия, и онтология его альтернативного состояния также находит свое языковое выражение», – отмечает М. И. Конюшкевич, иллюстрируя сказанное примером из известной песни: *Речка движется и не движется* и отмечая многочисленность подобных высказываний в речи [Конюшкевич 2001, с. 103].

Н. Д. Арутюнова видит в данном свойстве метафоры её родственность самой сути поэтического дискурса: «...поэзия часто начинается с отрицания, за которым следует противопоставление (...) Именно по этому столь органически присущему поэзии принципу построена метафора (...) Метафору роднят с поэтическим дискурсом следующие черты: 1) слияние в ней образа и смысла, 2) контраст с тривиальной таксономией объектов, 3) категориальный сдвиг, 4) актуализация «случайных связей», 5) несводимость к буквальной перифразе, 6) синтетичность, диффузность значения, 7) допущение разных интерпретаций, 8) отсутствие или необязательность мотивации, 9) апелляция к воображению, а не знанию, 10) выбор кратчайшего пути к сущности объекта» [Арутюнова 1990, сс. 17, 20].

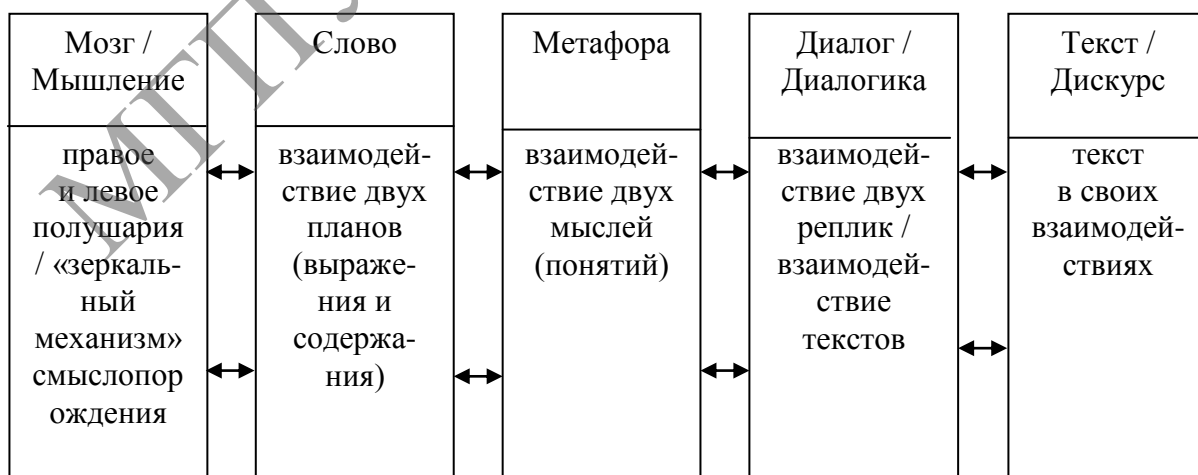
На то же свойство метафоры указывает и В.П. Григорьев, отмечая изоморфизм метафоры и диалога: «Во-первых, троп ... служит появлению в привычном слове нового “голоса”, нового авторского “акцента”, который внутренне полемичен по отношению к “старому”, общезыковому голосу...». Во-вторых, «...не так уж редко поэтам удаётся преодолеть сопротивление

тропа и разности семантические составляющие метафоры в полемические одна по отношению к другой реплики» [Григорьев 1979, с. 120–121]. Ср.: *Говоря по-вашему, / рифма – / вексель. / Учесь через строчку! – / вот распоряжение. / И ищешь / мелочишку суффиксов и флексий / в пустующей кассе / склонений / и спряжений.* (·) *Говоря по-нашему, / рифма – бочка. / Бочка с динамитом. / Строчка – / фитиль. / Строка додымит, / взрывается строчка, – / и город / на воздух / строфой летит* (В. Маяковский).

Таким образом, дискурсивный (интерактивный) подход к функционированию поэтической метафорики обнаруживает её новые, недостаточно исследованные аспекты.

Во-первых, метафора выступает средством авторского рефлексивного реагирования на окружающие текст дискурсивные слои. Во-вторых, как изоморфные, сущностно родственные метафоре ведут себя глубинные механизмы порождения и функционирования дискурсивных интеракций поэтического текста, заданные свойствами человеческого мозга и – шире – базовыми параметрами основных феноменов бытия (бинарность, симметроасимметрия и т. д.). См., например: [Гируцкий 2001; Черниговская 1986; Уваров 1996]. Ср.: «Зеркальный механизм, образующий симметричноасимметричные пары, имеет столь широкое распространение во всех смыслопорождающих механизмах, что его можно назвать универсальным, охватывающим молекулярный уровень и общие структуры вселенной, с одной стороны, и глобальных созданий человеческого духа, с другой. Для явлений, охватываемых понятием «текст», он, бесспорно, универсален» [Лотман 2000, с. 23]. «Правое и левое полушария головного мозга человека, разноязычные субтексты текста, принципиальный полиглотизм культуры (минимальной моделью является двуязычие) образуют единую инвариантную модель: интеллектуальное устройство состоит из двух (или более) интегрированных структур, принципиально разным образом моделирующих внележащую реальность» [Лотман 1992, с. 29].

Сказанное выше можно свести к следующей схеме:

1.3.3. Дискурсивная модель функционирования поэтической метафоры

Изложение материала данного подраздела построим в форме комментария к графической интерпретации предлагаемой модели, представленной на рисунке 1.1.

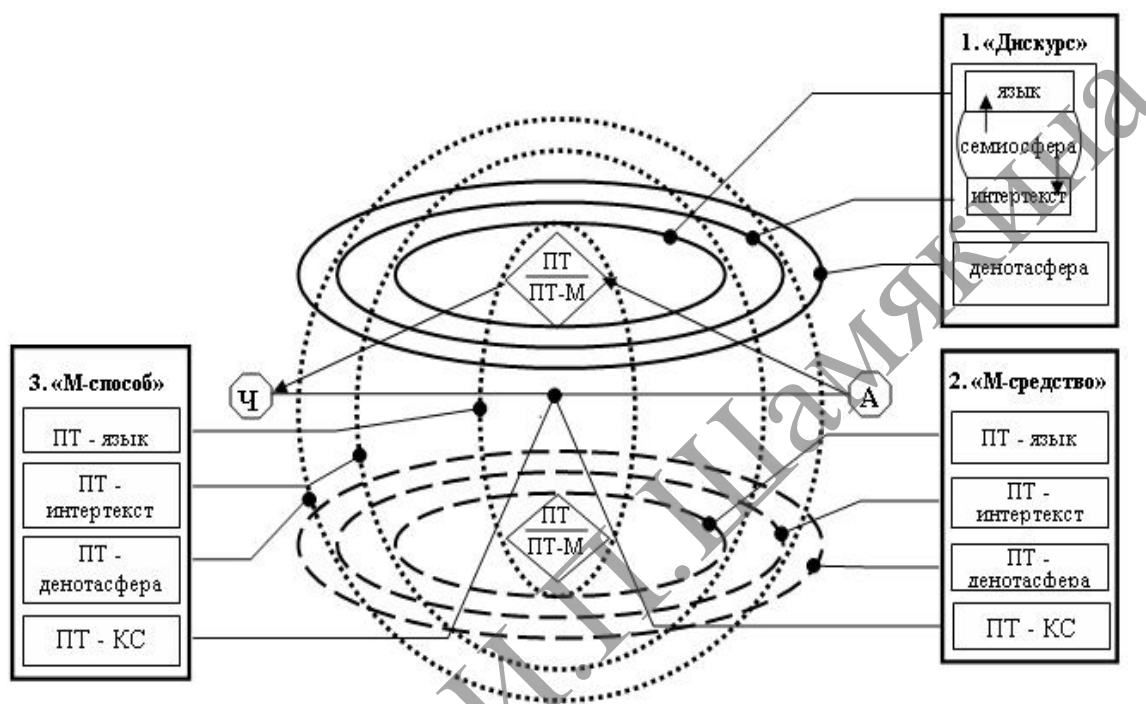

Рисунок 1.1. – Модель дискурсивного функционирования поэтической метафоры

Блок 1. «Дискурс» (верхние горизонтальные концентрические окружности). В изложении устройства данного блока мы исходим из обоснованной выше дискурсивной модели текста (п. 1.3), которую сведём их к следующим кратким положениям:

- поэтический текст (**ПТ**) – звено в коммуникативной цепи «автор – читатель» (**А – Ч**), т. е. существует в **коммуникативной ситуации (КС)**;
- ПТ (и вообще текст) принадлежит к высшим знакам **языка** как основной семиотической системы (ближняя к ПТ окружность), представляя собой коммуникативно самодостаточный отклик на некоторое внешнее положение дел (в терминах семиотики – полный знак);
 - ПТ референтен по отношению к **денотасфере** (внешняя окружность);
 - в качестве промежуточного слоя в данной модели фигурирует **интертекст**;
 - языковой и интертекстовой слою, «опоясывающие» текст, являются основными фигурантами **семиосферы** – мира знаков, создающих культурный контекст бытия ПТ.

Место метафоры в предложенной модели отражают блоки 2 и 3.

Блок 2. Метафора как средство структурирования дискурсивных связей и отношений ПТ (нижние горизонтальные концентрические окружности). Каждая из описанных выше дискурсивных интеракций ПТ демонстрирует свои виды метафорики, выступающей в качестве средства их структурирования, а именно:

- взаимодействие «ПТ – денотасфера» наиболее вариабельно в своих взаимоотношениях с поэтической метафорикой и может быть рассмотрено с точки зрения структурно-смыслового соотношения денотасфер-доноров и денотасфер-реципиентов (с этой точки зрения русские и белорусские поэтические метафоры рассмотрены во 2-й главе);

- интеракция «ПТ – язык» представлена в русской и белорусской поэзии метафорическими образами, в которых язык (в том числе и сама метафора как языковой феномен) выступает в качестве объекта метафорического осмысления либо в качестве источника для метафорического моделирования иных объектов действительности (об этом пойдёт речь в 3-ей главе);

- отношения «ПТ – интертекст» представлены интертекстуальными метафорами, имеющими место в текстах русских и белорусских поэтов в диапазоне от устойчивого употребления метафорических формул-архетипов, наподобие *жизнь – дорога (театр, плавание, цветение), смерть – увядание* и т. п., – до собственно интертекстовых метафор, представляющих собой «посттекстовое» функционирование конкретного метафорического образа, имеющего идентифицируемый источник происхождения (такие метафоры станут предметом анализа в 4-й главе);

- во взаимодействии «ПТ – КС» метафора функционирует в качестве средства репрезентации коммуникантов (автора и читателя, персонажей и др.) и коммуникативных ситуаций (метафорика подобного рода анализируются в 5-й главе).

Блок 3. Метафора как способ организации дискурсивных интеракций ПТ (вертикальный концентрические окружности). Здесь отражена идея о высшей форме дискурсивно-семиотического бытия поэтической метафоры – о её функционировании в качестве изоморфической модели поэтического текста как дискурса. Метафороподобие отдельных интеракций заключается в следующем:

- отношения «ПТ – денотасфера» исходно метафоричны в силу знаково-условного характера художественного текста: художественный текст – это некое подобие / антиподобие внешней по отношению к автору действительности, слепок с неё либо её отражение в кривом зеркале. В этом смысле любой художественный текст – это метафора действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – это принцип взгляда на мир посредством текста, инструмент семиотического освоения действительности средствами художественного дискурса (анализу этих отношений посвящена 2-я глава монографии);

- отношения «ПТ – язык» приобретают признаки метафоричности в случае иконического соответствия денотата и сигнификата текста, т. е. при дублировании информации, представленной на уровне смыслов, концептов, средствами фактур, относящихся к формальной стороне текста (ритмике, фонике, морфемике, синтаксису, графике, композиции и пр.) (данное проявление метафорики мы анализируем в 3-ей главе);

- метафороподобие отношений «ПТ – интертекст» заключается в его сущностном сходстве интертекста с метафоричностью и – шире – тропеичностью в плане их прагматической ориентированности на увеличение смысловой ёмкости текста (об этом речь идёт 4-й главе);

- метафорика отношений «ПТ – коммуникативная ситуация» заключается в передаче информации от адресанта к адресату, основанной на интерактивном механизме, сущностно родственном метафоре: определение параметров коммуникативной ситуации поэтического текста напоминает разгадывание метафоры-загадки: Я, ТЫ, МЫ, ОН как составляющие информативно-образного кода поэтического текста должны быть адекватно интерпретированы (разгаданы, реконструированы), тем более что в поэтическом дискурсе возможны различные формы их взаимоперемещения и перевоплощения (подробнее см. в 5-й главе).

Таким образом, дискурсивный (интерактивный) подход к функционированию поэтической метафорики обнаруживает её новые, недостаточно исследованные аспекты.

Выводы по 1-й главе

1. Исследование русской и белорусской поэтической метафорики в тексто-дискурсивно аспекте позволяет утверждать, что метафора – не только неотъемлемый элемент в структуре внутритекстовых связей и отношений вплоть до выполнения текстообразующей функции, но и активный фигурант притекстовых зон дискурса, т. е. тех интеракций, в которых ПТ проявляет себя как эстетически нагруженный коммуникативно ориентированный знак. К числу таких интеракций, относятся разнообразные взаимодействия ПТ с внеязыковым универсумом (действительностью), языковым универсумом, интертекстом (совокупностью как претекстов, так и посттекстов) и коммуникативной ситуацией.

2. Анализ языковых фактов, фиксирующих интеракции подобного свойства, представленных в двух национальных поэтических стилях (белорусской и русской поэзии), интерпретированных посредством их сопоставления, свидетельствует, с одной стороны, о тождестве метафорической устроенности двух данных поэтических языковых систем в плане функционирования ПТ в его дискурсивных связях, с другой – о национальном своеобразии русской и белорусской метафорики соответственно, актуализирующей взаимодействие ПТ с притекстовыми зонами дискурса.

3. Ключевым для дискурсивно-семиотического изучения поэтической метафоры является такое её свойство, как интерактивность, т. е. способность совершать и вербально фиксировать момент взаимодействия смыслов. Именно это свойство делает метафору одновременно изоморфной знаку (метафора – это знак знака, знак «в квадрате») и дискурсу (т. е. действенной, актуальной ипостаси текста). Данным свойством объясняется генеративный потенциал метафоры как феномена текста / дискурса – способность и стремление охватывать всё более и более широкие отрезки текста (от актуализации в тексте на уровне фоники, звукокомплексов до иррадиации в протяжённые текстовые фрагменты, целые тексты, и, наконец, до приобретения статуса дискурсивного скрепа). В текстах русской и белорусской поэзии представлены различные по своему архитектурному решению, но в целом структурно сходные метафорические построения, имеющие образно-смысловую завершённость в пределах различных континуумов – минимальных (словосочетаний), развёрнутых (от пределов предложения до пределов текста) и текстообразующих (создающих текст как образное художественное целое).

4. Рассматривая художественный текст, с одной стороны, как дискурсивное образование (обнаруживающее в качестве основных дискурсивных интеракций такие, как «текст – действительность», «текст – язык», «текст – интертекст», «продуцент – текст – реципиент»), а с другой – как семиотический объект (знаковое образование в единстве означаемого и означающего), мы выделяем несколько признаков метафороподобия художественного текста / дискурса: а) наличие интеракционального механизма, работающего как при образовании метафоры, так и в процессе порождения текста / дискурса; б) обусловленность данным механизмом свойства двуплановости (двусторонности), характеризующего любой знак, содержащий денотат (означаемое) и сигнификат (означающее), что также присуще как тексту, так и метафоре; в) установление между исследуемыми феноменами (метафора, текст, дискурс) отношений взаимовключения (части / целого), также ведущее к их изоморфизму.

ГЛАВА 2

МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСИВНЫХ СВЯЗЕЙ «ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ»: СПОСОБЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

2.1. Метафора – текст – действительность: лингвосемиотическая природа отношений

Интеракция «текст – действительность» создаёт, пожалуй, самое обширное проблемное поле для лингвометафорологического исследования поэтической речи в дискурсивно-семиотическом аспекте. Природа метафорического означения внетекстового универсума – предмет размышления не одного поколения метафорологов. «Писатель, пользуясь знаковостью языка, строит определенную реальность, которая не только отражает уже существующую, но и является ее частью. Поэтому любой художественный текст носит знаковый характер, требующий при интерпретации семиотического подхода, который, в свою очередь, направлен на объяснение текста как языкового явления» [Белозерова 2001, с. 15]. В продолжение данной цитаты приведём следующую выдержку, которая уточняет сущность знакового характера повествовательного текста: «структура повествовательного текста, по мнению нарратологов, аналогична сосюрговской структуре знака. «История (фабула) является предметом рассказа (означаемым), нарративный дискурс – означающим. Но между ними имеется промежуточный уровень “рассказа” (сюжета). По отношению к истории, которую рассказ организует и упорядочивает, он играет роль означающего. По отношению к нарративному дискурсу – роль содержания высказывания (непосредственного означаемого), тогда как сам нарративный дискурс выполняет функцию означающего, то есть на вербальном уровне рассказ/сюжет – означаемое, на экстралингвистическом – означающее. На уровне сюжета происходит не процесс вербализации, воплощения в слове, а процесс фокализации, воплощения в сценах и образах. Это фаза “гипотетической переработки”, упорядоченной и структурированной истории» [Ермоленко 2002, с. 32].

Аспект нашего рассмотрения – поиск ответа на вопрос, каким образом выстраиваются отношения поэтической метафористики и отражаемой в текстах лирического дискурса экстралингвистической ситуации (денотативного пространства), реализующие метафорогенность поэтического текста. Иными словами, нам предстоит выяснить, что стоит за постоянно постулируемым и самими авторами (поэтами и писателями), и исследователями их творчества утверждением «текст – это метафора» (ср.: «Достаточно вспомнить ... ряд метафорических определений ... литературы, которую называют “учебником жизни”, “моделью действительности” и т. п. (...)) В кратком оформлении эту “базисную метафору” можно выразить так:

произведение – это метафора» [Иванюк 1998, с. 28]; см. также ряд аналогичных по содержанию цитат, приведённых выше)¹, предложив лингво-поэтико-семиотическую интерпретацию подобных отношений. Такой аспект изучения поэтической метафоры диктует необходимость решения ряда задач частного характера. Сформулируем их в виде вопросов:

- каковы формы представленности метафоры как глобального семиотического механизма в поэтических текстах;
- какова градуальность этих форм в движении поэтической картины мира по линии отклонения от узуальной в сторону индивидуально-авторской, незузуальной;
- что в этих формах можно расценивать как типическое, инвариантное, доминантное, а что – как модификационный потенциал, как периферию, маргиналии;
- как данные формы соотносятся со смежнометафорическими явлениями и в чём их отличия друг от друга;
- наконец, к каким наблюдениям и выводам сравнительного характера могут привести ответы на поставленные выше вопросы в отношении фактического материала, представляющего две национальные поэтические системы – русскую и белорусскую?

Ответы на эти вопросы, как нам представляется, способны сформировать представление о метафоре как о своеобразном дискурсивном «скрепе» в рамках связей текста с отображаемой им действительностью (ситуацией).

Рассуждая в плоскости поставленных вопросов, начнём с констатации того факта, что любой читатель по прочтении того или иного текста способен ответить на вопрос: следует ли автор в описании действительности принципу жизнеподобия, т. е. может (могло ли) происходить то, о чем написано в данном произведении, «на самом деле»? Так намечается базовая оппозиция двух типов художественных текстов: воспроизводящих действительность **достоверно** («как бы» достоверно), «реалистически» и **недостоверно**, нетривиально, «замысловато», с использованием «незузуальных правил кодирования реальности» [Левин 1998, с. 587].

Хотя уже и на этом этапе подобной типологизации с точки зрения обыденного сознания есть свои камни преткновения – например, тексты, внешне «правдоподобные», однако таящие в себе иные, не выраженные напрямую смыслы. В частности, следует учитывать, во-первых, условность понятия реалистичности: фрагмент действительности, отражённый в реалистическом тексте, – это часто фрагмент вымышленной действительности. Во-вторых, реалистический текст отражает действительность не по принципу «1:1», а по принципу метонимии, воспроизводя не целое, а часть

¹Ср. также: «...многочисленные “свидетельские показания” писателей убеждают в том, что первообраз произведения является метафорическим по своему характеру» [Иванюк 1998, с. 39].

[Долинин 1985, с. 143], что обусловлено свойством языка передавать «лишь чрезмерно обобщённое и нечёткое описание событий» [Левин 1998, сс. 581–593, 602]. Однако – и это для нас главное – воспроизведение действительности в данной разновидности художественного дискурса **не противоречит нашему представлению о ней**.

Поэтому принципиально важно понимать, что в основе разграничения художественных текстов на достоверные и недостоверные лежит не что иное, как наш когнитивно-речевой опыт: достоверным нам представляется тот текст, который **воспринимается как достоверный**, пусть даже мы и осознаём, что факты, описанные в произведении, являются вымышленными.

Вот что по этому поводу писал известный семиолог Г. Почепцов, ссылаясь на труды Ц. Тодорова: «В своей “Поэтике прозы” Цветан Тодоров уделил существенное внимание явлению *достоверности*. Одна из его работ даже называется “Введение в достоверность”. Он говорит о том, что правдоподобие не является модным понятием. Цитируя одного из редких исследователей, он повторяет вслед за ним, что в основе правдивости лежит не соотношение с реальностью (как это имеет место в случае правды), а соотношение с тем, что большинство людей считает реальностью, т. е. с общественным мнением. “Тем самым дискурсу должен соответствовать другому дискурсу (анонимному, внеличностному), но не референту”. Еще одним вариантом определения служит соответствие законам жанра, но тоже не реальности. Как он считает, “достоверность – это маска, которая принимается по законам текста и которую мы признаем за отношение с реальностью”. Расхождение с реальностью может принимать и иные формы» [Почепцов 2001, с. 265-266].

В контексте сказанного выглядят весьма красноречивыми и рассуждения известного русского писателя советской эпохи К. Федина: «Факт в большинстве случаев – лишь точка приложения силы, которую мы зовём фантазией... Сейчас, после окончания огромной диалогии, в общей сложности в 60 печатных листов, я оцениваю соотношение вымысла и “факта” как 98 к 2. Конечно, я много знал и знаю жизненных фактов из русской действительности 1910 и 1919 годов. Но только оттолкнувшись от них в простор воображения, я мог сочинить людей, в жизни никогда не виданных, не встреченных, но как бы безусловно живших» [Цит. по: Сапарина 1967, с. 44].

Показательно в этом плане применение в современной текстологической литературе понятия «граница текста», которая определяется как «категория анализа художественного текста, позволяющая отделять возможный мир текста от мира объективной действительности (...). Г. Т. конституируется таким образом, что все высказывания художественного дискурса попадают в зону действия неявных, имплицитных операторов, локализирующих эти высказывания (и соответственно текст) в сфере вымысла, *fiction*, что имеет ряд немаловажных следствий. Одним из таких следствий выступает выведение высказываний художественного дискурса из-под юрисдикции

стандартных норм истинностной оценки (высказывания художественного текста истинны не вообще, а строго в рамках данного текста)» [Задворная 2001, с. 182–183].

Всё сказанное выше подводит к постановке проблемного вопроса: какова же всё-таки лингвосомиотическая природа «достоверного» / «недостоверного» отражения действительности художественным текстом и какую роль в этом играет метафорический механизм отражения внетекстовой реальности?

Ответ на данный вопрос может быть дан при посредстве ответа на другой, более частный, но не менее сложный вопрос: что же кодируется художественным текстом? Иначе: с денотатом какого рода соотносится сигнификат художественного текста?

Исследователи отвечают на этот вопрос по-разному. Одними указывается на внешнюю по отношению к художественному тексту природу его денотата, «...обусловленность содержания текста самой действительностью и отражённость в тексте действительности, времени его написания, национально-культурных представлений...» и др. [Бабенко 2005, с. 31], ср. также: «Внутритекстовые связи выступают ... как рефлекс связей, существующий в реальной действительности, в мире реальных объектов, что должно найти отражение в ткани текста» [Данилова 2000, с. 138].

Другие, напротив, подчёркивают субъективную природу его семиотического содержания: «Текст является не столько выражением чего-то вне него лежащего и до него уже существовавшего (языка, идеи, внетекстовой реальности, авторской интенции и т. п.), сколько самостоятельным универсумом, всё это порождающим и включающим в себя» [Лотман 1993, с. 123-162]; «Художественная литература открыто тяготеет к вымыслу, посредством которого, отталкиваясь от реальности, создаёт свою модель мира» [Симонова 2002, с. 108]; «Референт художественного текста находится внутри текста, а не вне его» [Чернейко 1999, с. 442.].

Нам представляется, что денотат художественного текста нельзя категорически соотнести ни со сферой экстралингвистики, ни с порождениями чистого вымысла, «фантазирующего сознания» [Борухов 1992]. Семиотическая картина здесь такова: текст воспринимается реципиентом как «достоверный» в том случае, когда он кодирует не только и даже не столько «переменные величины» некоторого внешнего по отношению к продуценту универсума, сколько величины «постоянные», т. е. не конкретные лица, факты, события, а некоторые базовые сценарии и фреймы, которые являются (или, по замыслу продуцента, должны являться) достоянием лингвокультурного тезауруса реципиентов (т. е. храниться в его сознании в виде пресуппозиций).

Для нас в данном случае приемлемы следующие трактовки понятий «фрейм» и «сценарий»: «Фрейм (frame *англ.* – рама) – это ментальная структура, существующая в сознании человека, основанная на вероятностном

знании о типических ситуациях, ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных объектов (...) Сценарий, как он определяется в лингвистической литературе, содержит стандартную последовательность событий, обусловленных рекуррентной (традиционной, повторяющейся) ситуацией» [Цит. по: Миловидов 2015, с. 51].

Таким образом, «фреймовый каркас» денотата – это понятие стабильное, визуальное, объективное для носителей языка как потенциальных продуцентов и реципиентов текстов. Однако его «хранилище» – не внеязыковой узус, а когнитосфера – человеческие знания, пресуппозиции. И наоборот: переменные величины, наполняющие «фреймовый каркас», часто бывают почерпнуты именно из упомянутого «фантазирующего сознания», т. е. субъективны по происхождению, но при этом воспринимаются как пришедшие из внетекстового универсума. Налицо диалектическое единство противоположностей – объективного и субъективного в сознании. Поэтому весьма сложно утверждать однозначно, что же в большей степени отражается художественным текстом – «реальность» либо «сознание», а следовательно, непросто определить и то, чем считать художественный текст: «художественным вымыслом» или «художественной правдой», «моделированием сознания» или всё же «моделированием реальности». Иными словами, справедливее всего будет признать, что «художественный мир – это смесь реального и вымышленного» [Заика 2007, с. 11]¹.

Из привычных понятий, фиксирующих рассмотренную особенность семиотики художественного отражения мира, пожалуй, ближе всего к истине находится понятие условности и обобщающей силы художественного образа. Интересно в этом плане метафорически структурированное рассуждение Л. С. Выготского: «Искусство относится к жизни, как вино к винограду, сказал один из мыслителей, и он был совершенно прав, указывая этим на то, что искусство берёт свой материал из жизни, но даёт сверх этого материала нечто такое, что в свойствах самого материала ещё не содержится» [Выготский 1998, с. 314].

Далее напрашивается вопрос: как быть с так называемыми «альтернативными», «возможными» мирами, отражаемыми, например, сказками, фантастическими произведениями, мифами, легендами, преданиями? Оказывается, что и их нельзя полностью отдать на откуп стихии «фантазирующего сознания».

Миф, например, создавался как толкование именно действительности, такого толкования, какое было доступно его создателям. В нём не было целенаправленного момента искажения реальности, что было обусловлено синкретической формой архаического мышления [Коваль 2016]. «Миф выработал и поддерживал в человеке веру во всеобщую связь явлений: “каждая вещь ... может превращаться в любую другую вещь, и каждая

¹ Ср.: «Фреймовое восприятие реальности обусловлено гештальтным характером отражения: человек оперирует цельными образами, контуры их дают возможность заменять один концепт на другой в метафорических контекстах» [Шестак 2003, с. 10].

вещь может иметь свойства и особенности любой другой вещи”» [Иванюк 1998, с. 29]¹.

Семиотика сказки в своей сущности описывается пушкинской формулой: «Сказка – ложь, да в ней намёк...». То есть опять-таки денотатом (подлинным, функционирующим на уровне подтекста) выступает некое положение дел в узусе. Близки к подобной семиотической модели и фантастические тексты.

Более того, даже если рассмотреть тексты, рассчитанные на целенаправленное искажение истинного положения дел, то и здесь сложно будет говорить о царствовании «фантазирующего сознания».

Это достаточно наглядно раскрыто в специально посвященной данному вопросу работе Ю. И. Левина [1998б]. Им описан ряд типов преобразований «истины» Σ в «ложь» Σ_1 (в самом широком семиотическом понимании данных понятий): 1) аннулирующее, когда Σ_1 не содержит каких-либо сведений, входящих в Σ ; 2) фингирующее, являющееся противоположным аннулирующему; 3) индефинитизирующее, когда предмет, предикат или событие из Σ заменяются более обобщённым или неопределённым; 4) модальное, изменяющее модус предмета, предиката или события.

Заметим, что под выделенные Ю. И. Левиным типы подводятся и рассмотренные выше тексты, кодирующие «возможные миры». Как видно, во всех случаях результирующая «искажающая истину» ситуация Σ_1 является не чем иным, как некоторой производной от Σ , которая не является, в отличие от Σ_1 , порождением сознания.

Таким образом, семиотически художественный текст – это в любом случае некое подобие/антиподобие внешней по отношению к речедетелю действительности, слепок с неё либо её отражение в «кривом зеркале». Так или иначе, вне соотношения с действительностью (универсумом) текст не мыслится. Только соотнеся текст с действительностью, мы можем сказать, достоверный он или недостоверный (при всей условности данных определений), правдивый или лживый и т. д.

То же относится и к метафоре: «Метафора всегда – прямо или косвенно соотнесена с действительным миром. Она может быть не только названа, но

¹ Далее процитированный автор делает важное для наших дальнейших рассуждений указание на эволюционно обусловленное различие мифа и метафоры, на черты мифологической «наследственности» в метафорическом способе мировидения: «Представление о расподоблении мифа имело бы исключительно гипотетический характер, если бы не метафора. Именно она как рудимент мифологического мышления обеспечивает возможность реконструкции эволюции этого расподобления. В ней, как в застывшей лаве, запечатлен самый существенный сдвиг, происшедший в архаическом сознании, – распад его первородной целостности, в результате чего свойственное ему отождествление внутреннего и внешнего, ядра и периферии, содержания и формы, условного и безусловного и других аспектов мирового единства теряет свою органическую силу и ослабляется до их взаимосоотносительного различения. (...) метафора является самой мифологизированной из всех тропов, не случайно О. Фрейденберг называет ее “осколком мифа”» [Иванюк 1998, с. 30–38].

и изображена» [Арутюнова 1998, с. 236]; «...реальность рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений» [Чудинов 2001, с. 18]. Иными словами, речь идёт о проявлении у художественного текста как знака «метафорообразных» отношений сходства/несходства, устанавливающих с действительностью. В этом смысле **художественный текст – это метафора действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – это принцип взгляда на мир посредством текста, инструмент семиотического освоения действительности средствами художественного дискурса.** «Безусловным и основополагающим аргументом сближения произведения и метафоры является то, что каждый из них представляет собой относительно самостоятельное художественное целое, репродуцирующее идею мирового единства» [Иванюк 1998, с. 28-29].

Именно метафорический механизм художественного отражения действительности фокусирует в себе диалектику объективного и субъективного: «Дуалистичность противоречий внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного) в метафорическом образе отражает двоичность структуры художественного произведения, которое одновременно моделирует действительность и личность автора» [Тимошенко 2001, с. 7]. З. А. Харитончик особо акцентирует внимание на «вырастании» метафоры из осмысления действительности, отмечая, что «в ходе метафорических переносов и шире, семантической деривации и словообразования, нами осуществляется определенная систематизация и структуризация нашего опыта и знания о мире» [Харитончик 2013].

Эту же мысль, со ссылками на Г. Гачева и С. Аверинцева, поддерживает Б. П. Иванюк, указывающий на то, что «тема как внутренний предмет произведения, с одной стороны, будучи обязанной своим происхождением внехудожественной реальности, является представителем «жизни в литературе» (Г. Гачев), выражает жизненную семантику, и в этом смысле относится к “внелитературному критерию” (С. Аверинцев), а с другой стороны, оказывается собственным фактором произведения, его художественной целостности. Такое двойственное положение темы позволяет соотнести ее с объектом метафорической рефлексии, который также, с одной стороны, принадлежит реальности субъекта, а с другой, – является предметной основой вполне самостоятельного художественного образа, одним из его структурных компонентов» [Иванюк 1998, с. 77].

Итак, примем в качестве рабочего методологического положения тезис об онтологической знаковости текста, выражающейся в диалектическом дуализме внетекстового и внутритекстового, объективного и субъективного, реального и вымышленного, что и наводит на мысль о метафороподобии текста. Эта мысль может расцениваться как посыл для выявления конкретных форм текстового бытия поэтической метафоры как лингвoseмиотического механизма.

2.2. Метафора как принцип семиотической организации поэтического текста

2.2.1. Полиденотативность («двойное зрение») как базовое проявление метафорики: общая характеристика

Если в предыдущем разделе метафоричность была определена как свойство, онтологически присущее любому художественному тексту как знаку, то далее речь пойдёт об экспликации данного свойства собственно метафоричными высказываниями – поэтическими текстами (текстами-метафорами) и/или их фрагментами (локальными метафорами)¹, которые можно назвать полиденотативными, т. е. такими, когда текст одновременно репрезентирует контаминацию двух взаимодействующих между собой денотативных пространств (денотасфер), а ведущей стратегией его декодирования становится установление и интерпретация взаимоотношений этих денотасфер друг к другу. Иными словами, в центре внимания окажется так называемый эффект «двойного зрения», который «присущ не только метафоризирующему, но художественному сознанию вообще» [Иванюк 1998, с. 231].

Этот эффект достигается контаминацией двух денотативных пространств в пределах одного высказывания: 1) **основного, реального** (той предметной области, денотасферы, которая подлежит осмыслению) и 2) **привлечённого, фиктивного** (метафорической оболочки) для осмысления основного денотата². Отличие их семиотической устроенности от неметафоричных («достоверных», «реалистических») высказываний / текстов в художественном дискурсе заключается в том, что в последних эксплицируется лишь второй слой – «оболочка», в то время как первый, по расчёту создателя текста, должен составлять когнитивную базу читателя на уровне пресуппозитивно присутствующих в его сознании фреймов (именно в этом смысле всякий художественный текст – метафора в самом широком смысле, но метафора скрытая, «тайная», о чём речь шла в предыдущем разделе). Как промежуточные между «явными» и «тайными» метафорами в художественном дискурсе можно рассматривать такие жанротипы, как аллегория, басня, сказка и т. д. (об этом речь пойдёт далее).

¹ Рассмотрение этих разностатусных контекстных форм бытия поэтической метафоры в едином ракурсе мы считаем оправданным в силу признаваемого специалистами положения о том, что «метафора не только может изыматься без особого ущерба для её самости из текста, как и отдельное произведение автора из метатекста его писательского наследия, но и быть малым, как моностих, стихотворный лозунг, афоризм и др., жанром творчества (...) локальная метафора, являющаяся микроэлементом художественного целого, не говоря уже о стихотворении-метафоре, оказывается равновеликой всему произведению» [Иванюк 1998, с. 10–39].

² Терминами «реальная денотативная ситуация» и «фиктивная денотативная ситуация» оперирует С. А. Хахалова [2011, с. 198].

Таким образом, **полиденотативность** (в наиболее типичном виде для метафорического высказывания – **двуденотативность**) можно определить как **такой способ семиотической организации художественного (в первую очередь – поэтического) текста, при котором он одновременно отражает два денотативных пространства, находящихся между собой в состоянии интеракции (создания того самого эффекта «двойного зрения», «наложения кадров»), обусловленной изоморфизмом (сходством отношений) сталкиваемых предметов или ситуаций** [Уфимцев 2010]. При этом отдельные текстовые элементы могут распределяться между поверхностными (эксплицированными) смысловым слоям текста и/или подтекстом (импликатурами).

Когнитивно-прагматический смысл подобной семиотической устроенности высказывания заключается в установке на увеличение информативности текста (высказывания), реализуемой посредством стимулирования мыслительных операций реципиента по алгоритму: даны некие А и В; требуется получить С (новое выводное знание). В этом смысле метафора оказывается одним из механизмов образования информации, что хорошо согласуется с рассуждением Ю. М. Лотмана о двух способах наращивания информативности в семиотических системах, принадлежащих искусству (в их числе, бесспорно, и поэзия): «Можно рассматривать два случая увеличения информации, которой владеет какой-либо индивид или коллектив. Один – получение извне. В этом случае информация вырабатывается где-то на стороне и в константном объёме передается получателю. Второй – строится иначе: извне получается лишь определенная часть информации, которая играет роль возбудителя, вызывающего возрастание информации внутри сознания получателя» [Лотман 1973, с. 18–19]. Если первый случай аутентичен по отношению к неметафорическому (буквальному) выражению, то сказанное о втором вполне приложимо к метафоре: извне даны А и В, а С – это и есть показатель возрастания информации. Ср. аналогичные положения, высказанные М. Я. Поляковым: «В метафоре же мы находим необратимое преобразование двух рядов в *третью поэтическую действительность*» (выделено автором – С. К.) [Поляков, с. 150]; «два “кадра” как бы дают третье “фигуративное” (предметно-смысловое) значение» [Поляков 1978, с. 148]. Заметим, что второе из высказываний адресуется процитированным автором не только к метафоре (и метонимии), но и к художественному образу вообще.

Говоря словами Б. П. Иванюка, «в метафоре ... заключена установка на разрушение автономности объектов, на их слияние ради рождения нового объекта имагинативной реальности, воздействующего на реципиента суггестивной правотой своего существования» [Иванюк 1998, с. 38].

В связи со сказанным представляется необходимым вспомнить и введённое в своё время В. Б. Шкловским понятие **остраннения**, которое он определял как «определённый способ возвращения, осознание уже автоматизированного явления» [Шкловский 1983, с. 526] и напрямую связывал

с реализацией данного эффекта метафорику: «Метафора уничтожает автоматичность слова, ее изменяют для того, чтобы сохранить ощутимость связи между явлением и словом» [Шкловский 1983, с. 523]¹. Такая деавтоматизация восприятия метафоры вызывается тем, что она относит осмысляемый предмет «к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке» [Арутюнова 1999, с. 348]. Данная способность художественной метафоры, несомненно, работает на увеличение её способности к увеличению информативного потенциала текста.

Важно подчеркнуть ещё один тезис. Говоря о полиденотативности (т. е.: о взаимодействии двух денотасфер при раскрытии одной темы), мы имеем в виду не «политематичность» текстов, их деление на отдельные сменяющие друг друга смысловые линии, а, напротив, говорим о тех случаях, когда, по выражению одного из исследователей, «нет никаких “или”», а есть и то, и другое, воспринимаемое в единстве, благодаря удивительному свойству человеческого мозга» [Каджая], т. е. когда, по словам Б. П. Иванюка, «речь идет не о расщеплении метафоры, а о ее бинокулярном, сбалансированном восприятии, являющемся обязательным условием ее осуществления как художественного целого» [Иванюк 1998, с. 11]².

На дискуссионный момент в подобного рода осмыслении метафорического взаимодействия обращает внимание известный отечественный лингвист З. А. Харитончик, которая ставит под сомнение появление того самого «нового концепта», «нового знания» как результата интеракции двух «известных»: «Серьезные сомнения возникают лишь относительно создания в ходе метафорических процессов нового значения и новых реальностей в жизни, конечно же, если данную часть высказывания не воспринимать как тоже метафору», и в связи с этим отмечает, что «метафорическая модель по своей сути бинарна, представляя собой взаимодействие действительно только двух концептов – концепта-источника и концепта-цели, не приводя

¹ Ср. также: «В содержание метафорической рефлексии входит в качестве ее изначального компонента остраннение ее объекта, в роли которого может выступать любая реальность человеческого опыта» [Иванюк 1998, с. 18].

² Ср. рассуждение К. Бюлера: «За пределами языка в самых различных изобразительных техниках прослеживаются как более отдаленные, так и более близкие параллели с метафорическими методами смещения в языке. Так, Гальтон сфотографировал несколько человек на одно и то же место фотопластинки, пытаясь с помощью техники фотографирования уловить нечто, что до этого было известно только как продукт психофизической «переработки» и из изобразительного искусства, а именно *типовой образ*. В еще большей степени к тому, что мы хотим разъяснить, приближается эффект двойного зрительного восприятия, при котором один и тот же предмет отображается на двух сетчатках но при нормальных условиях видится как единое целое, целостнее и пластичнее, чем каждым глазом в отдельности, поскольку незначительные различия в образах (их поперечная диспарация) используются ради эффекта более точного и четкого глубинного (стереоскопического) зрения. Но для сравнения, к которому мы стремимся, значительно важнее указание на то, что при бинокулярном совмещении все действительно различное, что не поддается объединению, *выпадает*. У Гальтона изображение имеет размытые контуры, а бинокулярная картинка – нет; то же самое следует сказать и о метафорически охарактеризованном» [Бюлер 2000, с. 308].

к возникновению в языке некоего третьего ментального пространства» [Харитончик 2013, сс. 109, 110]. А это значит, что «язык действительно играет важную роль в окончательном формировании концептов, но первичной базой для их возникновения является наше взаимодействие с реальным миром, в ходе которого мы извлекаем опыт, знания о мире и о себе» [Харитончик 2013, с. 110]. Данное положение мы считаем методологически важным и в дальнейших своих рассуждениях продолжим осмысление взаимоотношений во взаимодействии «действительность – метафора – текст».

Для терминологического обозначения семиотического феномена метафоры (двух взаимодействующих денотасфер, взятых в их единстве) в современной научной литературе выработано множество понятий. По наблюдению О. Н. Лагута, они «имеют различную внутреннюю форму, которая акцентирует собственно лингвистический, общепилологический, психологический или когнитивный аспекты рассматриваемого явления, отражают традиции различных научных школ и направлений» [Лагута 2003б с. 31]. Названный исследователь приводит в качестве примера следующие (с указанием их авторов, которое мы опускаем): архетип, метафорический архетип, концептуальная метафора, базисная метафора, ментальная модель, концептуальная модель, метафорическая модель, образ-схема, эталон, парадигма образов, поэтическая формула, образ, модель регулярной многозначности, метафорическое поле, образная параллель и др. [Лагута 2003-2, с. 31].

Мы не считаем необходимым введение нового термина (как, впрочем, не хотели бы «довешивать» новый, свой, смысл на какой-либо из перечисленных), поскольку изначальное вкладывание в наше понимание метафоры момента интеракции двух понятийных областей (денотасфер) вполне позволяет нам обойтись оперированием лишь родовым понятием – метафора (и его конкретизаторами в каких-либо частных случаях – метафорическая конструкция / высказывание / текст / взаимодействие / дискурс).

Как можно судить уже хотя бы по приведённому списку терминов (к тому же не закрытому), метафорические взаимодействия уже привлекали внимание исследователей. В первую очередь здесь следует сказать о семантическом моделировании метафорических взаимодействий, т. е. о моделировании направлений семантического переноса, которое в самом общем виде представлено уже у Аристотеля: «Переносное слово – (*metaphora*) это несвойственное имя, перенесённое с рода на вид, или с вида на вид» [Аристотель 1983].

В русистике это направление метафорологических исследований представлено работами Г. Н. Складневской [Складневская 1989; Складневская 1993], З. Ю. Петровой [Петрова 1989], О. Н. Лагута (Алёшиной) [Алёшина 2003], Ж. Вардзелашвили [Вардзелашвили 2002] (на материале языковой метафоры), А. Н. Баранова [Баранов 1991], А. П. Чудинова [Чудинов 2001; Чудинов 2003] (на материале политической метафоры), Н. А. Илюхиной [Илюхина 2016а; Илюхина 2016б], Н. В. Павлович [Павлович 1995; Павлович 2007] (на материале поэтической метафоры) и др. Наиболее подробная классификация семантических моделей метафорического взаимодействия

представлена в работах О. Н. Лагута, выделившей 20 регулярных направлений метафорического переноса: «I. “Предмет → предмет”: *нитка трубопровода, блюдец НЛО*; II. “Предмет → физическое явление”: *иглы инея, юбочка опенка*; III. “Предмет → психическое явление”: *чаша терпения, заряд злобы*; IV. “Предмет → социальное явление”: *жернова избирательной кампании, рогатки цензуры*; V. “Предмет → отвлеченное понятие”: *веха истории, ось событий*; VI. “Физическое явление → предмет”: *луковки собора; молния ‘о застёжке’* VII. “Физическое явление → физическое явление”: *дождь лепестков*; VIII. “Физическое явление → психическое явление”: *облако грусти, тайные бури в душе*; IX. “Физическое явление → социальное явление”: *социальные потоки, вихри войны*; X. “Физическое явление → отвлеченное понятие”: *обломки былой славы*; XI. “Психическое явление → физическое явление”: *каприз природы, причуда стихии*; XII. “Психическое явление → социальное явление”: *административный восторг*; XIII. “Социальное явление → физическое явление”: *растительное царство*; XIV. “Социальное явление → психическое явление”: *бедность мысли, душевная нищета*; XV. “Социальное явление → социальное явление”: *синклит родственников, кумовство в больнице*; XVI. “Социальное явление → отвлеченное понятие”: *революция в познании*; XVII. “Отвлеченное понятие → физическое явление”: *природная иерархия*; XVIII. “Отвлеченное понятие → психическое явление”: *свойство человеческого характера*; XIX. “Отвлеченное понятие → социальное явление”: *вертикаль власти*; XX. “Отвлеченное понятие → отвлеченное понятие”: *физика воображения*» [Лагута 2003а, с. 19].

Те же модели можно обнаружить и в поэтическом дискурсе, о чём свидетельствует материал, представленный в работах Н. В. Павлович, хотя в них принят несколько иной подход к его систематизации – объединение метафор (в терминологии Н. В. Павлович – словесных образов) в группы по критерию единства левого или правого элемента или всей формулы в целом, которые именуется исследователем «парадигмами образов» [Павлович 1995].

В работах Н. А. Илюхиной и ряда представителей её научной школы реализован образоцентрический подход к изучению метафоры, в рамках которого «сложились два вектора исследования метафорического образа: от метафорического образа – к денотативным областям, которые он концептуализирует, и от денотативной области – к образам, концептуализирующим её на регулярной основе» [Илюхина 2016б].

В белорусистике фундаментальными исследованиями, раскрывающими данную проблему, являются труды В. Д. Старичёнка [Старычонак 2007; Старычонак 2017а], в которых выделяется ряд семантических типов метафор (метафорических моделей) «с учётом принадлежности исходного и результирующего ЛСВ той или иной семантической сфере, а также направления метафоризации» [Старычонак 2007, с. 21]: 1) внешнесходственный тип; 2) соматический тип; 3) локативный тип; 4) темпоральный тип; 5) акциональный тип; 6) квалитативный тип; 7) экзистенциональный тип; 8) психологи-

ческий тип; 9) звуковой тип; 10) количественный тип; 11) анимистический тип; 12) зооморфический тип; 13) зоосемический тип; 14) антропоморфический тип; 15) персонифицирующий тип. Вместе с тем в отношении индивидуально-авторских метафор В.Д. Старичёнок отмечает, что направление их развития «не всегда укладывается в рамки действия определённых алгоритмов, известных семантических формул и моделей» [Старычонак 2007, с. 131], что «приводит к нарушению концептуальных рамок таксономии, образованию специфических семантических моделей, которые ориентированы на сближение самых разных лексических единиц, нетрадиционных и неожиданных отождествлений и сравнений» [Старычонак 2007, с. 131], а это в свою очередь повышает роль контекста (от его узкого до самого широкого понимания) в раскрытии семантики метафорического образа.

На материале немецкого языка система моделей метафорических переносов имен существительных и их функциональные характеристики были описаны в работе М. Н. Сидоренко [2012].

Многие исследователи отмечают большую вариативность терминологии при обозначении двух взаимодействующих понятийных комплексов, связанных с двумя налагаемыми друг на друга денотасферами. Их называют основной и вспомогательный субъект, объект и субъект, тема и образ, сравниваемое и сравнивающее, референт и агент (коррелят), рамка и фокус, зона донора и зона реципиента, цель и источник и т. д.. Кроме того, в качестве третьего структурного элемента метафоры нередко выделяется основание метафорического сближения двух понятий, называемое также *tertium comparationis* (критерий сравнения), промежуточное понятие, модуль, общий семантический компонент, тип взаимодействия и др. [См.: Базиля 1971; Блэк 1990; Глазунова 2000; Илюхина 2016а; Лагута 2003-1; Лагута 2003-2; Ревуцкий 1998; Старычонак 2017; Старичёнок 2018; Харитончик 2013; Чудинов 2001; Haley 1988; Kintsch 2000; Kovecses 2002; Lakoff 1980; Sullivan 2013 и др.]

Мы будем придерживаться тех обозначений для двух сближаемых понятий (денотасфер), которые уже фигурировали выше: А-элемент («левый» элемент, денотасфера / понятие, подвергающееся метафорическому осмыслению) и В-элемент («правый» элемент, денотасфера / понятие, привлечённое автором для раскрытия сущности понятия А), *tertium comparationis* (критерий сравнения).

Сопоставительный лингвокультурологически ориентированный аспект изучения двух национальных поэтических метафорических систем предполагает также обращение и к семантическим моделям метафорического взаимодействия, т. е. к фактам конкретного лексического наполнения метафорических структур, учитывая то, что именно «лексические метафоры позволяют ... достаточно полно описать специфику национальной метафорики» [Лагута 2003а, с. 14].

2.2.2. Метафорические интеракции денотативных пространств в поэтических текстах белорусских и русских авторов

Текст как знак, отражающий действительность¹, имеет двуплановую структуру, где в качестве первого плана выступает фрагмент моделируемой реальности, а в качестве второго – реализуемая текстом модель этой реальности: «Писатель, пользуясь знаковостью языка, строит определенную реальность, которая не только отражает уже существующую, но и является ее частью. Поэтому любой художественный текст носит знаковый характер, требующий при интерпретации семиотического подхода, который, в свою очередь, направлен на объяснение текста как языкового явления» [Белозерова 2001, с. 15].

Если текст воспринимается как реалистический, не отклоняющийся от привычной обыденной картины мира (правдоподобный), то эти два плана в восприятии читателя соответствуют друг другу, как бы «накладываются» один на другой примерно так же, как фотографическое изображение на запечатлённый объект. Если же текст интерпретируется читателем как отступающий от привычной модели мира (например, сказка, или фантастика, или небылица и т. п.), то это и есть следствие возникающей «напряжённости», «разницы потенциалов» между двумя планами текста-знака. В принципе, сказанное универсально для любых текстов, в том числе и для художественных, хотя по отношению к последним заявленный посыл приемлем только в самом общем виде и даже в известной степени выглядит неким упрощением ситуации.

Представляется, что единым критерием систематизации семиотически «отклонённых» текстов, распределённых между весьма разнообразными жанрами (сказками, аллегориями, мифами, баснями, фантастикой и пр.)², могут стать параметры референтной ситуации (РС) текста в соотношении с его языковыми особенностями, поскольку «разные типы референтных ситуаций имеют наборы более или менее строго соотносимых с ними языковых средств...» [Ревуцкий 1998, с. 22].

На указанном основании нами предложена следующая классификация художественных текстов.

Достоверные тексты с расчленённым двуденотативным пространством. Наиболее простая форма объединения двух разных денотатов в одном тексте наблюдается в произведениях, основанных на соположении (параллелизме), в текстах с так называемой амебейской композицией [Голуб 1990, с. 40–41]. Они по сути распадаются на две микроситуации, каждая из

¹Нам в данном случае представляется достаточно удачным такое определение текста: «текст – это обладающий специфической структурой знаковый объект, обеспечивающий выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора» [Каменская 1990, с. 52].

²В.Харциев объединяет подобные тексты родовым понятием «сложных метафор»: «К сложным метафорам, следовательно, придется отнести и такие формы поэзии, как пословица, басня, притча, всякое образное аллегорическое изображение явления человеческой жизни и жизни природы» [Харциев 1907, с. 195].

которых отражает одно денотативное пространство реального мира. Основание такого соположения чаще всего проясняется путём выраженного элемента сравнения. Примерами могут служить стихотворения М. Лермонтова «Волны катятся одна за другою...» [ПА-32], Ф. Тютчева «Два голоса» [ПА-33], Л. Павликовой «Прытча пра кветку» [ПА-34] и мн. др.

Двуденотативность таких текстов может принимать и форму многоденотативности, поскольку с одним может соположаться не одно, а несколько денотативных пространств по принципу А есть В, А есть С (веерное развёртывание). Однако принцип двуденотативности при этом, как видно, сохраняется на каждом из «шагов» развития текста [ПА-35; ПА-36].

Достоверные тексты с переводом одного из денотативных пространств в подтекст. Рассматриваемый текстотип прежде всего представлен жанрами аллегории и басни реалистического характера. Из наиболее известных назовём стихотворения «Арион» и «Анчар» А.С.Пушкина [ПА-37; ПА-38], «Два великана» М.Ю. Лермонтова [ПА-39], а также тексты басен [ПА-40; ПА-41] и др.

Недостоверные тексты с переводом одного из денотатов в подтекст. С точки зрения жанрового состава это прежде всего тексты сказочного и фантастического жанров, а также иносказательные (аллегорические) произведения и басни сказочного характера. Отличие данной группы текстов от предыдущей заключается в том, что одно двух из денотативных пространств здесь принадлежит не реальному, а возможному миру, что и обуславливает недостоверность РС текста. Под **возможным миром**, вслед за Дж. Серлем и Д. Вандервекеном, будем понимать такой мир, в котором «объекты действительного мира (действительные объекты) имеют иные свойства, и/или такой мир, в котором есть объекты, отличные от действительных» [Серль 1986, с. 244]. Особенности семиотической организации текстов такого рода в проявляются следующем: денотат возможного мира «на поверхности» (эксплицирован), денотат реального мира содержится в подтексте.

Подобные тексты (за исключением басен) подразумевают поиск читателем скрытого означаемого (денотата) из мира действительного по известной пушкинской формуле: «Сказка – ложь, да в ней намёк...». Что касается басен, то здесь указание на скрытый денотат реального мира обычно является эксплицированным: композиционный строй басни, как известно, подразумевает такой элемент, как мораль, в которой и содержится отсылка к миру реальной действительности [ПА-42; ПА-43].

Тексты с контаминацией двух денотативных пространств. Этот текстотип представлен собственно текстами-метафорами, относящимися к специфическому жанру художественных (прежде всего поэтических) текстов – текстам-тропам [Иванюк 1988, с. 10–12]. Они включают два денотативных пространства, однако на этот раз мы имеем дело не с заменой одного из них другим, а с их пересечением. Возникает своеобразный эффект «наложения кадров», каждый из которых фиксирует фрагмент реального мира.

Опознавать описанный текстотип обычно помогают такие «жанровые сигналы», как метафорическое заглавие (или первая строка) произведения, задающее базовую ассоциацию (типа «Бабочка-буря» у Б. Пастернака [ПА-44] или «Телега жизни» у А. С. Пушкина [ПА-8], «Природа – скульптар...» у А. Пысина [ПА-45], «Суровая нитка жыщя...» у Р. Бородулина [ПА-46] и т. п.), появление подобных синтагм в самом тексте, чёткое деление ключевого словесного ряда на две тематические группы (например, *гул, буря, шум, ураган, пыль, ветер, тучи – бабочка, личинка, червяк, окуклившийся, объевший веточки* в «Бабочке-буре»).

Базовые структурные типы подобного рода текстов были описаны в п. 1.2.5.

К сказанному выше добавим, что для языковой ткани текстов-метафор весьма характерными являются случаи импликации (невыраженности) элементов метафоры и/или непрояснённости, завуалированности семантического признака, лежащего в основе сближения двух денотативных ситуаций.

Имплицироваться может как базовая метафорическая ассоциация текста, так и развивающие её элементы.

Первый случай может быть проиллюстрирован стихотворением Я. Смелякова «Если я заболею...» [ПА-47]. Общая формулировка смысла для текстов подобного образца представляет собой не что иное, как разгадку скрытой базовой метафоры, на фоне которой раскроют свой образный смысл и другие звенья метафоризации, представленные в виде окказиональных сочетаний типа *постелите мне степь, забинтуйте мне голову горной дорогой* и т. п. Для данного текста её можно представить в следующем виде: '*природа – врач, целитель по отношению к душе и телу человека*'.

Сходная текстообразующая метафора лежит и в основе приводимого ниже стихотворения «Зялёная аптэка» белорусского поэта П. Макаля [ПА-48].

В качестве примера, который бы иллюстрировал импликацию на уровне развивающих метафорических элементов, можно привести стихотворение В. Ходасевича «Обо всём в одних стихах не скажешь...» [ПА-49].

Отправная ассоциация «жизнь – вязание шарфа», фиксирующая совмещение двух денотативных пространств текста, здесь задана в первой строфе. Далее преимущественное развитие текст получает по линии лексических элементов, кодирующих «привлечённый» денотат «вязание шарфа». Декодирование образных смыслов текста заключается в проекции развивающих элементов в денотативное пространство «жизнь». Это позволяет увидеть за некоторыми из них имплицированные соответствия. Так, за словом *гость*, упоминаемым в конце второй строфы и занимающим содержание третьей, угадывается скрытая ассоциация «гость – смерть».

Отдельные подобные элементы могут рассматриваться как выразители одновременно двух денотативных пространств. В рассмотренном тексте таковы является слово *петли*. Ср.: *петли* как элемент вязки шарфа и *петли* – жизненные события.

Аналогичной (двойственной) является и контекстная семантика выражения *быць у высокім напружанні* ('пропускать ток высокого напряжения' + 'работать без перерыва, постоянно') в тексте [ПА-50].

Следует обратить внимание на то, что не всегда тот или иной метафорический элемент, принадлежащий одному денотативному пространству, имеет своего «двойника» в другом. Например, в тексте стихотворения Ф. Тютчева «Конь морской» [ПА-51] такими элементами оказывается слово *копыта*, относящееся к денотату «конь» и не имеющее соответствия в денотативном пространстве «море».

В приведённом выше тексте стихотворения П. Макаля «Высакавольтныя мачты» таким «безэквивалентным» элементом по отношению к отправной денотасфере (высоковольтные мачты) является слово *пальцы* в первой строфе [ПА-50].

Проиллюстрировать случай усложнения семантического признака, лежащего в основе контаминации двух денотативных пространств в пределах одной РС (*tertium comparationis*), можно на примере стихотворения В. Брюсова «Творчество» [ПА-52]. Чтобы декодировать зашифрованную в нём образную информацию о заглавном понятии, нужно актуализировать те семы (компоненты смысла), которые, повторяясь на протяжении текста, обеспечивают его смысловое единство. Изучение ключевого словесного ряда данного стихотворения (*тень, сон, тишина, звуки, прозрачный* и т. д.) позволяет выделить такие повторяющиеся семы, как 'лёгкость', 'потусторонность', 'неясность', 'воздушность' и т. п. Именно эти смыслы и преддицируются описываемому поэтом процессу творчества, процессу рождения стиха.

В белорусском поэтическом дискурсе также находим подобные примеры построения текстов-метафоре, ср.: [ПА-53; ПА-54 и др.].

В первом примере – стихотворении В. Жилки «Прадчуццё» – предчувствие ассоциируется с такими смыслами, как 'тревога', 'настороженность', 'полумрак', 'опасность' (*неба пахмурае; невясёлае; сумуе; стрывожана сэрцайка; хмары; няшчасці* и пр.). Во втором – стихотворении А. Письменкова «Здзіўленне» заглавному понятию приписываются такие семантические атрибуты, как 'рождение', 'утро', 'чистота' (*народжаны нанова; ажываю; ранне; свет* и пр.).

2.3. Метафорические, смежно-метафорические и метафороподобные контексты в лингвoseмиотическом аспекте

2.3.1. Семиотическая градуальность метафорических построений в поэтической речи

В данном разделе ставится задача раскрыть градуальный характер метафоры как лингвoseмиотического механизма, лежащего в основе поэтического моделирования картины мира, т. е. выявить своеобразные точки на шкале совпадения / несовпадения двух планов поэтического текста как знака, обусловленные метафоризацией. Для решения поставленной задачи воспользуемся методом трансформации высказывания с позиции его синтаксической деривации (Л. Н. Мурзиным [Мурзин 1972; Мурзин 1976] и Т. В. Симашко [Симашко 1993]), под которой мы понимаем как результат контаминации двух исходных неметафоричных (прямых) высказываний, первое из которых названо упомянутыми авторами «интродуктивной структурой» (она содержит предмет речи, т. е. моделируемую ситуацию и соответствующую ей пропозицию), а второе – «базовой структурой» (ситуация, которая привлекается для оценки содержания интродуктивной структуры, т. е. моделирующая пропозиция).

Подвергнем анализу с обозначенных позиций ряд характерных для современной белорусской и русской поэтической речи метафорических построений, выстраивая их по шкале отхода от «реалистичности» к «неузуальности», к увеличению «семантического расстояния» между двумя планами текста-знака (в лингвостилистической интерпретации – от автологии к металогии).

Для обозначения отправной точки данной шкалы воспользуемся понятием «слабой» (т. е. малозаметной) метафоры, введённым В. П. Ковалёвым [Ковалёв 1975, с. 19], под которое подводятся случаи использования слов, кладывающихся в общеустоявшиеся значения, но отличающиеся от обычных употреблений; например: *Водовозная кляча проснулась и посторонила*, т. е. кляча как бы произвела осмысленное действие (пример В. П. Ковалёва).

Подобные примеры – не что иное, как факты так называемой «языковой», «стёртой» метафоры. Они строятся по принципу логико-синтаксической симметрии при совмещении интродуктивной и базовой структур, соответствующих моделируемой и моделирующей ситуациям. При этом совмещаемые планы мыслятся носителем языка как логически однопорядковые, в результате чего момент их совмещения при интерпретации практически нивелируется. Такая метафорика широко распространена в разговорно-обиходной речи. Для поэтического дискурса подобные примеры также нередки, хотя они, как правило, не входят в число тех языковых средств, которыми формируется отличительный облик поэтической метафоры.

В этом плане можно говорить о том, что собственно поэтическая метафорика начинается с примеров, рассматриваемых ниже (1). Их логико-смысловое построение может быть аналогичным примерам типа рассмотренного выше. Однако здесь уже появляется особый поэтический (лингво-креативный) эффект, вызванный некоторым логическим «расстоянием» между совмещаемыми ситуациями, пусть даже и не столь далёким, чтобы сделать данную метафору труднообъяснимой и свехоригинальной. Сближающий обе совмещаемые пропозиции семантический признак при этом достаточно очевиден на всех логических позициях контаминируемых структур, например:

(1)

<p><i>Один, стуча, трудился метроном</i> (О. Берггольц) <i>Ситец неба такой / Голубой</i> (С. Есенин) <i>Надо жизни кувшин жадно выпить до дна</i> (В. Луговской) <i>Но вот под ним иллюзий тонкий лёд / Проваливаться стал</i> (Е. Винокуров)</p>	<p>≈ * Один стучал метроном + Один трудился человек ≈ * Небо такое голубое + Ситец такой голубой ≈ * Надо жизнь прожить полноценно + Надо выпить кувшин до дна ≈ * Иллюзии стали исчезать + Лёд стал проваливаться</p>
<p><i>Мы пілі маладосці віно</i> (П. Макаль); <i>Экспрэс сучаснасці – прагрэс, / Свае раскручваючы колы...</i> (П. Макаль); <i>Пачуццяў шумны дождж пральеца!</i> (Л. Сільнова); <i>Коннік часу / Мчыць наўскапыта.</i> (Р. Барадулін) <i>Раняецца слоў бісер</i> (Р. Барадулін)</p>	<p>≈ * Мы былі маладымі + Мы пілі віно; ≈ * Прагрэс у сучаснасці набірае моц + Экспрэс раскручвае колы; ≈ * Пачуцці будуць выказаны + Шумны дождж пральеца; ≈ * Час ідзе хутка + Коннік мчыць наўскапыта; ≈ * Слова вымаўляюцца + Бісер раняецца</p>

Далее по степени увеличения семантического «расстояния» между совмещаемыми планами можно расположить те примеры (2), которые демонстрируют более заметные отклонения в реализации принципа деривационной симметрии при образовании метафорического высказывания, которые имеют формально-грамматический и/или логико-смысловой характер:

(2)

<p><i>Млечный Путь усеян звёздными кустами</i> (М. Луконин) <i>Сырой овраг сухим дождём / Росистых ландышей унизан</i> (Б. Пастернак) <i>Я обрываю нить сознанья</i> (А. Блок) <i>Воз / воспоминаний / с места сторону</i> (А. Межиров)</p>	<p>≈ * Млечный Путь окружают звёзды + Пространство усеяно кустами ≈ * В сыром вораге расёт много ландышей + Сырой овраг омыт дождём ≈ * Я ухожу в бессознательное состояние + Я обрываю нить ≈ * Я начинаю вспоминать + Я сторону с места воз</p>
--	---

Далее по пути отхода от узуальной модели мира поэтическая метафорика градуирует в сторону тех или иных проявлений асимметрии совмещаемых структур.

<p><i>Стукаю сэрцам у дзверы / Любові, / Надзеі / І Веры</i> (П. Макаль) <i>Вузел долі сваёй распутаем</i> (П. Макаль) <i>Паветра парны сырадой / Струменем цёплым ліўся ў грудзі</i> (М. Стральцоў) <i>Лесу арган ахрып</i> (Л. Філімонава)</p>	<p>≈ * Стукае сэрца + Я стукаю ў дзверы; ≈ * Звалодаем са сваёй долей + Распутаем вузел; ≈ * Удыхаю цёплае паветра ў грудзі + Льецца парны сырадой; ≈ * Лёс не радуе + Арган ахрып</p>
--	--

При этом можно выделить асимметрию количественного характера и асимметрию качественного характера.

Под асимметрией количественного характера имеются в виду случаи большей компонентной распространённости одной из совмещаемых структур, как правило, базовой структуры, которая включает в себя заметно большее количество лексических элементов в сравнении с интродуктивной, причём некоторым из этих «избыточных» элементов-распространителей не удаётся подобрать каких-либо аналогов в интродуктивной структуре (они обозначены подчёркиванием). Ср.:

(3)

<p><i>На плечо мне лапа / Серьёзности легла</i> (Е. Винокуров) <i>Осень – рыжая кобыла – чешет гриву. / Над речным покровом берегов / Слышен синий лязг её подков</i> (С. Есенин) <i>Вот вцепится яро, зубами грыз, борта парохода, прибой</i> (С. Кирсанов)</p>	<p>≈ * Я стал серьёзным + На плечо мне легла лапа ≈ * Осенью много рыжего цвета листьев на синем фоне неба + Рыжая кобыла чешет гриву, слышен лязг её подков ≈ * Волны прибой бьют в борта парохода + Некто вцепляется зубами, грызёт</p>
--	--

Ср.: *Лівень лету надламаў **плячо** / І надлом зялёным болем ные* (Р. Барадулін); *І вецер кволаю **рукою** / Мае кудлачыў валасы...* (М. Кавыль); *Гадзіннічак тупае **ножкай*** (В. Шніп) и г.д.

Качественная асимметрия подразумевает те случаи, когда в качестве безаналоговых выступают структурообразующие компоненты совмещаемых структур, в результате чего возникает своеобразная логическая лакуна, резко отталкивающая результирующую метафорическую конструкцию от её узуального прототипа (последний и вовсе в ряде случаев можно вербализовать весьма условно, интерпретативно). Такая лакуна обычно возникает на месте предиката.

Подобный ряд примеров имеет свою внутреннюю градацию – от случаев с возможностью заполнения данной лакуны (которое, как уже отмечалось, имеет весьма приблизительный, диффузный характер) (4) до случаев с её принципиальной незаполняемостью (5).

(4)

В данной группе образно-метафорических построений мы выявили следующие подтипы.

(4.1) Асимметрия актантов и сирконстантов в преломляющей и узуальной моделях, ср.: *И мне в окошко постучал / Сентябрь багряной веткой ивы* (С. Есенин). Эту конструкцию можно рассматривать как РМ с имплицированной центральной развиваемой ассоциацией *сентябрь – человек*. Узуальную пропозицию данной РМ можно представить как *Ветка ивы постучала в окошко в сентябре*, преломляющую – как *Человек постучал в окошко веткой ивы*. Как видно, в результирующем предложении сирконстант узуальной пропозиции *сентябрь* смещается на место актанта, тем самым воспринимаясь как активный деятель. Т. В. Симашко характеризует подобные метафоры как метафоры с конверсией компонентов [Симашко 1993, с. 78]. Ср. аналогичные примеры: *И золотеющая осень, / В берёзах убавляя сок, / За всех, кого любил и бросил, / Листвою плачет на песок* (С. Есенин); *Пригорок Пушкино горбил / Акуловой горою, / а низ горы – / деревней был, / кривился крыш корою* (В. Маяковский); *Победно надо мной / Ночь зажигала звёзды* (Е. Винокуров); *... кустарник в росе, / На котором весна узелочки почек / Завязала затем, чтобы помнили все* (Е. Винокуров). К данной группе примеров применимо понятие грамматической метафоры, которая «нарушает грамматическую узуальность так же, как лексическая метафора порывает с привычными валентными связями» [Шендельс 1972, с. 51]. Ср. ряд аналогичных конструкций из текстов белорусских авторов: *І вечар – электраманцёр / Нябеснага энергасбыту / Уключыць зоры*. (Р. Барадулін). *Раскінуў пляж орымотныя пасцелі, / Падушкі-схілы над Дняпром* (А. Пысін); *Поле знаёмае, поле калгаснае / Перад камбайнам калоссямі шастае* (А. Пысін); *Абмыўшыся у моры салёным / Паблізу курьльскіх выспаў, / Абцёршыся ветрам сцюдзёным / І сонца ўзняўшы у высі, / Дзень новы ідзе* (А. Пысін); *Колькі яблыкаў восень ружовая / Залатая восень развесіла* (Т. Кляшторны); *Прытулі, прыхіні на апошняе / і згадай гэты дзень залаты, што над пушчай, згалелымі пожнямі / рассыпаў залатыя лісты* (У. Дубоўка); *Журавінамі плача восень...* (У. Дубоўка); *Дарогу / уздымала / гара* (У. Някляеў); *Белай хмарай вецер / Чыста неба выцер* (В. Шніп); *Стукаю сэрцам у дзверы / Любові, / Надзеі / І Веры* (П. Макаль) і г.д.

(4.2) Асимметрия, проявляющаяся в несовпадении характера актантов совмещаемых структур (агенса и пациенса): агентс узуальной пропозиции соотносится с пациенсом преломляющей, ср.: *Летописец дерева в стволе / пишет, как на письменном столе ... он по кругу вьёт свои заметки* (С. Кирсанов). Данный пример обнаруживает контаминацию предложений следующего логико-синтаксического наполнения: *Годичные кольца образуются в стволе дерева* и *Летописец пишет на письменном столе заметки*, где элементы образно-смыслового фокуса метафоры – понятия *годичные*

кольца и заметки – соотносятся как агенс и пациенс при появлении в преломляющей пропозиции внешнего (вымышленного) активного деятеля (*летописец*). Ср. также: *На акне сибірскія ліяны / Хтось малюе смелаю рукою* (А. Пысін). *На блакітныя загоны / Хтосьці выкінуў зару (...)* *На закінутай паляне / Нехта золата разліў...* (М. Багун).

(4.3) Асимметрия, вызванная заведомым «обменом» актантами узуальной и преломляющей пропозиций, в результате чего метафоричность как бы заранее получает реальную модальность, ср.: *Проливные с неба слёзы / ливнем льются* (Н. Асеев). Получается, что на роль узуальной пропозиции претендует предложение *Проливные слёзы льются с неба*, на роль преломляющей – высказывание *Ливень льётся*, – вместо *Проливной ливень льётся с неба* (так, как будто) *льются слёзы*. Ср. также: ... *девочку, / шагающую мягко / по воздуху, / спрессованному в нить* (Р. Рождественский); *На лице твоём, ласково-зыбкий, / Белый луч притворился улыбкой* (И. Анненский). *Кроў зарою цячэ з небасхілу...* (А. Александровіч); *Як вечар, свечка светла дагарае...* (Р. Барадулін).

(5)

К случаям наибольшего семиотического расхождения метафорического образа с его узуальным прототипом (т. е. базовой структуры с интродуктивной) мы относим примеры, отражающие асимметрию, проявляющуюся в резкой разнокачественности предикатов, соотносимых в совмещаемых пропозициях, что сдвигает метафоричность в сторону смежного в семиотическом плане явления – фантастичности (подробнее об этом, на уровне целых текстов, речь пойдёт в следующем подразделе): *Но что поделатъ с этими глазами Высокими, Когда они вот-вот Слетят с лица, как ласточки...* (Е. Исаев). Такую метафору можно определить как «сильную», «максимальную» (по аналогии с упоминавшейся выше «слабой» метафорой), т. е. такую, которую трудно или даже невозможно соотнести с какой-либо пропозицией в узусе. Ср. подобные примеры: *Стаями / По городу, как чайки, / Льды раскричались, таючи* (Б. Пастернак); ...*селёдка, нарезанная как клавиатура / перламутрового клавесина, / попискивала. / Но не сильно* (А. Вознесенский); *Раскройте вы книгу мою, / раскройте её для полёта! / Развяжите ей жёсткие крылья, / разглядите её, как звезду. / Если бы знали вы, / как летать ей охота!* (М. Луконин); *Ля слупа ветравога / Загалосіць іміа* (Р. Барадулін); *Бяжыць праз лес, крычыць праз лёс, / Каб чысціню я ў сэрцы нёс* (А. Пісьмянкоў; аб санным следзе – С.К.); *Калі азірнуся назад, / Нічога не убачу, апроч: / Стаіць затуманены сад. / Бяжыць палахлівая ноч* (У. Някляеў); *З берага вербы / Зайшлі на калені ў ваду, / Як франціхі, / Глядзяцца ў лустэрка рачное, / Вецер дубу старому / Пагаліў баряду – / Пахне вясною. / Прабіваецца зеляніна нясмела / На тонкіх дубках, / Як пушок у падлеткаў / Над верхняй губою, / І чародка бяроз басанож / Выбягае на шлях – / Пахне вясною* (М. Казакоў).

2.3.2 Смежнометафорические и метафороподобные интеракции денотативных пространств в белорусских и русских поэтических текстах

Тексты-метафоры, комбинируясь разным образом с другими двуденотативными текстотипами, могут образовывать «переходные» типы текстов. Среди наиболее характерных можно указать на конвергенцию метафорических и сказочно-фантастических текстов, а также на объединение текстов-метафор с текстами-параллелизмами.

Метафорико-фантастические тексты. К этой группе текстов относим такие, в которых одно из пересекающихся денотативных пространств принадлежит действительному, а второе – возможному миру. Ср.: *Запрокинувшись, лежу. / Надо мной, забыв бельчаток, / жестикулируют в лесу / белок жёлтые перчатки. / Кто-то шарит по стволу / и, невидимый, как мимы, / не задевши за смолу, / на мгновение обнимет. / А бывает, сразу две / вокруг пня они играют – / как твои руки на руле / в жёлтом хrome замирают* (А. Вознесенский, «Белки»).

В приведённом стихотворении заглавное слово *белки* выступает в качестве объекта текстообразующей метафоры, постепенно сравниваясь с перчатками, которые «жестикулируют в лесу», и руками в жёлтых перчатках. Таким образом, совмещаются два денотативных пространства: базовое («белки, бегающие по деревьям в лесу») и привлечённое («руки в перчатках, жестикулирующие, находящиеся на руле автомобиля»). Однако привлечённое денотативное пространство во второй строфе текста выходит за рамки действительного мира, переносясь в мир возможный: *Кто-то шарит по стволу / и, невидимый, как мимы, / не задевши за смолу, / на мгновение обнимет*. Как видно, данный текст совмещает в себе признаки метафорического и фантастического моделирования реальности. От первого он отличается наличием атрибутов возможного мира (в языковом отношении – наличием элементов автологии возможного мира), а от второго – наличием двух пересекающихся денотативных пространств, кодируемых металолической речью (*белок жёлтые перчатки* и т. д.).

Сходными по образной архитектонике являются приводимые ниже стихотворения «Хрэсьбіны лесуна» М. Богдановича [ПА-55], «Кранаўшчыца» В. Шнипа [ПА-56] и др.

Тексты с совмещением метафоры и параллелизма. К этому текстотипу принадлежат такие произведения, в которых метафора как бы «вырастает» из достоверного повествования, причём в некоторых случаях бывает трудно заметить момент этого перехода. В качестве примера приведём стихотворение С. Кирсанова «Маяковскому» [ПА-57].

В стихотворении белорусского поэта Л. Сильновой понятия, положенные в основу параллелизма (первые две строки), в заключительной строке соединяются в метафорической конструкции [ПА-58].

Метареальные тексты (метаболы). Наряду с такими проявлениями смысловой двуплановости, как сходство (метафора, сравнение), смежность (метонимия) в текстах поэзии, в первую очередь современной русской, можно наблюдать ещё один механизм её действия, лежащий в основе особого вида тропа – **метаболы**, использование которой в качестве основного стилистического приёма объединяет вокруг себя идиостилия целого ряда поэтов, которых принято называть метареалистами.

Метаболу как отдельный вид тропа впервые подробно охарактеризовал М. Эпштейн [1989], который раскрыл механизмы двуплановости, лежащие в основе данного вида тропа, провёл разграничение метаболы с наиболее близкими к ней тропами (метафорой и метонимией), привёл в своих работах конкретные образцы интерпретирования образных смыслов метаболы.

Итак, метабола в переводе с древнегреческого означает *переброс*. Под ней понимается такой тип тропа, который раскрывает, выявляет промежуточные звенья, сближающие различные предметы и понятия. Причём важно подчеркнуть, что сближение это идёт не путём сходства, как в метафоре, и не путём смежности, как в метонимии, а путём показа некой глобальной сопричастности всего сущего [Кедров 1999; Кузнецова 1996].

Сравним два «непрямых» высказывания:

- 1) *Надо жизни кувшин жадно выпить до дна* (В. Луговской);
- 2) *Небо, помещенное в звезду, – ночь* (И. Жданов).

И в том, и в другом примере мы находим взаимодействующие понятия, создающие смысловую двуплановость высказывания: 1) *жизнь* и *кувшин*, 2) *небо* и *ночь*.

В первом из них основой для сближения разнородных понятий выступает их сходство, присутствие общего смыслового компонента: и для жизни, и для кувшина, наполненного чем-либо, характерна общая сема исчерпаемости, конечности. Жизнь будет прожита, подобно тому, как будет выпито содержимое кувшина. Следовательно, перед нами метафора.

Во втором примере между понятиями *небо* и *ночь* смыслового сходства не наблюдается, равно как и не наблюдается смежности, на основании которых одно из них могло бы быть замещено другим, тем более что и подобного замещения не происходит. Следовательно, это ни метафора, ни метонимия. Взаимодействие, сопосложенность понятий здесь иного рода – через введение промежуточного понятия, которое становится центральным, объединяет удаленные предметные. Таким понятием становится *звезда*, которая равно принадлежит обеим сближаемым областям: *небу* и *ночи*. Ср. окружающий контекст, строящийся по той же модели: *Море, что зажато в клювах птиц, – дождь. / Небо, помещенное в звезду, – ночь. / Деревя невыполнимый жест – вихрь.*

Как видно, здесь нет «уподобляемого» и «уподобляющего», нет деления слов на «исходные» и «результатирующие», значений – на прямые и переносные.

Наиболее сложными для восприятия окажутся такие метаболические образы, которые предполагают поиск «промежуточного звена» самим читателем. Однако, как показывает наблюдение над языковым материалом, даже в самых зашифрованных тропеических построениях можно отыскать такое связующее понятие. Например, в стихотворении Н. Заболоцкого [ПА-59], как и в примере, приведённом выше, нет смысла отыскивать сходство либо смежность предметов или ситуаций, какой-либо изоморфизм (*конь – руки – восемь ног* и пр.). Связать воедино их может лишь одно – движение, противопоставленное покою. Именно в движении не отличить рук от ног, и именно в движении количество ног возрастает пропорционально скорости движения.

М. Эпштейн проводит также разграничение метабола с весьма близким к метафоре (или, согласно иным подходам, являющимся одним из видов метафоры) тропом «метаморфоза», введённым в классификацию тропов В. В. Виноградовым. Метаморфоза отличается от метафоры тем, что передаёт не просто сходство предметов, а рисует процесс превращения одного из них в другое. Ср. стихотворение А. Ахматовой «Любовь» [ПА-60]: *змежкой ... колдует → глолубком ... воркует → в инее блеснёт → умеет рыдать в ... скрипке*. Если метаморфоза предполагает развертывание во времени процесса превращения одного предмета в другой и имеет связь с наивно-мифологической верой в универсальное «оборотничество» всех предметов, то метабола фиксирует мгновенный «переброс» значений, благодаря которому предметы связываются вневременно, как бы в пространстве многих измерений, где оно может совпасть с другим и одновременно сохранять отдельность.

Специфика метабола в сравнении с другими видами тропов ещё и в том, что она, как правило, не выступает в виде локальных текстовых отрезков, а охватывает или весьма значительные сегменты текстов, либо – что ещё более характерно – тексты целиком. Как правило, это тексты философской направленности, предметом осмысления в которых становятся универсальные связи явлений реальности объективной (внешнего мира) или субъективной (мира человеческих представлений, чувств, ощущений). Ср.: *Сённэ – гэта сэрацалістная ліпа / З крылатай кнопкай насення / За ліпай трансфарматар усхлівае / Прагнучы ператварэння* (А. Глобус).

Метареальная поэзия оформилась в самостоятельное течение в 80-х гг. XX в., а её корни обнаруживаются у классиков поэзии XX века – Р.-М. Рильке, П. Валери, О. Мандельштама и др. В поэзии конца XX века она довольно чётко отграничилась от метафоризма, во многом определявшего образно-стилевую доминанту поэзии 60–80-х годов (Л. Мартынов, Р. Рождественский, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и др.). Русская метареальная поэзия представлена именами О. Седаковой, Е. Шварца, И. Жданова, В. Кривулина, Т. Щербиной и нек. др. [Кедров 1999; Эпштейн 1988, с. 159–166], белорусская – прежде всего творчеством А. Глобуса [Кісліцына 1997; Кісліцына 2015].

Метафороподобные высказывания / тексты. Наконец, следует выделить в отдельную группу тексты, в которых создаётся эффект «псевдо-возможного» мира, т. е. такого возможного мира, который узуализировался подобно тому, как узуализировались метафоры типа *идёт дождь*. Речь идёт о высказываниях наподобие *Тихо повернулась / Красная корма, / Побежали мимо / Пёстрые дома. / Вот они далёко, / Весело плывут* (А. Блок). Фразы типа *побежали дома, дома плывут* здесь не являются ни метафорами, ни элементами фантастической ситуации. Их «возможный мир» – мир смены пространственной точки отсчёта в окружающей реальности («мир» обмана зрения). В итоге подобные высказывания, несмотря на их внешнюю «аномальность», воспринимаются нами не как альтернативные реальности, а как такие достоверные, подобно любому достоверному высказыванию о действительном мире.

Поэтому трудно согласиться с И. Я. Чернухиной, квалифицирующей как метафору следующий фрагмент поэтического текста, где речь идёт о войне: *Был сужен мир до прорези прицела...* (В. Кочетков) [Чернухина 1990, с. 35]. Поэтическая «нетривиальность» этого фрагмента, по-видимому, принятая за метафору, ничуть не мешает увидеть в его РС только один, причём реальный денотат: на самом деле возникает ощущение, что всё видимое сквозь прорезь прицела имеет очень маленькие размеры. Таким образом, здесь нет присущей метафоре двуденотативности, нет эффекта «наложения кадров», нет и «альтернативного» мира метабола, и уж тем более фантастики. Ср. также: *Насоўвае пушча / Магутнай зялёнай сцяной. / Ёваходжу у гушчу / Высока узняўшыся хвой* (У. Жылка) (при приближении к пушке кажется, что приближается она).

Предельным выражением такого рода высказываний можно считать чистые «синтаксические перевёртыши» наподобие *Ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота*. Они не содержат абсолютно никакого намёка на какой-либо возможный мир, полностью замыкаясь в своих механизмах не на «семиотическом», а на чисто «грамматическом» в языке.

Следует обратить внимание на принципиальное различие металогики и автологии возможного мира, на первый взгляд, очень сходных характеристик языковой ткани текстов. Так, выражение типа *Откуда ни возьмишь, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит* («Сивка-бурка») мы не примем ни за метафору (т. е. металогическую речь), ни за бессмысленное высказывание, зная, что его денотатом выступает ситуация, узуальная (обычная) с точки зрения возможного мира сказки [см.: Добжиньская 1990].

2.4. Интракультурные и интеркультурные метафоры в русской и белорусской поэзии

Учитывая то, что «текст, созданный автором в некоторой культуре, воспроизводит речевые и эмотивные характеристики, типы поведения, восприятие жизни, характерные для носителей данной лингвокультурной общности» [Муратова 2014, с. 20], а также то, что «особенности национально-языкового восприятия окружающей действительности отображены в культурологических метафорах, появление которых зачастую обусловлено культурно значимыми деталями народных обрядов и ежедневного быта человека» [Кис 2001, с. 19], «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф 2004, с. 46], представляется важным рассмотреть метафорическое взаимодействие с точки зрения его погруженности в национально-культурный контекст, определить механизм кодирования фоновой информации в структуре метафорического взаимодействия на материале текстов русских и белорусских поэтов XX веков.

Для достижения данной цели нужно выявить культурную маркированность структурных элементов метафорических тропов и типов метафорики в языке русской и белорусской поэзии.

Метафора, выступая в качестве одного из основных средств создания образной картины мира (индивидуально-авторской, национально-поэтической), «есть также один из действенных способов, или механизмов, пробуждения в сознании языковой личности ассоциативных комплексов, количество которых зависит от накопленного на определенный момент жизни индивида опыта взаимодействия с действительностью» [Самигуллина 2008а, с. 25] и которые заключают в себе как маркеры «общего», «универсального», так и «частного», «специфического». В метафоре «проявляется взаимосвязь культуры, синтаксиса, семантики и познания» [Хахалова 2011, с. 27].

К числу **универсалий** можно отнести семантические модели, на которых основываются компаративные тропы (регулярные направления метафорического переноса) [Балабан 2006; Гак 1988; Склярская 1993; Лагута 2003; Старычонак 2007; Старычонак 2017; Ульман 1970; Хахалова 2011 и др.].

Национально-культурная специфика тропов в плане выражения определяется наличием определённых моделей построения тропеических контекстов (тропеическим кодом [Гончаренко 1973]); в плане содержания – характерными для национальной поэзии «парадигмами образов» с их конкретным лексическим наполнением [Павлович 1996, с. 104].

Конкретные идиостили отдают предпочтение тем или иным сквозным образам, отличаются спецификой реализации в них образных парадигм, способами введения тропов в образную ткань текста и т. п., что позволяет делать выводы об **индивидуально-авторском** использовании тропа [Жордания 1981]. При этом «каждый индивидуальный образ мышления является отражением индивидуального миропонимания и на основе этого входит в

систему миропонимания культуры одной нации или народности» [Хахалова 2011, с. 205].

«Общее» и «частное» в тропеическом коде того или иного языка, того или иного поэта, писателя тесно связаны с системой лингвокультурных координат.

Для того чтобы выявить место фонового компонента в структуре компаративного тропа, соответствующего формуле $A \rightarrow (X) \rightarrow B$ (где А – понятие, выступающее в качестве сферы-объекта образного осмысления; В – понятие, которое привлекается в качестве сферы-источника образных ассоциаций, связанных с А; X – общий семантический признак для А и В), нужно рассмотреть в данном аспекте как функции каждого из структурно-семантических слагаемых тропа, так и всей модели в целом.

Компонент А. Круг понятий, подвергающихся сравнению, чрезвычайно широк в каждом из языков. Русский и белорусский языки и культуры в этом плане скорее сближаются и противопоставляются языкам (национальным стилям) и культурам других народов. Например, распространённый в поэтической традиции русских и белорусов образ берёзки-девушки по понятным причинам не свойственен для поэтов Востока. Тем не менее в русской и белорусской поэзии регулярно встречаются культурно маркированные тропы, которые имеют в качестве компонента А различные этнокультурные номинации (типа *Россия, Беларусь, Волга, Припять* и т. п.).

Компонент В несёт значительно больший объём этнокультурной информации. То, с чем сравнивают представители национальной поэзии, характеризует сложившуюся национальную образную картину мира. Так, подытоживая исследование белорусских художественных сравнений по компоненту В, М. И. Конюшкевич, ссылаясь на Г. Гачева, приходит к выводу, что белоруса характеризует «внимание к близким, привычным предметам и явлениям. Как специфическое, или, точнее, как доминирующее – внимание к трём стихиям – свету, земле, воде. Нет объёмности, пространственности, высоты, бесконечности, как у русского человека» [Конюшкевич 1996, с. 78–79]. Аналогичное наблюдение встречаем и в посвящённой сопоставительному лингвокультурологическому синтаксису русского и белорусского языков монографии Л. Н. Чумак: «Если россиянину характерно стремление к пространственности, то белорус склонен к локализации своего места, сакрализации своей малой родины» [Чумак 1997, с. 22].

Один из ярких примеров в подтверждение сказанного – стихотворение А. Пысина [ПА-61].

Компонент X также может выступать в качестве носителя фоновой этнокультурной информации. Так, в качестве активного А- и В-элемента КТ русской и белорусской поэзии выступает лексема *поле*. Это понятие актуализирует в поэтическом мышлении русских и белорусов различные смыслы: «в русской культуре *поле* ассоциируется с признаками 'раздольное', 'чистое', 'красивое', оценочными словами "радость", "воля" и др. Национально-культурная специфика *поля* у белорусов представлена

в номинациях “праца” (труд), “пот”, “надзел”, “жытнае”, “васільк” и т. д.» [Маслова 1997, с. 73], ср.: *Матчына песня, / Ты ў полі гарбела, / На маразах у чужыне гібела, / У баразёнцы на міг спачывала. / Болю не трэба было дабаўляць. / Рук ты не чула, / Але спачывала, / Што ў перапёлкі ножкі баляць* (Р. Барадулін).

Если многие ключевые метафорические образы, связанные с тематическим полем «Родина», у русских поэтов строятся на основе интегральных сем 'широта', 'простор', 'размер' (ср.: *Россия – росы и сиянье. / И значит – утро, / значит – свет. / И расстоянья, расстоянья... / Без них России просто нет* (С. Викулов); ...и речкой вливается слово «отец» / в бескрайнее слово «Отчизна» (В. Костров), то у белорусских авторов часто акцентируются такие интегральные семантические признаки, как 'боль', 'страдание', 'война' (ср.: *Край мой спаконны – / Азімы дуб / З выпаленай сэрцавінай* (Р. Барадулін); ...*І гільзай / Жаўранак звінеў...* (Р. Барадулін).

Компаративные формулы А → (Х) → В. О национальной специфике можно говорить только относительно тех парадигм образов, вершинами (инвариантами) которых являются характерные для данного языка метафорические архетипы. В поэзии восточных славян, в частности, русских и белорусов, эти архетипы практически общие (например, «жизнь, течение времени – движение по дороге», «жизнь – цветение, смерть – увядание» и т. п.). Однако некоторые из них могут иметь более или менее активное развитие в каждой из национально-поэтических языковых систем. Так, в белорусской лирике гораздо более активно, чем в русской, ведёт себя парадигма образов, восходящая к архетипическому уподоблению разных жизненных явлений и процессов всему, что связано с землёй, трудом на ней (сеянию, молотье и т. п.). Ср.: *Мы ўсе, нібы зерні з калоссяў, – / З зямлі ды ізноўку ў зямлю* (П. Панчанка); *Шчырасці зерні! / Трывожыць сумленне, / Пакуль яны ў сэрцы, нібыта ў жмені* (Г. Кляўко); *Без краю Коласа палі. / Калоссем дум звіняць...* (С. Законнікаў); *Стажок жыцця ўсё вершыцца, / Штогод – чарговы ўкос* (С. Законнікаў); *Поле сяўбы – поле бою, / Што адраджаецца кожнай вясной* (П. Макаль); *Мая радзіма – / Жытні колас, / Сінь мурагу, язіну цвет* (Е. Лось); *Сеяў долю выгнання Чарнобыль-сявец* (М. Мятліцкі); *І прарастала зерне ўдач / На чэрных скібінах няўдачы* (І. Арабейка); *Гісторыя, як азярод, / Дзе ветрацца снапы стагоддзяў* (Р. Барадулін); *Слоў калоссе / Зажынала дбала* (Р. Барадулін); *Пасею слова – / спелае, як семя, – / нальецца колас / Чысцінёй зямной* (М. Федзюковіч); *Які ўжо век / Пасля цябе ўыходзіць / Дух дабрывіні / З зярнятаў тваіх дум!* (В. Гардзеі); *Сейбіты – зялёныя таполі / Сыплюць белы пух на цёмны роў* (А. Пысін); *Ступае мора пружкаю ступою, / Ідзе наўпрост, з абедзвюх сее рук* (А. Пысін); *Вайна жалезнымі цапамі / Малоціць наш пярэдні край* (А. Пысін); *Мне дадзена глядзець на зорны высеў...* (М. Арочка); *Лаві, пакуль сагрэта / Тваёй душы ралля!* (У. Верамейчык) и т. п.

Целый ряд аналогичных метафорических построений можно найти фактически у любого белорусского автора. В этом проявляется отмеченная

ранее особенность национально-поэтической картины мира белорусов (внимание к родному, близкому, тому, что непосредственно окружает и т. д.). Если в русской поэзии к метафорам такого рода тяготеет определённая группа идиостилей (в частности, поэты «есенинского направления», объединённые темой малой родины, такие, как Н. Клюев, Н. Рубцов, В. Фёдоров, Н. Тряпкин, И. Ляпин и нек. др.), то для белорусской поэзии данная образная парадигма претендует на статус доминантной, национально-стилевой, поскольку тема малой родины и связанная с ней концептуализация локальных пространств здесь преобладают как на тематическом, так и на образотворческом уровнях.

Если метафорика белорусских поэтов больше ориентируется на архетипы, на традиционные образные формулы, то в современной русской поэзии шире, чем в белорусской, представлены идиостилы, склонные к своеобразным неометафорам, основанным на базе реалий нового времени, артефактов современной социокультуры. Это прежде всего идиостилы Р. Рождественского, А. Вознесенского, Л. Мартынова, Е. Евтушенко и др., ср.: *Вот небоскрёб, / как градусник, стеклянен. / И лифт внутри его – / как ртутный столбик.* / (Р. Рождественский); *Рву кожуру с планеты, / сметаю пыль и тлен, / Спускаюсь / в глубь / предмета, / Как в метрополитен* (А. Вознесенский) и т. п.

Весьма интересными представляются метафорические взаимодействия, соединяющие в себе архетипический и неологический элементы, что можно рассматривать как факт эволюции устойчивой тропеической модели¹. Так, например, архетип «жизнь – дорога» в процессе своей эволюции постепенно подключал такие элементы, как *железная дорога, шоссе, мотодром, взлётная полоса* и др. Ср.: *Жыццё маё, ты – як цягнік бясконцы...* (П. Панчанка); *Мае гады – / Як электрычкі...* (Р. Барадулін).

Фоновый компонент метафорики национальной поэзии может быть связан и с социокультурной маркированностью тропов. Так, в советскую поэзию 20-30-х годов XX века (в особенности русскую и в несколько меньшей степени в белорусскую) широким потоком хлынули метафоры наподобие всем известной: *Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца – пламенный мотор.* Образное представление действительности в терминах машин и механизмов стало ярким опознавательным знаком метафорикона начала советской эпохи и концептуально противостояло предшествующей традиции образотворчества, в частности, метафорике, связанной с миром человека, растений, животных и т. п., основанной на привычных архетипах. Ср. также: *Ваши песни – стоны молота, / В них созвучья – шлак и олово* (Н. Клюев).

Проводя наблюдения над компаративными тропами как целостными смысловыми образованиями, интересно обратить внимание на факты сближе-

¹ В эволюционно-диахроническом плане поэтическая метафора исследовалась в трудах Л. В. Балашовой [Балашова 2014], А. М. Тенбаевой [Тенбаева 2003], Т. Г. Фроловой [Фролова 2012], И. Л. Шевляковой [Шаўлякова 1998] и др.

ния в них реалий одной культуры и разных культур, в соответствии с чем целесообразно ввести понятия интракультурных и интеркультурных метафор.

Интракультурные метафоры основываются на сближении понятий одной культуры («своё – своё»). Ядром этой типологической разновидности являются традиционные тропы, фоновые формулы национальной поэзии, ср.: *То по холмам, как три богатыря, Ещё порой проскачут верховые...* (Н.Рубцов); *Хлеб издревле – / Батюшка. / Соль при хлебе – / Матушка* (В. Фирсов); или: *Быццам наш беларускі бубен, Бульба – слова гудзе само!* (Р.Тармола-Мірскі); *Я веру, быццам сваякам: / Дарозе – / цётцы гаманлівай, / Дубам – задумлівым дзядзькам, / Пчале над белаю галінай* (А. Пысін); *Каб дум раскутасць лёс не ўрок суровы, / Кужэльную кашулю роднай мовы / Ад забыцця замовіў васілёк* (Р. Барадулін).

Подобная метафорика обычно привлекается для усиления представления о том или ином предмете (явлении, понятии) как неразделимо близком, родном; наиболее характерная для неё жанрово-тематическая среда – тексты, посвящённые теме Родины, дружбы, любви. Данная лингвокультурная оппозиция встраивается в более широкую – «своё – общее», ср.: *Наша мова, / Як «Слова аб Ігары», Задуменна-славянская...* (П. Панчанка).

Интеркультурные тропы представляют собой различные варианты соединения разнокультурных реалий в рамках оппозиции «своего» и «чужого»¹.

1. «Своё – чужое». Следует отметить, что это достаточно парадоксальный вариант метафоры, поскольку в В-элементе по определению должна быть сосредоточена «объясняющая» когнитивная база тропа, т. е. та, которая привлекается как донор новых знаний об объекте. Парадоксальность состоит в пресуппозитивном признании того факта, что о «чужом» мы знаем (должны знать) больше, чем о «своём»; по крайней мере, мы обращаемся к «чужому», чтобы найти что-то новое, ранее не замечавшееся в «своём».

Подобные тропы весьма характерны для текстов поэтов, имевших возможность приобщиться к чужой культуре (во время поездок, путешествий, эмиграции и т. д.). Ср. у Н. Гумилёва в стихотворении «Сомалийский полуостров»: *Дышала трава, Точно шкура вспотевшего льва...*

Подобных примеров немало и у белорусских авторов: *Таму чужынец азвярэлы / Снарады ўвінчвае ў пласты. / І выбухі ўстаюць, як дрэвы, / Як марсіянскія кусты* (А. Пысін); *З Волгі – вецер трапяткі і волкі / Ласкава люляе сіняву. / Я – малы прыток вялікай Волгі* (П. Макаль).

Нередко при этом оппозиция разрешается либо в пользу «своего», ср.: *Колькі цудаў за марскім прыбоем, / За кармою белай карабля, / Але што*

¹ Межкультурная метафора — это такой факт стилиобразования, явленный в произведении художественной словесности, когда в соответствии с нормами одного языка органически соединяются символические свойства разных национальных культур [Субботина 2005, с. 8].

зраўняецца з табою, / Родная, адзіная зямля?! (М. Прокоповіч), либо между её членами устанавливается концептуальное равновесие: *Даўжнік я Прыпяці і Байкала. / Імкнуся думкаю дзень пры дні / Я да Байкала, / Як да бакала / Гаючай свежасці і чысціні (П. Макаль).*

Однако в то же время в ряде случаев граница между «своим» и «чужим» стирается, нивелируется в силу освоенности в национальной картине мира многих инокультурных реалий, их «общеизвестности», присущих им устойчивых коннотаций, в том числе стереотипных.

Так, например, многочисленные компаративные тропы с В-элементом *море / океан*, встречающиеся у белорусских поэтов, свидетельствуют о весьма высокой степени «освоения» данной небелорусской реалии белорусской культурой, национальным способом образного мировидения. Иными словами, *море* воспринимается белорусами скорее как «своё», нежели как «чужое». Ср. также: *Я стану, як стэп, салёны, / Нібы Ледавіты, Шквальны...* (Р. Барадулін); *Старажытная Белавежа – / Усхвалёваны акіяны (П. Панчанка); ...Дзе песню новую да небакраю / Нясе маладосць на шляхах вясновых / І плешча мора – вечна жывая, / Мая беларуская звонкая мова! (К. Цвірка); Нават мёртвым успомню высокія зоры, / Над ракою чырвонай і цьмянай палёт кажаноў, / Белы ветразь на сініх, на гордых, як мора, азёрах, / І бары-акіяны, і неба – разлівы ільноў (В. Караткевіч); Я – кантынент, / я морам абрастаю, / Нібы тысячавёрстай барадой! (П. Макаль).*

В одном из стихотворений Пимена Панченко – «Што я думаў, гледзячы на Каспійскае мора» – мы находим интересный пример концептуализации «освоения чужого», растворения «своего» и «чужого» друг в друге, средством выражения чего автор избрал метафорико-фантастическое построение, ср.: *Што ёсць справядлінасць? / Ад крыуды – аж горача. / Адным вась такое раскошнае мора, / Другія ж не маюць мізэрнага морачка. / Сягоння, як зоры на небе засвецяцца / І месяц з-за хмары нахмуранай выблісне, – / Каўшом серабрыстым Вялікай Мядзведзіцы / Паўмора зачэрпну і ў Пінічыну выплесну (...) Хацеў я аднойчы / У Грузіі сперці слауты Казбек, / Ён сам прызнаваўся не раз мне, што хоча / Бліжэй перабрацца да нашых рэк. / А даць узамен я збіраўся грузінам / Палову мазырскай ды пінскай нізіны.*

Аналогичный ход образных ассоциаций демонстрирует стихотворение Я. Сипакова «Уваходзячы ў мора», ср.: *Ах ты, мора, бяскрайняе мора, / Столькі хваль – не злічыць на вяку. / Я ж пазнаць хачу ў хвалі каторай / Свае рэкі, што ў мора цякуць. / Можна, Свіслач мне тут адгукнецца, / Прыпяць плясне, – як рыба амаль... / А Аршыца да ног прыгарнецца – / Як заб'еца ад радасці сэрца: / Я пазнаю яе паміж хваль.*

В реализации лингвокультурной оппозиции «своё – чужое» нередко задействуются и ономастические метафоры, ср.: *Хто ж ты, / Краю майго Гарыбальдзі? / Каліноўскі (В. Стрыжак); Я ня слаўны Ленскі, / Ты-ж і не Тацьяна... / Родам я з-пад Менску... / Часта, часта п'яны (М. Кавыль); Хадзі бясстрашным Дон-Кіхотам, / Шугай агнём жывой крыві (М. Мятліцкі); Мае Афіны тут – / Назваў іх Бандарамі. (...) У Бандарах – / Мой аграмадны свет: / Мае Амерыкі, / Сібіры / І Сахары (А. Барскі).*

Особо следует указать на такие случаи, когда эксплуатируется не когнитивная **сила** метафоры, а её когнитивная **слабость**, т. е. когда в семантической структуре слов-понятий, выступающих в качестве В-элемента, актуализируются именно семы «чуждости», «непонятности» и т. п. Ср.: *В чем разгадка строки, / ненадолго записанной в снег? / Иероглиф судьбы, / наделенный значением крика...* (Б. Ахматулина); *У морака ў вачах стаяла страта, / I распускаўся ў страце белы мак, / Як іерогліф, як магiчны знак* (У. Някляеў).

2. «**Чужое – чужое**». Подобные концептуальная оппозиция, структурированная посредством компаративных тропов, также обычно покрывают тематическое инокультуры, реализуя некоторые оценочные смыслы, обычно негативные, например, акцентируют семантику «чуждости», ср.: *Гуляю на Поўдні, – / А у небе, як краб у палонцы, / Высушвае промні / Тваё зледзянелае сонца* (У. Някляеў); *Сiбір, Сiбір – халодная магiла, / Забыць цябе няма нiякай сiлы, / Старая ведзьма, мачыха мая!* (М. Кавыль); *На развiтанне не падам рукi. / Не быў, Джанкой, ты сябрам мне нiколи...* (У. Лiсiцын).

3. «**Чужое – своё**». Подобные метафоры обычно иллюстрируют именно когнитивную **силу** метафорического мышления, представляя феномен другой культуры как близкий, понятный, «свой», внося его, таким образом, в семиосферу собственной культуры, ср.: *Открыв травой набитый рот, Скакал, как лошадь, бегемот, И зверь, чудовищный на взгляд, С кошачьей мордой, а рогат – За ними.* (Н. Гумилёв); *Паўстаў Нью-Йорк перада мной... / З чым параўнаць? Мурашнік, вулей?* (П. Панчанка); *Я люблю такія «асамблеі», / Калі ўсё / рабочай мерай мераюць, / Кажуць пра далёкую Гвiнею / Так, / як пра суседа на кватэры* (Г. Бураўкін).

Как видно, прагматическое назначение метафоры подобного рода – представить незнакомый объект в знакомых очертаниях.

Что касается белорусской поэзии, то здесь так же, как и в случае реализации обратной лингвокультурной оппозиции, в качестве одного из центральных фигурирует образ *моря*.

Так, Пимен Панченко в стихотворении «Мора» [ПА-62] создаёт образ моря как чего-то близкого и родного посредством метафорически структурированного обращения к нему и параллельно развёртываемой метафоры «море» – «пройденный жизненный путь».

В стихотворении П. Макаля «Што такое мора» заглавный образ помещается в концептуальное пространство «своего» посредством веерной метафоры с несколькими шагами развёртывания, в результате чего создаётся сложный многокурсный образ моря, «разного» для разных людей [ПА-63].

Текстообразующая метафора («чайки – жнеи») с ярко выраженным национально-культурным компонентом реализована в приводимом ниже стихотворении А. Пысина «Чайкі», результатом чего также становится образное преломление «чужого» пространства через призму «своего», ср.: *Кальшыся, мора, кальшыся, / Налiвайся сонцам i вятрамi / У тваім высокiм сiнiм жыццe / Ходзяць жнеi з белымi сярпамi. / I не плачуць жнеi, не галосцяць, /*

Не заходзяца душою ў спеве. / У людзей маўкліва хлеба просяць, / Бо чамусьці жыта позна спее. / Крошкі, што прынесены на бераг, / Пазнікалі голасна і ціха. / Нада мною столькі хустак белых... / Можна, тут і матчына хусцінка.

Иногда встречаются и такие примеры, когда в пределах единого контекста сталкиваются различные рассмотренные метафорически структурированные концептуальные оппозиции, ср., например: *...наш народ – невымерная мора (...)* / *Узбярэжжа – Рагнеды брыво* (С. Панізінік). Данная развёрнутая метафора включает два фокуса, соответствующих формулам «своё – чужое» и «чужое – своё».

Как уже отмечалось, русская поэзия по сравнению с белорусской – это поэзия более широких пространственных координат; белорусские поэты стремятся к локализации своего пространства в пределах сферы бытия, которая непосредственно окружает человека, иначе говоря, локализируют свое пространство в пределах родины, причём чаще всего именно «малой родины» вплоть до непосредственно окружающего пространства (дом, семья, двор и т. п.).

Собранный нами материал позволяет говорить об определённой корреляции пространственных координат текстов (идиостилей) с метафоричностью последних. Так, идиостили, ориентированные на максимально широкую пространственность, чаще всего метафоричны в гораздо большей степени по сравнению с идиостилиями локальных пространств. Это связано с активной эксплуатацией в них моделирующей функцией метафоры, т. е. функцией создания новых концептов, выведения новых знаний [Black 1962], что более актуально для выхода в неохваченные человеческим разумом границы [см.: Ермакова 2000; 2000].

В этом смысле М. Эпштейн [Эпштейн 1988, с 201] противопоставляет стилю поэтов «метафорического» направления (Л. Мартынов, Р. Рождественский, А. Вознесенский и др.) стили таких авторов, которых он называет «тихими и деревенскими поэтами» (М. Рубцов, С. Соколов, А. Жигулин, И. Григорьев и др.), структурирующими пространство преимущественно через концепт «малая родина». А именно подобный национально-поэтический вариант пространства значительно преобладает в белорусской лирике.

Это, конечно, не значит, что поэты, близкие по тематике и стилю к С. Есенину, Н. Рубцову и другим, кого принято называть «поэтами деревни» (в том числе и белорусские поэты) избегают метафоричности (например, Сергея Есенина традиционно называют в числе тех поэтов, которых причисляют к «королям метафор» [Андреев 2017, с. 299]; сюда же без каких-либо натяжек можно отнести и многих белорусских лириков, в частности, Р. Бородулина, Н. Гилевича, А. Пысина, П. Макаля и др.).

Однако «рубцовская» (условно говоря) метафорика несёт другую, по сравнению с метафорикой противопоставленных им поэтов-метафористов (наподобие названных выше), прагматическую нагрузку, выполняя преимущественно эмоционально-экспрессивную, а не концептуально-моделирующую

щую функцию. Иначе говоря, если одни поэты по мере необходимости обращаются к метафоре, вживляют её в тексты, то тексты других («метафористов») – это зачастую и есть метафоры, а иногда и метаметафоры, граничащие с фантастическими образами; здесь метафора не троп, не средство, а каркас, субстрат, материальное тело текста, базовый способ текстовой репрезентации картины мира.

К тому же для создания концепта «малая родина» наиболее характерны антропоморфные и зооморфные метафоры, которые восходят к архетипам и устоявшимся поэтическим формулам (типа «жизнь – сеяние», «жизнь – цветение», «смерть – увядание»). Подобного рода метафорика, которую можно назвать «природно-антропоморфной», – древнейший и неисчезающий пласт тропеической образности русской поэзии и в ещё большей степени – белорусской, на что уже указывалось в трудах ряда исследователей, ср.: «Русское национальное сознание, как и восточнославянское в целом, в отличие от западноевропейского сохранило значительные рудименты языческого мирообраза, что с исключительной непосредственностью проявляется в его, сознании, пантеистическом характере. Не случайно А. Н. Веселовский выводил происхождение основных тропеических фигур из “народно-поэтического параллелизма”, отражающего, как известно, изначальное сходство человека и природы. Поэтому рефлектирующее художественное сознание в своей установке на концептуализацию собственного содержания привычно пользовалось “языком природы”, порождая тем самым антропоморфическую метафору» [Иванюк 1998, с. 156]; «В целом же метафорическая модель с исходной сферой “живая природа” сохраняет свою частотность на всем протяжении развития лингвокультуры» [Кондратьева 2014, с. 27].

Вместе с тем «...реальность рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений» [Чудинов 2001, с. 18]. Так, для словесно-образной репрезентации новых социальных реалий чрезвычайно характерными метафорические построения, основанные на так называемых кенотипах¹. Это и обусловило эволюцию метафорики последнего столетия в сторону её «социализации», «технологизации» и пр., ср.: «В целом социальные метафоры, задействованные в концептуализации внутреннего мира человека, в процессе развития русской лингвокультуры значительно увеличивают свою частотность...» [Кондратьева 2014, с. 34]; «Частотность артефактных метафор в новое время значительно возрастает в художествен-

¹ «Термин “кенотип” образован от древнегреческих слов “kainos” – “новый” и “typos” – “образ”, “отпечаток”. “Кенотип” – это буквально “новообраз”, обобщенно-образная схема мыследеятельности, не имеющая прецедентов в коллективном бессознательном и по своему символическому значению относимая к будущему. Если в архетипе общее предшествует конкретному, как изначальное заданное, а в типе – сосуществует с ним, то в кенотипе общее – это конечная перспектива конкретного, которое вырастает из истории и перерастает ее, прикасаясь к границам вечного» [Эпштейн 1988, с. 388–392].

ном дискурсе именно за счет оформления и интенсивного развития метафор механизма...» [Кондратьева 2014, с. 35–36]. Ср.: *Ад духоўнай меліярацыі / Задыхаецца родная мова* (М. Маляўка); *І ўжо не птушкі гэта, / І ўжо баімся іх, / Бо кожная – ракета / На крыльцах трапяткіх. / Як з ядзернай пляцоўкі, / З палетка збажыны / Зярнят боегалоўкі / Нясуць у свет яны* (М. Маляўка); *Прыроды вечны рухавік / Працуе летам і зімою* (А. Грачаникаў); *Аўтобус –/ інтэрнат на колах. / Тут упрытык сусед з суседам, / Пінжак з сукенкай упрытык* (П. Макаль); *На вачах – / праносяцца вякі. / ...Атамны. / ...Касмічны. / ...Электронны. / Тут вякі, / нібы таварнякі / у трывожным грукаце / над стромаю* (М. Арочка); *В бетонно-электрическом раю, / подбив итог находкам и потерям, / скорей впустите в комнату свою / смышлёного и ласкового зверя* (В. Костров).

Метафорика максимально широких – космических пространств становится со второй половины XX века одной из определяющих черт идиостилей русских поэтов, ср.: *И я выхожу из пространства / В запущенный сад величин / И мнимое рву постоянство / И самосознание причин. / И твой, бесконечность, учебник / Читаю один, без людей, – / Безлиственный, дикий лечебник, / Задачник огромных корней* (О. Мандельштам); *Сколько звёзд! / Как микробов / в воздухе...* (А. Вознесенский); *Я одет поверх куртки / в квартиру с коридорами-рукавами, / где из почтового ящика, / как платок из кармана, / газета торчит, сверху дом, как боярская шуба / каменными мехами* (А. Вознесенский); *Мы вырастаем!... / Нам тесно / в клетке / меридианов и параллелей* (Р. Рождественский); *Есть пространство, где ракеты ставить, / Есть простор, в котором жизнь и смерть...* (С. Куняев).

В определённой мере это же характерно и для ряда идиостилей белорусских авторов, хотя подобных примеров немного. В качестве одного из них приведём стихотворение Н. Метлицкого [ПА-64].

Гораздо более характерным приёмом у белорусских поэтов является метафорически структурированное сближение в едином образном контексте «далёкого» и «близкого», «своего» и «чужого», ср.: *Небу ўсе гімны і легенды, / Долу – / Бугроў мазалі. / Космас інтэлігентны, / Ды ёсць / Інтэлект зямлі* (Р. Барадулін); *А у небе, далёкім, былінным, / Самалёт, як Мікула, арэ* (І. Арабейка); *Па Млечных Шляхах / Пад поўнямі / Вы, родныя вёскі, ляцелі, / На ўзгорках ля рэчкі прыселі / З садамі, млынамі, шпакоўнямі* (А. Пысін); *Падаем мы яблык – спелы атам / У кошыку, што сплецены з арбіт* (А. Пысін); *Капля трас міжпланетных / Стала наша зямля, як узбочына, / І клопаты зямныя / Падрабнелі ў касмічным размаху. / Толькі неба нязрушная / Пазірае ўстурбочана / З пабялелымі скронямі / Млечнага Шляху* (Р. Барадулін).

Созвучные образы находим и у русских поэтов, ср.: *Ах, я тоже желаю / На просторы вселенной! / Ах, я тоже на небо хочу! / Но в краю незнакомом / Будет грусть неизменной / По родному в окошке лучу* (Н. Рубцов); *Россия, / я – твой капиллярный / сосудик, / мне больно когда – / тебе больно, Россия* (А. Вознесенский); *Никто не заметит пропажи, /*

Но знаю: сегодня уже / Прописан я в русском пейзаже, / Прописан я в русской душе (И. Елагин).

Наконец, обращают на себя внимание и такие поэтические тексты, в которых «русское» и «белорусское» пространства концептуализируются в сфере «своего». Один из наиболее показательных примеров – стихотворение А. Пысина «Побач з Расіяй» [ПА-65], в котором в ключевом словесно-образном ряду представлены такие лексемы и синтагмы, как *такія ж (лугі, косы, вочы), побач, ў сумесных баях, у добрай дружбе, усюды разам, зямля братняя* и т. п., обуславливающие соответствующую концептуализацию «белорусского» для россиян и «русского» для белорусов в сфере «близкого», «своего».

Таким образом, метафорическое взаимодействие в поэтическом дискурсе – это не просто интеракция двух или более понятийных областей (денотасфер), но и нередко факт взаимодействия различных языков, литератур, культур. Культурная маркированности может сопровождать любой из структурных элементов компаративного тропа. Следовательно, метафорика той или иной национальной поэзии способна транслировать не только интракультурную, но и интеркультурную информацию.

Выводы по 2-й главе

1. В рамках связей «текст – действительность» у текста как знака с действительностью устанавливаются «метафорообразные» отношения сходства/несходства (реалистичности/фантастичности, истинности/ложности и пр.). В этом смысле художественный текст – это метафора действительности, её знак, а метафора – это принцип взгляда на мир посредством текста. Следовательно, сигнификативно художественный текст всегда метафоричен, как метафорично по своей сути художественное мышление.

2. Использование поэтами приёмов метафоризации, ориентированных на расподобление узуальной и поэтической картин мира, – один из активных языковых процессов, определяющих облик как непосредственно белорусской и русской поэтической метафорики, так и всего поэтического дискурса в целом. При этом к современному моменту поэтами выработан целый спектр образно-метафорических построений, которые могут быть типологизированы по семиотическому критерию – от «слабой», малозаметной метафоры до метафоры, максимально отклоняющей образ от его возможного прототипа в узусе, что позволяет авторам, а вслед за ними и читателям увидеть непривычное в привычном, незаметное в заметном, необычайное в обыденном, что во многом и определяет суть самой поэзии как особого вида искусства.

3. Метафорическое взаимодействие в поэтическом дискурсе – это не простая интеракция двух или более понятийных областей (денотасфер), но и нередко факт взаимодействия различных языков, литератур, культур.

Культурная маркированности может «нагружать» любой из структурных элементов компаративного тропа.

4. Интракультурные метафоры основываются на сближении понятий одной культуры («своё – своё»). Ядром этой типологической разновидности являются традиционные тропы, фоновые формулы национальной поэзии. Подобная метафорика обычно привлекается для усиления представления о том или ином предмете (явлении, понятии) как неразделимо близком, родном; наиболее характерная для неё жанрово-тематическая среда – тексты, посвящённые теме Родины, дружбы, любви.

5. Интеркультурные тропы могут представлять собой различные варианты соединения разнокультурных реалий в рамках оппозиции «своего» и «чужого»: «своё – чужое»; «чужое – чужое»; «чужое – своё». Русская поэзия по сравнению с белорусской – это в целом поэзия более широких пространственных координат; белорусские поэты стремятся к локализации своего пространства в пределах сферы бытия, которая непосредственно окружает человека, иначе говоря, локализуют свое пространство в пределах родины, причём чаще всего именно “малой родины” вплоть до непосредственно окружающего пространства (дом, семья, двор и т. п.). Для создания концепта «малая родина» наиболее характерны антропоморфные и зооморфные метафоры, которые в значительной части восходят к архетипам и устоявшимся поэтическим формулам (типа «жизнь – сеяние», «жизнь – цветение», «смерть – увядание» и т. п.). Для словесно-образной репрезентации новых социальных реалий характерными являются метафорические построения, основанные на так называемых кенотипах.

ГЛАВА 3

МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСИВНЫХ СВЯЗЕЙ «ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ / ДИСКУРС – ЯЗЫК»

3.1. Язык как фигурант дискурсивной модели текста и объект поэтического рефлексирования

Понятия «язык» и «поэзия» неразрывны для нашего сознания. На сложную цепь взаимодействий «текст – язык – действительность» указывал ещё В. В. Виноградов: «Словесно-художественное произведение представляет собой воплощенную в формах языка и освещенную поэтическим созданием автора обобщенную картину своеобразного мира – субъективного или объективного (в зависимости от методов творчества). Как единство словесно-художественного воспроизведения действительности литературное произведение создает свою систему связей и соотношений слов, композиционных элементов и частей разного объема и разной структуры» [Виноградов 1976, с. 65].

На обыденном уровне мы воспринимаем поэзию прежде всего как необычный язык, которым изложены те или иные мысли. На уровне научного осознания оппозиция языковой «обычности» и «необычности» в художественной речи заключается в работе двух противоположных механизмов: «Для того чтобы общая структура текста сохраняла информативность, она должна постоянно выводиться из состояния автоматизма, которое присуще нехудожественным структурам. Однако одновременно работает и противоположная тенденция: только элементы, поставленные в определенные предсказываемые последовательности, могут выполнять роль коммуникативных систем. Таким образом, в структуре художественного текста одновременно работают два противоположных механизма: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой – разрушить эту автоматизацию и сделать самое структуру носителем информации» [Лотман 1970, с. 95].

При определении лингвистами семиотического статуса языка постоянно акцентируется внимание на факте его привязанности к культуре, к социуму, помещённости в концептуальное пространство человека¹. Ср.: «Язык является лингвокультурным семиотическим концептом, представляющим собой ментальное образование высокой степени абстракции, имеющее языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой»

¹ Подобное понимание лингвоцентризма поэтического творчества в целом вписывается и в идеи, развиваемые рядом учёных на протяжении многих десятилетий (гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа о том, что наше восприятие действительности более или менее жестко обусловлено языком и изоморфно ему; идея лингвистики языкового существования Б. М. Гаспарова [Гаспаров 1996] и др.).

[Полиниченко 2004, с. 5]. Характерно, что сама лексема *язык* входит в огромный корпус контекстуальных употреблений, выявляя значительный набор своих семантических ролей и становясь основой для создания разнообразных образов в дискурсах различного типа, что подробно исследовано в работе В. З. Демьянкова «Семантические роли и образы языка» [Демьянков 2000].

Современный украинский семиолог Г. Г. Почепцов со ссылкой на А. А. Богданова отмечает: «Метафоричность языка заключена в том, что он одинаково описывает и социальные активности, и активности стихийные: один и тот же глагол, одно и то же прилагательное может выступать как сказуемое при всех этих разнородных подлежащих, т. е. как их прямая характеристика» [Почепцов 1998, с. 24]. В этом утверждении заслуживает внимание констатация метафорической природы языка, о чём мы поведём речь далее.

Возвращаясь к поэзии и принимая во внимание сказанное, признаем, что говорить о статусе языка в художественном творчестве можно, по крайней мере, в двух измерениях: 1) язык – концепт, смысл, содержание, и 2) язык – средство, вещь, форма (см. работы Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Р. О. Якобсона и др.). Об этом же говорит В. И. Заика, ссылаясь на Д. Пригова, в докторской диссертации, посвящённой эстетической реализации языка: «Язык как компонент художественной модели следует понимать как то, что объектом изображения является этнический, социальный язык, а средством изображения язык индивидуальный, авторский. (...) Д. А. Пригов считает, что можно было бы объяснить поэзию как “разговор языка с языком на языке языка”, мы бы добавили: “о языке”» [Заика 2007, сс. 8, 12].

Таким образом, язык в поэтическом дискурсе можно рассматривать как посредник между внешним денотатом (миром, действительностью, универсумом) и текстом и – одновременно – как фрагмент этого самого универсума. Поэтому именно по отношению к поэзии справедлива известная формула Иосифа Бродского: «Поэт – инструмент языка»¹.

Разумеется, идиостилии разных поэтов в достаточно неодинаковой степени предъявляют читателю ту часть дискурсивного пространства, которая являет собой упомянутый выше «разговор о языке». Иными словами, в выражении «поэтического филологизма» по-разному соотносится имплицитное и эксплицитное в планах содержания и выражения.

¹ Ср. также высказывание Н. Н. Белозёровой: «Поскольку художественный текст представляет собой результат одного из способов обработки информации, доступной сознанию через знаки природной и социальной (культурной) среды, центральную роль при его порождении и декодировании играет язык, как “основное условие существования сознания высшего порядка” (Халлидей), позволяющий человеку интерпретировать при помощи обобщения и абстрагирования естественный порядок и социальный порядок» [Белозерова 2001, с. 67–68].

Рефлексию над языком некоторые исследователи называют типологической особенностью литературы XX в. «Филологичность авторов выразилась в появлении произведений, речевая ткань которых существенно отличалась от практической речи (включая и различные формы заумы)» [Заика 2007, с. 44].

Вообще сущность филологичности художественного текста / дискурса – вопрос дискуссионный¹. Е. А. Некрасова определяет данный эффект через его репрезентативный характер – как «ряд художественных приёмов, связанных с пристальным вниманием поэта к семантической ёмкости слова» [Некрасова 1795, с. 88].

Нам представляется, что такую трактовку можно считать узким пониманием филологичности текста. В более широком понимании под филологичностью следует понимать кодирование в художественном тексте любой информации лингвистического характера (в том числе информации о самом языке, его отдельных составляющих, функциональных ипостасях и т. п.), тем более что лингвистическая информация может быть связана не только с «пристальным вниманием» к семантической ёмкости слова, да и не только к самому слову (лексема), но и к феномену любого другого языкового уровня (словообразовательного, морфологического, синтаксического, к речевому употреблению языковых единиц, к фактам языковой креативности и т. д.).

В качестве иллюстрации можно привести тексты, основанные на «игре» с семантикой слова. Интересный пример в этом отношении представляют собой тексты, основанные на приёме совмещения значения, состоящем в «одновременной реализации в контексте двух разных значений полисемичного слова» [Ревуцкий 1998, с. 64].

Рассмотрим стихотворение Л. Мартынова «След» [ПА-66]. Средством выражения идейно-образного смысла данного текста стало «разнесение по полюсам» двух значений полисемичного слова *след*: 1) 'отпечаток чего-либо на какой-нибудь поверхности' и 2) 'то, что остаётся, запечатлевается в памяти'.

Подобное «филологическое» отношение автора может претерпеть по отношению к себе и устойчивое выражение, входящее в ключевой словесный ряд текста, как, например, в стихотворении Е. Евтушенко «Подавляющее большинство», ср.: *Подавляющее большинство, / пахнешь ты, как навозная роза, / и всегда подавляешь того, / кто высовывается из навоза...*

Эксплицитная филологичность, под которой мы будем понимать непосредственное обращение авторов к фактам языковой денотасферы (понятийной области «ЯЗЫК» в самом широком её наполнении), прежде всего отличает идиостили таких русских поэтов XX века, как В. Маяков-

¹ Филологичность свойственна и прозе. Филологическую прозу, в частности, филологический роман, подробно анализирует О. Ф. Ладохина [Ладохина 2009].

ский, С. Кирсанов, Б. Пастернак, И. Бродский, А. Вознесенский, Д. Сухарев, Б. Ахмадулина и др.¹ Как доминанта идиостиля филологичность выступает в творчестве поэтов постмодернистского направления – Т. Кибирова, С. Бирюкова, И. Иртеньева, Д. Быкова и др.² Из белорусских мастеров поэтического слова здесь можно отметить, прежде всего, Р. Бородулина, Н. Гилевича, В. Веремейчика, П. Макаля, А. Вертинского, Я. Сипакова, Г. Буравкина, В. Зуёнка и нек. др.³

Выражением предельной экспликации филологичности можно считать ряд современных поэтических текстов и сборников, имеющих лингвистические заглавия и такое же содержание, которые можно причислить к научной поэзии как, например, стихотворения «Вводные слова» А. Кушнера [ПА-67], «К вопросу о коммуникативной функции слова» Д. Сухарева [ПА-68], «Основы фонологии» С. Бирюкова [ПА-69] (и целый ряд его других текстов), сборник «Часть речи» И. Бродского и др.⁴ Это именно тот случай, когда «“поэтическая филология” избирает своей стратегией полидискурсивность – смешение и взаимоналожение элементов институционального научного и персонального поэтического дискурсов. (...) Для выражения метаязыковой рефлексии литературный метатекст актуализирует свою “грамматическую партитуру”» [Черняков 2007, с. 6].

Так, в стихотворении С. Кирсанова «Рост лингвиста» [ПА-70] язык предстаёт как живой организм, изучаемый филологом подобно тому, как природный мир исследуется естествоиспытателем.

То, какие ассоциации может родить у чуткого к языку человека, казалось бы, «сухой» алфавит, замечательно показано в стихотворении А. Вознесенского «Мелодия Кирилла и Мефодия» [ПА-71]. В стихотворении Р. Бородулина «Па схіле алфавіта» [ПА-72] реализована своеобразная имплицитная текстообразующая метафора «жизнь – словарь», где каждое слово – значимый для автора символ / концепт, своеобразный «свёрнутый текст», связанный с определённым жизненным периодом.

Полнее других в рассматриваемом аспекте описан идиостиль Иосифа Бродского. Так, в диссертационном исследовании Д. А. Ахапкина анализируется филологическая метафора И. Бродского, сводящаяся к базовой модели «мир – это текст». Исследователь констатирует следующие положения:

¹ Идиостили некоторых из перечисленных авторов, а также отдельные литературно-художественные направления уже анализировались с точки зрения структурирования в них концепта «язык» в целом и его составляющих [Ахапкин 2002; Новиков 2001; Орлова 2002; Черняков 2007; Шукуров 2007 и др.].

² Во многих исследованиях, посвящённых постмодернизму так или иначе отмечается тот факт, что «у постструктуралистов сам лингвистический знак расширил свои границы до лингвистического универсума, что привело к тенденции декодировать любой факт как лингвистический факт» [Белозерова 2001, с. 14].

³ О творчестве белорусских поэтов филологического поколения см.: [Гоўзіч 2011; Кісліцына 2015].

⁴ См. об этом подробнее в п. 5.3.

«Для реконструкции взглядов Бродского на язык наиболее интересными оказываются не столько прямые отсылки к тем или иным исследователям и направлениям, сколько своеобразная, имплицитно содержащаяся в корпусе его критических и поэтических текстов языковая теория (...) Приведенные в них примеры позволяют заметить, что для Бродского при анализе литературного произведения или художественной системы того или иного автора, равно как и при создании собственного текста, оказывается наиболее существенным, во-первых, показать, что язык определяет творчество писателя, то есть является не инструментом, а творцом» [Ахапкин 2002, сс. 9, 12].

Филологическим тропам Бродского уделено внимание и в докторской диссертации И. В. Романовой, где приводятся примечательные статистические данные, например, о том, что в идиостиле поэта 67 % всей лексики тематической группы «язык» используется в составе тропов; 419 образов входят в тематическую группу «язык, речь» и др. [Романова 2007, с. 34–35]. Эстонские исследователи В. Полухина и Ю. Пярли на материале сборника И. Бродского «Часть речи» издали словарь тропов поэта [Полухина 1995].

Весьма характерно и название одного из новейших исследований в области «филологичности» поэтического языка – монографии Н. А. Фатеевой «Поэзия как филологический дискурс» [Фатеева 2017], в основу которой положена идея о том, что в поэтическая функция языка вступает в стихотворных текстах в тесную интеракцию с метаязыковой функцией. Автором данного исследования сделано важное наблюдение диахронического порядка: если поэты XIX в. сосредоточивались в основном на осмыслении творческого процесса порождением лирического текста и в силу этого вовлекали в образную орбиту понятия, связанные со стихотворчеством (*звук, стих, рифма* и пр.), то у поэтов XX–XXI вв. палитра филологической лексики существенно расширяется, причём не только за счет специальных стиховедческих терминов, но и за счёт понятий, связанных с уровневым устройством языка (строевыми элементами языка, лексико-грамматическими разрядами, категориями, формами, синтаксическими единицами и понятиями и пр.), а также их вовлечения в поэтическую детерминологизацию и основанную на ней языковую игру.

Таким образом, основанием для постановки и дальнейшей разработки данной проблемы является семиотическая родственность феноменов «язык» – «поэзия» – «метафора», позволяющая подходить к ним по принципу взаимовыводимости. С одной стороны, тропы – это конструкты прежде всего языковые, возникающие как следствие нарушения привычных парадигматических и синтагматических отношений языковых единиц. С другой стороны, и сам язык не что иное как метафорический по своей природе инструмент, о чём, в частности, говорит М. О. Гершензон: «Поэзия есть искусство слова, и действие, производимое ею, есть тайнодействие слова. Поэтому правильно читать поэта способен лишь тот, кто умеет

воспринимать слово. Между тем в наше время это уменье почти забыто (...) Наше слово прошло во времени три этапа: оно родилось как миф; потом, когда драматизм мифа замер и окаменел в слове, оно стало метафорой; и наконец образ, постепенно бледнея, совсем померк, – тогда остался безобразный, бесцветный, безуханный знак отвлеченного, т. е. родового понятия. Таковы теперь все наши слова. Но поэт не знает мертвых слов: в страстном возбуждении творчества для него воскресает образный смысл слова, а в лучшие, счастливейшие минуты чудно оживает сам седой пращур родового знака – первоначальный миф» [Цит. по: Почепцов 1998, с. 25].

Отмеченное выше мы рассматриваем как теоретическую базу для дальнейшего раскрытия сущности метафороподобия отношений «содержание – фактура» поэтического текста, а также участия фигурантов концептуального пространства «Язык» в метафорическом структурировании поэтической картины мира русскими и белорусскими поэтами.

3.2. Метафороподобие отношений «содержание – фактура» в текстах русской и белорусской поэзии

Если выше были рассмотрены тексты, которые кодировали несколько денотатов одним обобщающим их языковым выражением (сигнификатом) по принципу «несколько миров – один язык», то в данном разделе предстоит рассмотреть обратное явление: тексты, в которых один денотат несколько раз перевыражается одной языковой фактурой за счёт прераспределения и/или дублирования информации разными языковыми уровнями и структурно-композиционными особенностями архитектоники текста, в результате чего возникает эффект метафороподобия взаимоотношений денотативного содержания текст и его языкового слоя (фактуры), «где план выражения в том или ином отношении подобен реалии, отношения между формой и изображаемым предметом, являются отношениями сходства (такое непосредственное представление предмета подобно метафоре)»¹ [Заика 2007, с.27].

Под понятием фактуры художественного текста будем, вслед за К. Э. Штайн, понимать качественное своеобразие их речевой ткани, тогда как сам текст – рассматривать как фактурный ансамбль, в котором разноуровневые единицы языка призваны «играть в унисон», идти навстречу друг другу,

¹ В процитированной работе такое явление названо термином «экземплификация» [Заика 2007, с. 27]. Е. Ю. Муратова называет подобный феномен «аллотропичным текстом», под которым ею понимается «текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами», при этом «аллотропичность текста соотносима с категориями синергетики, которая исследует самоорганизацию и самоусложнение систем различного рода» [Муратова 2014, сс. 4, 6].

взаимодополнять одна другую, чем достигается гармония текста¹ [см.: Штайн 2006], при этом «принцип эквивалентности, налагая особую структурную упорядоченность на весь поэтический текст и де-автоматизируя все уровни плана выражения, раздвигает границы метафорической структуры до масштабов всего текста» [Толочин 1996, с. 40].

Интеракция подобных «фактурных ансамблей» характеризует, безусловно, всякий подлинно художественный текст. Однако в ряде случаев эта особенность текстоустройства получает – в первую очередь в поэзии – статус акцентированного прагматико-стилистического приёма.

3.2.1. Фоника, ритмика и метафорика

Звуковая сторона (фактура) поэтической речи традиционно оценивается в филологии как основа её специфичности в сравнении с речью прозаической и в силу этого издавна привлекает внимание исследователей. Немногом менее столетия назад выдающийся советский лингвист и литературовед В. М. Жирмунский отмечал, что «...звуки языка не безразличны для поэта. Это – не пустые места в художественном произведении, не беспорядочные шумы, сопровождающие течение поэтических “образов”, а существенные средства художественной выразительности. Звуки поэтического языка упорядочены и организованы; особый выбор звуков особое их расположение отличаю поэтическую речь от прозаической» [Жирмунский 1928, с. 40]. Прочитанная работа учёного «Задачи поэтики» (а также ряд других его исследований) практически полностью посвящена изучению взаимосвязи звуковой и содержательной сторон поэтических текстов². Развивая мысль о взаимосвязи фоники и смыслообразования в поэтической речи, Г. В. Векшин отмечает, что «поэтический текст тем не менее рождается изначально как некий “звукосмысл” и “звукозамысел” – далеко не только в силу фонетической изобразительности, но прежде всего в силу конструктивной, в широком смысле символической роли звукового повтора как своеобразного экспонента “ядерного синтаксиса” текста» [Векшин 2006, с. 25].

Несколько позже к данному проблемному полю подключились и метафорологические исследования [Мишанкина 2002].

¹ «Поэтический текст определяется нами как сложное, управляемое множеством законов сплетение всех элементов, феноменологически заданное существование языка, руководимое гармонической организацией, находящее конкретное выражение в понятиях склада, ткани, фактуры. Это многомерная система, структурно (относительно) закрытая и семантически открытая, имеющая форму наслоения, характеризуется возможностью внутренней саморегуляции, реализует гармонические возможности в параметрах горизонтали, вертикали и “глубины”» [см.: Штайн 2006, с. 21–22].

² Одна из наиболее фундаментальных и известных работ в области фоносемантики – книга А. П. Журавлева «Звук и смысл», в которой её автор характеризует звук как «живую плоть стиха» [Журавлев 1991, с. 78]. См. также работы А. В. Пузырёва [2013 и др.].

Понятие звуковой (фонетической) метафоры уже имеет определённую историю функционирования в лингвистике (в первую очередь – в лингво-поэтике). Под ним понимается семантическое сближение двух понятий на основе ассоциаций по сходству звуковой стороны языкового знака, т. е. своеобразная семантически нагруженная идеофония и эвфония (звукопись), а с другой стороны – превращение звуков в самостоятельные смысловые единицы, фоносемантизация [Любимова 1996; Сомова 2017; Рябых 2006; Векшин 2006 и др.]. Это ведёт к деавтоматизации фонемной структуры поэтического слова и «позволяет фонемам выступать в качестве непосредственных носителей эстетической информации» [Толочин 1996, с. 39].

В упомянутой выше лингвистической литературе данное явление довольно подробно описано преимущественно с точки зрения эвофонии и идеофонии. Оно широко представлено и в русской, и в белорусской поэзии, достаточно подробно описано как в отношении отдельных идиостилей, так и национальных поэтических стилей в целом, в связи с чем ограничимся лишь несколькими примерами, ср.: *Колокола. Коллоквиум / колоколов.* / *Зарево их далекое / оволокло* (С. Кирсанов); *И гнались за мною / Сто тысяч берёз, / Стеклою стеною / Струился мороз* (А. Ахматова); *Шуміць ізноўку на шашы, / Шуміць, шуміць, шуміць машына.* / *Нідзе навокал ні душы, / Адно гамоняць шыны* (Р. Барадулін); *Касі, каса, пакуль раса / кругом ляжыць-блішчыць.* / *Звіні каса, / спявай, каса:* / «*Жу-ж-жых, / жу – ж-жых, / жу – ж-жых...*» (М. Федзюковіч).

Обозначенные звуковые повторы в каждом из приведённых примеров лежат в основе создания фонетических метафор, имитируя соответственно колокольный перезвон (С. Кирсанов), шуршание автомобильных шин, звуки улицы (Р. Бородулин), звуки, издаваемые взмахами косы (М. Федюкович), создавая ощущения холода, свиста морозного ветра, дрожания (А. Ахматова).

Не менее интересными в этом плане, но при этом гораздо менее описанными являются метаязыковые образы звучащей речи, получившие метафорическое воплощение. Вместе с тем подобные примеры свойственны и русским, и белорусским поэтам, причём в ряде случаев они отражают национальную специфику звучащей речи¹, ср.: *Трепещет лира: / В струнах позабытых / звуков согласных / Я звуков живительных / В восторге ищю* (А. Дельвиг); *Исходят и льются согласные звуки, / И в них мне отрада: в них – слезы мои* (В. Бенедиктов); *Звуки на а широки и просторны, / Звуки на и высоки и проворны, / Звуки на у, как пустая труба, /*

¹ «С учетом того, что в основе звуко-символизма лежат общие для всех языковых сообществ нейропсихологические законы, можно выявить некие универсальные свойства, присущие вызываемым им ассоциациям. Однако звуко-символическая метафоризация, обнаруживаемая в поэтических текстах, безусловно, носит сугубо национальный характер в силу своей соотнесенности с тезаурусом и менталитетом адресата и адресанта» [Сомова 2017, с. 161].

Звуки на о, как округлость горба, / Звуки на е, как приплюснутость мель, / Гласных семейство смеясь просмотрел (Д. Бурлюк); И слово «холодный», / снежиночка, пух, / звучит как "свободный" / и радуется слух (А. Кушнер); Буду слушать гортанный, / Словно клетот орлиный, язык горожан (П. Антокольский); Так звуки У и О приемлют гул трамвая / И завыванье проволочек тугих (К. Вагинов); В огромном, как вокзал, под лампами арк / Вращали барабан, и в картавый завар его / Гром, перекачивая «[э]р», выговаривал: / «Кс? Карырыл Марр. Кс? Карырыл Марр...» (И. Сельвинский); Нават стаў акіян запарожцам адчайным / Як звонкае «о», / гальку у роце качае (Р. Барадулін); Не прыкмеціў бярозкі, сасны. / За якою ў людскім шматгалосці / Наша «дзе», быццам водгук струны, / З мовай рускай, маскоўскай злілося (А. Пысін); см. также [ПА-73].

Как видно из данных примеров, фоника используется в поэзии не только как изобразительно-выразительное средства, но и нередко становится самостоятельным поэтическим, в том числе метафорическим, образом, парадигматика которого представлена такими лексемами, как звук, звонкий, глухой, гласный, согласный и др. Ср также: *Без звука / Поэзия мертва, / Рифмованная мука – / Седая голова (А. Межиров); Прислушайся / Друг / Земля – звук / Вода – звук / Наша жизнь – звук (И. Холин); Слова, дзе кожны гук / Азяблаі сініцай цінькае, / Не стануць тэрмінамі медыцынскімі (Р. Барадулін); Табе напамняць / гукі нашай мовы То гул гарматных навальніц / То гоман пушчаў / ды бароў сасновых / То звон азёр, / то шэпт крыніц (М. Аўрамчык).*

Звуковые метафоры могут также основываться на прецедентных феноменах и интертекстовых отношениях, ср.: *Дыхае тванішо вагна, / Тошна – туга галадае мая. / Першаславянствам пахне / Фраза неперакладаемая (Р. Барадулін); Уступ аб дружбе прагучыць банальна / Перад пачуццём, што не ацаніць. / У прадаўшчыц вітальна-развітальна / Грудное слова ралдзес звініць (А. Пысін); Звук звенит за звуком и за словом слово, / Как в стихотвореньях Гумилева / Из «Чужого Неба»... (И. Одоевцева).*

Наконец, звуковой метафорой иногда становится целый поэтический текст, что обычно маркируется в таком случае его заголовком, например, [ПА-74; ПА-75; ПА-76].

Помимо метафоры звуковой, можно говорить и о метроритмической метафоре, когда «метро-ритм, являясь закономерностью динамической структуры стиха, оказывает организующее влияние на словесный ряд, открывая возможность для формирования текстовых корреляций. Он актуализирует фонемный и морфологический повтор, а также формирует регулярный характер повтора синтаксических конструкций. Возникающие при этом соответствия выстраиваются в параллелизм. Он устанавливает подобие более крупных элементов образной структуры и способствует формированию семантической двуплановости» [Толочин 1996, с. 39]. Ср.: *Скорый поезд, скорый поезд, скорый поезд! / Тамбу́р в тамбу́р, бу́фер*

в буфер, дым об дым! / В тихий шелест, в южный город, в теплый пояс, / к пассажирским, грузовым и наливным! (С. Кирсанов). Ритмика приведённого отрывка и стихотворный размер (шестистопный хорей), а также повтор взрывных, шипящих и свистящих согласных создают впечатление движения поезда (стук колёс в такт движению, свист ветра и др.).

Аналогичный ассоциативный ряд возникает при прочтении следующих строк, в которых ритмический рисунок текста (четырёхстопный ямба) в совокупном действии с характерной фоникой поддерживает метафору «жизнь – поезд», ср.: *Цягнік жыцця – імклівы, скоры – / Грыміць праз рэчкі і масты* (П. Прануза).

3.2.2. Морфемно-словообразовательный уровень и метафорика

Наряду с фонетическим и ритмомелодическим уровнями текста потенциально способным к передаче образной информации выступает морфемно-словообразовательный уровень. Причём эта информация может иметь не только эмоционально-оценочный характер (с этой точки зрения морфемы достаточно хорошо нам знакомы), но может «увеличиваться в весе» до статуса денотативно-сюжетной.

Например, в тексте песни А. Макаревича «Спускаясь к великой реке» [ПА-77] весомая часть денотативной информации кодируется именно средствами морфемно-словообразовательного уровня. Информация, контурно намеченная лексическим наполнением номинативных предложений, в своём большинстве составляющих текст (понятно, что речь идёт о войне, о солдатах, которые на ней погибают), – это лишь «надводная» часть денотативного смысла текста. Глубинные смыслы закодированы морфемно-словообразовательной фактурой текста. В единстве с номинациями детских игр насыщенность текста лексемами-диминутивами имплицитно реализует информацию о несерьёзности «игр» политиков, приводящих к гибели обычных людей, в первую очередь – молодых солдат, для которых «сабельки, пулечки, пушечки» ещё вчера были атрибутами детских игр. Декодировать эту часть образного смысла стихотворения можно только при условии «филологического» подхода к анализу «вторичных информативных систем» текста, в данном случае – его морфемно-словообразовательному уровню, вступающему в метафорические отношения с сюжетно-смысловой (денотативной) линией текста.

Подобным же образом поддержка словесной метафоры со стороны морфемно-словообразовательного уровня создаётся в приводимых ниже строках Н. Гилевича, создающего образ отеческого отношения поэта к собственным произведениям, осмысляемым как птенцы, дети, ср.: *Гыля, гыля **вершаняты, вершаняты-птушаняты!** / Годзе песцізда, туліца у душы, як у гнязде! / Хоць і страшна – бласлаўляю вольны вырай ваш крылаты: / Хай вам добра будзе ў небе, на зямлі і на вадзе! / Толькі вы*

хутчэй дужэйце – кволым выжыць будзе цяжка: / Ці каршун у кіпці схопіць, ці падстрэліць браканьер. / Я ж пачую і заплачу: «Вершанё маё, дзіцятка. / І нашто цябе радзіў я, каб пакутаваць цяпер?..».

Распространёнными приёмами, встречающимся как в текстах русских, так и в текстах белорусских поэтов, является окказиональная констатация родства слов (не являющихся родственными на самом деле), ведущая к их метафорическому сталкиванию, ср.: *Есть в русском «люмпен» от слова «любят»...* (А. Вознесенский); *Гукамі з'яднала з словам слова – / Роднасныя словы «лес» і «лёс»* (С. Басуматрава); а также индивидуально-авторская этимологизация, также лежащая в основе создания метафорических образов.

Интересный пример авторской этимологизации ключевого слова текста находим в стихотворении Г. Семёнова «Болеро» [ПА-78]. Ср. также: *Вокны – вокі яны. / Вакно – вока яно. / Літара «в» / узначальваць павінна слова, / калі вокан многа / і калі вакно адно* (І. Лагвіновіч).

В стихотворении Р. Бородулина «Трыпціх» [ПА-79] воскрешается внутренняя форма заглавного понятия – числительное *три*, – и дальнейшее развёртывание текста продолжается по линии метафорической символизации данного числа.

Приводимые ниже примеры иллюстрируют эффект паронимической аттракции, природа которой – в звуковом сближении различных слов [Кузнецова 2013, с. 77–90], что в итоге также ведёт к их сталкиванию в одном метафорическом образе или их цепочке, ср.: *Бездомен как демон, бездымен как порох, / Бездумен, бездамен – ни думы, ни дамы* (П. Антокольский); *Мох – что зелёный мех* (М. Цветаева); *Фразы крою по выкриков выкройке* (В. Маяковский); *Дзяўчаты штурмавалі дружна шчыт / І падахвочвалі яе: «Тамара!» / А я прыдумаў толькі слова «мара», / Хаця адчуў на рыфмы апетыт* (У. Верамейчык); *...Пустка лушчы... / ...Пастка пашчы... / ...Малюнак маланак... / ...Варыяцыя вар'яцтва... / ...Муры мары... / ...Страха страху... ...Крокі крыку...* (Р. Барадулін); *Купала, / купалле / і купал нябёс...* (У. Карызна).

Сразу несколько из рассмотренных выше приёмов комбинируются в стихотворении П. Макаля [ПА-80] (сталкивание сходно звучащих слов: *бэз – без – бес*; акцентуация слов с префиксом *без-*; деконструкция, подкреплённая анафорой *Без... / Без... / Без...*).

В известном стихотворении В. Хлебникова «Заклятие смехом» [ПА-81] центральным объектом авторского изображения является *смех*, но главным образом не как одна из психо-физиологических способностей человека, а как собственно языковой знак – слово/морфема. Автор, по-видимому, задаётся целью представить весь дистрибутивный потенциал данного слова/корня, как реализованный в языке, так и пока ещё не востребованный.

Наконец, обратим внимание и на те примеры, когда образная информация концентрируется не собственно в языке, а в способе его упорядочения, например, в так называемой **деконструкции языка** –

смещении центра тяжести с языковых единиц на их сегменты [Штайн 2006, сс. 26, 30, 187 и др.]. Ср.:

*таша говорю я на
низм ты говоришь кому
ыкант наливает муз
иноактриса пошла к
сотка улыбнулась кра
вать советует уби
лам сломалась жизнь попо*

(А. Вознесенский).

По замечанию Е. Ю. Муратовой, «процесс высвобождения корня из многослойной морфемной оболочки, лексикализация первообразного ядра слова является диссипативным процессом самоорганизации многочисленных смыслов» [Муратова 2014, с. 24]. Именно в умножении смыслов, как известно, и заключается основной эффект поэтического метафоротворчества.

3.2.3. Грамматика и метафорика

По отношению к лексическому уровню текста его грамматика выполняет роль своеобразной вторичной информативной системы [Якобсон 1983]. То же можно сказать и о месте грамматического уровня в формировании тропеичности текста, где грамматические маркеры, как отмечает Е.Ю. Муратова (говоря об аллотропичности поэтического текста), скорее «являются периферийными факторами» [Муратова 2014, с. 31], но всё же «служат своеобразными регистрами, “усилителями” художественных смыслов» [Ревуцкий 2006, с. 137]. При этом «грамматическая образность более имплицитна: актуализация, осуществленная с помощью грамматического тропа, менее явная и потому формирует не столько текстовые категории, сколько подтекстовые смыслы» [Приходько 2007, с. 11-12].

Одной из первых работ, посвящённых **грамматической метафоре**, является статья Е. И. Шендельс, в которой данный феномен определяется как несоответствие между грамматической формой и её лексическим наполнением [Шендельс 1972, с. 52]. Фактически то же говорит о грамматических тропах (аллеотетах) И. П. Приходько: «В этом случае имеет место транспозиция грамматической формы, в результате которой преодолевается объективная несовместимость между лексическими и грамматическими семами» [Приходько 2007, с. 11–12]. Этот же автор настаивает на признании за грамматической метафорой всего когнитивно-креативного потенциала, присущего метафоре в принципе, и подчёркивает её межуровневый – лексико-грамматический – статус, с чем есть все основания согласиться: «Поскольку каждая грамматическая форма существует лишь как форма лексем или лексем, большая часть метафор на основе морфологических

категорий рода, числа, времени может быть охарактеризована как метафоры лексико-грамматического типа. Широко признанное в современной науке положение о когнитивной ценности и креативном потенциале метафоры должно быть дополнено указанием на аналогичные свойства грамматической метафоры, которая также способна выполнять функции концептуализации понятий и воздействия на способ мышления» [Приходько 2007, с. 5]. См. также: [Бобылев 2004; Кожевникова 1993; Grammatical 2003].

Приведём показательный пример – стихотворение В. Коризны «Мой лес» [ПА-82]. В данном тексте момент «рассогласования» лексики и грамматики намеренно эксплицируется автором и, более того, выносится в самое начало текста – его сильную позицию, что позволяет далее реализовать текстообразующую веерную двушаговую метафору «лес – мужчина» / «лес – мать».

Исследователями также указывалось на соответственное распределение ролей морфологических и синтаксических категорий и единиц в формировании образной составляющей поэтических текстов, а также на общие закономерности из реализации. Например: «Повторы различных частей речи также могут быть экспликативными: повторы существительных могут изображать множественность, разнообразие предметов, повторы глаголов – нескончаемость длительности, повторы прилагательных – интенсивность проявления признака и / или разнообразие признаков и пр.» [Заика 2007, с. 29]; «Помимо средств морфологии, высокую экспрессию в художественном тексте могут получать синтаксические средства. (...) Занимаясь анализом средств морфологии и синтаксиса в эстетическом аспекте, следует руководствоваться общим положением, что в основе всех приёмов экспрессии лежит отступление от привычного, устоявшегося, как в сторону разрушения стереотипа (например, инверсия), так и в сторону повышения однородности и упорядоченности (параллелизм)» [Ревуцкий 2006, с. 136–137]. Ср.: [ПА-83; ПА-84; ПА-85; ПА-86].

Ряд примеров, иллюстрирующих словесные образы, основанные на «рассогласовании» лексически выраженных смыслов и их грамматической «упаковки» нами был рассмотрен в п. 2.3; там же были представлены механизмы их создания и основные типы реализующих их конструкций в текстах русской и белорусской поэзии.

Данный материал дополним примерами несколько иного характера.

Начнём с тех случаев, когда поиск резервов повышения образно-информативной ёмкости текстов предпринимается поэтами не только в отношении лексической фактуры текста, но также и в отношении структурных моделей, по которым строятся фразы и даже целые тексты.

Показательным в данном отношении выглядит целый ряд стихотворений Л. Мартынова («Время», «Воры времени», «Я поднял стихотворную волну» и др.), тексты которых строятся путём нанизывания структурно однотипных метафорических конструкций (генитивных метафор). Например,

в стихотворении «Время» [ПА-87] внеязыковым денотатом текста выступает концепт «потерянное время», а информация «второго плана», заключённая в тексте, – собственно лингвистическая, и касается она изобразительно-выразительного потенциала конкретной синтаксемы – конструкции «сущ. в им. падеже + сущ. в род. падеже», имеющей в данном случае метафорический характер (так называемой генитивной метафоры). Таким образом, извлекая образную информацию о некоем внеязыковом объекте реальной или вымышленной действительности (в данном случае – потерянное время), мы попутно получаем информацию и о фрагменте языковой действительности – о выразительном потенциале одной из моделей фразы и текстопорождения.

3.2.4. Поэтическая графика, визуальный облик текста и метафорика¹

Реализация метафорического потенциала языковых фактур поэтического текста имеет место и на уровне взаимодействия содержательной его стороны и визуального облика, когда последний очевидно наделяется функцией акцентуатора текстовой семантики. Данное явление не раз попадало в поле зрения исследователей, главным образом – литературоведов; его лингвистические аспекты получили достаточно подробное описание в работах последних лет, принадлежащих Е. Е. Анисимовой [Анисимова 2003], В. В. Жибулю [Жибуль 2002], М. Б. Ворошиловой [Ворошилова 2013], Д. Н. Суховой [Суховой 2008], Е. Ю. Муратовой [Муратова 2014], Т. Ф. Семьян [2006], К. Э. Штайн [Штайн 2006] и др.

М. Б. Ворошилова использует понятие визуальной метафоры, которая «создается за счет монтажа двух и более визуальных образов. Данный монтажный механизм метафоры функционирует таким образом, что при одновременной реализации первого и второго планов содержания метафоры возникает третий план, т. е. новая художественная реальность» [Ворошилова 2013, с. 59].

Дублирование содержания текста его внешне-языковой фактурой (конфигурацией), т. е. визуальная метафора, было характерным ещё для средневековой поэзии. Речь, в частности, идёт о так называемых «фигурных стихотворениях». Целый ряд подобных текстов принадлежит Симеону

¹ «Иконический компонент текста может быть представлен иллюстрациями (рисунок, фотография, карикатура и др.), схемами, таблицами, символическими изображениями, формулами и т. п. Несомненно, что изображение и слово в поликодовом сообщении не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл. В процессе восприятия креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации: при извлечении концепта изображения происходит его «наложение» на концепт вербального текста, взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста» [Головина 1986].

Полоцкому: это произведения, графически оформленные в виде звезды, креста, сердца, лабиринта и пр. [Штайн 2006, с. 241–242]. Этот и ему подобные примеры – наиболее «наглядные» случаи метафорообразных взаимоотношений денотата текста и его языковой (в данном случае – строфико-графической, шрифтовой и пр.) фактуры, своеобразной семиотической визуальной иконизации текста-знака. «Главное свойство такого рода текстов – “сказать все сразу”. Визуальность как принцип начинается там, где тексту нужно еще одно измерение, где плоскость листа не просто привычный способ развертывания текста – линии, а именно плоскость, где используются возможности вертикального порождения текста, его ветвления и т. д.» [Штайн 2006, с. 264].

Фигурные стихотворные тексты известны и более поздней поэтической традиции – русской поэзии XVIII–XIX («О, где же те мечты? Где радости печали...» А. Апухтина, «Пирамида» Г. Державина и др.), а также XX–XXI вв. («Треугольник» В. Брюсова; «Звезда» И. С. Рукавишниковой; «Ад» С. Кирсанова; «Стихи на бутылке, подаренной Андрею Сергееву», «Фонтан» И. Бродского; «Хвост мыши» В. Набокова; «Клумба», «Гипотетический шарик», «Сухарева башня», «Мошкара» и др. А. Вознесенского; ряд стихографических текстов Т. Манковой и др.); белорусской поэзии XX–XXI вв. («О мне ісьці...», «Хто ня чуў...» А. Александровіча; «Спаленая веска» Ю. Пацюпы; «Шлях», «Поўня», «Кветка», «Твар», «Літарызацыя рукі», «Я чуў голас...» А. Кавалеўскага; «Помнік з гукавым афармленьнем», «Проста біёніка» С. Мінкевіча; «Антычны дождж» В. Аксак; «Кпіны вечназялёнае яліны» І. Лагвіновіча и др.) [Жыбуль 2002]. См., например: [ПА-88; ПА-89].

Элементы визуальной метафоры можно встретить и на уровне текстовых фрагментов. Например, в стихотворении С. Кирсанова «Лирика» [ПА-90] средствами графической визуализации метафорически дублируется образная информация, первично выраженная лексико-семантическим уровнем текста, в данном случае развёрнутой метафорой. Ср. аналогичный приём у В. Аксак: [ПА-91].

Помимо визуализации всего внешнего облика текста или его фрагмента, в лирике белорусских и русских авторов обнаруживаются иные способы семиотически значимой эксплуатации графических элементов, работающие на акцентуацию текстообразующей метафоры. При этом «средства визуализации в поэтическом тексте многозначны и полифункциональны – один и тот же приём визуальной выразительности может провоцировать несколько осмыслений и влиять на изменение сразу нескольких уровней языковой и стиховой структуры» [Суховой 2008, с. 5].

Так, в стихотворении А. Вознесенского «Песчаный человечек (Стихи для детей)» [ПА-92] сквозная текстообразующая метафора растраты человеком его жизненных сил в условиях временного цейтнота графически поддерживается последовательным сокращением слова *человек*: *человек* →

челове... → *чело...* → *че...* Как видно, здесь срабатывает метафора «продолжительность жизни человека → длина слова человек».

Другой оригинальный приём – «кроссвордное» пересечение слов – использует Н. Метлицкий [ПА-93]. Подобная графическая особенность на уровне визуальной фактуры текста поддерживает метафору *зорнага крыжа*.

3.3. Языковые феномены как фигуранты метафорических моделей в текстах русских и белорусских поэтов

Предметом исследования в данном разделе является метафорическое структурирование денотасферы «язык» в белорусской и русской поэзии, в частности, поиск ответов на следующих вопросы:

- какие тематические подсферы представлены в денотасфере «язык» как объекте метафорического рефлексирования и как источнике метафоричности в белорусской и русской поэзии;
- какова представленность лингвистической терминологической лексики в качестве источников левых и правых элементов метафорических построений в каждом из национальных поэтических стилей;
- какие метафорические модели и репрезентирующие их языковые конструкции с участием денотасферы «язык» и её подсфер представлены в белорусской и русской поэтической речи наиболее активно;
- в чём заключается национально-культурная специфика метафорически структурированных филологических реалий в поэтических текстах русских и белорусских авторов;
- каков – в итоге – текст-дискурсивный статус метафорической концептуализации языка и метафорической концептуализации внеязыковых объектов посредством апелляции к языку в белорусской и русской поэтических картинах мира?

3.3.1. Денотасфера «Язык / Мова» как объект метафоризации

В белорусской и русской поэзии предшествующего и начала текущего столетий века филологическая денотасфера (в качестве её смыслового центра мы рассматриваем концепт «Язык») представлена в достаточно широком спектре своих составляющих, аспектов, проявлений. Наиболее высокая концентрация образных средств, основанных на стилистическом использовании лингвистических понятий, характерная для так называемой филологической поэзии, о которой уже говорилось в п. 3.1. При этом круг поэтов, которые хотя бы эпизодически обращаются к метафорическому структурированию языковых реалий либо обращаются к лингвистическому лексикону как источнику метафор, несравненно шире как в русской, так и в белорусской поэтической традиции. Тем более практически не встречаются

такие идиостили, в которых вообще не фиксировалось бы случаев обращения к темам родного языка, поэта и поэзии, специфики словесного творчества. Более того, эта тематика, с одной стороны, типична для поэзии разных народов и культур, а с другой – достаточно национально специфична с учётом сформировавшихся этно-, социо- лингвокультурных, аксиологических, эстетических установок в данном культурно-языковом континууме.

Исследованный материал даёт основания утверждать, что язык (в своём самом широком объёме, как объект филологии) включается в «метафорический оборот» русской и белорусской поэзии во всех своих основных ипостасях, интегрирующих ведущие функции языка – коммуникативную, когнитивную, аккумулятивную, эстетическую и др., а также в своей системно-структурной устроенности, в чём можно убедиться из приведённых ниже примеров.

Таблица 3.1. – Денотасфера «Язык» как объект метафоризации в текстах русской поэзии

Основные понятийные области метафорического структурирования концепта «язык» / метафорически структурированные языковые феномены	Некоторые примеры
Язык как система (языковые уровни и их единицы, категории языка)	<i>И стала гербарием / высохших слов / тетрадь молодого / языковеда, / но сколько прекрасных / корней проросло, / но сколько запенилось / листьями веток! (С. Кирсанов); <i>И ищешь / мелочишку суффиксов и флексий / в пустующей кассе / склонений / и спряжений (В. Маяковский); ... причастий шелестящих пресмыканье (Б. Ахмадулина).</i></i>
Язык как средство / общения (речь, её функциональные разновидности, письмо, кодификация и пр.)	<i>К зелёным ветвям, / закипая внизу, / ползут / небывало зелёные лозы – / китайское ЧБЕН, / и татарское ЗУ, / и мхи диалектов / эхоголосых (С. Кирсанов); <i>Мы в ревущих колоннах / как в газетных колонках. / Однозначные / буквы / от Амура / до Буга. / По-крестьянски корявы, / по-боярски нарядны – / станем рядом, / и сразу / образуется / фраза! (Р. Рождественский).</i></i>
Язык как культурная ценность (родной / иностранный язык, отношение к языку и пр.)	<i>И нежный вкус родимой речи / Так чисто губы холодит (Б. Ахмадулина); <i>Чуждое чудо, грузинская речь, / Тереком буйству в теснине гортани (Б. Ахмадулина).</i></i>
Языковое творчество (литературные жанры, образные средства, стиховедческие термины и пр.)	<i>Над розами творится суд в тиши, / мороз кончины им сулят прогнозы. / Не твой ли ямб, любовь моей души, / шалит, в морозы окуная розы? (Б. Ахмадулина); <i>Земли гипербол лежит под ними, / как небо метафор плывет над нами! (И. Бродский); <i>И поправит, / и поставит / ногу на порог, / и подняться / в жизнь / заставит / лестничками / строк (С. Кирсанов).</i></i></i>

Таблица 3.2. – Денотасфера «Язык» как объект метафоризации в текстах белорусской поэзии

Основные понятийные области метафорического структурирования концепта «язык» / метафорически структурированные языковые феномены	Некоторые примеры
Язык как система (языковые уровни и их единицы, категории языка)	<i>Слова мае розную вагу, / То алмаз, то жэмчуг перацягне, / Ходзіць, бродзіць недзе на рагу / Ці грукоча вулканічнай магмай</i> (А. Астрэйка); <i>Жыву ва ўладзе новых мар, / Шукаю слоў жывыя рэкі, / Славесны цераблю гушчар, / Для думак светлыя прасекі</i> (А. Астрэйка); <i>Чытаю тапаніміку – / Свой край чытаю родны</i> (А. Пісьмянкоў); <i>Не даруе абразы слова. / Слоўнікі – / Як-ніяк / Чыноўнікі. / Называюць сябе назоўнікі. / Дзейсная ў дзеяслова / Выснова</i> (Р. Барадулін); <i>Цяжка выбіцца прыметніку / У эпітэт адпаведны</i> (Р. Барадулін).
Язык как средство / общения (речь, её функциональные разновидности, письмо, кодификация и пр.).	<i>Абойму слоў / Стральне скоразаворкай / І зморшчыцца, / Нібы ад рускай горкай...</i> (У. Карызна); <i>Зразумеў: захаплення клічнік / ставіць рана – не зарабіў</i> (І. Лагвіновіч); <i>Цытата</i> прамоўцы – як конніку шпора, / <i>Цытата</i> – заслона, / <i>Цытата</i> – пора / І духу вайго, / І асаднага рэсла, / <i>Цытата</i> – настой, / каб ад страху не трэсла... (П. Макаль); <i>Твая ніжэгародская гаворка / Нагадвае таксама мне / То буркаванне трактарных матораў / У раннім стэпе на вясне, / То каласоў цяжкіх / прыбой былінны, / Што перакочваецца ўдаль, / То ціхі крык журботны жураўліны / То бурны плёскат / волжскіх хваль</i> (М. Аўрамчык); <i>Народнае падсоленое слоўца / Смакуецца на вострых языках</i> (К. Цыбульскі).
Язык как культурная ценность (белорусский язык, иностранные языки, отношение к языку и пр.).	<i>І калі нават мова мая замаўчыць, / То не зробіцца мёртвай латынню. / Слова, дзе кожны гук / Азяблай сінічкай цінькае, / Не стануць тэрмінамі медыцынскімі</i> (Р. Барадулін); <i>Праз край мой шырокі, вясёлы, / Бясконцыя нівы, дубровы – / Ў маю беларускую мову. / У родную мову, якая / Усімі вясёлкамі ззяе, / Смалістымі пахне лясамі, / Жывымі звiніць галасамі. / О, колькі яшчэ не адкрыта / Адценняў у ёй і блакіту, / Патрэбных народу, паэтам, / Каштоўнай руды, самацветаў!</i> (М. Танк); <i>Узышла і ўзрасла на вякі наша родная мова – / І ніякай інакшай яе немагчыма ўявіць. / Кожным гукам і словам – на каліўцу – тут прарастала / Разам з кожнай травінкай і зёлкай – найменнямі іх</i> (Н. Гілевіч); <i>Вельмі багатая родная мова, / Жылай здаецца яна залатой, / Як залацінка, ў ёй кожнае слова</i> (А. Балугенка).
Языковое творчество (литературные жанры, образные средства, стилистические термины и пр.).	<i>Прыходзіць старасць у мой сад, / Глядзіць налева і направа, / Мяркуе тут заняць пасад, / Не маючы на гэта права. / Кранае вершы на чарзе / І, не сказаўшы ні паўслова, / Мне рыфмаў добры пук вязе / З прыметнікаў і дзеясловаў</i> (С. Шушкевіч); <i>Планету слухае паэт, / Яе гарачае дыханне. / Над ім плыве галактык спеў, / Як доктар, слухае ён вечнасць, / Каб перакласці мову дрэў / На голас чалавечы</i> (А. Пісьмянкоў); <i>Мае радкі – не лесвіца ў вякі, / Што недзе за туманнай рысай неба. / Мае радкі – працяг маёй рукі, / Якой мне столькі рук паціснуць трэба!</i> (П. Макаль); <i>на радкох, нібы па жылах, кроў гарачая хадзіла</i> (М. Сяднёў); <i>Слухаць будзе толькі месяц, / як ракой жывою / рыфмаў стройныя ўзвівы / зазвіняць на лесе</i> (М. Кавыль); <i>Радкі бягуць, як вадаспады з гор</i> (А. Балугенка); <i>А пакуль ля вёскі Есяніцы / Самі ў рыфму просяцца суніцы...</i> (Р. Барадулін).

Как видно, в поле метафоризации в языке современной белорусской и русской поэзии попадает достаточно широкий круг филологической терминологической лексики, причём образному структурированию подвергаются факты как родного, так и других языков.

Данная тематическая классификация лексического наполнения филологической метафорики может подвергаться и дальнейшей детализации либо систематизации по иным критериям (см., например, лексикографические работы В. Полухиной и Ю. Пярли [Полухина 1995], Н. В. Павлович [Павлович 1995; Павлович 2007], Н. Н. Ивановой и О. Е. Ивановой [Иванова 2004], Н. А. Фатеевой [Фатеева 2017] и др.).

Метафорические образы языка и филологических феноменов в текстах современной русской и белорусской поэзии достаточно разнообразны. Вместе с тем отмечаются некоторые наиболее устойчивые парадигмы (серии) образов, характеризующие данную денотасферу как объект поэтической метафорики:

• **«язык – живой организм»:** *А у людей обязанность другая: / Бесчисленную свору слов-зверят / Так выдрессировать, чтоб они / Не лаяли. не выли, не кусались / И на своих хозяев не бросались / И на соседей, Боже сохрани!* (Л. Мартынов); *Поэзия! Ты – служба крови! / Так перелей себя в других / Во имя жизни и здоровья / Твоих сограждан дорогих* (И. Сельвинский); *З мінулага часу, / з буслінага краю, / дзе рэха лясное / і поле льняное, / з'явілася слова, / забытае мною, / змарнелым дзіцяткам – / у сэрцы люляю* (І. Лагвіновіч); *Узышла і ўзрасла на вякі наша родная мова – / І ніякай інакшай яе немагчыма ўявіць. / Кожным гукам і словам – на каліўцу – тут прарастала / Разам з кожнай травінкай і зёлкай – найменнямі іх* (Н. Гілевіч); *Усё на свеце выпадкова, / апроч зямлі, / дзе гукі найзванчэйшай мовы / праз сэрца прараслі* (В. Сахарчук). Подобного рода метафорика (органического роста) особенно широко представлена в белорусском национальном поэтическом стиле;

• **«язык – природное явление, гармония природы»:** *Летят снежинки-строфы, / Где ямбы и хорей, / Как блёстки катастрофы / Разгрома в эмпирее* (В. Шаламов); *О, колькі яшчэ не адкрыта / Адценняў у ёй і блакіту, / Патрэбных народу, паэтам, / Каштоўнай руды, самацветаў!* (М. Танк); *Нібы хваляй камень, шліфаваліся словы / Мовы маці маёй, Беларускае Мовы* (С. Сокалаў-Воюш);

• **«язык – оружие»:** *Согласен, / что поэзия должна / Оружеством быть (и всякое такое). / Согласен, / что поэзия – война, / А не обитель вечного покоя...* (А. Межиров); *Поэзия – граната, / взрывающая здравый смысл* (Б. Слуцкий); *Проза – это орудья тяжёлые, / но разведчики – это стихи* (Е. Евтушенко); *Там звiняць неўміручыя песні на поўныя грудзі, / Там спрадвеку гучыць мая мова, булатны клінок* (У. Караткевіч).

Основным структурным типом метафорических конструкций при репрезентации филологической денотасферы (в обоих направлениях переноса) выступают развёрнутые метафорические построения (когнитивные метафоры), репрезентирующие авторский вариант концептуального соотношения нескольких филологических (либо филологического и нефилологического) понятий, например: *Младенец говорит отдельные слова, / И прыгают они подобьем круглых бусин. / Их нужно б нанизать на смысла нить сперва, / А он не хочет ждать, он слишком безыскусен* (К. Ваншенкин); ... *бросаться с утёса метафор на дно / за жемчугом слов водолазом* (С. Кирсанов); *Стихи ж – бумажные закладки / меж жизнью, что произошла* (А. Вознесенский); *Стихи – это кристаллы, / Кристаллы нашей речи* (В. Шаламов).

Использование верной метафоры характерно для реализации авторского намерения создать объёмный, в том числе амбивалентный образ языка и/или его отдельных феноменов, ср.: *Много слов на земле. Есть дневные слова – / В них весеннего неба сквозит синева. / Есть ночные слова, о которых мы днем / Вспоминаем с улыбкой и сладким стыдом. / Есть слова – словно раны, слова – словно суд, – / С ними в плен не сдаются и в плен не берут. / Словом можно убить, словом можно спасти, / Словом можно полки за собой повести. / Словом можно продать, и предать, и купить, / Слово можно в разящий свинец перелить* (В. Шефнер); *Меня окружают молчаливые глаголы, / похожие на чужие головы / глаголы, / голодные глаголы, голые глаголы, главные глаголы, глухие глаголы. / Глаголы без существительных. Глаголы – просто. / Глаголы, / которые живут в подвалах, / говорят – в подвалах, рождаются – в подвалах / под несколькими этажами / всеобщего оптимизма* (И. Бродский); *Вяроўка, з ласкі звітая, / На якой / Ты можаш засіліць / Падступны смутак, / Разгубленаю рукою / Завязаўшы нямую пятлю. / Вяроўка, звітая з чысціні, / Якой / Залыгацьнеш чароды чутак, / Заганяючы іх у спакой / Непрыкаеным словам / «Люблю»* (Р. Бородулин); *Не давай заскарузець слову. / Слова праўды – ружанец і меч. / Словам можна здымаць галовы, / але сэрцы ты ім не калеч* (М. Кавыль); *Словам можна выказаць усё, / Словам можна не сказаць нічога, / Абпаліцца, быццам аб касцёр, / Збіцца з непратоптанай дарогі. / Слова мае розную вагу, / То алмаз, то жэмчуг перацягне, / Ходзіць, бродзіць недзе на рагу / Ці грукоча вулканічнай магмай* (А. Астрэйка).

Значительную часть метафорических репрезентаций концепта «Язык» в обоих рассматриваемых поэтических дискурсах занимают контексты с отчётливо выраженным национально-культурным компонентом, что вполне ожидаемо в силу актуальности и в русском [Тавдгиридзе 2005], и в белорусском [Півавар 2015, с. 73] национальном самосознании такого важного ракурса концептуализации языка, как 'атрибут, символ нации; звено, связывающее людей в единый народ'.

Русская поэтическая традиция в этом плане представлена целой серией ставших уже классическими стихотворных текстов, начиная от стихотворения в прозе «Русский язык» И. Тургенева до «Мужества» А. Ахматовой (ср. также: «Из эпистолы о русском языке» А. Сумарокова, «Я – изысканность русской медлительной речи», «Язык, великолепный наш язык» К. Бальмонта, «Мой верный друг! Мой враг коварный!» В. Брюсова, «В день солнечный июльский» А. Шибаяева, «Великий и могучий» Н. Скакуновой, «Язык наш прекрасный» М. Матусовского, «Много языков на свете разных» Н. Крюкова, «Русский язык», «Я люблю свой родной язык» А. Яшина, «Читая стихи» Н. Заболоцкого, «Слова» В. Шефнера, «Мне последнее слова не надо» Л. Корнилова, «Русский язык» Я. Смелякова, «Язык обид – язык не русский» Ю. Мориц, «В родной поэзии совсем не старовер...» В. Рождественского и многие другие).

Резюмируя исследование концепта «русский язык», представленного в текстах русских поэтов и прозаиков, Л. А. Тавдгиридзе приходит к следующим выводам: «Мастера слова преимущественно концептуализируют язык в виде когнитивной метафоры и сравнения, связывая его в своём сознании с явлениями действительности и природы. Трудности истинно художественного выражения мыслей, чувств, настроений у поэтов и писателей передаётся когнитивным классификатором “Противоречивость воздействия”, классификатор “Эстетическая оценка” отражает художнический подход к языку как средству создания прекрасного. (...) Только в профессиональной (писательской) концептосфере выявлен классификатор “Преимущества русского языка перед европейскими”. (...) Восприятие русского языка мастерами слова предельно образно и далеко от прагматической оценки» [Тавдгиридзе 2005, с. 17].

Не менее специфичны с точки зрения национально-культурной маркированности метафорические образы родного языка у белорусских поэтов, в отношении которых уже было замечено, что «употребление лексической единицы *мова* почти всегда сопровождается прилагательными-конкретизаторами *родная, беларуская, матчына*» [Півавар 2015, с. 71].

Представленные здесь метафорические контексты демонстрируют прежде всего аксиологическое осмысление языка как национально значимого феномена. При этом чаще всего поэтами акцентируются такие смыслы, как богатство, красота, ценность, народная основа, благозвучие родного языка. Эти метафорические образы характеризуются яркой национально-стилевой окрашенностью.

Весьма показательный пример – классическое стихотворение Максима Танка «Родная мова». Образный центр текстообразующей метафоры – причастие *выткана*, отнесенный к понятию, представленному в заглавном словосочетании. Такое косвенное уподобление языка тканому изделию (ткачество, как известно, один из основных народных промыслов белорусов и одновременно – значимая сфера этнической символики) имеет очевидную

национально-культурную маркированность. Этот же лингвокультурный фон подкрепляется и ближайшим контекстом: из чего «выткана» мова? – *З легендаў і казак былых пакаленняў, / З калосся цяжкага жытоў і пшаніц, / З сузор'яў і сонечных цёпрых праменняў, / З грымучага зьяння бурлівых крыніц, / З птушынага шчэбету, шуму дубровы, / І з гора, і з радасці, і з усяго / Таго, што лягло назаўсёды ў аснову / Святыні народа, бяссмерця яго...*

В другом стихотворении этого же поэта языку метафорически приписываются деятельностные черты, создающие синестетическое (зрительно-обонятельно-акустическое) восприятие этого явления: *Усімі вясёлкамі ззяе, / Смалістымі пахне лясамі, / Жывымі звiніць галасамі.*

В ряде случаев акцентируется внимание на специфическом звучании белорусского языка, ср.: *Якія знаёмыя назвы і словы, / Якая цудоўная родная мова! / І ўсё мілагучна для слыху майго: / І звонкае «дзе», і густое «чаго» (П. Панчанка); Не прыкмеціў бярозкі, сасны. / За якою ў людскім шматгалоссі / Наша «дзе», быццам водгук струны, / З мовай рускай, маскоўскай злілося (А. Пысін).*

Обращают на себя внимание и метафорически структурированные рефлексии по поводу современного состояния белорусского языка, особенностей его функционирования в обществе, его непростых исторических судеб, объединяемые общей идеей о том, что «сохранение языка – условие существования нации» [Півавар 2015, с. 73]. Так, например, стихотворение Светланы Богданкевич «Двухмоўе» основано на метафорическом использовании известной пословицы, посредством чего автор предлагает читателю своеобразное рассуждение относительно нашей языковой действительности: *Усім – на мове, / Ну, а ў нас – / Дзве мовы. / Дзве маткі? / Вобраз трапны, / Хоць не новы. / Нібы ласкавае, / З той прыказкі, / Цялятка, / Мы хочам схітраваць – / Смактаць дзве маткі. / Але ці ўдасца / Ашукаць прыроду? / Такі імэт / Каб не прывёў / Да зводу!*

Иную по составу, но аналогичную по сути метафору отчуждения многих белорусов от родного языка создает Иван Логвинович: *...браты мае моўнае поле / ў суседзяў сваіх арантуюць!..*

У белорусских поэтов в фокус художественной метафорики попадает прежде всего родное, живое слово. Отсюда характерная направленность метафорических образных ассоциаций: *Радкі ляжаць / Квяцістых слоў з мае атавы (Р. Крушына); Тваё слова – наветра для душы жывой (В. Жуковіч); Вельмі багатая родная мова, / Жылай здаецца яна залатой, / Як залацінка, ў ёй кожнае слова... (А. Балугенка).*

В качестве примеров текстов-метафор, основанных на образных парадигмах, реализующих модель «язык» → «внеязыковой объект», можно привести стихотворения Б. Слуцкого «Журчит рассказ...» [ПА-12], С. Кирсанова «Маяковскому» [ПА-57], «Рост лингвиста» [ПА-70], В. Шаламова «Кристаллы» [ПА-94], Р. Рождественского «Сон» [ПА-95], А. Кушнера «Бледнеют закаты...» [ПА-96], Л. Мартынова «Я поднял

стихотворную волну» [ПА-97], И. Бродского «Глаголы» [ПА-98], С. Поделкова «Бег» [ПА-99], А. Вознесенского «Мелодия Кирилла и Мефодия» [ПА-100], М. Танка «Родная мова» [ПА-101], А. Балущенка «Рытмічны вершы» [ПА-102], В. Зуёнка «Дзеяслоў» [ПА-103], В. Некляева «Харэі» [ПА-104], Н. Аврамчика «Хлапчук успрымаў адмыслова...» [ПА-105], «Успаміны былога палымянца» [ПА-106], Р. Бородулина «Мая мова» [ПА-107], А. Астрейко «Вага слова» [ПА-108], А. Голубовича «Паэзія» [ПА-109], В. Зуёнка «Як вршы пішуцца? – пытаюць...» [ПА-110], Г. Буравкина «Як песня нараджаецца?» [ПА-111], Н. Метлицкого «Вершы» [ПА-112], Е. Лось «Я да цябе, паэзія, дабіралася» [ПА-113] и многие другие. Значительная часть поэтических произведений обозначенной направленности посвящена метафорическому осмыслению сущности и техники поэтического творчества [см.: Ревуцкий 2010].

3.3.2. Денотасфера «Язык / Мова» как источник метафоризации

Денотасфера «язык» представлена как при структурировании левого, так и правого элементов метафоры. Иными словами, язык не только способен сам подвергаться метафорическому осмыслению, но и функционирует как источник для образно-метафорического осмысления неязыковых объектов и явлений действительности [см.: Гутина 2013]. Как уже отмечалось, наиболее ярко это проявилось в лирическом творчестве одного из крупнейших поэтов современности – Иосифа Бродского, которые регулярно «для описания событий реальности или внутренней жизни человека ... прибегает к “языковым” аналогиям» [Ахапкин 2002, с. 18].

Таким образом, язык в самом широком смысле – не только форма выражения поэтической мысли, но и постоянно рефлексивный поэзией (напрямую либо косвенно) феномен, выступающий в качестве самой близкой «притекстовой зоной» поэтического произведения в его дискурсивном понимании. Формой такого рефлексирования и – одновременно – его содержанием выступает поэтическая метафорика, выполняющая тем самым роль своеобразного «дискурсивного скрепа» [см.: Прохоров 2004, с. 144-186] между текстом и притекстовой лингвистической зоной.

Денотасфера «язык», представленная при структурировании правого элемента метафоры, привлекается для метафорического структурирования концептов, относящихся к различным денотасферам, и прежде всего:

• **«человек»:** *Мы в Истории – буквы. / Лишь немногие – / слово* (Р. Рождественский); *Полицейский на перекрестке / машет руками, как буква “ж” ни вниз ни / вверх...* (И. Бродский); *Как много тайн я от цветка узнала, / а он – всего лишь слово с буквой «ять»* (Б. Ахмадулина); *Едва ошибся человек, / Как сразу – им в привычку – / Уж тянут, тянут руки вверх / Его друзья – в кавычках* (К. Симонов); *Мы устареет, как фита, /*

И выпадем из **алфавита** (Д. Самойлов); Как в **алфавите «а» и «б[э]»**, / Так мы с тобою в нашей тайне (И. Северянин); Мае настаўнікі і вучні, / Мае калегі і сябры, / Без вас, / Як без **прыдатка – злучнік...** (М. Аўрамчык); Твой чалавечы век – / **Працяжнік** / Між дзвюх абавязковых дат (П. Макаль);

• **«природа»: Ночи звёздной рассыпанный шрифт...** (Н. Асеев); Цвета земли понятны были глазу, / Ослепшему к небесной синеве, / Забывшему **алфавиты созвездий** (М. Волошин); Раскинувши **нив алфавиты**, / Россия волшебною книгою / Как бы на серёдке открыта (Б. Пастернак); Леса, поля и огороды / Нас вдохновляют по соседству, / И хороши самой **природы** / **Изобразительные средства!**.. (Н. Глазков); **Крылья бабочка сложит**, / И с древесной корой совпадет ее цвет. / Кто найти ее сможет? / Бабочки нет. / Ах, ах, ах, горе нам, горе! / Совпадут всеми точками **крылья**: ни щелки, ни шва. / Словно в греческом хоре / **Строфа и антистрофа**. (А. Кушнер); Ускрай маладога жыта / сінія васількі – / сінія **буквіцы** / ў **кнізе лета** (А. Разанаў); Асенняе **шматкроп'е** журавоў / Злятае ў вечнасць са старонак неба... (В. Зуенак); То мароз, то адліга, / Ні хмурынкі няма, / І як белую **кнігу** разгарнула зіма (С. Граховский);

• **«предметы»:** Лишь две дуги карнизов тут скользят, / как **буквы «с»**, слетев со слова «касса» (И. Бродский); Мы вышли с почты прямо на канал, / который начал с облаком сливаться / и сверху **букву «п»** напоминал (И. Бродский); Но небо над ночами немо, / и, памяти не шевеля, / как непонятная **фонема**, / ко мне доносится Земля (С. Петров); Нада мной брывей **двукоссе** / І грудзей **двукроп'е** (В. Стрыжак); Снег бела-бялюткі, / Як нерушны аркуш паперы, / Прашыты лісіным пункцірам, / Прабіты запечым **двукроп'ем** (Ю. Свірка); Прырода штось прытойвае з вякоў. / Загадак ці спасцігнуць нам мяжу – шматкроп'е зорак, зерня і слядоў, / **Шматкроп'е** птушак, ягад, капяжу (Ю. Свірка); Дно ракі – **шматкроп'е** серабра (П. Прануза); Нават стаў акіян запарожцам адчайным / Як **звонкае «о»**, / гальку у роце качае (Р. Барадулін);

• **«отвлечённые понятия»:** Возможно также – **прошлое**. Предел / отчаяния. Общая вершина. / **Глаголы в длинной очереди к «л»**. / Улегшаяся буря крепдешина. (И. Бродский); Свободный **синтаксис** воспоминаний, / наплывы через **точку с запятой...** (Г. Семенов); Стаптаўшы роднасці радно, Ламаем і сягоння коп'і, / Якіх ужо няма даўно... / Жыццё – бясконцае **шматкроп'е** (П. Макаль); І мы не да **кропкі** – да **коскі** / ідзём / на жыцці (Л. Рублеўская); Твой чалавечы век – / **Працяжнік** / між дзвюх абавязковых дат (П. Макаль); А можа, гэта боскі знак, / А можа, навіна благая, / Якая ў непамыслых снах / Мой **дзеяслоў жыцця спрагае**, / А **праспрагаўшы**, запрагае / У воз мой лёс, / Нібы каня... (Р. Барадулін);

• **«действие, состояние»:** Ах, ее **повелительное наклонение** сильней гипнотизма! (В. Шершеневич); Чего же я трушу? Ведь я, как **грамматику**, / Бессонницу знаю (Б. Пастернак); Мы мчались, мечтая / Постичь поскорей /

Граматику боя – / Язык батарей (М.Светлов); Як пыталнік над намі – спатканне / І чакае адказу ад нас (Р. Баравікова); Дык не ўпусці блакітнай птушкі / Сваей удачы і любові, / І покуль не замкнуцца дужкі, / Хвілінай кожнаю жыві (П. Макаль); Дзень, / паставішы ночы кронку / (цeni прывідных сноў, адчальце!) / як запалкамі аб каробку, / чыркнуў променем / на асфальце (П. Макаль).

В ряде случаев контексто- и текстообразующими становятся вовлечённые в метафоризацию концептуально (парадигматически) соположенные лингвистические понятия, в результате чего создаются многофокусные развёрнутые метафоры, ср.: *Знаете, дама, я только приставка, / Вы же основа, я – случай, суффикс, / Только к вечернему платью булавка!* (В. Шершеневич); *А я, пасівелы дзядоўнік, / Стаю пры апошняй вярсеце. / Яшчэ на зямлі я назоўнік, / А мне ўжо займеннік расце* (Р. Барадулін); *Хто з вас, каб з часу зусім не збіцца, / Каб хоць на момант з тугой расстацца, / У даўжэзных сказах / Чыгункі сібірскай / Расстаўляў рэдкія знакі прыпынкаў / Станцый?* (Р. Барадулін).

Подобная структурная организация метафорического образа может реализоваться и на уровне целых текстов (текстов-метафор). Например, стихотворение В. Гордея «Граматыка лесу» [ПА-114] основано на ряде логически связанных метафорических звеньев: «дрэвы – назоўнікі»; «птушкі пяюць – дзеясловы ўтвараюць»; «бор – прыметнікі»; «гай – займеннік»; «куванне зязюлі – вывучэнне лічэбніка»; «шышкі – коскі»; «грыбы – часціцы і прыслоўі» и т. д.

Выделяется также группа примеров, для которых трудно однозначно определить направленность метафорической итнтеракции, т. е. установить, в какую сторону осуществляется транспортировка смыслов (по М. Блэку): «язык» → «внеязыковой объект» или «внеязыковой объект» → «язык». Ср., например, стихотворение Е. Винокурова [ПА-115]. Лежащую в основе данного текста метафору можно интерпретировать в обоюдных направлениях: и как «гармония поэзии → гармония природы», и как «гармония природы → гармония поэзии».

Реализацию аналогичной взаимонаправленной модели метафорического переноса можно наблюдать и в стихотворениях белорусских авторов, например, [ПА-116; ПА-117].

В некоторых случаях лингвистическая информация выражается авторами эксплицитно, однако с тем намерением, чтобы читатель декодировал её как информацию экстралингвистического плана. Иными словами, читатель должен «разгадать» имплицитную метафору, которую можно квалифицировать как квазилингвистическую. Так, стихотворение «Подавляющее большинство» Е. Евтушенко (в нём речь идёт о подавлении тех, кто не вписывается в это «большинство», кто из него «высовывается») заканчивается следующими строками: *Счастлив я, что у слова «совесть» / нету множественного числа.* Эта «как бы филологическая» информация

кодирует собой обобщающий смысл всего текста: автора в действительности удовлетворяет не факт языковой морфологии (в данном случае – отсутствие конкретной грамматической формы у конкретной лексемы), а тот факт, что у человека есть нечто, что можно противопоставить «подавляющему большинству» – это совесть, наличие или отсутствие которой всегда индивидуально по отношению к человеку. Ср. также: *Каханне не ведае / слова «канец», / З ім нельга навек развітацца* (У. Верамейчык); *Если дательный – / все тебе, /счастьем названное / в судьбе, / то винительный – / нет, постой, / я в грамматике / не простой, / хочешь – / новые надежи / предложу тебе?* (С. Кирсанов).

Подобного рода метафоры выполняют и собственно текстообразующую функцию, что можно проиллюстрировать текстами стихотворений «Вводные слова» (А. Кушнер) [ПА-67], «В сознание сияет она, внушая...» (М. Зенкевич) [ПА-118], «Простая мова, або экзамен па мовазнаўству» (К. Камейша) [ПА-119] и др.

Последний из этих примеров рассмотрим подробнее. В контексте приведённого стихотворения терминологическое словосочетание *простая мова* подвергается детерминологизации, в результате чего прилагательное *простая* приобретает значение ‘народная’, ‘материнская’, ‘родная’; также происходит и метафоризация слова *двукоссе*, чем создается ряд значимых в смысловом отношении образов: *двукоссе калючага дроту; крыўда цяжкіх двукоссяў*; в том числе и окказионального *двукосіць* – ‘выкашивать’, ‘уничтожать’.

Источником метафоризации в текстах русских и белорусских поэтов иногда становятся не только родные, но и другие языки. При этом характер метафорической интеракции имеет скорее двунаправленный характер: формально реализуется модель с филологическим правым элементом (В), но при этом В-компонент и сам помещается в фокус рефлексии: в нём актуализируются те семы, которые «отвечают» за формирование образа данного неродного языка как специфичного в сравнении с родным (по необычности звучания, графики и др.), ср.: *Ужо гады нашы прывялі, / а ў пору бэзавай парашы / працяглым рэхам «Bardzo prosze» / камусьці адгукнуцца хвалі...* (Р. Баравікова); *Ігліца, / Сыплючыся на снег, / Праносіць раскрылае V – / VICTORIA!* (Р. Барадулін); *Жыцця забудзем «еры», «яці»...* (У. Верамейчык); *В чем разгадка строки, / ненадолго записанной в снег? / Иероглиф судьбы, / наделенный значением крика...* (Б. Ахмадулина); *Я отвернусь, как латинское R, / к стенке пустой* (Е. Хорват); *Из более далекого далека долетали / Повелительные наклонения немецких глаголов, / И это казалось вам более опасным* (С. Липкин).

Нетрудно заметить, что отправную сферу для создания «лингвоориентированных» образов внеязыковых объектов формируют понятия, самые разные по своему месту в системе лингвистических (филологических) знаний: это факты устной (звуки) и письменной (графемы, знаки препинания)

речи; это понятия, относящиеся к системно-структурной парадигме языкознания (слово, глагол, приложение, союз, спряжение, существительное, местоимение и т. д.); это продукты рече-языкового творчества (книга, строфа, изобразительные средства и др.)¹.

Все эти образы можно разделить на три типа: иконические (зрительные и слуховые), символические (концептуальные) и многозначные (способные выступать и как иконические, и как символические), что отражено в приведённой ниже таблице и проиллюстрировано некоторыми примерами вовлечённых в метафорический процесс филологических терминов, извлечённых из приводившихся в данном разделе контекстов.

Таблица 3.3. – Типы «лингвоориентированных» образов внеязыковых объектов

Иконические		Многозначные	Символические
Звуковые	Графические (графемы)		Концептуализированные филологические понятия
[o] [дж] [дз] [ц]	«Ж» «С» «П» «ять» «R»		точка – 'конец чего-либо' тире – 'длительность, отрезок' скобки – 'замкнутость, ограниченность' иероглиф – 'нечто тайное, загадочное'
<i>шматкроп'е журавоў</i> <i>шматкроп'е птушак</i>		многоточие	'бесконечность'
<i>брывей двукоссе</i>		кавычки	'неправда, обман'
<i>раскрылае V</i>		«V»	'victoria'

Таким образом, приведенный материал убеждает в том чрезвычайно важном месте, которое занимает осмысление родного языка (а в ряде случаев – и неродных языков) белорусскими и русскими художниками поэтического слова в самом широком спектре разносторонних ракурсов. Прежде всего как в отношении русского, так и в отношении белорусского языков подчеркиваются такие их качества, как богатство, самобытность, яркость, мелодичность, благозвучие, акцентируется внимание на их статусе как символе наций, однако при этом некоторые отечественные поэты особо заостряют проблему нынешнего состояния и – главное – дальнейшей судьбы белорусского языка, что отражено в соответствующих метафорически структурированных образах. Метафора при этом играет также роль той

¹ Говоря о филологических метафорах И. Бродского, Д. Н. Ахапкин отмечает преобладание графических (зрительных образов над слуховыми, ср.: «Сравнения и метафоры, использующие в качестве образа сравнения не артикуляционные особенности звука, а графическую форму буквы, еще более частотны в произведениях Бродского» [Ахапкин 2002, с. 15].

призмы, через которую мы имеем возможность рассмотреть и рельефно представить себе самые тонкие, иногда неуловимые, неожиданные грани языка в целом и его отдельных феноменов в частности, способствует созданию образа родного языка как действительно безграничного и аксиологически вершинного понятия.

При этом, благодаря метафорическим механизмам поэтического мышления, и сам язык успешно справляется с ролью своеобразного зеркала, через которое мы способны воспринимать и оценивать различные факты и явления материального и духовного характера, что говорит о значительном удельном весе лингвоцентризма в формировании метафорической поэтической картины мира белорусскими и русскими поэтами, хотя следует отметить, что лишь отдельные идиостили как в русской, так и в белорусской поэзии можно охарактеризовать как подчеркнута филологические.

Наконец, следует отметить и яркую национально-культурную особенность большинства метафорических поэтических образов, созданных русскими и белорусскими поэтами.

3.4. Метафора как объект поэтической рефлексии

3.4.1. «Метафора» как лингвокультурный концепт: pro vs. contra

Известно, что в разные времена в рамках различных методологических парадигм метафора оценивалась по-разному: кем-то поощрялась (как, например, Аристотелем, одним из первых предложившим свою теорию метафоры; или Ф. Ницше; или У. Эко и т. д.), а кем-то отвергалась. В частности, Т. Гоббс называл метафоры «блуждающими огнями», двусмысленными и бессмысленными словами и говорил, что использовать их – значит «бродить среди бесчисленных нелепостей». Так же негативно отзывался о метафоре Дж. Локк, говоря об образном словоупотреблении, что оно «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. (...) И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми» [Цит. по: Арутюнова 1990, с. 10–11].

Представляют интерес и те трактовки метафоры, которые не дают однозначной оценки данному феномену, когда pro и contra как бы взаимотражаются, перетекают друг в друга. Нечто подобное находим, в частности, в дискурсе известного учёного, литературоведа, культуролога, философа и – одновременно – писателя А. Андреева.

Относительно метафоры у А. Андреева-литературоведа, философа, культуролога мы находим ряд весьма, мягко говоря, сдержанных заявлений о роли метафоры в языке литературы. Основное здесь – мысль о необходимости разграничения двух типов мышления – метафорического и образного:

«Метафора – симптом образного, интуитивного мышления, хотя образ может быть создан и без метафоры. Уже один этот факт никак не позволяет отождествлять метафору и образ. Образ и метафора – это просто-напросто разные категории. Метафора – узкосемантическая, неконцептуальна сама по себе (как, например, деталь). Поэтому метафору можно определить как средство передачи образной концепции личности. Это способ воплощения образа, но никак не сам образ. Место метафоры как элемента стиля – в ряду других тропов. Она может быть разных видов: от метафоры, тяготеющей к рационалистичности метонимии, до самых изысканно-“сверхчувственных” образцов» [Андреев 1995, с. 64–65]. Ср. также: «...образное постижение и полубессознательное метафоротворчество – это разные по содержанию духовные акты, первый из которых представляет собой то искусство, которое “начинается там, где начинается человек”, второе (по своей определяющей тенденции) – “там, где человек кончается”; в одном случае мы имеем дело с литературой, ориентированной на воспроизведение личности, всерьёз озабоченной проблемой **самопознания**, в другом – на личность **эстетствующую**, избегающую жизнотворчества всерьёз» [Андреев 2003; выделение цитируемого автора. – С. К.].

И в философском дискурсе автора выстраивается аналогичная схема. Например: «Философии смерть оказалась не страшна. Почему? Потому что философия – и это поняли уже древние греки – сама подвергает все аналитическому расчленению, т. е. предаёт смерти же, не оставляя шансов подпитывать жизнь иллюзиями. Философия противопоставляет смерти не страх и стихийную жизненную силу (наивные способы “запугать”, отодвинуть смерть и продолжить, спасти жизнь), а бесстрастное понимание, познание. То, что способно бояться, не вошло в состав философии, а если вошло, то такая “философия” превращается в метафору» [Андреев 2000, с. 30]. Или: «Плотность смысла задается точкой отсчета в произведении; расположение этой точки и определяет “глубину”. Чтобы “глубина”, “густота”, “плотность”, “точка отсчета” перестали быть метафорами (способом передачи ощущений), а несли понятную смысловую нагрузку, необходимо наполнить их конкретным смыслом» [Андреев 2003, с. 13]. И даже так, афористично и иронично (по отношению всё к той же метафоре): «На глупый или провокационный вопрос лучше всего отвечать метафорой. Все останутся довольны, и каждый получит своё. “Почему на экранах телевизоров не видно мудрецов?” “А потому же, почему на собачьих свадьбах не заметно львов”» [Андреев, 2000, с. 156]; «в культе метафоры присутствует элемент штукачества, неестественности, поэтического кокетства» [Андреев 2018, с. 299].

Аналогичных выдержек можно привести ещё несколько, но, видимо, ясно: у А. Андреева метафора иерархически подчинена образу и концептуально противопоставлена познанию и пониманию; отсюда – метафора может быть «пустой», «неосознанной» и пр.

Однако представляется важным – в дальнейшем развитии метафорологических учений – провести ещё одну грань: собственно метафора (например, конкретная фраза, конкретный образ) vs. принцип метафоры (метафорообразии). Последнее – понятие семиотическое, а не филологическое. По базовым своим свойствам знак (семиотический объект) более чем родственен метафоре. Метафора в филологическом смысле – знак знака, знак в квадрате. Ср.: «Метафора трактуется нами как текст особого рода, а следовательно, проблема *‘метафора и текст’* решается в контексте проблемы *‘текст в тексте’*, или *‘семиотический код в семиотическом коде’*» [Самигуллина 2008 а, с. 25; выделение автора. – С. К.].

Подчеркнём: это не абсолютизация метафоризма вообще (в узком смысле, который сущностно раскрыт в приведённых выше цитатах из работ А. Андреева), а лишь достраивание метафорологической парадигмы звеном иного порядка – лингвoseмиотического. Есть метафора, и она ограничена в своих правах и возможностях; а есть принцип метафоры, и он – явление иерархически высшего порядка. В этом смысле любой знак изоморфен метафоре, и сближают их: двуплановость, асимметрия сторон, возможная немотивированность (как и мотивированность), прагматичность и пр., о чём шла речь в п. 1.3.2.

Сказанное можно иллюстрировать и рассуждениями самого А. Андреева о В. Набокове, ср.: «Изобилие метафор в рассказе и превращение, в конечном счете, всего произведения в сплошную метафору (рождество нового мироощущения, продление жизни, новое рождение) позволяет сделать определенные выводы. Цель и смысл метафор и сравнений Набокова, поддержанных тщательно организованным словесным уровнем текста, заключаются в том, чтобы сопрягать различные явления, уподоблять их друг другу – и тем самым обогащать. Что, конечно, и должна делать всякая метафора. Однако у Набокова метафора обнажена до своей «первородной» функции: метафора служит не вспомогательным поэтическим средством, а непосредственно «скрепляет» жизнь с литературой» [Андреев 2003]. Вот здесь как раз речь и идёт о дихотомии «метафора-средство vs. Метафора-принцип».

К тому же писательская практика самого А. Андреева демонстрирует метафорический принцип обобщения. Один из своих романов писатель в авторской аннотации представляет так: «Роман «Маргинал» – всеобъемлющая метафора. Мир взят в состояниях пограничных: любовь чем-то похожа на ненависть, дружба напоминает вражду, верность превращается в предательство, философия в литературу, красота в грязь, жизнь в смерть. Связь всего со всем – в центре романа: такова философская подоплека формулы “маргинальность”» [Андреев 2006].

Наконец, говоря о поэтах XX века, многие из которых избрали метафору в качестве ведущего идиостилевого принципа, А. Андреев констатирует: «Короли метафоры могут быть как королями экспрессивности (королями

без королевства), так и королями художественности (поэзии)» [Андреев 2018, с. 303].

Как видно, А. Андреев-учёный и писатель не примкнул в своих рассуждениях ни тем, кто радикализирует слабость и даже вредность метафоры, ни ко вторым, – абсолютизирующим её «самость».

Не менее интересными и показательными являются рассуждения о метафоре белорусского поэта и эссеиста, представителя философской лирики Алеся Рязанова [ПА-120]. Предложенная им философия метафоры во многом созвучна цитированным выше положениям А. Андреева: она оценивается со знаком «минус» как поэтическая самоцель, противопоставляется реальности и ясности мысли, но в то же время указывается на её когнитивную силу – способность сшивать «одно з адным тое, што само не жадае “сшывацца”», передавать «на “тутэйшай” мове “тамтэйшае”», и главное – практически каждый из приведённых тезисов (как и ряд примеров из творчества А. Андреева) является метафорически структурированным.

Ещё одно рассуждение по поводу метафоры комментирует В. Д. Старицёнок: «Неординарно трактует метафору Пимен Панченко. В дневниковой записи от 6 сентября 1972 г., сделанной скорее всего под воздействием болезни и больничной койки, автор называет метафору «жалкім падманам», «антыментальным глупствам» и считает, что образный мир могут представлять только высокие символы и реальная материя: «Метафар убогі зброд – “пацалунак слова”, “дакраніся да зоркі” – гэта жалкі падман, антыментальнае глупства. Толькі рэальная матэрыя і высокія сімвалы маюць права на існаванне. Гэта і ёсць вобразны свет, а мы займаемся яго падмай» [Старычонок 2007, с. 11].

Что касается лингвистической метафорологии, то, как отмечает Н. Д. Арутюнова, в последние десятилетия в её объекте «стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа. Метафора тем самым укрепила связь с логикой, с одной стороны, и мифологией – с другой» [Арутюнова 1990, с. 5–6]. Здесь можно даже уловить нотки абсолютизации метафоры как феномена языка и мышления: «То, что метафора – вездесущий принцип языка, подтверждается простым наблюдением. В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры. Даже в строгом языке точных наук можно обойтись без метафоры лишь ценой больших усилий» [Ричардс 1990, с. 24].

Тем не менее некоторые дискурсивные барьеры для метафоры всё же имеются, на что указывает Н. Д. Арутюнова, говоря, в частности, о нехарактерности метафоры для обыденной речи, «убивающей» метафору, и для различных жанров делового дискурса (законов, приказов, уставов, резолюций, постановлений, правил поведения и безопасности, инструкций и т. д.), – т. е. метафоре почти нет места там, где «должно неукоснительно соблюдаться,

выполняться и контролироваться», подлежать «точному и однозначному пониманию» [Арутюнова 1990, с. 7].

Но тот же автор (как и многие другие) пишет о когнитивно-гносеологической функции метафоры в научном познании, иллюстрируя её, в частности, примером из области лингвистики: «Лингвистам хорошо известны метафоры, дающие ключ к пониманию природы языка и его единиц: биологическая концепция языка делала естественным его уподобление живому и развивающемуся организму, который рождается и умирает (ср. живые и мертвые языки); компаративисты предложили метафоры языковых семей и языкового родства (праязык возник по аналогии с прародителем); для структурного языкознания была ключевой метафора уровневой структуры; для генеративистов – метафора языка как порождающего устройства. Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию» [Арутюнова 1990, с. 15].

И всё же идея противопоставления метафоры и научного факта не исчезает из метаязыка науки, что, например, демонстрирует аннотация к монографии О. А. Корнилова, ср.: «В монографии предпринята попытка перевести понятие «языковая картина мира» из разряда красивых метафор в категорию научных терминов; рассматривается широкий круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве основного «строительного материала» «дома бытования» духа народа, что предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку» [Корнилов 2003, с. 2].

Приведённые рассуждения целесообразно дополнить ещё одним мало изученным моментом из области свидетельств в сторону pro либо contra относительно метафоры. Имеются в виду рефлексивные реакции на само понятие «метафора», фиксируемые в различных видах дискурса – от научного (литературоведческого, лингвистического, культурологического и др.) до художественного.

В частности, обращение к ресурсам сети Интернет (прежде всего, к возможностям информационно-поисковых систем и языковым корпусам) позволяет судить о том, что слово *метафора* переживает динамичную стадию своего семантического обогащения, иными словами, концептуализируется. Этому способствуют многочисленные употребления данного слова в нетерминологическом (или не строго терминологическом) значении, характерные для различных видов дискурса – научного (нефилологического), публицистического (медийного), разговорного и др. Причём именно терминологическая *метафора* удерживает лидерские позиции по представленности в неспециальных дискурсивных практиках среди всех филологических понятий занимает. Об этом, в частности, говорит Д.В. Сичинава со ссылкой на нашу работу [Кураш 2012], исследуя подобное функцио-

нирование термина *плюсквамперфект*: «Любопытно, что из классического терминологического наследия определённую самостоятельную метафорическую жизнь обрёл сам греческий термин *метафора*, связанный не только с лингвистикой как таковой, но и с теорией литературы (...). Более привычная славянизированная терминология тоже с трудом поддаётся такому осмыслению» [Сичинава 2014, с. 93].

Один из возможных способов убедиться в концептуальной значимости слова *метафора* на современном этапе – проанализировать отклики на формулы типа « N_1 как *метафора*», «*метафора* + N_2 », « N – это *метафора*» и « N – это не *метафора*» введённые в поисковые системы, а также в лексико-грамматический анализатор электронного Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Белорусского национального корпуса (БНК).

Очевидно, что чем выше будет количество различных подстановок на место N_1 и N_2 соответственно, тем больше оснований для расширенного осмысления концепта *метафора*, а следовательно, для трактовки метафоры как междисциплинарного феномена, как элемента метаязыка науки, философии и всякого интеллектуального дискурса вообще. Ср. лишь некоторые примеры: рус. – *город как метафора*; *математика как метафора*; *Серебряница как метафора*; *Европа как метафора*; *дом как метафора*; *танец как метафора*; *имидж как метафора*; *философия как метафора*; *Петербург как метафора*; *физика как метафора* и др.; бел. *салат як метафара*; *хвароба як метафара*; *тканіна як метафара* и др.

Такие примеры можно многократно множить, но даже приведённых достаточно для прослеживания такой закономерности: позиция переменной внутри формулы « N_1 как *метафора*» обычно замещается номинациями тех понятий, которые способны отражать (моделировать) нечто (например, *танец*, *имидж*, *философия*, *физика*), либо моделироваться, наделяться в сознании носителей языка некой потенциальной концептуальной нагруженностью, что, в частности, характерно для пространственных объектов (*Серебряница*, *Европа*, *Петербург*, *дом*).

Вторая формула «*метафора* + N_2 » отражает развитие валентности анализируемого слова под воздействием его концептуализации, нередко функционируя при этом как продолжение (ветвление вправо) формулы « N_1 как *метафора*», ср.: рус. – *подарок как метафора чувств*; *разводные мосты как метафора духовной связи*; *часы как метафора времени*; *время как метафора тела* и т. п.; бел. – *паслядоўнасць як метафара дарогі*; *роўдмуві як метафара сучаснай Беларусі*; *Ляховіч як метафара Беларусі*; *люлька Гіндэнбурга як метафара абыякавасці*; *трава выступае як метафара быцця*; «*Сад беспарадку*» як *метафара свету*; *мост як метафара шлюбу*; *краіна ў лабірынце – вядомая метафара Беларусі*; *гонка, як метафара жыцця* и аналогичные.

Если в контекстах первого типа акцентировалась сема моделируемости, то данная формула скорее ставит знак равенства между метафорой и знаком,

метафорой и словом, продвигая рассматриваемый феномен вверх по «семиотической лестнице».

Ряд высказываний, основанных на модели «*N – это метафора*», наделяется функцией утверждения обобщающего характера. В них понятие «метафора» опять же становится синонимом понятий «знак», «модель», «образ»: рус. – *Я понял, что такое участие в «Тур де Франс». Это метафора жизни; Остров – это метафора человеческого общества, его несовершенства; И об этом мой фильм. Для меня фильм – это метафора жизни. Когда я смотрю кино, то думаю о том, что происходило за камерой: где стояли микрофоны, куда был направлен свет, о машинах с оборудованием для съёмочной команды и о людях, которые в нее входили; И вот Грин добрался до главного, теперь он говорит напрямую: война – это метафора всего, с чем мы сталкиваемся в жизни; Христос хочет сесть с нами за один стол – Бог и человек вместе – это метафора примирения; Путешествие – это метафора жизни, и жизнь любого человека – это путешествие; Указка – метафора, такой символ жестких мер со стороны учителя; бел. – *Чарнобыль ужо стаў метафарай, сімвалам; Метафара сіямскіх блізнятаў, якая раз-пораз усплывала ў размовах, выглядала мастацкай празмернасцю, аднак вельмі часта развітанне на парозе кватэры ці на прыпынку ўспрымалася б не іначай як злачынства; У раннім сутонні гэты цёмны горад – спадарожнік з непадведзенымі камунікацыямі ператвараецца ў разгорнутую метафару «новаго еўрапейскаго гасударства»; Сафары – прыгожая метафара жыцця. Нараджэнне, смерць, штодзённыя справы – мы знойдзем там усё; Не выпадкова гаворыцца, што *свята* – гэта творчая метафара жыцця* и т. п.*

Характерно, что в ряде этих примеров в ближайшем контексте со словом *метафора* появляются слова типа *символ, образ* и т. п. Наиболее частотным здесь является употребление словосочетания *метафора жизни*, что говорит об оценке метафоры как одного из основных средств смыслопорождения в осмыслении отдельных жизненных реалий и концепта «жизнь» в целом.

В примерах иного рода акцентируются другие смысловые множители анализируемого слова-концепта, ср.: *Свобода слова в известной степени – просто красивая метафора, наподобие «именин сердца» или «поступи эпохи»*. Здесь мы видим восприятие концепта «метафора» как словесной уловки (тех самых «блуждающих огней»), за что метафоре, как уже отмечалось выше, досталось в своё время немалое количество критических стрел.

Примерно в таком же ракурсе метафора рефлексивируется в контекстах, основанных на модели «*N – это не метафора*». Причём в таких контекстах характерно присутствие особых прагматических усилителей отрицания (а по сути – нанесения урона «авторитету» метафоры), ср.: рус. – *Больно было нестерпимо, душевная боль доходила до физической – ощущение как будто сердце разрывается на части (оказывается, это не просто красивая*

метафора, а вполне реальная боль!); бел. – Дух горада, дух мясцовасці – гэта не проста прыгожая метафара. Я зразумела гэта менавіта ў Венецыі.

«Не просто красивая метафора...» / «не проста прыгожая метафара» – это не что иное, как противопоставление факту реальности, а следовательно, отрицание способности метафоры к структурированию достоверного факта. Ср. также: Это не метафора, а довольно точно сфокусированное учение молодого философа; Выражение «любовная лихорадка», таким образом, не метафора, а точный медицинский «диагноз»; Сцвярджэнне «Фашызм – чума дваццатага стагоддзя» – усё ж такі не з'яўляецца метафарай; Сербы называлі яго жывым святым. Гэта – не метафара; Жаночы рух – гэта не метафара, не перабольшванне ў дачыненні да пінскіх рэаліяў; Шырокі крок сучаснага жылля. Шырокі крок – гэта не ўзнёслая метафара; Гэта не метафара, а канкрэтнае месца ў Вавельскай катэдры – ля срэбнай ракі з мошчамі святога Станіслава; Алесь Ануфрыевіч, вы сапраўды пакінулі свой аўтограф на рэйхстагу – або гэта метафара?

В данных примерах формула «*N – это не метафора*» распространяется далее за счёт противопоставления «не метафора, а...», причём опять же противопоставление касается оппозиции метафоры и реальности, достоверности. Характерно, что в подобном употреблении, в одной, выражаясь термином Н. В. Павлович, «парадигме образов» на месте слова *метафора* можно встретить слова типа *иллюзия*, *фантом* и пр., ср.: *Ипотека в 8 % годовых в рублях – это не иллюзия*, как полагают многие финансовые эксперты, *а реальность*.

Ещё убедительнее метафилологический статус метафоры подтверждается тем, что соответствующая лексема стала регулярно фиксироваться в качестве онима, причём в составе различных разрядов ономастических единиц – среди прагматонимов, библеонимов, эргонимов, геортонимов и пр. Для терминологической лексики процесс онимизации, как известно, мало характерен. За исключением онимизации некоторых географических терминов, нередко переходящих в разряд топонимической лексики, а также естественнонаучных понятий, нередко становящихся эргонимами (типа завод «Интеграл», ОАО «Модуль» и т. п.), по большому счёту трудно припомнить что-то иное аналогичное. Тем более можно обнаружить лишь единичные примеры онимизации филологической терминологии.

На этом фоне терминологическая лексема *метафора* – явное исключение из общего правила. Но ещё более интересно даже не столько это, сколько то, что, наряду с так или иначе мотивированными примерами онимизации рассматриваемого термина отмечается немалое количество таких, для которых мотивировка перехода термина-апеллятива в оним выглядит как минимум загадочной, если не сказать парадоксальной.

Приведём вначале примеры онимизации лексемы *метафора*, которые можно характеризовать как мотивированные (все примеры найдены посред-

ством поисковых систем Яндекс и Google преимущественно в русскоязычном пространстве Интернета): *Культурно-образовательное сообщество «Метафора»* (г. Улан-Удэ); *Творческая инициативная группа «Метафора»* (Создана в 2006 году, как объединение творческих людей, заинтересованных в реализации своих идей и задумок. Позже в лоне этой группы сформировался музыкальный коллектив – группа «Метафора»); 24 декабря в Доме писателя состоялось первое заседание литературного клуба «Метафора». Руководитель – председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов; *Метафора – школа русского языка и культуры в Вирджинии*; *Издательство «Метафора»* (Москва); *Центр технологий развития творчества «Метафора»* (г. Вышний Волочёк); В Киеве 4 сентября стало известно имя первого обладателя литературной премии «Метафора»: им стал Роман Скакун. Премия присуждается за лучший перевод на украинский язык в области поэзии и эссеистики произведений, написанных в XIX и XX веках на европейских языках; 3 сентября 2015 года в 17.00 в галерее «Лабиринт» Национальной библиотеки Беларуси (просп. Независимости, 116, 3-й этаж) состоится открытие выставки живописи «Метафора в образах» Дмитрия Суриновича и т. п.

Все приведённые выше примеры демонстрируют вполне прогнозируемую ассоциативную привязку термина *метафора* к области языка, литературной деятельности, творческой деятельности людей и т. п.

В то же время приводимые ниже примеры демонстрируют совсем иное – неясную, загадочную мотивировку онимизации анализируемого термина, ср.: «ООО «Метафора» (г. Челябинск, Деятельность агентов по оптовой торговле пищевыми продуктами); ООО «Метафора», Москва (поставка товаров); «Метафора», ООО (Мурманск) – Прочая розничная торговля в неспециализированных магазинах; ООО «Метафора», Санкт-Петербург – Розничная торговля и т. п. Можно лишь предполагать, что называя торговое предприятие «Метафора», его учредитель исходил из тех значений этого греческого по происхождению слова, которые остались у него в греческом языке, но неизвестны русскому: *μεταφορά* – 'перевозка', 'перемещение', 'транспорт'. Так, в Греции данным словом называют, например, маленькие фургончики, которые перевозят продукты первой необходимости – хлеб, оливки, вино и пр. Однако то, что это именно так и – тем более для всех встреченных конкретных случаев, – утверждать сложно. Возможно, здесь просто сработала притягательная магия иноязычного, вроде бы и знакомого, но для большинства средних носителей русского языка, всё же достаточно смутно понимаемого слова, что нередко и становится поводом для его использования в качестве названия фирмы, предприятия и т. п.

Наконец, в сетевом пространстве нами найдены и такие примеры, которые иллюстрируют не чисто семантическую онимизацию терминологемы *метафора*, а её различные комбинации с иными специфическими

способами онимизации – морфологическими, графическими и пр., создающими эффект языковой игры, ср.: *Сообщество «МетаФора» (Сообщество создано в рамках самоорганизации людей с различными взглядами по вопросам взаимодействия. Видеть невероятное в очевидном. Понимать увиденное в том, чего не может быть там где его нет, но...)*.

Несколько подобных обнаруженных нами примеров связаны с использованием термина *метафора* как производящей базы для образования стилизованных окказиональных антропонимов, например, «*Язык Метафорович Эпитет (гениальный русский поэт)*» (никнейм в сетевом журнале) (<http://hantenbain.livejournal.com/10494.html?thread=21758>); «*Алексей Метафорович Заковыркин*» (персонаж произведения «Скучная пьеса» Алексея Дёмина) (<https://www.proza.ru/2005/01/11-26>); «*Концепт Метафорович Постмодернистов*» (псевдоним поэта в издании «Цирк “Олимп” + TV» (www.cirkolimp-tv.ru); «*поэт Метафоренко*» (персонаж произведения «Король стрільців» Ивана Керницкого) (http://www.e-reading.club/chapter.php/1037523/126/Kernickiy_-_Korol_strilciv.html).

Таким образом, концепт «метафора» – не только наиболее активно функционирующее вне рамок научного (лингвистического, литературоведческого, философского) дискурса понятие, но и своеобразный, характерный для коллективного языкового сознания современного носителя русского языка, терминоконцепт, чрезвычайно ёмкий и сложный, семиотически амбивалентный, семантически подвижный, и наиболее полное представление о его смысловом объёме можно получить только из аналитического обобщения большого корпуса употреблений данного слова в различных видах дискурсивных практик. Но главное в любых рассуждениях о метафоре с позиций *pro & contra* – это изначально определиться с терминологией, т. е. с концептуальным наполнением данного термина-концепта.

3.4.2. Концепт «метафора» / «метафара» в текстах русской и белорусской поэзии

«Вес» тропы в тексте может быть различным и обычно оценивается в диапазоне от статуса «*ornament poetique*» до способа построения текста – организации его тематико-жанровой и структурно-смысловой основы. Вместе с тем одним из интересных и мало изученных аспектов функционирования тропы в поэтическом тексте является экспликация тропотворческой деятельности в сочетании с авторефлексией по её же поводу.

Во-первых, любая компаративно-образная ассоциация есть момент репрезентации личностных смыслов, индивидуально-авторской картины мира. Троп выступает как инструмент структурирования поэтических концептов, поэтому он всегда соотносится с авторским «Я», входит в материю категории «образа автора» (по В. В. Виноградову). Так, к текстам одних

авторов мы подходим с жанровым ожиданием концентрированной троповости (В. Маяковский, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Р. Рождественский, А. Вознесенский, Р. Бородулин, П. Макаль, А. Пысин и др.), а в отношении произведений других поэтов привыкли к обратному – приглушённой тропической образности, преобладанием автологической речи (Н. Рубцов, С. Соколов и др.).

Во-вторых, тропы, и в особенности, метафоры функционируют в поэтическом дискурсе не только как средство, как фактор формы (путь даже и содержательно значимой), но и как самостоятельные объекты поэтической рефлексии, индивидуальные поэтические концепты, т. е. оказываются в фокусе интерференции традиционной для художественной речи эстетической функции и присущей языку в целом метаязыковой функции. Те случаи, когда в художественном произведении так или иначе заходит речь о собственном языковом творчестве его автора, в современной лингвистике текста квалифицируются как совпадение референтной (денотативной) и коммуникативной ситуаций текста [Ревуцкий 1998, с. 19]

В художественном дискурсе, по данным НКРЯ, употребления лексемы *метафора* фиксируются регулярно, начиная с конца XVIII – начала XIX веков, ср.: *Один корячится, надувшись, дичь несёт И то высокостью поэзии зовет; Другой рисовкою быть хочет отличаем; Иной метафорой, и век непонимаем; А этот, навсегда рассорясь с стыдом, До самой старости живет чужим добром...* (И. Дмитриев, 1798); *Хочу заснуть без метафор, Но мне и в том успеха мало: Комарий писк и мухи жало На сон мой входят в заговор!* (П. Вяземский, 1824).

Функционирующий в художественном тексте троп, таким образом, подлежит оценке по параметру наличия / отсутствия авторской рефлексии в его отношении, эксплицитности или имплицитности момента его введения в образную структуру текста. В случае наличия такой рефлексии перед нами предстаёт не только троп-инструмент структурирования поэтических концептов, но и троп как своеобразный образ-персонаж текста. От автора не просто исходит намерение сравнить, уподобить, метафорически отождествить что-либо чему-либо или превратить нечто одно в нечто другое по принципу метаморфозы, но он ещё и эксплицирует этот момент: *И неволью в море хлеба / Рвется образ с языка: / Отелившееся небо / Лижет красного телка* (С. Есенин); *Только я смежаю веки – / Возникает образ некий, / Нежный, как цветок лаванды, / И старинный, как в музее* (Ю. Мориц).

В ряде случаев метафора становится центральным объектом художественного осмысления, например: *У Мандельштама в «Разговоре о Данте» мы читаем: «Я сравниваю, значит, я живу», – мог бы сказать Данте. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания – а где взять другое? – только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне*

сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (А. Вознесенский). Данный фрагмент – не что иное как образно-художественный аналог высказываний о метафоре, выдержанных в духе когнитивно-прагматической парадигмы.

Ещё один пример – размышление об онтологической сущности метафоры, об её «всебытии»: *И в банном зале, там, где кафель, / В трамвае, в поле на стерне / Смысл восхитительных метафор / Вдруг как-то стал являться мне... / Метафора – и та вон тёлка. / И луг. И тополь. И дома. / И даже жизнь всего лишь только / Метафора. И смерть сама* (Е. Винокуров).

Во многом созвучна приведённым выше строкам поэтическая концепция метафоры, представленная в одноименном стихотворении белорусской поэтессы Е. Янишиц [ПА-121]. Здесь две отмеченные выше ипостаси метафоры – «украшение» (с одной стороны) и «способ поэтического мышления» (с другой стороны) – поэтом осмысливаются не столько как антагонистические, сколько как взаимодополняющие друг друга.

Хорошо известны современной филологической науке и закреплены практически во всех филологических терминологических словарях и энциклопедиях такие понятия, как номинативная и экспрессивная, речевая и языковая, образная и «стёртая», индивидуальная и традиционная метафора. Уникальный образец художественного рефлексирования по поводу всех этих обликов метафоры находим у Ю. Олеси [ПА-122]. Приводимые далее фрагменты иллюстрируют ряд иных особенностей поэтического образотворчества, основанного на метафорогенной деятельности.

Работа ассоциативного мышления по созданию метафоры (тропа) может мыслиться автором как осознанная, креативно-поисковая: *К полудню небо бледное / Нахмурило чело. / Воображенье бедное / **Метафору** нашло, / Что домиков отпадных / Так непривычен стиль, / Как будто бы нежданно / Мы въехали в мультфильм.* (А. Дементьев); *И выплывет из океана слова / **Метафоры** оживший материк* (Б. Лившиц); *Нарач-возера – / Нарач-мора: / гулкі бераг, / нямое дно... / **Параўнанне** ў мяне адно: / Нарач-возера – / Нарач-мора* (М. Федзюковіч); *Уяўленне, / ты на параўнанні багатае, / спрадвеку ў цябе запалу / хапала, – / і карта маёй Беларусі / табе нагадвае / дубовы ліст / ці кляновы ліст няціпалы* (Р. Барадулін); *Пакуль што не да метафар. / Ласкавае pro favor / Падчас загучыць металам – / Праверыць пільнасць затвор* (Р. Барадулін); либо как бес(под-) сознательная, когда тропеические образы «врываються» в ткань текста, как бы навязываясь автору помимо его воли: *Лишь понемногу / в сознание въезжает вагон, / идущий, как мальчик, / не в ногу / с пехотой столбов телеграфных, / агония храпа / артистов эстрады, / залегших на полках, случайная фраза: / «Я рада»... / И ряд безобразных / **сравнений**, / **эпитетов** / и заготовок стихов* (В. Луговской); *Як метафары няўлоўныя, / Сніцеся, філалагіні* (Р. Барадулін); *Памяць лениць мне вобразы: летні начлег, / І вячоркі, і мэндлікі ў полі. / Там заўсёды бывалі забавы і сьмех, / Забываліся клопаты, болі* (Р. Крушына).

В тексте стихотворения С. Поделкова «Бег» концептуализируется момент перехода от «неконтролируемого» к «контролируемому» в процессе образотворческой, в том числе метафорогенной, деятельности [ПА-99].

В качестве весьма оригинального примера, иллюстрирующего поэтическую рефлексию на акт тропеического образотворчества, приведём следующий фрагмент: *Трамвай, як сараканожка, – / марудна імклівы і доўгі, / яшчэ да таго ж сляпы. / Асаджаны глуха і вусцішна / над стукатам нізкіх ног. / Трамвай, як сараканожка... / **Не, не падабаецца мне гэтае параўнанне. / Параўнаю трамвай лепш з вожыкам, / што цвёрда і шпарка / бяжыць на падлозе – тук! тук!*** (М. Стральцоў). В данном случае поэт не просто рефлексировал по поводу «готового» образа, – он по сути вовлекает читателя в свою «творческую лабораторию», эксплицируя момент выбора одной образной ассоциации из нескольких возможных.

Импульс к творчеству, к порождению текста может задаваться с изначальной констатации автором его подвластности метафоре, неизбежности обращения к тропеической образности: *Земли гипербола лежат под ними, / как небо **метафор** плывет над нами!* (И. Бродский); *С чего начать? / Всё трещит и качается. / Воздух дрожит от сравнений. / Ни одно слово не лучше другого, / Земля гудит **метафорой**, / И легкие двуколки, / В броской упряжи густых от натуги птичьих / стай, / Разрываются на части, / Соперничая с храпящими любимцами ристалищ* (О. Мандельштам); *Пусть ржут **метафорические** кони, / Поет стрела, летя издалека. / Я знаю сам, что жизнь – как на ладони / Та линия – ясна и коротка. / Не очень долго и не очень много / До отдыха последнего идти, / Но не грустна и не страшна дорога, / И есть о чем задуматься в пути...* (В. Шефнер); *Толпа метавишихся **метафор** / Вошла в музеи и в кафе* (П. Антокольский); *Мой ум в **метафорах** померк, в метаморфозах!* (Ю. Мориц); *Ускалыхніце мне душу. / Не толькі рыфмай ці радком, / Што неспадзеўкай душу лапчыць, / А чым заўгодна, / Хоць ваўком / З **метафарай** у чорнай папчы... / Ён зразумелы для мяне, / Як неба роднае і людзі, / Пакуль бяжыць, пакуль імкне, / Пакуль **метафары** не згубіць.* (Л. Дранько-Майсюк).

По сути между метафорой и поэзией, актом творчества зачастую ставится знак равенства, ср.: *Уж лучше на погост, / Когда томит бесстишье! / Оно – великий пост, / Могильное затишье. / И, двери затворив, / Переживает автор / Моления без рифм, / Страданье без **метафор**. / Нет, он не глух – он нем, / Он безъязык, как время, / В нем брезжат тени тем / И тупо ломит темя. / Жестокая беда! / Забвение о счастье. / И это навсегда. / Читатели, прощайте!* (Д. Самойлов); ***Метафоры** стареют и язык, / Но не бессонница во мраке ночи. / Стареет рифма. Ну а если крик / Придет на рифму, то рифмуй попроще. / Поэтику пора бы отменить. / Она – пустейшее из всех занятий. / Но где тогда связующая нить, / Преемственность стремлений и понятий?* (Д. Самойлов); *Властитель стихов и **метафор** – не судеб, – / У каждого слава и вера – своя...* (К. Ривель).

Обнаруживается в поэтическом дискурсе и отмеченная в предыдущем параграфе, характерная для иных дискурсивных практик, концептуальная оппозиция «метафора – реальность»: *Можно много построить и столько же можно разрушить / и снова построить. / Ничего нет страшней, чем развалины в сердце, / ничего нет страшнее развалин, / на которые падает дождь и мимо которых / проносятся новые автомобили, / по которым, как призраки, бродят / люди с разбитым сердцем и дети в беретах, / ничего нет страшнее развалин, / которые **перестают казаться метафорой / и становятся тем, чем они были когда-то:** / домами. (И. Бродский).*

Вместе с тем поэтическое мышление может стремиться не к порождению, а к преодолению метафоры, за которым, тем не менее, обычно кроется имплицитное признание её неминуемости: *Античный зал разжевывает тьму. / В окне торчит мускулатура Штробля. / И своды, как огромная оглобля, / елозят по затылку моему. / Все эти яйцевидные шары, / мне чуждые, как Сириус, Канопус, / в конце концов напоминают глобус / или более далекие миры. / И я верчусь, как муха у виска, / над этими пустыми кратерами, / **отталкивая** русскими баграми / **метафору**, которая близка (о вазах и горшках. – С.К.) (И. Бродский); *Натуральная тьма / наступает опять, / как движение ума / **от метафоры вспять**, / и сиянье звезды / на латуни осей / глушит звуки езды / по дистанции всей (И. Бродский).**

Характерна оценка автором своего тропеического образа со стороны какого-либо его эстетического качества: *Пришла ты, неизбежная, как ночь. / Ты не сердись за **странности сравнений**. (В. Кулемин); *Там я в **сравнениях избитых** / Искал избитых правоту, / Там самый день был средством пыток, / Что применяются в аду (...) И средь **магического хода / Сравнений, образов и слов** / Взыскующая нас природа / Кричала изо всех углов (В. Шаламов); *На сметніку паэзіі / **Метафар** **имат** **пустых**, / Сто год ужо, як звезены / І звалены ў пласты (С. Шушкевіч); *Круты наварот – / Гэта «цешчын язык», / Яго гэтак **трапна** / **Празвалі** **шафёры** (С. Басуматрава).****

Более сложные случаи рефлексии могут быть связаны с модальным обрамлением момента введения тропа (актуализацией «модуса "как бы"» [Старычонак 2017–1, с. 46]), ср.: ***Хотела б** я свои мечты, / **Желанья тайные и грёзы** / В живые обратить цветы, – / Но ... слишком ярки были б розы! (М. Лохвицкая); *Мне тебя **сравнить бы надо** / С песней соловьиною, / С тихим утром, майским садом, / С гибкою рябиною, / С вешнею черёмухой, / Даль мою туманную, / Самую далёкую, Самую желанную (...) Не знаю большие сна я, / Мечту свою храню, / Тебя, моя родная, / **Ни с кем я не сравню** (А. Фатьянов); *Цябе **параўнаў бы** я / З польнаю кветкай, / Ды першы сустрэчны / Сарве яе ўлетку... / Усе мае, пэўна, дарэмны / Шуканні, – / На свеце табе не знайсці / **Параўнаньня** (П. Макаль); *Цябе хацеў я з сонцам **параўнаць**, / **якое без прынку і шчодр** **свеціць** / усім жывым і нежывым на свеце... / Каханая, ці ж сонцу ты радня? (М. Федзюковіч).****

Можно встретить и самые разные заявления поэтов относительно роли метафор в поэтическом творчестве.

Так, одни авторы декларируют намерение прибегать к метафорическим образам как к стилевой доминанте. Например, С. Кирсанов в одном из стихотворений, посвящённых В. Маяковскому, заявляет о своём намерении следовать принципам его поэтики и, в частности, *бросаться с утёса метафор на дно / за жемчугом слов водолазом*. Показательно, что данный микроконцепт текста поэт структурировал при помощи развёрнутой метафорической конструкции.

На первый взгляд, о совершенно противоположном намерении заявляет Е. Винокуров в стихотворении «Моё мастерство»: *Моё мастерство, ты особого рода. / Нет, ты не метафора, ты не острота... / Подайте мне смысл! – для чего мне слова? / Моё мастерство избежать мастерства*. Однако эти строки надо понимать не как отказ поэта от метафор вообще, а как его намерение не прибегать к излишним украшениям стиля в ущерб смыслу произведений, ср.: *Вершы розныя могуць паэты складаць, / Браць эпітэты і параўнанні, / І метафары ў кожны радок устаўляць, / Яны ў вершах блукаюць, як здані* (А. Балугенка). Таким образом, в приведённых контекстах актуализировано лишь одно из привычных значений слова *метафора* – 'словесное украшение', 'красивость', 'поэтическое ремесленничество'.

Белла Ахмадулина, напротив, подчёркивает изобразительную функцию тропа в своём поэтическом мире: *Обожествляла влюбчивость метафор / простых вещей невзрачные тела*. (Б. Ахмадулина); *Не упорствуй, не шарь в пустоте, / выпит мёд из таинственных амфор. / И по чину ль твоей красоте / примерять украшенья метафор?* (Б. Ахмадулина).

Метафора в поэзии потенциально незамкнута, интертекстуальна, полемична, что нередко рефлексировалось авторами, причём подобная рефлексия может иметь место в отношении конкретных тропеических образов. Например, своё посвящение Б. Пастернаку А. Ахматова начинает с отклика на пастернаковское автосравнение *Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса / Гляжу, страшаюсь бессонницы огромной*. Ср.: *Он, сам себя сравнивший с конским глазом, / Косится, смотрит, видит, узнаёт...* (А. Ахматова).

Таким образом, оценка статуса тропа в тексте, традиционно осуществляемая в функциональном диапазоне «локальный троп – текстообразующий троп», может выходить за эти пределы, будучи дополненной характеристикой его вхождения в мир образов-персонажей поэтического произведения, в концептосферу текста. В качестве особых проявлений метафоры в русских и белорусских художественных текстах нередко можно встретить её введение в сопровождении авторской рефлексии, имеющей место в отношении неизбежности либо излишества тропа, его привычности либо новизны, подспорья либо помехи и т. п.

Выводы по 3-й главе

1. Язык / речь – не только форма выражения поэтической мысли, но и постоянно рефлекслируемые поэзией (напрямую либо косвенно) феномены, выступающие в качестве непосредственно «притекстовой зоны» поэтического произведения в его дискурсивном понимании. Средством такого рефлексирования, а в некоторых случаях и его содержанием выступает поэтическая метафорика, выполняющая тем самым роль своеобразного «дискурсивного скрепа» между текстом и притекстовой лингвистической зоной. Метафорика, связанная отношениями «текст – язык», может быть представлена следующими типологическими проявлениями:

- отношения сходства (иконичности) денотата и сигнификата текста, т. е. дублирование информации, представленной на уровне смыслов, концептов, средствами фактур, относящихся к формальной стороне текста (ритм, фоника, морфемика, синтаксис, графика, композиция и пр.), в случае чего можно говорить о метафорике взаимодействия фактур текста и инфактурной аранжировке метафорически структурированных образов, созданных в своём типичном виде лексическими средствами;

- метафорическое структурирование собственно языковых концептов том числе концепта «метафора»;

- денотасфера «язык», представленная при структурировании правого элемента метафоры (В), активно привлекается поэтами для метафорического структурирования концептов, относящихся к различным (неязыковым) денотасферам.

2. В литературно-художественном и философско-литературном дискурсах широко представлены рефлексивные реакции на само понятие «метафора». Это позволяет утверждать, что слово *метафора* переживает динамичную стадию своего семантического обогащения, концептуализации. Концепт «метафора» – чрезвычайно ёмкий и сложный, семиотически амбивалентный, семантически подвижный. Но главное в любых рассуждениях о метафоре, в том числе с позиций *pro & contra*, – это изначально определиться с терминологией, т. е. с концептуальным наполнением данного термина-концепта. В связи с этим представляется важным провести грань: собственно метафора (например, конкретная фраза, конкретный образ) vs. принцип метафоры (метафорообразия). Последнее – понятие семиотическое, а не филологическое. По базовым своим свойствам знак (семиотический объект) более чем родственен метафоре. Метафора в филологическом смысле – знак знака, знак в квадрате.

3. Оценка статуса тропа в тексте, традиционно осуществляемая в функциональном диапазоне «локальный троп – текстообразующий

троп», может выходить за эти пределы, будучи дополненной характеристикой его вхождения в мир образов-персонажей произведения, в концептосферу текста. В качестве особых ипостасей метафоры в русских и белорусских художественных текстах нередко можно встретить её введение в сопровождении авторской рефлексии, имеющей место в отношении неизбежности либо излишества тропа, его привычности либо новизны, подспорья либо помехи и т. п. Посредством реакций-отсылок к метафорике других авторов поэтические тексты подключаются к широкому литературно-культурному контексту, выходят в интертекстуальный слой дискурса.

МГПУ им. И.П.Шамякина

ГЛАВА 4 МЕТАФОРИКА РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСИВНЫХ СВЯЗЕЙ «ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ – ИНТЕРТЕКСТ»

4.1. К определению интертекстуальности и основаниям изоморфизма метафоры и интертекста

Интертекст – одно из ключевых понятий современной культуры. Неслучайно одним из первых серьёзных лексикографических научных изданий, включившим понятие интертекста, стала книга В. П. Руднева «Словарь культуры XX века» [Руднев 1997]. Под знаменем интертекстуальности, т. е. произрастания на почве прецедентного Слова, прецедентного Текста, развивалось всё искусство XX века, и в первую очередь искусство слова – художественная проза и поэзия. «Двадцатый век в корне изменил отношение к поэтическому творчеству. Стремление сказать новое слово заставляло поэтов искать необычные формы выражения, максимально использовать возможности, потенциально заложенные в структурах с вертикальным контекстом (когда текст получает не только линейное развертывание, но и членится на отрезки, не обусловленные синтаксическим делением). В то же время уплотненная художественно-информационная структура стихотворных текстов XX века во многом задана многомерными связями с другими текстами, среди которых данный текст определяет свое» [Фатеева 2001]. Ср. также: «Появление понятия *интертекст* стало одним из результатов пансемиотического поворота в науке второй половины XX века, сопровождавшегося реактуализацией метафорического концепта *мир – это текст*» [Литвиненко 2008, с. 7].

Теория интертекстуальности возникла на основе теории диалога текстов, предложенной в свое время М. М. Бахтиным [Бахтин 1986]¹. Понятие «интертекстуальность» было введено французским исследователем Ю. Кристевой в 1967 году. К настоящему времени лингвистами предложены различные дефиниции данного феномена, различные подходы к его изучению (Р. Барт, Ю. Кристева, И. В. Арнольд, И. П. Смирнов, Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева, Н. Н. Белозёрова, А. Н. Безруков, Т. Е. Литвиненко, И. В. Толочин, В. Е. Чернявская, И. И. Чумак-Жунь, М. Ямпольский и др.).

Текст как единое целое в составе некоего большего целого – интертекста – это особый объект, актуальность изучения которого в свете сказанного выше очевидна. При этом сам текст всегда един в двух своих ипостасях: как относительно самостоятельное целое – с одной стороны, и как представитель определенного класса текстов в большей либо меньшей

¹ Со ссылками на М. М. Бахтина Ю. Зотов отмечает: «Мы рассматриваем диалог в широком бахтинском понимании как диалогику текста, которую можно представить схематически: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые тексты, движение вперед – предвосхищение нового текста. Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом... Этот контекст есть диалогический» [Зотов 2000, с. 8–9].

степени обобщения (жанра, направления, авторского идиостиля и т. п.) – с другой.

И. В. Арнольд предлагает следующее определение: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд 1999, с. 346]. Весьма сходную трактовку сущности интертекста находим у В. П. Руднева, которым интертекст определяется как «основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам» [Руднев 1997, с. 113]. В том же направлении рассуждает Т. Е. Литвиненко, которой «под интертекстуальностью понимается соотнесенность текста с его типом или другим текстом (текстами), обуславливающая возобновляемость включенных в них концептов и средств их языковой (или иной знаковой) репрезентации» [Литвиненко 2008, с. 6] и др. Данные определения, как видно, акцентируют внимание на репрезентативном аспекте интертекста (интертекстуальности), т. е. «смотрят» на интертекст как бы «изнутри» текста. Кроме того, В. П. Руднев в своём определении затрагивает аспект жанрово-стилевой корреляции литературно-художественного интертекста.

М. М. Бахтин и Ю. М. Лотман подходили к интертексту «с обратной» стороны – от «надтекстового» универсума. «Кроме коммуникативной функции, – пишет Ю. М. Лотман, – текст выполняет и смыслообразующую, выступая в данном случае не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как генератор смыслов (...) минимально работающий текстовой генератор – это не изолированный текст, а текст в контексте, текст во взаимодействии с другими текстами и с семиотической средой» [Лотман 1992, с. 144–147].

Таким образом, интертекст – это и вне-, и внутритекстовой феномен. Он и поглощает текст снаружи («обволакивает» его, существует вне данного текста), и включается в него серией специальных приёмов, достаточно хорошо описанных в научной литературе (аллюзия, реминисценция, цитата и др.)¹. Это и феномен, маркированный в жанрово-стилевом отношении, характеризующий как целые литературные течения (модернизм, постмодернизм), так и отдельные жанры и типы текстов (пародия, посвящения собратьям по «литературному цеху» и др.).

Интертекст, в отличие от текста, является в достаточной мере виртуальным феноменом, поскольку он, во-первых, дискретен, а во-вторых, не имеет фиксированной предельной границы (*Текст₁*, *Текст₂*, ... *Текст_∞*).

В словаре В. П. Руднева отмечены ещё два явления, близкие к понятию интертекста – «гипертекст» и «текст в тексте». Под гипертекстом понимается «текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему,

¹ Ср.: «Событие интертекстуальности понимается нами как происходящее “на границах” текстов или в “интер-пространстве”» [Мосенцева 2002, с. 20].

иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [Руднев 1997, с. 69]. Типичный гипертекст – это словарь (состоящий из множества самостоятельных текстов, но вместе с тем единый текст); по принципу гипертекста также организуются многие компьютерные программы, обеспечивающие диалог пользователя с ЭВМ; не чем иным, как гипертекстом, является всемирная компьютерная сеть Интернет.

Текст в тексте – это «своеобразное гиперриторическое построение, характерное для повествовательных текстов ... XX в. и состоящее в том, что основной текст несет задачу описания или написания другого текста, что и является содержанием всего произведения» (например, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова) [Руднев 1997, с. 308].

Как видно, с интертекстом данные два феномена сближаются по базовому признаку имеющего место текстового взаимодействия (или, по М.М. Бахтину и Р. Барту, «диалога» текстов). Отличие же их от интертекста заключается в фиксированности границ межтекстового «диалога». Так, для словарной статьи первое диалогическое поле (именно оно и названо гипертекстом) составляют другие статьи того же словаря, при этом оно представлено строго определённым набором текстов (количеством словарных статей либо других гипертекстовых отсылок). А собственно интертекстовым окружением – вторым диалогическим полем – для текста словарной статьи потенциально выступает, как и для любого текста, вся совокупность прецедентных текстов.

В принципе подобным же образом дело обстоит и с «текстом в тексте»; разница здесь лишь в конкретике функционирования механизма интертекстуального взаимодействия.

Таким образом, признаком, который противопоставляет явления гипертекста и текста в тексте собственно интертексту, является фиксированность / нефиксированность границ диалогического поля.

Сказанное позволяет рассматривать феномены «текст», «интертекст», «гипертекст», «текст в тексте» как составные части одной парадигмы – парадигмы диалогического бытия текста во времени и в пространстве.

Сближается и одновременно противостоит данной парадигме явление литературной эквивифинальности, – термин заимствуем у И. П. Смирнова, который и проводит разграничение двух данных явлений: «...необходимо заметить, – пишет учёный, – что представление об интертекстуальных отношениях как о преобразованиях речесмысловой связности даёт критерий для различения действительных контактов между произведениями и разнообразных случаев литературной эквивифинальности» [Смирнов 1995, с. 61]. В подтверждение И. П. Смирнов проводит сопоставительный анализ образных структур текстов стихотворений Б. Пастернака «Венеция»-2 [ПА-123] и К. Павловой «Паров исчезло покрывало...» [ПА-124], отмечает наличие в текстах отдельных сходных элементов и всего содержания в целом, но при этом указывает, что конкретных свидетельств того, что один текст родился в результате рекреативной работы над другим, нет.

И. П. Смирнов приходит к следующему выводу: «Сказанное помещает интертекстуальные исследования в ограничительные рамки, которые, хотя и не гарантируют безошибочности при определении источников, но, тем не менее, избавляют нас от понимания литературного произведения как структуры, разомкнутой для «вчитывания» в неё всё новых и новых – убегающих в бесконечность – претекстов» [Смирнов 1995, с. 62].

Так, устойчивое употребление в текстах разных авторов метафорических формул наподобие *жизнь – дорога (плавание, цветение), смерть – увядание* и т. п. в тех или иных идиостилевых модификациях есть не что иное, как факт подобной эквивиальности [Панченко 1971]. Метафорические архетипы, по словам И. Г. Франк-Каменецкого, восходят «к метафоричности языка, возникшей в процессе стадийного развития речи и мышления и находящей параллельное отражение как в образном схематизме поэтической речи, так и в данных мифа и фольклора, а также в лингвистической семантике» [Франк-Каменецкий 1935, с. 96]. Таким образом, здесь не имеется момента «контакта» («диалога») текстов, составляющего суть понятия интертекстуальности.

Однако нельзя отрицать и того, что на подобных образах, как на своеобразных дискурсивных скрепах, держатся и индивидуальные, и национальные поэтические стили, – «достаточно вспомнить в связи с этим такие традиционные для мировой поэзии объекты художественной рефлексии, как *луна, роза, водопад, колокол, лебедь* и другие. Каждый новый метафорический образ любого из них, участвуя в художественной истории объекта, не только обозначает всю ее ретроспективу, вступая со своими предшественниками в диалогические состязания, которые отнюдь не дисциплинируются привычной схемой традиции-новаторства, но что важнее всего, обогащает представление о виртуальном потенциале объекта»¹ [Иванюк 1998, с. 22].

Поэтому можно принять и высказанное Т. Е. Литвиненко положение о том, что об интертексте можно говорить и в том случае, когда имеются «достоверно верифицируемые источники, цитаты из которых

¹ В связи с этим ещё раз обратимся к теории «парадигм образов», обоснованной в трудах Н.В. Павлович: «По-видимому, каждый поэтический образ существует не сам по себе, он не случаен, не обусловлен только данным контекстом, а реализует некоторую «вечную идею», модель, образец, инвариант, или ... парадигму» [2004, с. 33]. Ср. также ряд положений о тесной взаимосвязи метафорических архетипов с интертекстуальностью: «...хотя метафора – явление безусловно бессознательное, сама повторяемость метафор одного семантического поля у разных авторов свидетельствует о том, что аналогия между этими предметными областями обладает наибольшей эвристической силой» [Кузьмина 1999, с. 34]; «Метафорические архетипы вследствие динамичности и напряженности, создаваемой взаимодействием противоположных тенденций (дискретное/континуальное), представляют собой точки интертекста с высоким энергетическим потенциалом [Кузьмина 1999, с. 193]; «Свойство архетипа к актуализации в художественном творчестве даёт основания признать его (архетип) основным элементом коллективного бессознательного, которое адекватно интертекстуальности...» [Леонтьев 2001, с. 100].

актуализируются в виде ключевых слов интертекста», и в том случае, когда имеют место отсылки «к множеству вторичных прецедентных текстов той или иной степени эксплицитности и значимости» [Литвиненко 2008, с. 8]. Сходным образом рассуждает и Е. Ю. Муратова: «Типы интертекстуальных маркеров выражаются по-разному: от имплицитных, глубоко скрытых в подтексте, до явных прямых цитат» [Муратова 2014, с. 21]. «Реализация интертекстуальных смыслов очень разнообразна – от преемственности до конфронтации» [Муратова 2014, с. 21].

Таким образом, в качестве собственно интертекстовой метафоры мы будем рассматривать «посттекстовое» функционирование конкретного метафорического образа, имеющего идентифицируемый источник происхождения. Сразу оговоримся, что под идентифицируемым источником происхождения метафоры может пониматься её принадлежность как определённой личности, так и группе поэтов (например, одной школы, направления). Главное условие – точная отсылка к определённому источнику. Ср.: *Куда, пути не различая, / ты понеслась по крови луж, / Русь – птица-тройка чрезвычайки, / Кренясь от груза мёртвых душ?* (Е. Евтушенко).

Полагаем также, что есть основания разграничивать интертекстуальность как прагматически ориентированный приём и неосознаваемую интертекстуальность. До сих пор речь шла о первой. Примером, иллюстрирующим вторую, являются тексты-переводы [Кузьмина 2001]. Эти тексты, как и остальные продукты интертекста, основываются на вполне конкретных «первичных» (переводимых) текстах. Однако функционируют они для читателя как «первичные» тексты. Если о возможности реципиента сопоставить оригинальный и переводной тексты в какой-то степени ещё можно говорить (значительная часть людей является билингвами), то намерения заниматься этим делом от рядового читателя ждать не приходится. Поэтому «диалога» переводного текста с оригинальным для обычного читателя не существует. Этот «диалог» существует лишь для узкого круга специалистов, занимающихся сопоставительным анализом оригинальных и переводных текстов, а также для самих переводчиков. В связи с этим весьма показательным примером является метафорическое осмысление перевода и переводческой деятельности, предпринятое в работах С. И. Бухтоярова [Бухтояров 2004] и Д. Г. Шаталова [2014].

Н. В. Кузьмина выдвинула перспективную в плане дальнейшего развития идею энергии интертекста, приводящую данный феномен от хаоса к порядку, т. е. по сути обозначила синергетический потенциал интертекстуальности, свойственный и феномену текста, и языку в целом [Кузьмина 1999].

В дальнейших рассуждениях мы будем исходить из того, что «текст является реализацией языковой системы, языковых уровней и их единиц. (...) Он представляет собой особым образом организованную (внутри себя) частную, индивидуальную динамическую систему, которая, как всякая система, проявляется в отношениях общности, связности и в отношениях противопоставленности» [Купина 1980, с. 19].

Проанализировав определения понятий «текст» и «система», В. А. Лукин констатировал их «очевидное сходство» и пришел к выводу, что «текст – частный случай системы» [Лукин 2005, с. 63]. Ср. также: «Если национальный язык обладает структурным единством, то возможно предположить существование универсального конструкта формы текста» [Москальчук 2003, с. 3].

Реализуя идею исследования текста на фоне системы языка, О. Л. Каменская [Каменская 1990] предложила схему соотнесенности уровней знаний, пресуппозиций, с языковыми уровнями:

Таблица 4.1. – Соотнесение уровней знаний с языковыми уровнями (по О. Л. Каменской)

Уровни, №	Уровни знания	Уровни языка
6	Совокупные знания о мире	Вся совокупность текстов
5	Отрасль знания	Отрасль текстов
4	Фрагмент знания	Текст
3	Суждение	Предложение
2	Понятие	Лексический
1	Незавершенное понятие	Морфологический
0	Различение понятий	Фонологический

Как видно, данную систему замыкает уровень текстового универсума, надстроенный над синтаксическим и текстовым уровнями.

Отношения текстов в их системных связях рассматриваются учеными-лингвистами как деривационные (О. Г. Ревзина, Л. Г. Бабенко, А. Хаген и др.). «Если сравнивать интертекстуальность с типами отношений языковых единиц, то она соответствует деривационным отношениям, понимаемым как отношения между исходным и производным знаками, интертекстуальность может быть интерпретирована как “деривационная история” текста» [Бабенко 2005, с. 34]. Отметим, в частности, развитие данных идей белорусским учёным профессором В. А. Карповым в рамках общей теории систем Ю. А. Урманцева, позволившее последовательно смоделировать лингвистический универсум – от фонемы до уровня отображения действительности – в категориях полиморфизма, диссимметрии, изоморфизма, симметрии, асимметрии и др. [Карпов 2003].

В качестве отправного тезиса для дальнейшего размышления приведём положение К. Леви-Стросса о том, что «культура обладает строением, подобным строению языка» [Косиков 2000, с. 3], а интертекст, как было отмечено выше, – одно из ключевых понятий современной культуры, к числу которых, безусловно, можно причислить и метафору. Неслучайно оба эти терминоконцепта (наряду с некоторыми другими) многими учёными рассматриваются в одном ряду, как однопорядковые. Так, например, Д. Чендлер рассматривает интертекстуальность в одном ряду с такими семиотическими категориями, как знак, код, метафора, метонимия и др. [Chandler 2007].

Интертекст, таким образом, метафорообразен по своей сути, по природе, по своему семиозису и коммуникативной оформленности. Н. Н. Белозерова рассматривает архетип как некий логический конструкт, существующий на подсознательном уровне и «управляющий стремлением человека уподоблять созданные им произведения либо явлениям природы, либо ранее созданным произведениям» [Белозёрова 2001, с. 26–27]. То же стремление – ассоциировать, уподоблять, создавать сходство – характеризует и метафору.

Если в свете теории референции метафору можно квалифицировать как слово или развёрнутое высказывание, получающее двойную референтную соотнесённость с фрагментом внеязыковой действительности, то «интертекстуальность можно определить как двойную референтную отнесённость текста (полиреферентность) к действительности и к другому тексту (текстам)» [Бабенко 2005, с. 34]. Аналогичным образом высказывается и Н. А. Фатеева, отмечая, что «интертекст, порождая конструкции “текст в тексте” и “текст о тексте”, создает подобие тропеических отношений на уровне текста. Теория интертекстуальности позволяет видеть “метафору” там, где происходит сближение явленного в тексте фрагмента и фрагмента другого текста, не представленного читателю физически (...) Смыслопорождение разворачивается между синтагматически данным и тем цельным текстовым фрагментом, что присутствует у читателя в памяти. Так два текста становятся семантически смежными» [Фатеева 2007, с. 37–38]¹.

Изоморфизм интертекста и метафоры проявляется через объединяющую их и являющуюся конститутивной категорию интерактивности, определяющую диалогическую природу словесного искусства (по М. М. Бахтину).

¹ Отметим и то, что в части соотнесения интертекстуальности с тропеичностью есть и иные мнения, роднящие интертекст с другими видами тропов, о чём, со ссылками на ряд исследователей, пишет Н. А. Фатеева: «Проблема “интертекст и троп”, “интертекст как риторическая фигура” постоянно встает перед исследователями, стремящимися определить сущность межтекстового взаимодействия. Но поскольку межтекстовые отношения и связывающие их формальные элементы столь разнообразны по своей природе и проявлению, по-видимому, не существует однозначного ответа на вопрос, с каким именно тропом может быть сопоставлено интертекстуальное преобразование. В нем обнаруживаются и признаки метафоры (М. Ямпольский), и метонимии (З. Г. Минц), в частности, синекдохи (О. Ронен), а в определенных контекстах гиперболы и иронии (Л. Женни) (...). При этом обнаруживается, что и декодирование тропов и расшифровка интертекстуальных отношений основаны на “расщепленной референции” (Р. Якобсон) языковых знаков, или “силлесписе” в терминах М. Риффатерра. Однако и в том и другом случае для адекватного понимания смещанной по своей синтагматике конструкции необходимо обращение к пространству языковой памяти: либо к целостной системе переносов, узаконенной в поэтическом языке (так называемым “поэтическим парадигмам” [в понимании Н. В. Павлович. – С.К.]), либо к целостной парадигме текстов, создающей культурный контекст для данного» [Фатеева 2007, с. 50]. Как видно из заключительной части данной цитаты, принципиально важным для цитируемого исследователя является сам принцип тропа, лежащий в основе явления интертекста, а не конкретная его разновидность, с чем соглашаемся в дальнейшем и мы, учитывая отмеченный выше вершинный статус метафоры в системе тропов (см. п. 1.1).

«По мысли Бахтина, ни один текст нельзя отнести на “счет” одного коммуниканта, ибо если текст не связан с прошлым и живет только в настоящем, то он не имеет будущего. В результате сцепления предшествующего, готового и реагирующего текстов образуется эффект диалогичности текста, эффект интегральной смысловой конвергенции» [Зотов 2000, с. 66].

И. П. Смирнов отмечает: «Известно сразу несколько ... классификаций, по-разному подразделяющих способы отсылок от текста к тексту... И всё же большинство из них явно или имплицитно уподобляют виды этих отсылок тем или иным тропам и фигурам. Тем самым как раз и подразумевается, что последующий текст преобразует референтную функцию предыдущего в автореферентную, так как в процессе порождения тропов и фигур язык, вообще говоря, отображается на самого себя, превращается в знак знака» [Смирнов 1995]. В продолжение этой мысли высказывается О. И. Кокорева: «Подобно метафоре интертекст имеет когнитивную природу (т. е. используется для описания одного явления в терминах другого). Его функции – сообщение дополнительной информации или интенсификация идеи автора – в общем совпадают с функциями метафоры. Их интерпретация опирается на концептуальные структуры, существующие в сознании. Возможно, для интерпретации интертекста используются существующие метафорические модели, которые в этом случае усложняются» [Кокорева 1999, с. 50]¹.

Ряд сходных положений находим в монографии И. В. Толочина «Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект»: «...если метафора – это способ соотнесения посредством категоризации различных понятий на основании базовых метафорических концептов, обеспечивающих категориальные отношения между логически несоотносимыми понятиями, то интертекст – это способ включения элементов энциклопедических знаний в смысловую структуру текста благодаря их оформленности в тексты-концепты, организующие наш культурный опыт» [Толочин 1996, с. 64]; «Интертекст по отношению к остальному тексту выполняет ту же роль, что и метафорический концепт: он позволяет развернуться целому ряду метафорических значений, на основе которых и формируется художественный образ. Метафоризация происходит в результате распространения смыслового влияния интертекста на весь текст» [Толочин 1996, с. 67]; «В поэтической речи интертекст может выступать как основа усложнения смысла, задавая ряд ассоциативных связей между смысловыми структурами текста и интертекста. Это явление становится одним из механизмов формирования метафорического смысла» [Толочин 1996, с. 70].

С позиций когнитивной лингвистики вышеприведённые положения интерпретируются Н.А. Белозёровой следующим образом: «Механизмом, лежащим в основе взаимопроникновения и пересечения различных сфер и

¹Характерно, что, исследуя интертекстуальность кинематографии, М. Ямпольский в книге «Память Тиресия» постоянно оперирует понятием метафоры как своего рода механизмом реализации интертекстуальных связей в киноиндустрии [Ямпольский 1993].

их элементов в когнитивной модели функционирования интертекста, является существование на уровне подсознательного некоего логического конструкта, архетипа, управляющего стремлением человека уподоблять созданные им произведения либо явления природы, либо ранее созданным произведениям. Данное стремление не носит характера простого подражания образцам или процессам, а основывается на генетически закреплённом принципе симметрии и подчиняется законам симметрии, главными из которых являются закон относительного равенства и закон сочетания инварианта и варианта» [Белозёрова 2001, с. 26–27].

С точки зрения синергетики языка природу интертекстуальности раскрывает Е. Ю. Муратова, включая данное явление в число маркеров аллотропичности текста, под которой понимается множественность кодирования смыслов в художественном тексте за счёт совокупного действия «внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами» [Муратова 2014, с. 4].

Лингвофилософское обоснование родства метафоры и интертекста в контексте осмысления понятия «интертекст» в трудах крупнейших теоретиков постмодернизма предлагает украинский исследователь Т. С. Мосенцева: «Оправданность осмысления интертекста как метафоры “интерпространства” мотивируется исходя из обнаруженных лингвофилософских предпосылок подхода к тексту как “множественному” и подтверждается спецификой пространственных образов (таковы “складка” и “ризомы” Ж. Делеза, “сеть” или “лабиринт кодов” Р. Барта, “не-место” М. Бланшо, “хора” Ж. Деррида и пр.) и характеристик (нелинейность, экс-центричность, трансгрессивность по отношению к дискурсивным, дисциплинарным, жанровым “топосам”) “множественного текста”, представленных в современной философской литературе» [Мосенцева 2002, с. 19–20]. Отсюда и следует вывод учёного о функциональном подобии «интертекстуализации», которая осуществляет транс-формацию “пространства смыслоозначивания”, и метафоризации как транс-позиции, “сдвига” значений. Метафорическое означивание в его открытости дальнейшим смысловым вариациям и “замещениям” адекватно “неустойчивости” концепта “интертекст”, который не отсылает к некоему самотождественному феномену и предполагает, во-первых, множественность обозначений и, во-вторых, “интертекстуальное” со-общение концептуализаций» [Мосенцева 2002, с. 20].

Известный метафоролог О. Н. Лагута отмечает вписанность метафоры в ещё более обширное пространство семиосферы – в мир прецедентных феноменов, попутно отмечая метафороподобие последних: «Системы метафор и символов вполне можно рассматривать в кругу прочих прецедентных феноменов (*Ходынка, Смутное время, Ватерлоо, 1937 год*), в том числе прецедентных текстов (например, «Репка», «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Двенадцать стульев»), высказываний (в том числе кинореплик из х/ф «Бриллиантовая рука», «Белое солнце пустыни»,

«Семнадцать мгновений весны» и др.), текстовых реминисценций, имен (Наполеон, Гитлер, Чингисхан, Ален Делон, Мэрилин Монро, Ротшильд, Рокфеллер и мн. др.), прономинаций (Золушка, Карабас-Барабас, Дон Кихот, Печорин, Хлестаков, Гаврош, Остап Бендер, Шерлок Холмс, Пуаро, Джеймс Бонд), поскольку сама основа реализации прецедентности метафорична» [Лагута-1, с. 33]¹.

На динамический характер интертекстуальности указывает А. Н. Безруков: «Интертекстуальность живет именно там, где есть переход, кризис, так как для существования ей необходимо именно изменение, внутренняя семантико-семиотическая трансформация» [Безруков 2005, с. 35].

4.2. Дискурсивный аспект: диалоги с метафорами и диалоги метафор

Функционирование метафоры в интертексте связано с её «движением» в направлении: текст – идиостиль – контекст литературного направления (школы, стиля) – контекст эпохи – национальный стиль – культурный макроконтэкст. По отдельности каждый из названных контекстов как контекст метафоры неоднократно становился объектом специальных исследований. Например, известно множество работ по метафорам в идиостильных отдельных авторов; К. В. Гулый [Гулый 1989] рассматривал романтическую поэзию как контекст метафоры, метафоры конкретного временного среза – эпохи перестройки – оказались в центре внимания в книге А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов 1991] и т. д. Однако в известных к данному моменту работах не ставилось задачей объединить эти аспекты исследования метафоры, показать её в переходе от контекстов наименьшей протяжённости к контекстам большой протяжённости – тексту и интертексту, раскрыть механизмы осуществления этого перехода, выявить то, что отличает каждую из новых контекстных ипостасей метафоры².

Между тем, выходом метафоры в интертекстуальное пространство порождается чрезвычайно интересное явление метафорического «диалога», который может устанавливаться между фактами оперирования одним и тем же тропом в разных видах названных контекстов. При этом имеется в виду, что в каждом своём последующем «перевоплощении» троп претерпевает те или иные структурно-смысловые изменения, т. е. тем самым деривационный тропообразование процесс осуществляется далее, за пределами текста-источника. Здесь же сразу оговорим нетерминологичность понятия «диалог», используемого по отношению к интертекстуальным взаимоотношениям метафор. Понятно, что этот «диалог» чаще всего односторонний,

¹ Более подробно проблема соотношения интертекстуальности и прецедентности освещается в книге А. Д. Васильева [Васильев 2013], коллективной монографии «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» [Интертекстуальность 2015, с. 52–70] и др.

² Частично данная задача нами уже решена в пп. 1.2.2–1.2.5, где рассмотрены метафорические контексты в протяжённости от минимального (словосочетания) до границ целого текста (текста-тропа, текста-метафоры).

это – если далее развивать образную параллель – не «обмен репликами» участников общения, а «отклик» одного из них на реплику другого, причём такой «отклик», который чаще всего уже не может быть услышан «собеседником» и остаётся, таким образом, без очередной ответной реплики.

«Диалог» метафор – одно из наиболее интересных частных проявлений возникающего в культурном пространстве «диалога» текстов, о котором в своё время писал М. М. Бахтин [1986, с. 120–121]. В. И. Фатющенко [1966, с. 14], рассматривая явление «диалога» метафор у В. Маяковского, вслед за Юрием Олешей прибегает к термину «театр метафор» и приводит в качестве характерного примера отрывок из стихотворения «Разговор с фининспектором о поэзии» [ПА-125].

Интертекстуальное поле межкультурного метафорического диалога может быть большее или меньшее обширным, протяжённым. В нём можно обнаружить следующие типы взаимодействий [см.: Хаками 2007, с. 9]:

а) текст – фрагмент текста (П. Макаль «Слова пра слова» [ПА-126] – В. Маяковский «Во весь голос» [ПА-127]);

б) текст – текст (Я. Смеляков «Если я заболею...» [ПА-47] – В. Коризна «Ты мне заспявай» [ПА-128] и др.);

в) текст – совокупность, объединение текстов (например, стихотворение В. Стрижака «Падбязрозавік» [ПА-129] имеет опору на ряд ключевых мотивов поэтического творчества С. Есенина). Ср.: «Продолжаясь за пределами отдельно взятого текста поэтического произведения, поэтическая текстовая диалогичность может объединять целые группы ... текстов, отстоящих друг от друга на весьма значительные промежутки времени и демонстрирующих в то же время актуальность темы, развиваемой авторами-поэтами, которые вступают в виртуальный диалог друг с другом на интертекстуальных основаниях» [Соловьева 2007, с. 9].

В интертекстуальном пространстве белорусского и русского поэтических дискурсов наблюдаются два типа «диалогов» с участием метафор.

4.2.1. Диалог «неметафора» – «метафора»

Первый тип – это диалог «**неметафора** – **метафора**», когда словесный метафорический образ в последующем тексте формируется на базе неметафорического образа прецедентного текста. Ср.: ... *и днём и ночью / шар учёный / всё ходит / вокруг своей оси* (С. Кирсанов); *Ня люблю я золкага надвор'я, / Холад працінае да касьці. / Мой вучоны кот ля лукамор'я / Не жадае ў ланцугу ісьці.* (Р. Крушына); *За табой, як кот вучоны, / Я ішоў па ланцугу* (Ф. Гурыновіч). Образ учёного кота, будучи сказочным в прецедентном, пушкинском, тексте, становится основой для создания компаративных тропов в цитируемых произведениях С. Кирсанова, Р. Крушины и Ф. Гуриновича.

Заметим, что текст, служащий в подобных случаях источником реминисценций, – это зачастую текст сказочного или фантастического жанра.

Помимо приведённого примера, можно также указать на стихотворения Е. Евтушенко «Золушка» [ПА-130], «Сказка о репке» [ПА-131] П. Макаля «Забіўшы бога...» [ПА-132] и нек. др., метафорический план которых сформирован на базе известных сказочных сюжетов (ср. заглавия этих стихотворений).

Метафорообразующие реминисценции из произведений именно сказочного жанра во вновь продуцируемых текстах, по-видимому, характерны в силу близости метафоры и сказки (фантастической ситуации), по причине наличия «общих зон» у этих способов отражения мира, о чём уже говорилось в главе 2.

Выходящие в интертекст метафоры нередко строятся на базе прецедентных литературных онимов: *Вясковы ранак – як маленства, сонечны, / І беларускі – як усмешка Пімена* (Н. Гілевіч); *И этот прыгающий шаг / Стиха живого / Тебя смущает, как пиджак / С плеча чужого. / Известный, в сущности, наряд, / Чужая мета: / У Пастернака вроде взят. / А им – у Фета* (А. Кушнер); *Плисецкая – Цветаева балета. / Ее ритм крут, взрывен* (А. Вознесенский).

Нередко подобного рода метафорика становится текстообразующей, ср.: [ПА-133; ПА-134; ПА-135; ПА-136].

Подобные интертекстовые тропы характерны для метафорического воплощения образов лирических героев, и в первую очередь – лирического субъекта при создании автометафоры¹, ср.: *Я – Гамлет. Холодеет кровь, / Когда плетёт коварство сети, / И в сердце – первая любовь / Жива – к единственной на свете* (А. Блок); *Я ня слаўны Ленскі, / Ты-ж і не Тацяна... / Родам я з-над Менску... / Часта, часта п'яны* (М. Кавыль); *Я – Хрыстос неіснуючы, / Створаны ў муках людзей* (Т. Кляшторны).

4.2.2. Диалоги метафор

Второй тип интертекстуального диалога с участием метафоры – собственно «диалоги метафор», т. е. тот случай, когда во вновь созданном тексте имеет место воспроизведение именно прецедентного метафорического образа, источник которого с той или иной степенью точности авторизации способен идентифицироваться². Ср., например: *Слаўлю я слова свінцова-важкое, / што ратавала людзей ад агню, / неперажожае слова, якое /*

¹ Подробнее о метафорическом воплощении коммуникантов как фигурантов тексто-дискурсивной модели (в том числе об автометафорах и фактах их диалогичности) речь пойдёт в следующей главе.

² Здесь ещё раз отметим не всегда имеющуюся возможность абсолютно точно разграничить собственно интертекстуальные отношения и реализацию архетипов, устойчивых формул, образных парадигм, например, в случае, на который обращает внимание Н. В. Кузьмина: «Если к тому же личность поэта оказывается достаточно сильной (высокая собственная энергия), то поэтическая формула в данном ее языковом воплощении приобретает печать авторства. Это, например, фактически произошло с сочетанием *телега жизни*, которое генетически восходит к метафорическому архетипу ЖИЗНЬ – ДВИЖЕНИЕ, но в современном (послепушкинском) поэтическом сознании живет как пушкинская цитата» [Кузьмина 1999, с. 107–108]. См. также: [Григорьева 1969].

брала любую ў баі вышыню (П. Макаль). Эти строки имеют интертекстуальную опору на стихотворение В. Маяковского «Во весь голос», ср.: *Стихи стоят / свинцово-тяжело, / готовые и к смерти / и к бессмертной славе*. Ср. аналогичный пример, где прецедентный метафорический образ восходит к «Медному всаднику» А. С. Пушкина: *Упала зорачка мая / на воды цёмныя патопу; / і з поля зроку знік маяк, / што асвятляў акно ў Еўропу* (І. Лагвіновіч).

Как уже отмечалось, интертекстуальное поле «диалога» метафор может быть большим или меньшим по объёму и протяжённости. Так, «диалогические» отношения могут устанавливаться между метафорами, принадлежащими одному идиостиллю, в чём реализуется так называемая автоинтертекстуальность¹ с участием метафор, а сами метафорические образы такого рода выполняют функцию автоинтертекстом². Ср., например, стихотворение А. Вознесенского «Эрмитажный Микеланджело» [ПА-137].

Tertium comparationis, лежащий в основе данной текстообразующей метафоры, раскрывается в другом произведении поэта – «Мой Микеланджело» [ПА-138].

Данный пример демонстрирует минимальное пространство интертекстуальных отношений метафор – контекст творчества (идиостиль) одного автора.

Подобные, сквозные, метафоры (или, по крайней мере, более одного раза встречающиеся у одного и того же поэта), не считая архетипических и традиционных метафорических формул (иными словами – индивидуально-авторские), встречаются у большинства поэтов. В большинстве случаев факт их повторяемости работает, с одной стороны, на семантическое обогащение данного тропеического образа, а с другой – на увеличение степени его прояснённости, ср.: *І перад вамі, як адбіткі пальцаў, / Паўстануць буйна ўсе мацерыкі* (П. Макаль, «Адбітак пальцаў») →

¹ «На основе маркеров автоинтертекстуальности в тексте может быть описано взаимодействие речевых произведений одного автора не только на текстовом уровне, но и “расслоение” авторского “Я” и автокоммуникационное взаимодействие его различных ипостасей. Автоинтертекстуальность объективирует в языковой структуре создаваемых автором текстов индивидуально-авторские концепты, формирующиеся на основе мировоззренческих позиций, взглядов и представлений автора о реалиях действительности и о собственном творчестве. (...) По критерию структурности, т. е. синтагматической интеграции претекста в новый текст, автоинтертекстуальность выступает в виде референциальной или текстотипологической автоинтертекстуальности: (а) референциальная автоинтертекстуальность устанавливается в результате смыслового и формально-языкового взаимодействия отдельных элементов текстовых структур и актуализируется в виде автоцитат, автоаллюзий и языковых формул; (б) текстотипологическая автоинтертекстуальность, предполагающая артикуляцию писателем образца собственного представления об определенном жанре и его дальнейшее использование как основы для структурно-содержательного построения ряда текстов аналогичного жанра, реализуется в повторяющихся композиционно-речевых моделях текстового построения в различных речевых произведениях одного автора» [Филиппова 2013, с. 5].

² Интертекстема – «межуровневый реляционный (соотносимый) сегмент содержательной структуры текста (...), вовлечённый в межтекстовые связи» [Сидоренко 1999, с. 11].

Дзяржаўна ўздымуць золак сцяга ўранку / Пяць дружных пальцаў – пяць мацерыкоў! (П. Макаль, «Адбітак пальцаў») → *Нябёсы воч – / блакіт бяздонных тоняў, / Турботай затуманены пагляд, / Скуластыя мацерыкі далоняў, / Прычальны родны бераг немаўлят...* (П. Макаль, «Быў у зялёным загсе...»).

Поэтический текст может становиться и полем «диалога» метафор, принадлежащих разным идиостилям, выходящего, таким образом, в контекст национального стиля. Ср.: *Куда, пути не различая, / ты понеслась по крови луж, / Русь – птица-тройка чрезвычайки, / кренясь от груза мёртвых душ?* (Е. Евтушенко).

Данная развёрнутая метафора представляет собой повторное использование известного символично-метафорического образа Руси – птицы-тройки из поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Примечательно и то, что в отношении «диалога» здесь вступили метафоры, разделённые и пространством (принадлежностью идиостилям разных авторов), и временем (отдалённостью друг от друга целым столетием). К слову, бессмертный гоголевский образ неоднократно воспроизводился в тех или иных модификациях поэтами XX века, ср.: *Эх, птица-тройка! / Не с того ли / нам век тревожили сердца / и скрип полозьев в зимнем поле, / и чудный звон колокольца?!* (С. Викулов, «Россия»); *На свете существуют толки / Различные на этот счёт... / Но пафос бесшабашной тройки / Меня по-прежнему влечёт...* (Е. Винокуров, «Катанье на тройке»).

В неменьшей степени подобная диалогика ключевых идиостилевых метафор характерна для белорусского поэтического дискурса. Ср.: *Беларусь ты мая, Беларусь, / Няугасная зорка Вэнэра, / Я агнём тваім вечным гару, / У тваё уваскросаньне веру.* (М. Кавыль); *Далёка Радзіма, як зорка Венэра, / Якая заўсёды ўначы прад вачыма* (В. Шніп); *На жніве, / Ля ракі, / У трамваі – / Паглядзі – / Прыгажунь не злічыць. / То – нібы сон-трава баравая, / То – як зорка Венэра ўначы....* (Г. Бураўкін) и др. Как видно из приведённых примеров, тропообразующим здесь стал образ богдановичской *зоркі Венеры*.

Реже отмечаются и факты совмещения в одном тексте двух названных выше видов интертекстуального функционирования метафоры, когда последняя обнаруживает «диалогическую» (деривационную) связь как с прецедентными образами данного автора, так и с образами идиостилей других авторов. Например, в тексте «Грифельной оды» О. Мандельштама, построенном на развёртывании державинской метафоры *река времён* (у Г. Державина она выступает как текстообразующая в известном восьмистишии «На тленность»), имеет место и развитие его собственных метафорических мотивов, в частности, из стихотворений «Я не знаю, с каких пор...» и «Чуть мерцает призрачная сцена...» [Семенко 1985, с. 119].

В стихотворении Р. Бородулина «Аляксею Пысіну на 60 гадоў» («Да бога збірайся, а жыта сей!...») [ПА-139] подобным же образом воспроизводятся ключевые метафорические образы А. Пысина, маркированные

лексемами *сейбіт*, *жыта*, *зярняты*, *касьба* и др. Однако метафоры, основанные на перечисленных и им подобных образах-лексемах, в целом высокочастотны у многих белорусских поэтов, в том числе они показательны и для самого Р. Бородулина (ср., например: *Слоў калоссе / Зажынала* дбала; *З аблачыны жыта нябёсам / Усміхаецца горка / Васілёк* – залётная зорка; *Дзе чэзнуць дзён зярняты / З далоні Пана Бога; І зоркі, й мы / З адной сяўні, й адзін / Зярняты сейбіт* *высяваў шчымліва*).

4.2.3. Жанрово-стилистический аспект диалога метафор

Как отмечалось выше, метафора, выступающая в качестве принципа организации текста, формирует особый жанротип художественных, прежде всего поэтических, текстов. При этом текстообразующий троп (а следовательно, и сам текст-троп) проявляет ряд устремлений в сторону общелирических жанров, видов, типов текстов (в частности, философской лирики, пейзажной и пейзажно-философской лирики, так называемой «научной» поэзии и нек. др.).

Подобного рода выходы на определённые, специфические, жанрово-тематические разновидности демонстрируют и те поэтические тексты, в качестве «несущих структур» которых выступают интертекстовые метафоры. «Идея текстовой диалогичности кажется исключительно привлекательной, а по отношению к некоторым типам текста настолько существенной, что даже представляется допустимым признать ее текстовой категорией. Подобная ситуация в высшей степени характерна для поэтического текста, в котором автор (поэт) наиболее явно проявляет свое желание видеть перед собой собеседника, к которому он обращается в самых различных вариантах» [Соловьева 2007, с. 3].

Соглашаясь с приведённым выше положением об имманентно присущей поэтическому дискурсу диалогичности как особой категории, обратим внимание на то, что, по крайней мере, о двух поэтических жанротипах текстов, с которыми обнаруживает корреляцию интертекстовая метафора, можно говорить как **собственно** диалогичных, возникших как своего рода ответные реплики на прецедентные тексты (образы). Это 1) тексты, посвящённые поэтами коллегам по «поэтическому цеху», и 2) тексты пародийного жанра. Если для метафорического плана первых интертекстуальные связи весьма высоковероятны, то для метафорики вторых они являются облагаторными, поскольку пародия – это жанр, непосредственно основанный на «диалоге» текстов (идиостилий) [Хаками 2007].

Привлечение «вертикального контекста» в произведениях, посвящённых тем или иным поэтам и писателям, диктуется стремлением актуализировать в сознании читателя те составляющие «образа автора» (в понимании В. В. Виноградова), которые видятся творцу вновь создаваемого текста-отклика в качестве важнейших, доминантных. Именно поэтому обычно воспроизводятся «сквозные», узнаваемые метафорические образные мотивы других поэтов. Ср., например, следующее метафорически структуриро-

ванное построение из стихотворения С. Кирсанова: *Гвардия стихов / теперь в гвардейской части, / в ста боях прошла / тяжёлая броня. / Мой читатель / броневые части / отливал в Магнитогорске / для меня* («Танк “Маяковский”»). Данный отрывок представляет собой реминисценцию одного из стержневых метафорических концептов В. Маяковского «поэзия – оружие» [Морыганов 1998]: *Парадом развернув / моих страниц войска, / я прохожу / по строчечному фронту. / Стихи стоят / свинцово-тяжело, / готовые и к смерти, / и к бессмертной славе...* («Во весь голос»). Метафора Маяковского, как видно, дополнена новыми, дополнительными «шагами» развёртывания (*броня, танк*). При этом общее семантическое пространство прецедентной метафоры С. Кирсановым полностью сохранено (образ концептуально не переосмыслен).

В стихотворении М. Арочки «Каля магілы Максіма Багдановіча» [ПА-140] (которому предшествует эпиграф – строка из знаменитого стихотворения белорусского классика *Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі...*) ряд богдановичских символично-метафорических образов становится основой индивидуально-авторской метафорики поэта-последователя (в приведённом в приложении тексте они выделены жирным шрифтом).

Особой формой воплощения интертекстовой метафоры является её функционирование в текстах-пародиях.

Высказанные выше аргументы и положения о «родственной» связи интертекста и тропа дополним в связи с этим обращением к одной из работ В. П. Скобелева [Скобелев 1996], отметившего столь же тесную связь троповости и пародирования. В основе того и другого, по мнению учёного, лежит «единство зависимости и самостоятельности (по принципу: близко, даже похоже и в то же время здесь есть нечто своё)». И далее В. П. Скобелев отмечает: «Разумеется, наиболее родственны пародированию в его динамической сущности развёрнутое сравнение (на уровне фабулы) и развёрнутая, “разматывающаяся” метафора (на уровне сюжетно-композиционной целостности). Они так же способны “разматывать” свой сюжет, как “разматывает” свой сюжет пародирование» [Скобелев 1996, с. 56].

В качестве объектов пародирования могут выступать разные по протяжённости и по степени «опознаваемости» метафорические контексты – от локальных текстовых отрезков до чрезвычайно широких континуумов (идиостилей и даже национального стиля), от конкретных метафорических образов до идиостилевой (жанровой, национально-стилевой) метафорики.

Так, например, объектом пародирования послужил известный текст-метафора А. Вознесенского «Я – семья» [ПА-141].

Пародию на эту автометафору А. Вознесенского написали Л. Лазарев, С. Рассадин и Б. Сарнов [ПА-142].

Как видно, пародия сделана на конкретную метафору (в данном случае текст-метафора) конкретного автора.

То же можно сказать и о пародии Л. Филатова на другую известную автометафору А. Вознесенского: *Знаменитости стояли в очереди особняком. Банионис кричал: «Я – Гойя!»*. *Ему не верили. Все знали, что Гойя – Я.*

Пародии на аналогичные индивидуальные автометафоры широко представлены и у белорусских пародистов. Ср., например, пародию под названием «Ванна з капрызам», которую Иван Малец написал на Р. Тармола-Мирского [ПА-143].

Чаще всего поводом для создания пародийного текста становится какое-либо свойство прецедентного тропеического образа, уловленное пародистом с большей или меньшей степенью объективности, в частности, степень эстетического совершенства, новизна и оригинальность либо, наоборот, банальность, избитость и пр. Ср., например, [ПА-144].

Интертекстуальные отношения пародируемой метафоры с пародирующим контекстом могут приводить и к эффекту «реализации метафоры» – её прямому прочтению, приводящему к трансформации тропа в гиперболизированно-нелепую (фантастическую, сказочную) фабулу текста. Обычно к такому приёму пародисты прибегают тогда, когда та или иная ассоциация производит впечатление сомнительной по разным качествам (точности, оригинальности, оправданности, эстетическому критерию и т. д.). Так, метафорический образ в завершающей строке четверостишия Э. Рязанова стал объектом подобного пародирования А. Пьяновым [ПА-145]. Не менее показателен аналогичный пример из белорусской поэзии – [ПА-146].

Становиться объектом пародии, как было отмечено, могут и метафоры, ассоциирующиеся с более широкими контекстами, в частности, с идиостилиями. Один из характерных способов пародирования при этом – иллюстрация того, как те или иные авторы раскрыли бы определённую тему, передали бы известный сюжет и т. п. Можно, в частности, вспомнить такие пародийные циклы, как «Парусиада» (Вариации на тему «Белеет парус одинокий») В. Бахнова, «Таганка-75», «Вариации на тему мультфильмов “Ну, погоди!”» и «Вариации на тему сказки Корнея Чуковского “Муха-цокотуха”» Л. Филатова, «Вясёлая касавіцца» (вариации на тему белорусской народной песни «Касіў Ясь канюшыну» о том, как бы её написали белорусские поэты) и др. Понятно, что здесь пародируются уже не столько конкретные тексты (а следовательно, и тропы) тех или иных авторов, сколько доминанты их идиостилей, среди которых своё место по праву занимают и метафоры, ср.: *Который день – и явно, и во сне – / Меня томит нежданная забота: / Я поняла, что появилось что-то / Неизлечимо заячьё во мне. / Среди нетонко чувствующих масс / Меня одну гневил и бесила / И гнусная безнравственность бензина, / И пошлая разнузданность пластмасс. / Комфорт, что прежде мной был так ценим, / Мне опостылел, ибо я открыла: / Неискренность мочалки, подлость мыла / И унитаза явственный цинизм.*

Приведённые строки – отрывок из стихотворения-пародии, входящего в пародийный цикл Л. Филатова «Вариации на тему мультфильмов “Ну, погоди!”». И именно метафорические построения (подчёркнутые фрагменты текста) здесь выступают наиболее сильными опознавательными

знаками воспроизводимого пародией поэтического идиостиля Б. Ахмадулиной (ср. некоторые метафоры «оригинала»: *причастий шелестящих пресмыканье; сиротство саженцев окрепших; нежности моей закаменелость*).

Приведём пример из белорусского поэтического дискурса, где объектом аналогичного пародирования становятся характерные для пародируемого автора лексические новообразования (окказионализмы)¹, см.: [ПА-147].

Наконец, пародироваться может метафорическая архитектура таких контекстов, как литературные направления, стили, жанры. Например, у Вл. Соловьёва есть три знаменитые пародии на стихотворные тексты символистов. В каждой из них, по наблюдению В. И. Новикова, непосредственным объектом пародирования становится какой-либо приём из художественного арсенала символистов. И в частности, в одной из этих пародий таким приёмом оказалась метафора, а именно «зоологическая» генитивная метафора (толчком послужила строка *Собак секретного желанья*, обнаруженная Соловьёвым в брюсовском переводе из Метерлинка) [Новиков 1989, с. 402]: *Но не дразни гиену подозренья, / Мышей тоски! / Не то, смотри, как леопарды мщенья / Острых клыки! / И не зови сову благоразумья / Ты в эту ночь! / Ослы терпенья и слоны раздумья / Бежали прочь. / Своей судьбы родила крокодила / Ты здесь сама.*

Интересно, что, откликаясь пародией на конкретную метафору, Вл. Соловьёв создал пародию на метафорику гораздо более широкого контекста – символизма как литературного течения². Однако если такое намерение было у поэта изначально, то уж точно Соловьёв не мог знать того, что со временем его пародия сможет восприниматься как «диалог» с ещё более широким контекстом – контекстом русского поэтического стиля, в котором подобные метафорические построения тесно закрепятся с приходом целого ряда поэтов, например, Л. Мартынова. [Новиков 1989, с. 404]. Характерно, что в одной из работ, посвящённых генитивным метафорам, среди функций и значений генитива выделяется «родительный пародирования», иллюстрируемый автором исследования – М. Ю. Михеевым – примером из А. Чехова: *Повесьте ваши уши на гвоздь внимания* [Михеев 2000, с. 63–64].

4.2.4. Способы развёртывания метафоры в интертекстуальном континууме

Переходя из текста в текст, продолжая свою жизнь в интертекстовом пространстве родной, а в ряде случаев – и неродной, лингвокультуре, тот или иной вербальный метафорический образ может подвергаться различным структурно-смысловым преобразованиям.

¹ Об особом, звуко-слоговом и морфемном типах интертекста, а также заимствованиях отдельных поэтических приёмов см., в частности: [Фатеева 2003, с. 155–158].

² Ср.: «Лингвистическими сигналами интертекстуальной соотнесенности с языком символизма является здесь типичное для символизма пристрастие к метафорам, оксюморонам, повторению строк» [Чернявская 2009, с. 104].

Одним из самых характерных и интересных случаев является развёртывание прецедентной метафоры по принципу её превращения из бинарной (отправной, минимальной) в «веерную». Два выделенных и описанных нами выше типа «веерных» метафор (п. 1.2.3) обнаруживаются и в процессе выстраивания интертекстуальных отношений метафор исходного и производного текстов, в том числе и на уровне целых текстов.

1. Дополнение метафоры исходного текста следующим шагом развёртывания, т. е. трансформация структурного типа $A = B$ в структурный тип $A = B_1, B_2..B_n$.

Так, в стихотворении В. Брюсова «Кинжал», строящемся на реминисценции лермонтовского образа *кинжал – поэт* («Поэт»), данный прецедентный образ получает следующую ступень развёртывания, метонимически связанную с исходной ассоциацией: *кинжал – поэзия*, ср. заключительное четверостишие текста: *Кинжал поэзии! Кровавый молний свет, / Как прежде, пробежал по этой верной стали, / И снова я с людьми, – затем, что я поэт. / Затем, что молнии сверкали.*

Аналогичным образом развёртывается исходная метафора прорастания зерна как символа народного духа, воходящая к классическому стихотворению М. Богдановича, в тексте-посвящении поэту, принадлежащем М. Арочке [ПА-140].

В заключительной части приведённого текста метафорический образ прорастания применяется к самому поэту: поэт-классик «прорастает» в поэте-современнике.

Г. Буравкин, откликаясь на метафору Пимена Панченко *На письмовы стол, / Нібы на плаху, / Болей / Галавы не накладу*, дополняет её новыми шагами развёртывания: письменный стол – суровый судья; письменный стол – придорожная трава, ср.: *Колькі ні клянi свой стол письмовы, / Колькі ні хавайся ў сiні сад, / Усё роўна, / як суддзя суровы, / Зноў вяртае ён цябе назад. / I, быць можа, ў тым зямное ичасце, / Каб, / высока ўзняўшы галаву, / На письмовы стол яе накласці, / Як на прыдарожную траву.*

Подобный способ развёртывания метафоры в интертекстовом пространстве нередко функционирует в виде «спора метафор» [Харченко 1989, с. 138], когда концептуальная составляющая прецедентного метафорического образа подвергается во вновь продуцированном тексте переосмыслению и/или оспариванию¹.

Особенно насыщенной подобными «спорами метафор» стала эпоха Серебряного века и последующие за ней десятилетия, вплоть до наших дней. Общей предпосылкой к этому стала утрата единого мировоззренческого и эстетического центра в социокультурном пространстве.

Вся литературно-художественная традиция XX столетия, начиная с «серебряного века», основана на диалоге и взаимодействии различных направлений и течений, прежде всего – поэтических. Культурная ситуация

¹ Ср.: «Реализация интертекстуальных смыслов очень разнообразна – от преемственности до конфронтации» [Муратова 2014, с. 32].

начала прошлого столетия поражала обилием талантов, многообразием художественных поисков, концептуальной полемикой стилей – текстов – творцов. Важно отметить то, что такие – переломные, рубежные – эпохи всегда несут в себе «определенный сгусток возможных, потенциальных, содержащихся в зародыше, в свернутом виде тенденций, которые могут получить свое полноценное развитие далеко не сразу, обладают некоей, если можно так выразиться, отсроченной актуальностью» [Пахсарьян 2004, с. 16–17]. Данный тезис подтверждается и последующей поэтической традицией: тексты, вновь создаваемые каждым из поэтов этой эпохи, испытывали на себе заметное интертекстуальное влияние, будучи включенными в культурные диалоги и полилоги.

«Спор» метафор можно определить как контрастивную оппозицию в реализации интертекстовых отношений, когда происходит отрицание смыслов (концептуальных, эстетических, идеологических и пр. установок) претекста [Хаками 2007]. Эпицентром таких столкновений очень часто становятся именно тропеически структурированные словесные образы.

Отношения контрастирующей семантики могут устанавливаться как между текстами разных авторов, так и между произведениями, принадлежащими одному поэту. Например, такие отношения можно наблюдать между двумя стихотворениями М. Цветаевой, одно из которых посвящено О. Мандельштаму – «Никто ничего не отнял...» (1916), а второе – Б. Пастернаку – «В мире, где всяк...» (1924). В обоих поэт сравнивает свой дар с талантом названных мастеров слова. Однако в случае с О. Мандельштамом она говорит о его превосходстве, а творчество Б. Пастернака оценивает как равновеликое своей поэзии: *Я знаю, наш дар – неравен, / Мой голос впервые – тих. / Что вам, молодой Державин, / Мой невоспитанный стих!* (1916) ~ *Знаю – один / Мне равносилен. / Знаю – один / Мне равномогущен. / Знаю: один / Ты – равносущ / Мне* (1924). Таким образом, два текста М. Цветаевой контрастируют относительно общего семантического наполнителя «отношение к творчеству современников».

В качестве примера оппозиции метафорических контекстов с контрастирующим значением приведём диалог фрагмента текста поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» «Единица – вздор, / единица – ноль...» со строками Е. Евтушенко из стихотворения «Забастовка сердца», где Евтушенко вступает в полемику с Маяковским: *Народа стержень – это единицы. / Из личностей народ – / не из нулей.* За этой оппозицией кроется разница в идейно-эстетических взглядах двух поэтов, разделенных временем. Из аналогичных примеров можно привести и диалог стихотворений В. Маяковского «Сергею Есенину» (1926) и С. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925): *В этой жизни / помереть / не трудно. / Сделать жизнь / значительно трудней – В этой жизни умирать не ново, / Но и жить, конечно, не новей.*

«Спор» метафор может организовываться по принципу трансформации формулы $A = B$ в формулу: $A \neq B, A = C$. Так, например, Демьян Бедный

в стихотворении «Просты мои песни» [ПА-148] спорит с метафорическим концептом поэзии, характерным, в частности, для романтической поэзии, который для автора олицетворяет аполитичную поэзию. Строка, содержащая отрицательную предикативную метафору *Не свирелью был стих мой – трубой*, является ключевой в стихотворении с точки зрения отношения данного текста к интертексту.

Аналогичный пример – фрагмент стихотворения М. Метлицкого, приводимый ниже, предваряемый строкой М. Танка *Дарога, закалыханая жытам...*, ср.: *Не жытам – пасівелым палыном / Дарога закалыханая. / Сном пакутна-даўка цэдзяца мінуты. / І я, астатні стомлены хадок, / Дарогай уздымуся на грудок, / Прастор агледжу, встрамі прадзьмуты.*

Следующие далее примеры из белорусской поэзии основаны на метафорическом отрицании библейской формулы «В начале было слово...», ср.: *Спачатку ўсё ж быў хлеб, / а потым – слова. / Спакон быў чалавечай мовай хлеб. / Пакладзены на стол, / па-роўну разламаны, / як мудра ён яднаў плямёны, / свет людзей!* (М. Арочка); *Было спачатку слова? / Ды не, зусім не так. / Быў позірк выпадковы, / і быў міжвольны знак...* (Ю. Кісялеўскі).

Крылатая фраза, одна из наиболее примечательных лингвокультурем советской эпохи «*Призрак бродит по Европе...*», стала отправной для развёртывания текста стихотворения П. Макаля [ПА-149], в котором концептуальная составляющая исходного метафорического образа подвергается трансформации в сторону её негативизации и отрицания.

Аналогичный ход в развёртывании метафорического образа с включением прецедентного текста у находим Л. Мартынова в стихотворении «*Месяц-Отрок...*» [ПА-150]. Здесь обнаруживаем отношения отрицания некоторых составляющих прецедентного, есенинского, образа: *Нет, / Не мёд / Из космических сот...*, однако это отрицание уже не концептуального (идеологического) порядка, а, скорее, эволюционного. Есенинский метафорический образ (*месяц-отрок*) здесь подвергся развитию по закону метафорической экспансии [Кузьмина 1999, с. 201]¹, выразившемуся в его дополнении такими образными атрибутами поэзии 60–70-х годов, как *космос, скафандр, азот, кислород* и пр.

Аналогичные структурные преобразования прецедентных метафорических образов лежат в основе близкого к «спору» метафор явления, которое можно назвать уточнением метафорического концепта. Ср. стихотворение

¹ «Закон метафорической экспансии гласит: если в определенный период актуализируется некоторый комплекс идей, то к традиционной поэтической парадигме «притягиваются» новые слова из той же когнитивной области, однако не освященные традицией употребления в поэтическом языке. Так, наряду с традиционными номинациями жизни-пространства путь, дорога, тропа, стезя у А. Блока появляется железная дорога, у В. Брюсова железный путь, у А. Белого шоссе, у Блока шоссеиная дорога. Видимо, можно предположить и дальнейшее пополнение этой парадигмы, если данный семантический признак будет оставаться актуальным в другое время: гаревая дорожка, велотрек, мотодром, взлетная полоса, космодром и даже дорога в виртуальном пространстве компьютерной игры» [Кузьмина 1999, с. 201].

А. Межирова «Напутствие» [ПА-151], в котором поэт, не отрицая концептуальной составляющей прецедентной метафоры «поэзия – оружие», адресующей прежде всего к идиостиллю В. Маяковского, всё же ограничивает семантический объём данной метафоры, говоря, что поэзия – это оружие, но оружие не любое: *Но, за существование борясь, / Не превращай поэзию в оружие. / Она в другом участвует бою...*

У Е. Евтушенко в стихотворении, посвящённом С. Есенину, находим соединение отношений сближения диалогизирующих смыслов и их контрастной оппозиции в пределах единого образного контекста: *...любой из нас хоть чуточку Есенин. / И я Есенин, / но совсем иной. / В колхозе от рождения конь мой розовый. / Я, как Россия, более стальной / и, как Россия, менее берёзовый.*

Сходные мотивы звучат в приводимом ниже стихотворении Е. Лось «Свой Купала» [ПА-152], посвящённом белорусскому классику.

В стихотворении белорусского поэта М. Дуксы подобное уточнение (по сути – частичное оспаривание) исходной метафоры реализуется в форме диалога с поэтом-предшественником [ПА-153].

Посредством контрастирующих метафор в ряде случаев выражается реакция поэтов на автометафоры их собратьев по перу. Ср. известный отклик Б. Ахмадулиной на автометафору А. Вознесенского, построенный в виде «спора» метафор: *Оторопев, он свой автопортрет / сравнил с аэропортом – / это глупость. / Гораздо больше в нём азарт и гулкость / напоминают мне автопробег («Мои товарищи»).*

2. Посттекстуальное развёртывание метафоры по принципу её превращения из бинарной (двучленной) в веерную (интегрирующую), т. е. из $A=B$ в $(A_1, A_2... A_n) = B$: *Танки идут по Праге / в закатной крови рассвета. / Танки идут по правде, / которая не газета. / Страх – это хамства основа. / Охотничьи хари, / вы – это помесь Ноздрёва / и человека в футляре. / Совесть и честь вы попрали. / Чудищем едет брюхастым / в танках-футлярах по Праге / страх, бронированный хамством (Е. Евтушенко).*

Как видно, Е. Евтушенко использовал для создания нового метафорического образа (*танки-футляры*) знаменитую чеховскую метафору-символ *человек в футляре*, в результате чего метафорический образ *футляра* (В) стал интегративным по отношению к *человеку* (A_1) и *танку* (A_2).

В стихотворении белорусской поэтессы Нины Матяш «Адному сяброўству» наблюдается реализация сходной модели интертекстовой деривации, при этом метафоризируемые понятия A_1 (*добрыя парыванні*) и A_2 (*сяброўства*) находятся в родо-видовых отношениях, иначе говоря, производная метафора (Нины Матяш) становится уточняющей, детализирующей по отношению к исходной метафоре А. Вертинского, заявленной в эпиграфе: *Добрыя нашы ўсе парыванні, / Як кветкі, хочуць, каб іх палівалі...* Н. Матяш в своём тексте сравнивает с растениями, желающими расти, дружбу: *Час аддаляе нас. / Але ці час вінаваты, / Што ў нас аказалася*

небагата / Душэўнай руплівасці не напаказ? / Сяброўства зялёнае каліўца / Яшчэ не зусім засохла / І хоча расці высока, – / Няўжо яно ў нас ашукалася?!

3. Наконец, прецедентная и вновь созданная на её основе метафоры могут расходиться на уровне *tertium comparationis* (интегральных семантических множителей) А и В-элементов. Ср. у А. С. Пушкина: *Как весело стихи свои вести / Под цифрами, в порядке, строй за строем, / Не позволять им в сторону брести, / Как войску, в пух рассыпанному боем!* («Домик в Коломне»). Приведённый контекст позволяет выделить такие интегральные семы для понятий *стихи* и *войска*, как 'чёткость', 'гармония', 'упорядоченность'.

Та же ассоциация (стихи – войска) является одной из доминантных в поэзии В. Маяковского, однако последний, в отличие от Пушкина, актуализирует другие интегральные семы, сближающие в его представлении поэзию и оружие – 'сила', 'действенность', 'острота' и т. п. Справедливости ради, оговоримся, что в данном случае мы, по-видимому, имеем дело не с собственно интертекстуальными отношениями двух метафор (хотя и категорически отрицать это тоже нельзя); скорее всего, приведённый пример – это образец функционирования образной парадигмы (*творчество – оружие*) в терминологии Н. В. Павлович. Тем не менее законы развёртывания метафоры, как было показано ранее, являются универсальными, что и обуславливает корректность приведённого примера.

Весьма сходным в этом плане является диалог двух стихотворений белорусских поэтов – В. Дубовки [ПА-154] и Л. Рублевской [ПА-155]. Прецедентный метафорический образ «Беларусь – мая шыпшына», принадлежащий В. Дубовке, в контексте строк Л. Рублевской трансформируется на уровне интегрального семантического признака: *зялёны ліст, чырвоны цвет* (У. Дубоўка) → *Ня цьвет чырвоны, а крывавы сьлед* (Л. Рублеўская), что приводит к упоминавшемуся выше эффекту «спора метафор».

4.3. Поэтическая метафорика в межкультурном (белорусско-русском) интертексте

Близость белорусской и русской поэтических традиций на тематическом и образном уровнях отмечалась неоднократно. Е. Ю. Муратова отмечает: «Дискурсивный анализ русских и белорусских поэтических текстов раскрывает общность тем, жизненных реалий, мировоззренческих ценностей, отражённых в поэзии двух народов, что объясняется во многом общей историей, близким родством языков, географическим соседством» [Муратова 2009, с. 212].

Многие исследования, в первую очередь отечественных филологов, посвящены тому огромному влиянию, которое русская литература (и поэзия в частности) оказала влияние на белорусскую [Гируцкий 1990; Лапицкая 1993; Ларчанка 1958; Міхневіч 1990 и др.].

А. А. Гируцкий отмечает следующее: «Лучшие мастера белорусской литературы, и в первую очередь Я. Купала и Я. Колас, давали образцы мастерского использования средств русского языка в своих художественных произведениях. Из русского литературного языка они старались брать только самое необходимое, обусловленное идейно-эстетическими целями задачами произведения. Мастера пера добивались гармонизации различного языкового материала, обращаясь преимущественно к таким средствам русского языка, которые не противоречили белорусскому национальному языковому материалу, органично вписывались в белорусское языковое русло. Широко использовались ими также заимствования из русского языка для обозначения понятий, которым в белорусском языке еще не было лексических соответствий» [Двуязычие 2012]. Этот же учёный в продолжение темы взаимодействия языков и литератур говорит о нём как особом художественном средстве: «Однако чаще всего включение в текст произведений элементов другого языка обусловлено объектом художественного отражения, законами художественного творчества. Элементы других языков используются в текстах произведений как художественное средство для отражения живой действительности с ее социальными, религиозными, политическими, национальными, языковыми особенностями» [Двуязычие 2012].

В диалогические отношения могут вступать и тексты разных языковых кодов, разных национальных литератур, и в первую очередь таких, которые формировались долгое время на общей почве, близкородственных. Как отмечает Н. А. Кузьмина, «...если рассматривать стратегию интертекстуальности в современной поэзии, то можно заметить, что именно глубинно-архетипические слои реальности становятся предметом осмысления (переосмысления) – и это объединяет поэтов совершенно разных манер, формируя некий стиль поколения» [Кузьмина 1999, с. 95].

Диалогичу разнокультурных текстов в этом плане можно считать одной из общекультурных универсалий: «Тексты, включающие интертекстуальные элементы различных национальных культур, расширяют и активизируют концептуальную картину мира читателей, связанную с прошлым как их родной, так и мировой культуры. Они обращаются к общечеловеческим знаниям и ценностям, дополняя соответствующие знания читателей» [Аксенова 2007, с. 3].

Вместе с тем универсальное здесь тесно взаимодействует с национально-специфическим: «Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированны и обуславливаются конкретной культурой» [Красных 2003, с. 302].

Интертекстуально связанные разнокультурные тексты к тому же обладают своей жанрово-стилевой и иной спецификой, на что, в частности, указывает Т. В. Литвиненко: «Коммуникативные продукты, принадлежащие к разным лингвокультурам обладают своими интертекстуальными особен-

ностями, которые детерминированы спецификой культуuroобразующих претекстов, своеобразием соотношения и структуры концептов, возобновляемых в процессе межтекстового взаимодействия» [Литвиненко 2008, с. 8].

В качестве фокуса пересечения и взаимодействия различных лингвокультур в поэтическом дискурсе нередко выступает и троп, метафора. Известно, что «интертекст, как и метафора и метонимия, не знают границ какого-либо одного языка» [Фатеева 2007, с. 52], а метафору и вовсе всё чаще определяют как одну из языковых и культурных универсалий: «Универсальность процесса метафоризации, основанного на принципе соизмеримости познаваемого с понятными для человеческого восприятия образами и символами, – своеобразный залог межкультурного взаимопонимания» [Юрков 2012, с. 4].

Говоря об эволюции художественной метафоры в течение нескольких последних столетий, исследователи указывают на ряд универсальных тенденций, свойственных различным языкам, литературам и культурам. Например: «В текстах нового времени (XVIII–XXI вв.) концептуальные метафоры отличаются заметным разнообразием, что проявляется как в увеличении числа исходных сфер метафорической экспансии, так и в разноплановом прагматическом потенциале доминантных метафорических моделей. Метафорическое многообразие во многом обусловлено ускорением темпа жизни человека нового времени, интенсивным развитием общества, усложнением системы социальных отношений, бурным развитием науки и техники, быстрой сменой идеологических ориентиров, господствующими философскими и литературными направлениями, изменениями в религиозной жизни (от православия к атеизму с последующим обращением к религии в конце XX века) и т. д.» [Кондратьева 2014, с. 11].

В справедливости сказанного можно, в частности, убедиться, прибегнув к сравнительно-сопоставительному исследованию метафорики белорусской и русской поэзии последних нескольких десятилетий (начиная со второй половины XX века в обеих литературах появляется целый ряд поэтов, для которых метафоричность становится одной из идиостилевых доминант).

Совершенно очевидно в текстовом пространстве обеих национальных поэтических традиций в качестве своеобразных культурных скрепов функционирует одни и те же «образные парадигмы» (в терминологии Н. В. Павлович), «поэтические формулы» (в терминологии Н. В. Кузьминой) и т. п.: «В поэтической формуле константой является план содержания – семантический архетип, который выступает как инвариант, сохраняющийся при всех трансформациях поэтической формулы и, в свою очередь, определяющийся совокупностью этих трансформаций. Так, вариантами архетипа ЛЮБОВЬ – ГОРЕНИЕ можно считать перифразы *огонь пылает в груди, нежный огонь, сердечный пламень*, глагольные метафоры *любовь горит, угасает* и подобные» [Кузьмина 1999, с. 102].

Если метафорические переключки подобного рода в целом ожидаемы, прогнозируемы в силу их регулярности, системности, обусловленной в

первую очередь архетипической природой последних, особенно в двух культурно родственных поэтических культурах, то о ряде метафорически структурированных словесных образов, обнаруживаемых как у русских, так и у белорусских поэтов, подобного утверждать нельзя. Речь идёт о неархетипических, несерийных, индивидуально-авторских, уникальных образах, не входящих в самые количественно наполненные парадигмы (наподобие «чувства – электрический ток», ср.: *Если ты – / провода, / я – / троллейбус. / Ухвачусь за провода / руками долгими, / буду жить / всегда-всегда / твоими токами* (Р. Рождественский); *Твой дотык, / Да цела майго – / Гэта дотык крэсіва / Да краменя. / Датыкнешся – / І я адзываюся іскрай* (А. Барскі).

Отмечаются и сходные метафорические образы, созданные русскими и белорусскими поэтами на основе устойчивых оборотов. Так, приводимые ниже примеры метафорических построений имеют в своей основе устойчивое терминологическое выражение *усталость металла* (явление, приводящее металл к разрушению после многократного изменения его напряженного состояния), ср.: *Сталляецца нават метал. / Падшыпнікі, шарыкі ролікі, / Сыграўшы часовыя ролейкі, / Расстрачваюць гарт і запал* (М. Стральцоў); *Состав стоит, пробег немалый. / В пути оставив за хвостом. / И от уставшего металла / Внизу течет звенящий стон* (А. Твардовский).

В диалогизировании метафорики русских и белорусских поэтов абсолютно преобладающим является вхождение русского интекста в текст белорусского автора, что иллюстрируют приводимые примеры.

Большинство подобных метафорических переключек реализуется в виде продолжения и развития тропеического образа.

В собранном материале зафиксирован целый ряд случаев, когда в качестве эпиграфа белорусскими поэтами используются фрагменты текстов русских поэтов – как классиков, так и современников.

При этом структурно-смысловые отношения «эпиграф – текст» могут быть различными¹.

1. Во-первых, это развёртывание заложенного в эпиграфе тропеического образа, когда последний становится своеобразной «смысловой пружиной», распрямляющейся в последующем тексте. Так, А. Зарицкий в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Крылы» [ПА-156] использует переведённую на белорусский язык строку из стихотворения С. Есенина «Поэтам Грузии» *Яскрава сведчыць вешчы знак: / Паэт паэту ёсць кунак* (в оригинале: *Свидетельствует / Вещий знак: / Поэт поэту / Есть кунак*). В тексте А. Зарицкого есенинская метафора родства (поэт – кунак) по сути демегафоризируется и становится основой для развёртывания лирического

¹ «Эпиграф как элемент текста полифункционален, основной и универсальной его функцией как в художественном, так и в нехудожественном тексте является (как у любой цитаты) диалогизирующая: эпиграф – один из способов введения иной точки зрения, иной смысловой позиции» [Кузьмина 1999, с. 148].

сюжета – о дружбе белорусского поэта Аркадия Кулешова с кавказскими поэтами Расулом Гамзатовым и Кайсыном Кулиевым.

2. Обратного рода пример демонстрирует текст стихотворения Р. Бородулина «Куды вецер вее» [ПА-157], эпиграфом к которому выступает пушкинская строка *Тучка по небу плывет*, не содержащая какого-либо тропа. У белорусского поэта образ проплывающей по небу тучки встраивается в качестве одного из элементов текстообразующей метафоры, к тому же имеющей национально-культурную маркированность (связанной с чернобыльской тематикой).

3. Ещё один вариант диалога «эпиграф – текст» на метафорическом уровне иллюстрирует стихотворение Галины Дашкевич «Асенняе» [ПА-158], которому вновь предпослан эпиграф из известного стихотворения С. Есенина *Тихо льется с кленов листьев медь*. В данном случае исходная есенинская метафора воспроизводится белорусским автором фактически без каких-либо структурно-смысловых изменений и так же участвует в реализации мотивов грусти, сожаления, умиротворения.

4. Наконец, фиксируются и такие примеры, которые демонстрируют концептуальное преобразование исходного метафорического образа, наполнение его дополнительными смысловыми приращениями и помещением в иной содержательный контекст, что, в частности, можно проиллюстрировать стихотворением А. Письменкова «Пра зоркі» [ПА-159], предвараемым эпиграфом из знаменитого стихотворения М. Ю. Лермонтова *И звезда с звездою говорит* («Выхожу один я на дорогу...»). В данном тексте метафорический образ говорящих звёзд дополняется такими смыслами, как «звезда – путеводитель», «звёздочка – любимая», «звезда – звёздная война».

Контрастивная оппозиция в поле белорусско-русского поэтического диалога на уровне метафорики представлена немногочисленными примерами, ср.: *Я не слаўны Ленскі, / Ты ж і не Тацьяна... / Родам я з-над Менску... / Часта, часта п'яны* (М. Кавыль). Иначе говоря, в координатах «своё – чужое» интертекстовые метафоры белорусских и русских авторов в весьма редких случаях репрезентируют разнополярные позиции, хотя в целом, за рамками метафорики, примеры такого противопоставления встречаются, ср.: *У кожнага свае куміры, / Камусьці Бродскі па душы, / А я прыхільнік іншай ліры, / Мне лети Грахоўскага вершы...* (А. Балугенка).

Если оценивать диалог метафор русских и белорусских поэтов с лингвокультурологической точки зрения, то можно обратить внимание на варианты различного соотношения интеркультурного и интракультурного компонентов в данном интертекстовом пространстве. В частности, как видно из ряда приведённых выше примеров, своеобразный «культурный шов» на стыке диалогизирующих метафорических образов и/или целых текстов в той или иной мере заметен (в максимальной – в примерах с контрастивной оппозицией разнокультурных текстов). Тем не менее восхождение эпиграфа или иного интертекстуального включения хоть и к

близкой, но всё же иной лингвокультуре зачастую не обнаруживает подобного «шва», т. е. «инокультурная составляющая» в посттексте практически нивелируется, что можно проиллюстрировать текстами стихотворений [ПА-160; ПА-161].

Помимо диалога метафор белорусских и русских поэтов в режиме «эпиграф – текст», отмечаются и иные формы их интертекстуального взаимодействия.

1. Скрытое цитирование претекста, аллюзия. Ср.: *Я ўсім багат! Я – гаспадар / Палёў, лясоў, лугоў і рэчак. / Я уладар высокіх мар / І добрай долі чалавечай* (П. Панчанка). В этих строках угадывается знаковый для советской эпохи текст, принадлежащий В. Лебедеву-Кумачу: *Широка страна моя родная, / Много в ней лесов полей и рек. / Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек...*

В следующем фрагменте, принадлежащем И. Логвиновичу: *Упала зорачка мая / на воды цёмныя патопу; / і з поля зроку знік маяк, / што асвятляў **акно ў Еўропу*** (І. Лагвіновіч), – без особого труда узнаётся крылатая фраза из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» «*В Европу прорубить окно*», достаточно активно функционирующая в качестве интертекстемы, ср.: *Вот и **окно в Европу**. / Что за окно – нора* (М. Айзенберг); ***Окно в Европу!**.. / Медленно идут, / Пестрея флагами чужих народов, / К нам в гости корабли...* (М. Вега); *И был приглушен медный топот, / А ночью Пушкин прокричал, / Что здесь продавлено сейчас / **Окно** / В рабочую **Европу*** (Б. Корнилов); *Цель моя: к **окну в Европу**, / Что прорублено Петром, / Вековой пристроить дом!*» (Н. Некрасов).

2. Ещё один случай диалогизирования белорусских и русских текстов – фигурирование в посттексте отдельных образов и персонажей претекста, включённых в систему средств тропеической образности: *...Злавіў я **рыбку залатую**, / Злавіў і зараз – адушчу: / «Плыві без выкупу – мы квіты, / Я не набыў яшчэ **карыта**»* (А. Пісьмянкоў); *Што вы нашы, / што вы / вернымі былі, / Пазнавалі мы на сцягах / на астанках. / Спачывайце пасярэдзіне / зямлі, / Так падобныя / у подзвігу / на **Данка*** (І. Арабейка); см. также [ПА-129].

3. Немногочисленны, но весьма показательны такие примеры, в которых имена собственные (обычно фамилии) писателей одной лингвокультуры используются в качестве ономастических метафор в другой лингвокультуре: *І пад новай жалезнай страхой, / Дзе спляліся світальныя цені, / Нарадзіўся **Шэкспір і Талстой**, / Заспяваў **беларускі Ясенін**...* (Т. Кляшторны).

4. В ряде текстов обнаруживается тропеически структурированная апелляция к инокультурному творчеству собратьев по перу: *Такі разрыў са светам ёсць, / Такая немінучасць праўды, / Што кожны дзень, **як вери Бергольц**, / Напісаны у жах блакады* (В. Коўтун); *Вунь над Расіяй, / над прасторам яе вялікім / самая яркая зорка плыве. / То **Пушкіна сэрца!** / Славянскіх бяроз галінкі / цягнуцца ў рускае неба. / І зорка плыве. / Гарыць над Іспаніяй / **сэрца Лоркі** – / над горам радзімы, над сваёю ж крывен* (М. Купрэў).

Таким образом, интертекстовое поле диалога русской и белорусской поэзии, их образных систем на уровне метафорики является достаточно обширным в отношении пространственно-временных координат («переклички» с текстами классиков и современников, близких и отдалённых лингвокультур) и разнообразным с точки зрения реализации моделей подобного диалогизирования. В значительной мере это провозглашает говорить о единстве культурного (в данном случае – поэтического) континуума, в пределах которого функционируют как традиционные (архетипические), так и индивидуальные, уникальные, сугубо авторские метафорические построения поэтов – представителей белорусской и русской лингвокультур.

Выводы по 4-й главе

1. Изоморфная метафорической, в дискурсивной рамке реализуется интеракция «текст – интертекст». Как сущностно родственные метафоре ведут себя глубинные механизмы порождения и функционирования дискурсивных интеракций поэтического текста, обусловленные свойствами человеческого мозга и – шире – базовыми параметрами основных феноменов бытия (такими, как бинарность, симетро-асимметрия и др.). Интертекст обнаруживает сходство с метафоричностью и – шире – тропеичностью в плане их прагматической ориентированности на увеличение смысловой ёмкости текста.

2. Выход метафоры в интертекстуальное пространство порождает чрезвычайно интересное явление метафорического «диалога». При этом имеется в виду, что в каждом своём последующем «перевоплощении» троп претерпевает те или иные структурно-смысловые изменения, т. е. тем самым деривационный тропообразовательный механизм продолжает работать за пределами текста-источника в направлении «текст – идиостиль – контекст литературного направления (школы, стиля) – контекст эпохи – национальный стиль – мировая литература – мировая художественная культура».

3. К наиболее характерным структурно-смысловым преобразованиям можно отнести следующие: дополнение исходной метафоры следующим шагом развёртывания, т. е. трансформация структурного типа $A = B$ в структурный тип $A = B_1, B_2...B_n$; посттекстуальное развёртывание метафоры по принципу её превращения из бинарной (двучленной) в веерную (интегрирующую), т. е. из $A=B$ в $(A_1, A_2) = B$; прецедентная и вновь созданная на её основе метафоры могут расходиться на уровне *tertium comparationis* A и B-элементов.

4. В отношении диалога могут вступать как метафоры одного идиостиля, так и метафоры, разделённые и пространством (принадлежностью идиостилям разных авторов), и временем (отдалённостью друг от друга целым столетием), и различными лингвокультурами (переклички / диалоги / споры с текстами классиков и современников, близких и/или отдалённых в

идейно-тематическом, эстетическом, творческом планах). В диалогизировании метафорики русских и белорусских поэтов абсолютно преобладающим является вхождение русского интекста в тексты белорусских авторов. При этом метафорические «переклички» характерны как для метафорических образов, обладающих признаками регулярности, системности, обусловленной архетипической природой последних, так и для метафорически структурированных словесных образов несерийных, индивидуально-авторских, уникальных, не входящих в количественно наполненные образные парадигмы обоих национальных поэтических стилей. Большинство подобных метафорических «перекличек» реализуется в виде продолжения и развития тропеического образа. В значительной мере это позволяет говорить о единстве культурного (в данном случае – поэтического) континуума, в пределах которого функционируют как традиционные (архетипические), так и индивидуальные, уникальные, сугубо авторские метафорические построения поэтов – представителей белорусской и русской лингвокультур.

МГПУ им. И.П.Шамякина

ГЛАВА 5 МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ПОЭТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

5.1. Специфика художественной (поэтической) коммуникации с точки зрения лингвометафорологии

Говоря о коммуникации как некоем основополагающем феномене, исследователи всё чаще возводят его в статус принципа, который «затрагивает не только содержание межчеловеческих отношений, но является одним из универсальных принципов понимания бытия, философского осмысления действительности, что позволяет понять основы диалога человека с другим человеком, с природой, а также коммуникативную природу мышления» [Федосеева 2009, с. 9]. Лирическая и – шире – литературно-художественная коммуникация представляют собой достаточно специфическую, но всё же часть вербальной коммуникации в целом. «Литературной коммуникации так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)» [Арутюнова 1981, с. 365].

Коммуникативные аспекты художественных, и в частности, поэтических текстов не раз становились предметом специального исследования¹. В научный оборот в связи с этим вошли такие понятия, как «текстовая коммуникация», «коммуникативность текста», «текстовые коммуниканты», «канал передачи информации», «коммуникативная ситуация», «фактор адресата», «образ автора», «поэтический диалог» и ряд других, не говоря уже о традиционно закрепившихся в отечественной филологической науке «лирическом герое», «авторе» («адресанте», «говорящем») и «читателе» («адресате», «слушающем»).

Какие ракурсы может обретать поэтическая коммуникация и в чём её связь со столь же тесно связанной с поэтическим стилем мышления

¹ Среди методологически значимых работ в этом направлении можно отметить монографические и диссертационные исследования «Текст и коммуникация» О. Л. Каменской [1990], «Коммуникативная структура поэтического текста (семантический и прагматический аспекты)» И. А. Бескровной [1999], «Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст)» В. В. Красных [1999], «Коммуникативно-прагматические аспекты текстообразования» Т. В. Радзиевской [1999], «Диалогическая основа русской лирики первой трети XIX века» Е. Н. Федосеевой [2009], статьи «Лирика с коммуникативной точки зрения» Ю. И. Левина [1998 а], «"Мой интимный маленький мир" и поэтические способы концептуализации: метафора» Т. Добжиньской [2000], серия публикаций В. Д. Стариченка, посвященных метафорическим построениям, основанным на личных местоимениях, в текстах белорусской лирики XX века [2017, с. 201–225; 2018, с. 194–212]) и др.

метафоричностью как одной из категорий художественного текста (по Д. Б. Ольховикову)?

Исходя из природы самой поэзии с имманентно присущим ей антропоцентризмом, одно из ведущих мест здесь занимает лирическая авторефлексия. Поэтический дискурс в большей степени, чем какой-либо иной, Я-центричен. Именно лирическое «Я» – один из типичных центров в концептуальном пространстве поэтического дискурса. В его качестве может эксплицироваться «как собственно лирическое Я (лицо, почти или полностью совпадающее с реальным автором, или же сконструированный образ «лирического героя»), так и лицо, заведомо отличное от реального автора (например, женщина, когда автор – мужчина), а также неодушевленный объект и т. д.» [Левин 1998 а, с. 465].

«Коммуникативность как наиважнейший признак текста проявляется в диалогических отношениях Говорящего с собственным текстом, которые складываются под воздействием альтруистического и/или эгоцентрического факторов либо когнитивного преодоления собственных рече-ментальных затруднений и эксплицируются с помощью метапоказателей, синкретичных по природе в прагматическом плане (будучи эгоцентрическими элементами языка, в то же время выражают в тексте мысль об Адресате речи), а также синтаксических явлений (вставок, пояснительных и квази-пояснительных конструкций)» [Перфильева 2006, с. 7].

Представляет в связи с этим интерес коммуникативная типология лирических текстов, предложенная Ю.И. Левиным. Он, в частности, предлагает называть «текст эготивным (текст типа I), если он написан от 1-го лица (формальные показатели: местоимения я, мы и соответствующие формы глаголов); текст назовем апеллятивным (текст типа II), если он организован как единое обращение к тому или иному эксплицированному адресату (формальные показатели: местоимения ты, вы, соответствующие формы глаголов, императивы, обращения). Текст, конечно, может быть одновременно эготивным и апеллятивным, или ни тем, ни другим» [Левин 1998 а, с. 467].

Л. А. Гоготишвили в своих рассуждениях о специфике коммуникации в языке поэзии и вовсе отмечает, что здесь «имманентная коммуникативность всякой референции проявляется в особой точке говорения – в бескорыстной коалиции я с ты в их общей направленности на предмет, вплоть до отказа и от я, и от ты в коалиционном “мы” или в нейтрализующей точке говорения “все”» [Гоготишвили 2006, с. 628].

Для выражения индивидуальных личностных смыслов язык художественной литературы выработал ряд ресурсов, в числе которых наиболее заметную роль играют тропы, позволяющие дискретными средствами языка передавать континуальные по своей природе смыслы (В.А. Пищальникова), выстраивать новые концепты, обогащая этим когнитивную базу индивидуально-авторского дискурса. Т. Добжинская, в частности, отмечает: «Языковая коммуникация в ее естественном виде (не преобразованная

в какой-нибудь новояз или язык автоматов) всегда носит индивидуальный характер. Это всегда употребление языка конкретным говорящим, зависящее и от отправителя, и от адресата высказывания, а следовательно, прагматически предопределённое. Однако при использовании метафоры индивидуальный характер коммуникации проявляется в гораздо большей степени, чем при обычном, нефигуральном, вербальном общении. В этом можно убедиться, если рассмотреть специфические свойства метафорической коммуникации и метафорического употребления» [Добжиньская 2000, с. 514]. При этом, продолжает этот же автор, «смысл, созданный метафорой, хотя и является новаторским, в значительной степени предсказуем – ведь говорящий и адресат могут иметь в виду один и те же коннотативные признаки слов, т. е. признаки стандартные, принадлежащие к “общему знанию” носителей языка (...) Впрочем, это не единственный положительный момент в феномене метафоры, ведь метафора не просто средство трансляции общедоступного познавательного содержания. Она может также вбирать в себя маркированные говорящим признаки и отношения, которые можно выразить посредством словесных коннотаций, относящихся к языковой периферии, то есть коннотаций редких или даже сугубо индивидуальных, являющихся производной от неповторимого, в своем роде уникального, опыта говорящего. Больше того, метафора передаёт некоторые сложные конфигурации (совокупности) признаков, которые являются очевидными только для отправителя сообщения и которые никак не может реконструировать и учесть другой человек. Такая метафора может появляться в разных поэтических текстах, прежде всего в лирической поэзии, и а особенности в текстах, в которых субъект речи, прежде всего, “выражает себя”» [Добжиньская 2000, с. 515].

Троп, таким образом, выступает в качестве инструмента структурирования поэтических концептов, поэтому он всегда соотносится с авторским «Я», входит в языковую материю категории «образа автора» (по В. В. Виноградову): *Есть слово «я». Оно во тьме недаром / К небытию испытывает злость... / Оно во мне. Оно одним ударом / В меня по шляпку вбито, словно гвоздь /* (Е.Винокуров); *«У вершах і аднаго, і другога, і трэцяга паэта прысутнічае «я». Аднак якія яны розныя, гэтыя «я»! Для аднаго паэта «я» – яго канкрэтная асоба, для другога – «сцэнічная» роля, для трэцяга – модус мыслення, для чацвёртага паэта «я», як у слынным вершы Анатоля Сербантовіча, — «няма мяне»»* (А. Разанаў).

Характерно, что к текстам одних авторов мы подходим с жанровым ожиданием насыщенной троповости (В. Маяковский, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Р. Рождественский, А. Вознесенский, Р. Бородулин, А. Пысин, П. Макаль и др.), а в отношении произведений других поэтов привыкли к обратному – приглушённой тропеической образности, преобладанием автологической речи (Н. Рубцов, С. Соколов и др.).

Ср., например, высказывание А. Новикова о поэтической манере двух наиболее знаковых фигур второй половины XX – начала XXI в. В русской

поэзии: «Для Вознесенского метафора не только средство живописания, но и способ автопортретирования, лирического самопознания. Авторское “я” строится на многократном сравнении себя с самыми разными людьми. С Мэрлин Монро и рыбаком, с Пушкиным и Гоголем, с Маяковским и Высоцким, с загорским монахом и футболистом, с камергером Резановым и студенткой Светланой Поповой, с одинокой женщиной, потерявшей любимую кошку, и администратором гостиницы, с Пастернаком и настоятелем Полисадовым. (А чем неканоничны переводы стихов Микеланджело? Тем прежде всего, что в каждом “я” сравнение автора с переводчиком). Это все лица, а не маски. Поэт не играет во всех этих людей, не притворяется ими, а ищет с каждым общее – с каждым разное, для каждого открывает новое место а своей душе (...) В этом отношении любопытно сравнить поэзию Вознесенского со столь же многонаселенными поэмами и стихами Евтушенко. У того совершенно иной способ общения с героями. Евтушенко рвется к отождествлению себя со всеми и всех с собой. Малейшего сходства ему достаточно, чтобы заявить: “Я – это ты”, неумолимо требуя ответного признания. Поэтический идеал Евтушенко можно представить в виде пиршественного стола, где вместе с автором восседают в одном ряду и Стенька Разин, и Пушкин, и декабристы, и строители Братской ГЭС, и борцы за освобождение Африки и Латинской Америки. Все поют общие песни, все связаны одним чувством» [Новиков 1982, с. 248].

Таким образом, путь поэта к метафоре при выстраивании коммуникативной перспективы поэтического текста – это путь к диалогу с самим собой, с читателем, а также с любым фигурантом общекультурного глобального диалога в бахтинском понимании: «В попытке создать собственный (живописный или словесный) портрет также присутствует начало диалогического отношения к себе самому. Единое “я” человека расщепляется на “я” познающее и “я” познаваемое. Дистанцируясь от себя, личность в то же время обращается в глубь своего сознания, характера, души. Автопортреты позволяют выразить себя, создавая иллюзию отстранения от собственного “я”» [Федосеева 2009, с. 10]¹.

Но это одновременно и встречный путь – от сущностных свойств метафоры к обретению ею статуса коммуникативно значимого феномена (регулятивной структуры) при развёртывании литературно-художественного дискурса: «Функциональные качества тропов как регулятивных структур определяются их “генетической” способностью вызывать и/или усиливать разного рода “эффекты”, оказывающие определенное эстетическое воздействие на читателя. Кроме того, коммуникативно-эстетический потенциал

¹ Ср. также: «Внутренний мир лирического субъекта предстаёт в односоставной или двусоставной модели: как единственный или соотносимый с внешним. Его имманентная неоднородность приводит к максимальному диапазону внутреннего субъектного синкретизма: от авторефлексивных моментов до автокоммуникации „я – ты”, семиотизации внутреннего пространства и выделения ипостасей „я”» [Загребельная 2007, с. 14].

данных лексических регулятивов обусловлен не только их экспрессивностью, но и характерной для них вариативностью интерпретации (...). Намеренное расширение интерпретационного поля тропа (и текста в целом) за счет особой организации образного контекста – прием, создающий и/или усиливающий “эффект мерцания смысла” (“эффект вариативности выбора”). Он позволяет автору дополнительно стимулировать познавательную деятельность читателя» [Тюкова 2005, с. 13]. Это полностью согласуется с самой природой лирика, которая а priori «предполагает возникновение автокоммуникации у читателя» [Левин 1998а, с. 466].

На наш взгляд, в продолжение сказанного уместно будет привести весьма показательный образец лирической интерпретации сущности лирического «Я» – одноименное стихотворение белорусского поэта А. Балутенко, в котором озвученные выше лингвистические постулаты отражены в поэтической форме [ПА-162].

Можно утверждать и о том, что метафорически структурированная поэтическая коммуникация, как и сам характер стиля метафорического мышления, обладает чертами национально-языковой (лингво- и/или этнокультурной) специфичности. О некоторых проявлениях последней на уровне текстопостроения уже сообщалось в специальной литературе, ср.: «...этнокультурные особенности различных языков, ощутимые на разных уровнях текстопостроения, проявляют себя и здесь, делая вполне обоснованным исследование конкретных способов реализации диалогического фактора в поэтическом тексте, созданном на том или ином языке (...) Продолжая мысль об этнокультурной специфике поэтической текстовой диалогичности, заметим, что диалогические основы поэтического текста в немалой мере будут зависеть и от собственно языкового материала, из которого соткана ткань того или иного поэтического произведения. Выражая эту мысль другими словами, можно с уверенностью сказать, что тот или иной язык, имеющий определенные традиции применения в сфере поэтической коммуникации, имеет и несомненное своеобразие в выражении текстовой диалогичности. По этой причине имеет смысл рассматривать особенности ее проявления в непосредственной связи с конкретным языком, а также с учетом всего комплекса лингвокультурологических явлений, сопровождавших процесс создания на этом языке поэтических текстов» [Соловьева 2007, с. 3–4].

Из исследований, предпринятых в данном направлении, прежде всего следует отметить работы двух белорусских учёных – В. Д. Старичёнка и Е. В. Кисель. Так, Е. В. Кисель в своём диссертационном исследовании делает ряд важных для дальнейшего развития данной тематики наблюдений и выводов. В частности: «В поэтическом тексте основным референтом для ЛМ (личных местоимений. – С.К.) является художественный персонаж (лирический герой, ролевой герой, лирический адресат, субъект лирики). Основным способом развития образа лирического персонажа является

референциальная соотнесенность ЛМ с различными лексемами» [Кисель 2014, с. 6]. При отождествлении в рамках конструкции [референциальной соотнесённости ЛМ ДВУХ предметов из разных логических классов на основе общих признаков и свойств осуществляется метафорическая (образная) характеристика ЛМ; Я – хаос (Б. Ахмадулина); Я – лунный луч (К. Бальмонт)» [Кисель 2014, с. 7]. Кроме того, в данной работе установлены некоторые национально-культурные и идиостилевые особенности функционирования подобного рода конструкций в произведениях русских и белорусских авторов XX века.

В собственно лингвометафорологическом направлении к анализу подобных конструкций с личными местоимениями подходит В. Д. Старичёнок, оперирующий понятием «суппозитивных метафор». Названным учёным сделано достаточно много для раскрытия сущности вторичности местоименных наименований в поэтической речи на материале белорусской лирики XX–XXI вв.: собраны и систематизированы по тематическому принципу метафорические контексты, содержащие в качестве метафоризируемых элементов местоимения Я, ТЫ, МЫ, ВЫ, ЁН, ЯНА (показаны наиболее характерные «правые» элементы, соотносимые с ними); выявлены три типа структурной организации анализируемых контекстов: однокомпонентные, двухкомпонентные, трёхкомпонентные; описаны некоторые способы синтаксического развёртывания подобных контекстов и реализуемых ими образно-стилистических эффектов [Старичёнок 2017, с. 201–225].

Наконец, сама коммуникация как лингво-социо-культурный феномен может быть объектом метафорической репрезентации, как, например, в работах Ю. В. Терентьева и Н. П. Кириллова [Терентьев 2009, с. 97–99], где характеризуются такие метафорические модели, как «коммуникация – это прожектор», «коммуникация – это мозаика», «коммуникация – кисть художника», «коммуникация – это картина с проявляющимися слоями», «коммуникация – это кубик Рубика», «коммуникация – это процесс составления пазла», «коммуникация – это подзорная труба»; Ву Бок Нам, содержащей анализ таких метафорических моделей, как «коммуникация – это движение по пути» и «коммуникация – это помещение вещей во вместилище и их передача» [Ву Бок Нам 2003, с. 121–125]; А. В. Колмогоровой, рассматривающей две когнитивные метафоры коммуникации – контейнерную метафору (отмеченную ещё Дж. Лакоффом и М. Джонсоном), уступившую ведущие позиции метафоре танца (по Ю.М. Лотману) [Колмогорова 2012, с. 272–277]. «Понять содержание коммуникации и процесс коммуникативного взаимодействия мы можем с помощью метафор. Они дают нам представление о том, что мир, окружающий человека, безграничен, и именно коммуникация способствует построения как субъективной, так и объективной реальности» [Терентьев 2009, с. 99].

Предметом дальнейшего анализа в данной главе станут языковые способы выражения передачи информации от адресанта поэтического текста

к его адресату, основанные на интерактивном механизме, сущностно родственном метафоре, в том числе посредством тропеического (прежде всего – метафорического) структурирования, с учётом национально-культурных особенностей белорусского и русского лирических дискурсов XX–XXI вв.

В дальнейшем для общего терминологического обозначения метафор, репрезентирующих участников лирической коммуникации, будем использовать понятие «**суппозитивная метафора**» [Стариченок 2017; 2018], в разряд которой мы включаем **автометафоры** – метафорические конструкции с личным местоимением 1-го лица единственного числа «Я» в качестве левого (А) элемента»; **коалиционные метафоры** – метафорические конструкции с личным местоимением 1-го лица множественного числа «МЫ» в качестве левого (А) элемента; **интерлокутивные метафоры** – метафорические репрезентации собеседника (адресата поэтической речи) с местоимениями 2-го лица ТЫ и ВЫ.

Поскольку мы ставим задачей характеризовать с точки зрения метафорического структурирования именно коммуникативные ситуации и их участников (а не особенности вхождения личных местоимений в метафорические конструкции), за пределами нашего интереса (в большинстве случаев) остаются конструкции (тексты) с местоимениями 3-го лица, поскольку последние обладают «сферой объекта, а не субъекта речи» [Петрова 1995, с. 16], т. е. в своём обычном употреблении непосредственно обозначают не кого-то из коммуникантов, а «лицо, отсутствующее в момент речевого акта» либо «не-лицо»¹ [Гармажапова 1999, с. 14]. В качестве материала исследования привлечены лишь те контексты с участием личных местоимений 3-го лица, в которых они выступают во вторичных прагматических функциях² [см. Горицкая 2008] либо во взаимодействии со специализированными обозначениями коммуникантов.

5.2. Текстовые коммуниканты в метафорическом преломлении

5.2.1. Автометафоры в русской и белорусской поэзии

О том, что лирический дискурс Я-центричен в такой степени, как никакой другой, в специальной литературе отмечается постоянно [Безкровная 1999; Лотман 2000; Левин 1998а; Тарасевич 2000 и др.]. Столь же устойчиво мнение и о феноменологической сложности «Я» как речевого центра

¹ В связи с этим некоторые исследователи высказывают сомнение относительно правомерности безоговорочного отнесения местоимений ОН, ОНА, ОНО, ОНИ к личным, включая их в класс указательных в том случае, если они обозначают не-лицо [Гармажапова 1999, с. 14].

² Ср., например: «Возможны, конечно, случаи, когда говорящий использует позицию «он» (...) как позицию «ты» (...), но это всегда именно особый инсценировочный «прием», надстраивающийся над исходным фундаментальным различием этих позиций» [Гоготишвили 2006, с. 625].

высказываний: «Трудная проблема – определить статус речевого центра “я” относительно “автора”; понятно, что ее решение всегда будет находиться в концептуальной зависимости от эксплицитно принятых или подразумеваемых пресуппозиций» [Гоготишвили 2006, с. 609].

Свою известную классификацию коммуникативных отношений в лирике¹ и определение коммуникативного статуса лирического текста Ю. И. Левин также выстраивает относительно критерия системы «взаимоотношений “действующих лиц” (“персонажей”), связанных с этим текстом», в числе которых обязательными являются “имплицитный автор” и “имплицитный адресат”» [Левин 1998 а, с. 464].

Украинский исследователь И. А. Безкровная характеризует коммуникативный статус лирического текста как, прежде всего, «автокоммуникативность (расслоение авторского “Я” на два текстовых образа). Данный тип адресанта становится основой для образования других моделей поэтического субъекта. Так, редукция одного из компонентов базовой модели соответствует таким эгоцентрическим речевым действиям, как автооценочное высказывание, направленное к неопределённому адресату; безадресатное внутреннее речевое действие; “мы-сообщения”, в которых совмещаются позиции обоих авторских “Я”. Транспозиция одного из “Я” (в “Ты” или “Он”) моделирует такую особенность внутренней речи, как взаимоотдаление субъектов автокоммуникации – перенесение одного из коммуникантов на позицию либо адресата, либо объекта речи» [Безкровная 1999, с.15].

В структурировании Я-концепта поэтического дискурса весьма заметная роль принадлежит метафоре. «Двуплановость как одна из её особенностей позволяет одновременно указывать на основной и вспомогательный субъекты и создавать своеобразную “игру” прямого и переносного значений. По этой причине суппозитивные метафоры называют **автометафорами**. В них заложены практически неограниченные ресурсы семантических отождествлений, сравнений, перевоплощений, характеризующиеся субъективным началом, неожиданностью, непредсказуемостью, а в ряде случаев преувеличенностью, гиперболичностью, своего рода фантастичностью. Такие метафоры можно считать самоидентификацией автора, его эпизодическим перевоплощением» [Старычонак 2017, с. 204]. Ср. также: [Новиков 1982, с. 249].

Структурно-композиционную организацию поэтических конструкций с личными местоимениями В. Д. Стариченок характеризует следующим образом: «Первый компонент (левая часть) таких структур представлена

¹ Ю. И. Левин выделяет три типа коммуникативных отношений в лирическом тексте: внутренние (взаимоотношения персонажей, эксплицитированных в тексте), внешние (кто создал текст и для кого этот текст предназначается), промежуточные (отношения между образом автора, характер которого диктуется смыслом стихотворения, и своего рода идеальным читателем) [Левин 1998 а, с. 464].

личным местоимением (обычно это подлежащее, своеобразная тема высказывания), которое в определённых контекстных ситуациях как бы “опредмечивается” и используется в качестве информационно-образного кода. Второй компонент (правая часть) – это предикативный центр (рема высказывания, ядерный компонент смысловой структуры), носитель наиболее важной информации. В правой части (обычно выражается существительными и зависимыми от них словами) раскрывается содержание личных местоимений, анализируются их семантические потенции в виде определённых заместителей» [Старычонок 2017, с. 204; Старичёнок 2018, с. 194]; данное положение иллюстрируется следующей схемой, отражающей семантические сферы автометафоризации.

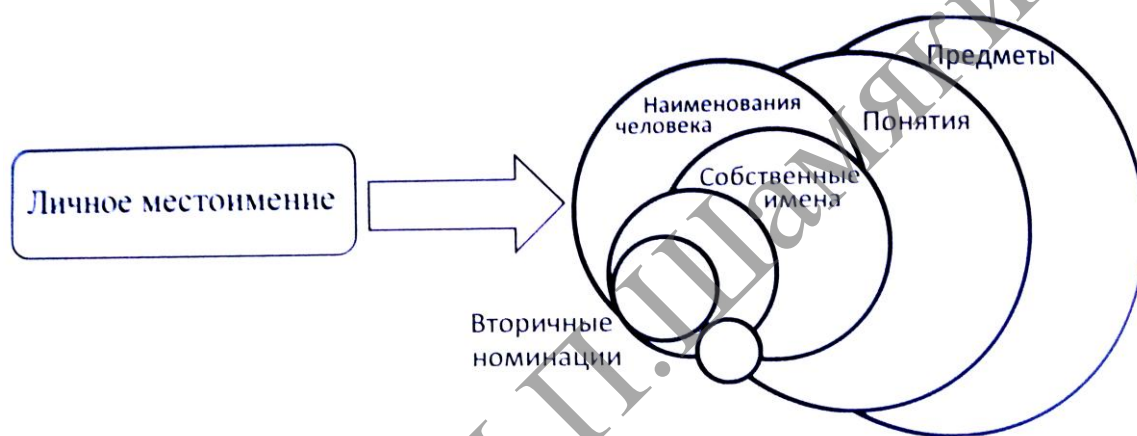

Рисунок 5.1. – Структурно-композиционная организация дискурсов с личными местоимениями (по В. Д. Старичёнку)

Подобные автометафорические фрагменты (вплоть до целых текстов) на материале лирики белорусских поэтов преимущественно XX–XX вв. анализируются далее В. Д. Старичёнком в лингвостилистическом и лингво-поэтическом аспектах.

Нас в большей степени интересует текстовой, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурный потенциал метафористики как средства структурирования коммуникативной ситуации текстов белорусской и русской поэзии рассматриваемого периода.

Прежде всего, отметим, что как фигурант коммуникативной ситуации текста (т. е. как один из способов репрезентации лирического героя / автора) автометафора обычно обуславливает такую типологическую характеристику референтной ситуации поэтического текста, как недостоверность (фантастичность) [Ревуцкий 1998, с. 19], в чём можно будет убедиться на примерах, приводимых ниже.

Кроме этого, нами выявлено следующее.

Во-первых, автометафоры могут структурировать различные аспекты Я-концепта по критерию его статуса в самом широком спектре оценок

(собственно коммуникативном, аксиологическом, культурологическом, социокультурном и пр.).

Мы выделяем две базовые модели подобного рода автометафор: «Я – (не)Я» и «Я – ДРУГОЙ».

Первая – «Я – (не)Я» – реализуется в следующих вариантах:

«Я» – пространство, форма бытия, самолокализация: *Есть слово «я». Оно во тьме недаром / К небытию испытывает злость... / Оно во мне. Оно одним ударом / В меня по шляпку вбито, словно гвоздь* (Е. Винокуров); *Я – смутный спутник самого себя же* (С. Петров); *Наведваюся у мясціны, / дзе ўжо некалі быў, / і не ведаю, як растлумачыць / дрэвам, людзям, сабе самому, / што ўжо мяне двое, / І не ведаю, чым запоўніць / прагал паміж мною гэтым і тым* (А. Разанаў)¹.

«Я» – предмет, понятие, явление, лицо/статус, нелицо и пр.: *Я – Зерне. Ляжаць на камені змушана, / Замярзаю на ім, сонцам аглушанае* (А. Наўроцкі); *Я – травінка... Я з анёлам побач...* (С. Панізнік). Правы кампанент аўтаметафары можа быць выражаны і словазлучэннем, прычым нярэдка – метафарычным, у выніку чаго ствараецца «метафара ў метафары», напрыклад: *Я – кухар ночы* (С. Блатун); *Я – сын сваёй эпохі. Не лепшы і не горшы / За многія мільёны сучаснікаў сваіх* (І. Лагвіновіч); *Я – упругий шар на нитке / В детских пальчиках твоих* (Л. Алексеева); *Я – только тонкий лепесток* (С. Липкин); *Я – море, меня поднимает луна* (В. Шаламов); *Я – старый закон. / Словно с ятью, фитою, ижицей, / новый век со мной не знаком* (Б. Слуцкий); *Я – забытый ребенок, забытый судьбой, позабытый в осеннем саду* (Н. Заболоцкий).

Особой разновидностью метафорических построений подобного рода является отрицательная автометафора: *Я – не волат. Я бываю кволым* (Н. Гілевіч); *На зямлі я ня тубылец – часовы госьць* (М. Кавыль); *Нет, / Не горячий баламутчик, / Хоть и невзрачен и не жгуч, / Скольжусь по мрачным кручам туч, / Пусть даже не весьма могуч, / Но никакой не лизоблюдчик, / Дичок, колючий без колючек, / Я никакой не лучик – / Луч!* (Л. Мартынов); *для него – не человек, / рыба я соленая* (Б. Слуцкий).

В отдельных случаях автохарактеристика лирического «Я» даётся посредством ухода от метафоры, ср.: *Я – человек. Я не ковер* (Б. Слуцкий); *Я – человек, не труп* (И. Эренбург). На метафоре такого рода основан текст перевода стихотворения М. Ханинова А. Пысиным [ПА-163].

Оппозиция «Я – ДРУГОЙ», находящая себя в разноплановых проявлениях, связанных с последовательным помещением «Я» в различные по объёму концептуальные пространства – хронотопы².

¹ См. также стихотворение А. Балутенко «Я», приведённое в предыдущем параграфе.

² «С точки зрения автора, интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирование собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиции, идентификации и маскировки с текстами других авторов (других поэтических «Я»)» [Толочин 1996, с. 59].

Как правило, подобные автотропы отмечены заметной лингвокультурологической (этнокультурной, социокультурной) маркированностью. Рассмотрим их основные модели в порядке расширения концептуальных пространств на полюсе «ДРУГОЙ».

Метафорическая идентификация с другим известным лицом, для чего используется обращение к прецедентным фоновым онимам, обычно из сферы литературы и культуры: *Я – Гамлет. Холодеет кровь, / Когда плетёт коварство сети, / И в сердце – первая любовь / Жива – к единственной на свете* (А. Блок); *Я – Гойя! / Глазницы воронок мне выклевал враг, / слетая на поле нагое* (А. Вознесенский); *Я человек – вот мой дворянский титул. / Я, может быть, легенда, может, быть. / Меня когда-то называли Тилем, / и до сих пор – я тот же самый Тиль* (Е. Евтушенко); *Я – композитор: под шум колес / Железно-дорожных – / То Григ, то Верди, то Берлиоз* (И. Северянин); *Я – Санчо Панса твой, я – счетовод* (В. Нарбут); *На зямлі я найпершы Адам* (М. Кавыль); *З нас таксама, напэўна, хлопцы, / Кожны – крышачку Адысей* (А. Сербантовіч); *Я – Майстар! Паэт знакаміты / Я слова да бога узнёс, / І новую Маргарыту / Яшчэ мне падорыць лёс* (Л. Дранько-Майсюк).

Прецедентное имя может быть вовлечено в автометафору не только с целью уподобления членов концептуальной оппозиции друг другу, но и для концептуализации их различия, что как бы дополнительно подчёркивает «самость» лирического «Я», ср.: *Поэты русские, / друг друга мы браним. / Парнас российский дрязгами заселен, / но все мы чем-то связаны родным – / любой из нас хоть чуточку Есенин. / И я Есенин, / но совсем иной. / В колхозе от рожденья конь мой розовый. Я, как Россия, более стальной / и, как Россия, менее берёзовый* (Е. Евтушенко). Крайним случаем выступает антагонизация членов концептуальной оппозиции в отрицательной автометафоре: *Нет, я не Байрон, я другой, / Ещё неведомый избранник. / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой* (М. Лермонтов); *А слева Сцилла, а справа Харибда – / Я не Одиссей!* (И. Чиннов); *Я ніколі ня буду Буддам, / На зямлі не знайду нірваны* (М. Кавыль); *Я ня слаўны Ленскі, / Ты-ж і не Тацьцяна... / Родам я з-пад Менску... Часта, часта п'яны* (М. Кавыль); *І каб заўсёды мог / З сумленнем чыстым / Сказаць Айчыне: / – Тваім сынам верным быў, / хаця не стаў / Бетховенам ці Лістам* (А. Барскі); *Я не быў ніколі герастратам. / Хутка вы забудзеце мяне* (І. Лагвіновіч). В подобных случаях, как видно, оппозиция «Я – ДРУГОЙ» накладывается на оппозицию «СВОЁ – ЧУЖОЕ» и решается в пользу левого члена.

Репрезентация отношений лирического «Я» с совокупностью других «Я» (ЯЯЯ), например, с социумом, нацией и т. п.: *Я – / безоговорочно и бесповоротно – / капля / в океане моего народа* (Р. Рождественский); *И всё же ты лишь капля в океане / Истории народа* (В. Луговской); *Я – інтэрнацыяналіст / І ў шумнай кроне чалавецтва / З тутэйшае галінкі ліст.* (Р. Барадулін); *Я – галіна ад дрэва маёй Беларусі* (Г. Дашкевіч); *Ты стаіш,*

Беларусь, / Завадская, зубрыная... / Я – пясчынка твая. / Я – крывінка твая (Г. Бураўкін). Отличительной чертой метафор такого рода у белорусских авторов является то, что в качестве контекст-партнёра лирического «Я» у них чаще выступает топоним *Беларусь*, тогда как в аналогичных контекстах из русской поэзии доминирует лексема *народ*.

Репрезентация отношения «Я» к некоторому иерархически высшему началу, т. е. БЫТИЮ, ТВОРЦУ, БОГУ, СОЗДАТЕЛЮ. Ср.: *Благодарю, необъятный Создатель, / что я мгновенный твой соглядатай – / Сидоров, Медичи или Борджиа – / скрепочка Божья!* (А. Вознесенский); *И в солнце, среди синевы / расцветшее, нацелясь мною, / меня спускают с тетивы / стрелой с тонкою спиной. / Весёлый центробежный вихрь / меня из круга вырвать хочет. / О, Жизнь, в твою орбиту вник / меня таинственный комочек!* (Б. Ахмадулина); *Я ў Сусвеце – нібы Планета* (М. Арочка); *«Не гавары: Зямля мая, – / Казаў мудрэйшы зь інкаў, – / А гавары. Зямля, я – твой...» / Бо кожная травінка / І кожны з нас удзячны ёй / Спрадвечнай, жыццядайнай, / Сваім зьяўленьем, хоць на міг, / Сваім знікненьем тайным. / Таму і ў космасе, калі / Загубіцца шлях мой, / Я пазыўныя буду слаць: / «Дзе ты, Зямля? Я – твой...»* (М. Танк).

В структурном отношении конструкции, реализующие автометафоры, помимо двучленных, достаточно широко представлены и «многократными», «веерными», соответствующими формуле $A = B_1, B_2 \dots B_N$. Такого рода построения способствуют созданию многомерных, порой амбивалентных образов лирического «Я». Ср.: *Я – слых, і зрок, і палец указальны, / Што націскае спускавы кручок* (Хв. Гурьновіч); *Жыццё маё ў двухколетным свячэнні, / Як доўгі фільм. Я – аўтар і глядач* (А. Пысін); *Быў я ант, быў я смерд, / Быў радзіміч, крывіч, дрыгавіч* (М. Купрэў); *Я – космас і пылінка. І між намі – / Адзін агонь. Як вечнасці уток* (В. Зуенак); *Я – Поле, / Сонечнае Поле, / Я – Памяць. / Я – Жыцця Калыска. / Я перапёлкаю, ад болю, / Прасіла піць у хмары нізкай* (В. Шніп), *Я падаючий сквер средь падали и скверны. / Я – пыль заблудшего луча!* (В. Кривулин); *Я – смешеньем сахара и соли, / странной смесью гордости и боли / отмечаю путь свой на земле* (А. Приманова); *Я выдохся. Я – как город, / Открывший врагу ворота. / А был я – юный и гордый / Солдат своего народа* (Б. Слуцкий); *Я – ухо мира! Я – его рука! / Он мне диктует* (Б. Слуцкий); *Что я земле? Я – след слезинки, / Морщинка на лице жены. / Я – нерастаявшая льдинка, / Что в чаще ждет еще весны* (В. Шаламов).

Реже автометафора включается в МРМ в качестве одного из её смысловых звеньев, ср.: *Я – актер, а лампа – рампа...* (В. Шаламов); *Я – полымя, / каханая – бы лёд* (М. Федзюковіч)¹.

¹ Здесь мы не имеем в виду примеры многофокусных развёрнутых метафорических конструкций, полностью основанных на личных местоимениях в качестве метафоризируемых (левых) элементов (типа Я–ТЫ, Я–ОН и т. п.), которые анализируются в работе далее.

Нередко автометафора реализуется в форме диалога, в том числе в виде квестивной конструкции, ср.: – *Я, выгнаішік вясны, / Страціў, чым валадарыу... / – Хто ты? / – Я – сувязны / Успамінаў і мараў* (П. Макаль); *Но уже готов ответ / Глубочайшего прозренья, / Соломонова решенья – / В этом и сомненья нет: / «Я – строка стихотворенья / Посвященного судьбой – С уваженьем – мне самой»* (И. Одоевцева).

Наконец, отметим, что для автометафоры в высокой степени характерна текстообразующая функция. Ср., например, стихотворения «Гойя» (А. Вознесенский) [ПА-164], «Песня самолёта-истребителя» (В. Высоцкий) [ПА-165], «Я кошелек» (Е. Евтушенко) [ПА-166], «Скрижали завета» (В. Князев) [ПА-167], «Я – железо» (С. Щипачев) [ПА-168], «Я» (Г. Глинка) [ПА-169], «Я – толькі ўсхліп...» (З. Дудзюк) [ПА-170]; «Я» (А. Балущенка) [ПА-171]; «Я – Зерне» (А. Наўроцкі) [ПА-172]; «Жыццё маё ў двухколёрным свячэнні...» (А. Пысін) [ПА-173]; «Маналог лугу» (Р. Барадулін) [ПА-174]; «Я – рака» (А. Разанаў) [ПА-175], «Два каласы» (М. Лужанін) [ПА-176], «Балада вуліцы» (М. Стральцоў) [ПА-177], «Я ў Сусвеце – нібы Планета» (М. Арочка) [ПА-180], «Нафта» (П. Макаль) [ПА-181] и мн. др. Некоторые из таких текстов основаны на прецедентных образах, ср. стихотворения Е. Евтушенко «Бабий Яр» [ПА-183], А. Вознесенского «Я сослан в себя...» [ПА-184], «Гулливер» И. Сельвинского [ПА-185] и др.

Интересный пример автометафоры, основанной на приёме ложной этимологизации правого элемента находим у Р. Бородулина в стихотворении «Я – арыец» [ПА-186].

В ряде случаев в пределах одного текста обнаруживается взаимодействие различных моделей автометафор, ср.: *Я сравниваю себя / Со всем Миром / Я – Эйнштейн / Вместе с теорией относительности / Я – недостроенный 12[двенадцати]-этажный дом / С моей кооперативной квартирой / На третьем этаже / Я Пушкин / С поэмами / И стихами / Я – ты / Я – Я* (И. Холин, «Я – Я»). В данном тексте наблюдается метафорическая концептуализация лирического «Я» в движении от «Я – ДРУГОЙ» к «Я – Я».

Текст стихотворения Б. Слуцкого «Ночной таксист» [ПА-187] основан на приёме «перетекания» неметафорического плана (1-я строфа) в метафорический (об этом речь шла в п. 1.2.5).

Ряд зафиксированных нами конструкций, аналогичных в смысловом плане рассмотренным выше, отличается тем, что правый элемент вводится с тем или иным компаративным показателем, в результате чего модальность метафорической идентификации уступает место модальности сравнения: *Я ў кватэры – як частка кватэры – сама, / Гарадскі чалавек, папяровае тло* (Л. Рублеўская); *Я свой тут, нібы клён, я свой, бы звер* (М. Рудкоўскі); *І мяне, як злачынецу-прыблуду, / Павядуць сумаваць без цябе* (Ул. Жылка); *Мяне, нібы палонніцу, / Ты цераз кладку нёс* (Я. Янішчыц); *я – подобье адресата / в чьих раздавленных очах / буквы строясь как солдаты / под очаковым, во прах / повергают то ли турок / то ли хищных крымчаков – /*

я читаю, полудурок, / ноты полковых значков (В. Кривулин); **Я – как поле ржаное**, / Которое вот-вот поспеет, / **Я – как скорая помощь**, / Которая вот-вот успеет (М. Светлов); **Мне кажется** – / я – это Анна Франк, / прозрачная, / как веточка в апреле (Е. Евтушенко).

Не менее характерны конструкции, которые демонстрируют близкий к метафоре троп – метаморфозу, основанную не столько на ассоциациях сходства (анalogии), сколько на мифологических представлениях о способности живых существ превращаться в иные существа (в этом случае правый элемент метафоры выражается творительным падежом существительного), ср.: *Яшчэ шаласцець мне **былінкай** малой між трыся...* (Ул. Паўлаў); *Я ўстану, як зубр, / Над скупой неадольнасцю лёсу, / Груз гадоў, скрухі груз / Спяляю **перуном*** (М. Рудкоўскі); *Я **дрэвам** стану, цяністыя галіны раскіну / Над табой, / Засерабруся **крынічнай вадой*** (А. Наўроцкі); *Ты пайшла, / ты чамусьці пайшла, / і я стаў **калодзежам без вады**, / стаў **вясновым кустом** без лісця, / але болей за ўсё / стаў **падобны на клетку**, / якую пакінула птушка...* (М. Стральцоў); *Я стану **ветром** в челке / и там, внутри иголки, / как в низенькой светелке, / войду в погасший свет* (И. Жданов); *Оборачиваясь то **страхом**, / то **любовью**, гонит меня, / и лечу я летучим **прахом** / по кружной территории дня* (Б. Слуцкий); *Я **кристалликом соли** из ваших растворов / выпал* (Б. Слуцкий). Среди подобных конструкций встречаются и конструкции с отрицанием (своеобразные антиметафоры), ср.: **Я не дымом** в чужую одежду вошел, / и не скупа глаза мне кусает (М. Айзенберг).

Таким образом, автотроп обнаруживает себя в поэтическом дискурсе в качестве одной из его «сильных позиций», с одной стороны, выступая в качестве средства структурирования Я-концептов, входящих в концептуальное ядро антропоцентрического (в том числе Я-центрического) по своей природе лирического дискурса, а с другой – являясь стимулом генерации контекстов разной протяжённости вплоть до интертекста.

В языке русской и белорусской поэзии выработаны в целом аналогичные модели метафорической репрезентации лирического «Я» как с точки зрения содержания, так и со стороны структуры, но при этом наблюдаются и определённые национально-стилевые особенности анализируемых конструкций и текстов.

5.2.2. Коалиционные метафоры в русской и белорусской поэзии

Метафорические конструкции, структурирующие лирическое «МЫ» в качестве «левого» элемента, будем далее определять как **коалиционные метафоры**.

«Мы ... означает: я и ещё кто-нибудь другой или другие» [Виноградов 2001, с. 275]. Л. А. Гоготишвили предлагает следующую типологию «мы-позиций»: 1) коалиционное «мы» речевых центров высказывания; 2) коалиционное «мы» говорящего со слушающим, противопоставленное

чужим речевым центрам; 3) широкое коалиционное «мы», объединяющее я, он и ты; при этом названным автором констатируется следующее: «Применительно к лирике возможно частное толкование этих колебаний как связанных с изменением в степени причастности лирического «я» к тому или иному фрагменту стихотворения, которое в целом освещается рамочным «мы» лирики (степень причастности лирического «я» к акту оценки можно, например, рассматривать как более высокую, чем степень причастности лирического «я» к констатации, больше опирающейся на базовое лирическое «мы»). Переходы от ослабленных, с точки зрения причастности лирического «я», фрагментов текста к усиленным и наоборот, меняющие сферу влияния базового «мы», приводят к пульсации текста по диапазону причастности. В моменты этих переходов стихотворение «испускает» дополнительные – семантически невыраженные (непрямые) – смыслы, порождаемые и этими переходами, и связанными с ними другими смещениями, в частности, модальными. См., например, передвижение от самовысказывания, активизирующего я-позицию, к наррации и затем к описательной констатации (сентенции), активизирующей рамочное лирическое «мы»: *“Я слово позабыл, что я хотел сказать. / Слепая ласточка в чертог теней вернется / На крыльях срезанных, с прозрачными играть. / В беспомытстве ночная песнь поется”* (Мандельштам)» [Гоготишвили 2006, с. 634–637].

Процитированное выше, применительно к нашему ракурсу рассмотрения, во многом соответствует принципу метафорического структурирования лирической «МЫ-позиции», в не меньшей степени характерному, нежели метафоризации лирического «Я».

В этом плане наиболее характерными для обоих исследуемых национальных поэтических дискурсов являются следующие метафорически структурированные ракурсы лирического «МЫ» (коалиционных метафор).

Метафоры с «левым» компонентом «МЫ» в текстах русской и белорусской поэзии выступают в качестве средства концептуализации идеи **единения лирического Я с окружающими людьми, социумом, природой, Космосом, идеи сродства судеб, предназначения, общности идеалов** и пр.¹, при этом семантические сферы «правой» части в принципе аналогичны тем, которые характерны для собственно автометафор (Я-метафор), ср.: *І думаем міжволі, / што у вечнасць / Усе мы з вамі – мост перакідны* (А. Сербантовіч); *Нас рухае нямы / кругазварот нязморны. / Ё прадчассі плену, мы – / нібы зярняты у жорнах* (А. Разанаў); *Затканы ліўнем сцезжкі і дамы, / пераспяваць прыроду я не ў сіле, / хоць і ў слабога вырастав крылле / ад думак, што зліліся лёгка ў «Мы»* (Р. Баравікова); *Ішлі ў апошні бой яны, / Радзімы нашай абаронцы, /*

¹ Ср. также: «Метафорическая характеристика ЛМ [личного местоимения. – С.К.] нередко направлена на выявление закономерностей в характере всего человечества: *Деточка, все мы немножко лошади...* (В. Маяковский); *Дзеці мы – людзі. / Птахі мы – людзі* (Д. Бичель-Загнетова) [Кисель 2014, с. 13].

Каб мы, заложнікі вайны, / Звяралі шлях зямны па сонцы (М. Маляўка); Мы – вольныя арлы, / Радзімы нашай дзеці, / Хто мае права нас нявечыць, зневажаць? / Мы – вольныя арлы, з адвагай і надзеяй / Мы волю к барацьбе павінны прабуджаць / За ічасце, за жыццё! (К. Буйло); Оба мы – песчинки в мирозданье (П. Антокольский); Мы – искры от единого костра, / Мы – воедино слившиеся души (Е. Кузьмина-Караваева); Мы все – родные братья, / А имя нам – народ (Д. Кедрин); Мы – это воля людей, устремленных / только вперед, вперед! (А. Прокофьев); Мы, – пленники Природы, – все мы / Окаменевшие костры (К. Эрберг); В мире мы – гости, / Всё – чужое. / И, как ни один хозяин, / Ты можешь сказать: «Мое» (М. Кузмин).

Особой разновидностью подобной МЫ-позиции в лирике является «**МЫ дружеское / любовное**», ср.: *Мы – натянутые в небо / Две стрелы! / Мы одни на рынке мира / Без греха. / Мы – / Из Вильяма Шекспира / Два стиха (М. Цветаева).*

В данной группе метафорических построений особое внимание обращают на себя следующие тематические подгруппы.

Метафоры со сферой-источником «семейно-родственные отношения», ср.: *Мы – Лады сыновья, но кто был наш отец – / Не ведает никто (А. Кондратьев); Мы – дочери Земли, но наш не долог век (А. Кондратьев); Мы сыновья одной семьи, / Мы проживем – века (П. Антокольский); Надо нам / Земным сынам / Не охать, / Гнать похоть, / Блуда бояться, / Зря не смеяться (Е. Кропивницкий); Нам, только нам горька она была, / Ее сынам, печаль земли родимой (А. Твардовский); Мы Советского Союза / Верные сыны (Е. Полонская); Пусть только серые, все мы повстанем, / Сыны полей и орала (Э. Багрицкий); Довольно / в люлечных рифмах нянчить – / нас, / пятилетних сынов зари (В. Маяковский); Всё лучшее земли давно другими взято, / Но мы, твои сыны, покончившие путь (К. Случевский); Друг, мы – дети единого лона. / Я не ангел, к тебе благосклонный, / я не злая судьбина людей (В. Набоков); Но всё же мы народ единый, / Единой матери сыны (Ф. Тютчев); Мы – тройчы дзеці ў вечным крузе: / Мы – дзеці роднае сям'і, / І – дзеці Маці-Беларусі, / І – дзеці Матухны-Зямлі (Н. Гілевіч); Было, заставалася й будзе. / Для Бога мы Дзеці ўсе, Людзі (В. Аколава); Мы – Твае дзеці, Твае пілігрымы, / мы ідзем шляхамі Тваімі... пад сонцам Вялікага Княства / Рэчы Паспалітай (Д. Бічэль); Мы – нашчадкі разбураных казак, / Дзе разгульваюць здані (М. Шэлехаў); Уваскрасіць бы ўсіх на міг, / Каб паглядзелі абаронцы, / Як сёння мы, нашчадкі іх, / Звяраем шлях зямны па сонцы (М. Маляўка). Подобные конструкции в максимальной мере концептуализируют идею широкого коалиционного «МЫ» (по Л. А. Гоготшвили), объединённого одной историей, судьбой, предназначением, мировосприятием. «Согласно русскому мировосприятию, Я есть часть МЫ, а не законченная, совершенная форма, индивид, как в ряде европейских культур. МЫ – это нечто важное, без чего не может существовать мир, оно почти всегда сопровождается позитивной коннотацией» [Маслова 2011, с. 16].*

Особенностью русского поэтического дискурса в этом плане является тенденция к стилистической возвышенности контекста за счёт частотного употребления в качестве правого (В-) элемента метафоры поэтически маркированной лексемы *сыны*. В белорусских контекстах аналогичного плана в этой же функции доминирует лексема *дзеці*, а в качестве ближайших контекст-партнёров в большинстве случаев фигурируют лексемы типа *Беларусь, радзіма, маці-радзіма*, региональные названия и т. п.

Метафоры со сферой-источником «мир природы» (органистические метафоры): *Мы – последние листья на ветке осенней, / Многих ветер, играя, унес* (Л. Алексеева); *Нам гробницы – стены волчьих ям, / Мы – колосья темного посева* (С. Марков); *Мы – ржавые листья / На ржавых дубах...* (Э. Багрицкий); *Все мы – яблони и вишни / Голубого сада* (С. Есенин); *Все мы – гроздья винограда / Золотого лета* (С. Есенин); *И нас – два колоса несжатых – / Смогла на миг соединить / В степи на выжженных раскатах / Осенней паутины нить* (М. Зенкевич); *И мы – два пышных пустоцвета – / Следили вместе, как вдали / Средь бледно-золотого света / Чернели клином журавли...* (М. Зенкевич); *А песня свая і мова / Нам дадзены недарма: / Народа няма напалову – / Ён ёсць ці яго няма. / І нельга забыцца, пазбыцца – / Яны не даруюць нам: / Мы з іх – як рэчка з крыніцы / Выходзім насустрач сынам* (В. Зуёнак).

Техногенные метафоры (сфера-источник – «машины и механизмы»), ср.: *Па сутнасці Зямля – прыродны касмалёт. / А як яшчэ інакш назваць планету? / Яна ж ляціць ужо мільёны год / У глыбіню бязмежнага сусвету. / Але ляціць не проста ў белы свет, / А к мэце той, к такому небасхілу, / Куды, я ўпэунены, з усіх планет / Адной маёй Зямлі дамчаць пад сілу. / Нас кліча ўладна далячынь нябёс. / Мой любы ўнук, хачу, каб змалку знаў ты: / Сыноў Зямлі чакае зорны лёс, / Мы ўжо ад нараджэння касманайты. / Мы сталая каманда карабля, / Касмічнага, блакітнага, як ранне...* (А. Зарыцкі).

Этнонимные метафоры, ср.: *Усе мы – шукальнікі шчасця. / Усе мы у душы цыганы* (А. Грачанікаў); *Увесь наш свет – вялікі табар, / І ўсе мы – трохі цыганы* (Р. Барадулін); *Мы – те, об ком шептали в старину, / С невольной дрожью, эллинские мифы: / Народ, взлюбивший буйство и войну, / Сыны Геракла и Ехидны, – скифы* (В. Брюсов); *Херувимы мы іль черти – / Все мы отпрыски цыган!* (К. Случевский).

Партиитивные метафоры: **МЫ** может концептуализироваться как **малая часть чего-то огромного, неизмеримо большего** (Вселенная, космос, человечество и т. д.), ср.: *Мы – тоненькая пленочка живых / Над темным неизбывным морем мертвых* (И. Елагин); *...Мы – ноты / У чалавечым канцэрце* (П. Макаль); *На скрыжаваннях сусвету / Хто мы і колькі нас? / Пылінка. Малая пры гэтым. / Драбок галактычных мас* (В. Зуёнак); *Усе мы літары / Зямлі – / Зялёнай кнігі* (Р. Барадулін).

Противоположный по отношению к рассмотренному выше случай – это **метафорическая репрезентация лирического МЫ в контексте семантики большого множества** (Много, Простор, Космос, Абсолют, История), ср.: *Мы, то есть история, / мы, то есть космос, / мы – мол в океане* (Б. Слуцкий); *Сказать по правде, мы – уста пространства / И времени...* (А. Тарковский); *Мы – повстанцы вселенной, мы – боги / Легендарного дня* (Д. Андреев). Для белорусского лирического дискурса подобная МЫ-позиция в целом не характерна и представлена единичными примерами, ср.: *Мы толькі ходзім па зямлі; / А думкі нашыя ў нябёсах. / І Млечны Шлях, / Як вечны посах, / Відзён з туманнай араллі, / Каб не забыўся напамін, / Што зоры – / Нашых мар радзіма* (Р. Барадулін).

Весьма близкими в концептуальном плане являются метафорические конструкции, реализующие **МЫ-позицию с общей семантикой силы, всемогущества, героизма, социального обновления** и т.п. (своеобразное «МЫ-советское»). Подобные конструкции – одна из ярчайших жанрово-стилистических примет поэзии первых десятилетий советской эпохи, ср.: *Мы – это фронт. И в трусости, пожалуй, / Нас явно невозможно упрекнуть!* (А. Прокофьев); *Мы – свой мир осознавшие звери, / Мы – совет мировых воротил* (М. Тарловский); *Счастье народа мы с бою возьмем, / Мы – красный полк Варшавы* (Э. Багрицкий); *Мы – новое время – / в разгромленной мгле / Стоим / на летящей куда-то земле* (В. Луговской); *Мы – молодость мира, / мы только на старте, / мы только / от города / взяли ключи, / и вы нас / не гните, / вы нас / не старьте, / мы – / новых повадок и дел / москвичи* (Н. Асеев); *Мы – / добытчики завтрашних дней / И сегодняшних ассенизаторы* (С. Третьяков); *Мы – кормчие мира, мы – боги и дети, / В пурпурный Октябрь повернули рули!* (Н. Клюев); *А мы шляхі вярнуцца знойдем, / Як вырай іх знаходзіць век, / на сонцу, што над намі ўзойдзе, / на звону беларускіх рэк* (М. Танк); *Як навальніцай, сілай шматмільённай / Змяцём забойцаў племя мы з зямлі* (П. Панчанка); *Мы самі крылы набывалі / У цяжкай працы векавой, / Для ўзлёту гарт ім надавалі Агнём і ўласнаю крывёй* (А. Пысін); *Мы – маладыя, як рэвалюцыя, / Поўны агню, як гартоўныя домны* (П. Броўка); (П. Броўка); *Партыі любімае мы дзеі. / Мы яе жаданняў буйны рост* (П. Броўка); *Мы – сыны барацьбы – / адкідаем параднасць* (П. Броўка).

Подобного рода метафорические построения нередко реализуются на уровне целых текстов, например: «Мы» (В. Маяковский); «Мы – наступление» (Н. Ушаков); «Двести пятьдесят миллионов» (П. Антокольский); «Мы победим» (П. Герасимов), «Первородство» (Л. Мартынов) и др.

В поэтическом дискурсе советской эпохи представлены и такие метафорические МЫ-позиции, которые находятся в своеобразной концептуальной оппозиции к метафорически структурированному «МЫ-советскому», ср.: *Нам не шелк, одна овчина, / Мы – несчастливый*

народ. / И в тетрадах чертовщина, / И в судьбе нашей не прет! (О. Мандельштам); Так, скромные, богоугодные, / Душой и телом – благородные, / Дорожкой простонародною – / Так, доченька, к себе на родину: / В страну Мечты и Одиночества – / Где мы – Величества, Высочества (М. Цветаева); – Ой, Боже, да кто ж вы? / – А мы – бездорожье, / Дубленая кожа, / Дрянцо, бессапожье, / Ощепья, отребья, / Бессолье, бесхлебье, / Рвань, ягоды волчьих, – / Да так себе – сволочь! (М. Цветаева).

В ряде случаев метафорически структурированная МЫ-позиция реализуется в контекстах с **общей семантикой темпоральности, реализующих мотив человеческого пребывания в этом мире, текучести и невозвратимости времени** и т. п. Ср.: *Мы – прохожие персоны, – / Смутный сон в твоей весне...* (С. Черный); *И мне, мелькая мимо, дни / Напоминают пенной сменой, / Что мы – мгновенные огни – / Летим развешенной пеной* (А. Белый); *Мы – времени рабы, / Распяты в пространстве* (Г. Глинка); *Мы – слова такого письма, / Якое ў вяках не сатрэца* (П. Макаль); *Єсьць ланцуг / між мінулым і тым, што ідзе... / Мы – як звёны таго ланцуга!* (Г. Аўласенка); *Мы – ўдзельнікі драмы і фарса, – / Часовыя госці Зямлі* (С. Грахоўскі).

Следующая группа примеров иллюстрирует выдвижение на первый план оценочных коннотаций (в большинстве случаев – негативных), сопровождающих **самоидентификацию в совокупности с идеей объединения многих Я в МЫ, ср.:** *Что мы?! / Мы – азиаты. / И их рабов, / чтоб не смели мычать, / пером / обложил / закон многолистый* (В. Маяковский); *Мы – самозванцы, / Выдающие себя / За собеседников богов* (Д. Самойлов); *В семье отцов мы – жалкие пигмеи* (О. Мандельштам); *Мы – як чужыныцы. / Нас не разумеюць / Ні кіяскёры, ні культпрацаўнік* (Л. Рублеўская); *Мы ўжо сябе выракаемса самі, / Нібы рагацікі з-пад карчоў* (Р. Барадулін); *мы, дамарошчанья філосафы, / зрабілі чарговае адкрыццё...* (А. Пісьмянкоў).

Следующая модель – **референциальное соотнесение МЫ с группой неживых объектов**, в результате чего последние могут олицетворяться, а МЫ – деперсонифицироваться, ср.: *Мы – / действующая армия журналов и газет* (В. Маяковский); *Мы – только масло для машины* (Вс. Рождественский); *Мы – столб остывающей ртути* (М. Тарловский); *Мы – летящая стая хвостатых комет* (А. Белый); *Мы з гадамі, як ракаўкі, дзе / Глуха мора надзеі гудзе, / Калі вечнасць падносіць да вуха* (Р. Барадулін); *Мы, стрыманыя камяні, / Трываем вежсы, камяніцы (...)* *Мы – стомленыя валуны, / Маршчыны зніклі з нашых шчокаў* (Р. Барадулін); *Крыж – гэта мы, / Што ўсё ўхапіць хацелі / І нецярпліва рукі развялі* (Р. Барадулін).

Метафорическое воплощение лирического МЫ в метаязыковом контексте. Данная модель представлена сравнительно немногочисленными примерами, демонстрирующими рефлексивный вектор в поэтическом осмыслении сущности лирического МЫ, ср.: *Я мечтал: наше «мы» –*

крылато, / И взлетит оно над судьбой (К. Эрберг); Пусть в розницу идут слова, / Как хочешь назови нас, – / Пусть жизнь товар и смерть товар, – / Не продается голова / И сердце не на вынос (Е. Полонская); Кто мы? / Адказаць павінны самі, / Каб, і адышоўшы на клады, / Прашумець дажджамі, / Як лясамі. / Хай за намі ўслед / Растуць гады! (Р. Барадулін).

Структурирование лирического МЫ посредством апелляции к прецедентным феноменам. В первую очередь здесь следует отметить широкое использование ономастической метафоры [Ратникова 2003; Ларина 2011] в качестве В-компонента, ср.: *Мы – / Эдисоны / невиданных взлетов, / энергий / и светов (...)* *Мы – / Маркони / гигантских взлетов, / энергий / и светов (В. Маяковский); Мы – Вагнер, Винчи, Тициан. / Мы новому музею-зданию / Воздвигнем купол, как Монблан (М. Герасимов); Мы – огнемечущая Этна, / Сорвали пыльный шлак оков (М. Герасимов);* или в ближайшем контексте, в качестве распространителя В-компонента, ср.: *Мы – лучи Люцифера, восставшего в звёздном чертоге (Д. Андреев); Мы – тень Мамаевой орды (Н. Тихонов); Мы – ваших слабых душ Молохи (Н. Минский); Мы – зараженные совестью: в каждом / Стеньке – святой Серафим, / Отданный тем же похмельям и жаждам, / Тою же волей томим (М. Волошин); Янка Купала – гэта мы. / Мы, якімі павінны былі быць, ды не збыліся (Р. Барадулін).*

Фиксируются также реминисценции к классическим художественным произведениям, ср.: *Но мы не «наказанье», мы «преступленья», / Мы – это дети первой ступени (Л. Лавров).*

Антиметафора и приём ухода от метафоры, ср.: *Мы не скифы, не люблю, / Други, п'янствовать бесчинно: / Нет, за чашей я пою / Иль беседую невинно (А. Пушкин); Нет, мы не скифы. Не пугаем шкурой (И. Сельвинский); Мы не призраки. Мы не из сказок, / Не труха за музейным стеклом. / Мы – вся толща седого Кавказа, / Мы столетья берем напролом (П. Антокольский); Мы не лапцужныя, / Мы ўжо не тыя, / Досыць мы ў цемры брылі без прыстанку... / Сённяя мы ў промнях / Прывабнага ранку, / Моцныя духам, душой маладыя, / Бачым камуны агні залатыя (П. Броўка).*

В качестве противоположного случая можно рассматривать примеры типа приводимого ниже, поскольку здесь, наоборот, акцентируется момент ухода от прямой референции в пользу её замены на метафорическую, ср.: *Среди холодной тьмы / Мы – жертвы искупленья. / И мы – не только мы, / А капелек сцепленье (В. Шаламов).*

Амбивалентный метафорический образ, репрезентрующий внутреннюю противоречивую природу коллективного коммуниканта: *Мы – тот корабль, который тонет, / И тот, кто потопил его (Г. Раевский); В пучине мира мы – нечаянный огонь: / либо мы весь мир ослепим, / Иль либо нас потушит он (А. Платонов).*

Помимо метафорически структурированной утвердительной и отрицательной идентификации МЫ-позиции в языке белорусской и русской поэзии достаточно широко представлен **квестивный модус МЫ-метафорики**, ср.: *Высь звездная – не та же ль ряска тины, / А мы – не шуки ли и караси?* (С. Клычков); *Кто же мы – летающие вздохи / или вздохов моментальный снимок?* (М. Айзенберг); *Есть какие-то границы / меж парами и туманом. / Или мы – микрочастицы, / чьи параметры туманны? / В этой точке сон не длится: / слишком скорость музыкальна* (А. Еременко); *Но разве мы – лишь пепел, глина, грязь?* (С. Липкин); *На скрыжаваннях сусвету / Хто мы і колькі нас? / Пылінка. Малая пры гэтым. / Драбок галактычных мае* (В. Зуёнак); *Хто вы такія, у вышыванках / Пані-панове? З якой стараны? / – Мы – беларускае сцэны світанак, / Дзеці шляхцянак / і дзеці сялянак, Мы – беларускія дачкі, сыны* (Л. Рублеўская).

Ряд собранных примеров демонстрирует **совмещение выявленных и описанных выше семантических моделей**. Например, в стихотворении П. Макаля «Каласы» совмещаются органистическая и природная метафоры с социумной, ср.: *Мы / Мы / Мы / галасы зямной красы, / кроплі ў жытнім моры, / каласы, мы галасы / У небывалым хоры* (мы – каласы; кроплі, галасы ў хоры).

В структурном отношении можно констатировать, что МЫ-метафоры текстах русских и белорусских поэтов в целом реализуются в тех же типах конструкций, что и любые другие, а именно:

- **ОРМ**: *Мы – урок, / отмеченный крестиком школьника: / дсп [дээспэ] / (до сих пор)* (С. Кирсанов); *Жывём мы на гэтым свеце / Заложнікамі бяды* (Р. Барадулін);

- **МРМ**: *Театр распахнут, словно бой, / и мы – его солдаты – ценим / искусство жертвовать собой / не только на высокой сцене* (Н. Ушаков); *Гусли нам – сосны, и ветки их – струны* (К. Бальмонт); *Усе мы жыхары / Краіны прагнай ведаў* (Р. Барадулін); *І мы – як з дрэва існасці лісты* (Р. Барадулін);

- **веерных РМ**, ср.: *Мы Вестники Грядущей новой Красоты, / Мы – Поступь, мы – Дыханье иных Веков Прекрасных...* (И. Садофьев); *Мы – / дзеці усе аднога дрэва, / Часцінка дзён забытых драм* (А. Пісьмянкоў); *Мы дукі, гранды, інжынеры / Складаных чалавечых душ* (Я. Купала), а также в их различных **комбинациях**: **Мы** – сапожники. Слово – кожа. / **Мы** – художники. Слово – краски. / **Мы** – гудошники. Слово – сказка / про богов и про небо тоже (Б. Слуцкий), в том числе **конвергированных тропеических конструкциях**: *Свай вбивал в ум народа и оси, / Сделал я свайную хату / «Мы – будетляне»* (В. Хлебников) (метафорическая конструкция + окказиональное слово).

5.2.3. Метафорические презентации собеседника (адресата) (ТЫ / ВЫ): интерлокутивные метафоры

Метафорические репрезентации собеседника (адресата поэтической речи) предполагают создание тропеических построений с местоимениями 2-го лица (ТЫ и ВЫ / ТВОЙ и ВАШ) в качестве А-элемента. «Ты» – одна из главных ролей в имманентном сценарии высказывания. Речь может быть прямо обращена к «ты» (прямой внешний диалог, молитва, просьба, приказ), что соответственным образом отражается на семантической ткани и смысле речи, но помимо такого прямого обращения всякое высказывание содержит имманентного адресата (имплантированного в имманентную высказыванию структуру использованных в нем точек говорения), выстраивая между имманентными «ты», «я», «он» и «мы» всегда конкретно определенные сюжетные отношения» [Гоготишвили 2006, с. 619]. «Слово *вы* обозначает множественность собеседников (за исключением говорящего); частным случаем – обозначение группы «собеседник и ещё кто-то» в таких сочетаниях, как *вы с ним, вы с ней, вы с ними* (т. е. 'ты и он', 'ты и она', 'ты и они'. Слово *вы* в отличие от *мы* не обладает разнообразием употреблений. Самое характерное – это употребление при вежливом или официальном обращении к одному лицу...» [Русская 1980, с. 534–535].

В качестве наиболее характерных метафорических образов функционируют следующие тропеически структурированные ТЫ/ВЫ-позиции в текстах современной белорусской и русской лирики (интерлокутивные метафоры).

«ТЫ» обобщённое: *На древе человечества высоком / Ты лучшим был его листом, / Воспитанный его чистейшим соком, / Развит чистейшим солнечным лучом!* (Ф. Тютчев); *I пойдзеш ты ў бясконцым ланцугу, / Дзе толькі цені, цені, цені, цені* (М. Мятліцкі); *I ты, узнесены ў салоне, / На ўзмежжы змроку і святла, Сябе пачуеш у палоне У рэактыўнага крыла* (М. Мятліцкі).

«ТЫ = X = Я». Отличие данной модели от предыдущей в том, что через метафору ТЫ обращается в Я (эффект стороннего голоса): *Мне говорил какой-то голос: / Крепись, в руках себя держи! / Ты ничего, ты только колос / На бесконечном поле ржи. / В поту прокисла гимнастёрка, / Нёс ПТР я на весу... / А голос пел: ты листик только / В тысячелистvenном лесу!* (Е. Винокуров); *Мне кажуць: / «Не забывайся на тое, / што ты граеш галоўную ролю / ў гісторыі свету* (А. Івашчанка).

«ТЫ = Я / Я = ТЫ»: *Я – это ты. Ты – это я / На хрупком льду небытия* (Г. Иванов); *Как горько мне, как жаль, что ты – / Ведь это – то же я* (А. Твардовский); *Расстояние между тобой и мной – это и есть ты* (И. Жданов); *Было – спрачаўся я з табою / Да палыновай гаркаты, / Ды зразумелі мы абое: / Ты – гэта я, / Я – гэта ты* (А. Зарыцкі).

«ТЫ / ВЫ любовное¹»: Ты – з глыбіні віёлавых садоў! / І, снежань упрыгожыўшы сабою, / Не закрываеся ад халадоў / Ні хустачкай і ні маёй журбо (Л. Дранько-Майсюк); **Цябе**, як пушчу, адкрываю / У зменах часу і святла. / То ты прамая, то крывая, / То немая, то гаваркая, / То ты – расінка, то – смала. / Калі ты блізка – так маюю, / Адыдзеся – і пазнаю / Бездапаможную, малую / **Цябе**, былінку палявую, / Былінку горкую маю (А. Пысін); Ты – любовь мая! / Ты – перевертень ума, / Ты – как лето на саночках, / Как в веснушках зима (М. Светлов); Мне кажется, что вы – оживший образ / Той тишины, что вы ее родня (Д. Самойлов); **Вы** – белое бургундское вино, / Где дремлет сладостно струя шампани, / И режется, и пенится заране, / Восторга скрытого оно полно / **Вы** – персик, румянеющий янтарно: / Пьянит и нежит девственный пушок (М. Кузмин); **Изящны Вы** – как музыка «Миньоны», / Как Мирры Лохвицкой стихи! (И. Северянин).

«ВЫ вежливости», ср.: Расчленённые в скобках подробно, / эти формулы явно мертвы. / Узнаю: эта линия – вы! / Это вы, Катерина Петровна! (С. Кирсанов); ...на брустверы цвёрдым / **Ваша** цеплицца кроў... / Што **Вы** той жа Чацвёрты, / Хто да нас не прыйшоў (Я. Янішчыц).

Иногда подобные контексты сопровождаются ироническим оттенком либо реализуют интенцию, противоположную вежливости, ср.: «Вы индивидуально-хороши, / **Вы** – зеркало общественной души», – / Союзу говорит он, как девице (М. Тарловский); **Вы** – / ни господу богу свечка / и ни дьяволу / кочерга (Н. Асеев); **Выпадкова**, без пэўнай прычыны, / спачувальна і не без ласкі, / мне сказала твая жанчына: / – **Вы** як ліска з японскай казкі... (Р. Баравікова); **Прашу** падданства **Вашага** даўно, / А **Вы**, як суверэнная дзяржава, / Мне адмаўляеце, але ласкава. / Мой сподзеў грэе гэтае адно (Р. Барадулін); **Вы** – знаўцы, **вы** – тонкія знаўцы / Адной чалавечай струны, / Хітруны (П. Макаль).

«ВЫ множественное»: Верстняк-монгол, трубач-франконец, / Брадатый петел русских звонниц, / Теперь вы – дрожь мембранных донец, / Узлы незримых волоконца! (М. Тарловский); О, все вы, – о, все вы, – о, все вы / Теперь превратились в цветы! (И. Северянин); Кунакі **вы** Эльбрусу, / Хоць з паўночнае пашы, – / **Вы** душой – беларусы, / **Вы** з характарам нашым! (В. Зуёнак); Дзяліцеся ласкі нячэрствай скібкаю, / **Вы** – госці ў гэтым застоллі. / І ваша жыццё, як лучына скіпкая, / Не ўгрэе нябеснай столі (Р. Барадулін). Как видно, здесь партитивная семантика тропов накладывается на реализацию ими идеи неразрывной связи элементов неких множеств во времени и пространстве. Это же характерно и для метафорической репрезентации ТЫ-позиции: Ты – Сусвету ўсяго / пясчынка (Р. Барадулін).

¹ См. о метафорической экспликации «Ты любовного» в работе [Кисель 2014, с. 4].

Серия выявленных нами примеров иллюстрирует концептуализацию противопоставления **ТЫ** и **ВЫ**: *Доўгі шлях яшчэ ад «вы» да «ты»* (Р. Барадулін). Ср. также [ПА-188; ПА-189; ПА-190].

В большинстве случаев **ТЫ**- и **ВЫ**-позиции в метафорических построениях русских и белорусских поэтов представлены в качестве левого (*A*) элемента. При этом позицию правого (*B*) элемента могут, как и в случае с суппозитивными автометафорами и коалиционными метафорами, могут замещать номинации, разноплановые с точки зрения семантики и структуры, а именно:

- **предмет, нелицо и пр.:** *Народные вожди! Вы – вал, взметенный бурей / И ветром поднятый победно в вышину* (В. Брюсов); *Пусть вьюга с улиц улюлю, – / Вы – радугой по хрусталу, / Вы – сном, вы – вестью: я вас шлю, / Я шлю вас, значит, я люблю* (Б. Пастернак); *Ты тая хмарка, / Што захмар'е / Наслала нам / Для светлых слёз* (Р. Барадулін); *А з памяці – белаю яблыняй. / Ты, весняя, русая, вернешся* (М. Мятліцкі);

- **лицо (в том числе Я/МЫ):** *Вы – владыки / их души и тела, / с вашей воли / встречают восход* (В. Маяковский); *Вы – двойники мои, я знаю. / Быть может, вы и плоть моя, / Но, Бога ради, кто же я?* (Н. Крандиевская); *І ўжо не я глабальны тып, / А вы – абрыс майго партрэта* (В. Зуёнак); *Вы, завадатары гонкі, / Вы, трубадуры эпохі, / Годзе бабахаць у гонгі! / Дайце адстаць трохі* (П. Макаль). Особой разновидностью метафорических построений подобного рода является отрицательная метафора: *Не ўздыхайце. Вы не вецер* (Р. Баравікова); *Вы – не лето с осенью, зимою, весною: / нет вам даже однократного повторенья* (Б. отвлечённое понятие: *Вы – точка сознания, и видно весьма: / такая из точки пошла кутерьма, / что пунктик становится Явью* (С. Петров); *Вы мне жыццём і забыццём былі, / І першым, і апошнім спадзяваннем* (Р. Барадулін);

- **известное лицо (прецедентный оним) или совокупность лиц:** *И вот уже морского странника / Далеко силуэт сиротский. / Вы – крестный моего «Титаника».* / (Почти из Вас цитата, Бродский) (И. Елагин); *Когда-нибудь, пускай предвзято, / обязан будет вспомнить свет / всех вас, рязанские Мараты / далеких дней, двадцатых лет* (Я. Смеляков); *Давай распалім вознішча на ўзлессі, / Па зорах паварожым давідна, / Бо ты – і Вераніка, і Алеся, / Ты, як і сэрца, у мяне адна. (...) Увечары сустрэнемся на ўзлессі, / Не будзем паўтараць забытых слоў... / Мая ты – Вераніка, і Алеся, / І Вера, і Надзея, і Любоў* (С. Грахоўскі); *Хочаши, стану Адамам і ты, мая Ева, / Яблык наш зорны сарвеш?* (М. Мятліцкі);

- **вымышленное лицо или группа лиц:** *Вы только призраки, вы горькие упреки, / Терзанья совести, просроченные сроки* (К. Бальмонт); *Вынаходцы вятроў! / Міжсусветыя стаеры! / Вы на гонцы вякоў / На які век паставілі?* (У. Някляеў); *Калі ты ў небе – ластаўка жыцця – / Хірургаў двух мужчынская размова / Вяртае маму зноўку з небыцц* (М. Мятліцкі).

Реже фиксируются случаи обратного построения, когда Ты/Вы позиция представлена в качестве правого (В) элемента метафоры, ср.: *Те арфы – это вы, певцы моей отчизны!* (А. Майков); *Узнаю: эта линия – вы!* / *Это вы, Катерина Петровна!* (С. Кирсанов); *Маланка хмару падпаліла, / Агнём закідала душу, / І я агонь той не тушу: / Майму ён сэрцу вельмі мілы. / Маланка тая – гэта ты...* (У. Карызна).

В структурном отношении конструкции, реализующие интерлокутивные метафоры, помимо двучленных, достаточно широко представлены и «многократными», «вверными», соответствующими формуле $A = B_1, B_2 \dots B_N$. Такого рода построения способствуют созданию многомерных, порой амбивалентных образов Ты/Вы. Ср.: *Границы, / вы – / пустые пропасти, слепые бездны, рвы / отвесных замков* (С. Кирсанов); *Ты – сеятель причин и следствий жнец, / Но есть и на тебя причина* (С. Гандлевский); *Ты мне сонца! І мора! І подых маю! / Я люблю цябе так, што кроў, як прыбой* (У. Караткевіч); *Ты – / абжыты мой дом. / І – нязведаны вырай* (П. Макаль); *Цябе, як пушчу, адкрываю / У зменах часу і святла. / То ты прамая, то крывая, / То немая, то гаваркая, / То ты – расінка, то – смала. / Калі ты блізка – так малюю, / Адыдзешся – і пазнаю / Бездапаможную, малую / Цябе, былінку палявую, / Былінку горкую маю* (А. Пысін); *Вечназялёнага дрэва жыцця / Плод самы спелы і мудры / садоўнік – / Ты, чалавек!* (С. Законнікаў).

Как и автометафоры, интерлокутивные метафоры могут реализоваться в форме диалога, внутри которого образуются своеобразные квестивные суппозитивные метафоры ср.: *Хто заводзіць каго, не знаю, / Вы – пласцінку. / Ці вас пласцінка?* (П. Макаль); *Хто вы – / Ці людзі, мае сваякі, / Ці ваўкі?* (Р. Барадулін); *Да хто вы? Люди или птицы?* (И. Эренбург); *А кто ты – / Атман, дух, монада – / Не все ль равно?* (Д. Андреев).

Наконец, для метафорики описываемого типа также характерна текстообразующая функция (П. Панчанка «Хвала Вам!» [ПА-191], С. Грахоўскі «Размова з помнікамі» [ПА-192] и др.). Подобного рода интерлокутивные метафоры иногда фиксируются в функции заголовков поэтических текстов («Ты – музыка» [ПА-193], «Ты – дождж і снег» [ПА-194], «Ты – летняе сонца» [ПА-195] У. Карызны; «Ты – тень теней» А. Белого [ПА-196]; «Ты – что загадка» [ПА-197] В. Брюсова).

5.2.4. Метафорическое структурирование коммуникативных ситуаций с разными видами коммуникантов

Чаще всего в лирическом дискурсе представлены сложно устроенные коммуникативные ситуации (КС), включающие в себя не один, а несколько коммуникативных статусов участников, различные их модификации, ракурсы, смену статусов и пр.

На исследуемом материале в качестве основных нами выявлены следующие модели метафорически структурированных лирических КС такого рода.

Модель «Я – ТЫ/ВЫ». Совмещением автометафоры с интерлокутивной метафорой – самая распространённая модель функционирования метафорически структурированной КС с коммуникантами разных видов из тех, что представлены в текстах белорусской и русской поэзии. В большинстве случаев таким образом реализуются ключевые концепты интимной (несколько реже – дружеской лирики), ср.: *Спяценне рук маіх – табе падушка, / Мурог пад бокам – царская пасцель. / Нам велічальны гімн сывала птушка!* (П. Макаль); *Без цябе я – птушка без крыла* (Т. Трафімава); *Мне цябе не стае, быццам мору прыбою, / Ветру – ветразям, / Ранню – барвовай зары, / Як сасмяглым у дальніх дарогах спакою, / Хуткім стругам прычалу ля роднай зямлі* (В. Лукша); *Я – стараница твоему перу. / Всё приму. Я белая стараница* (М. Цветаева); *Я – сосна в твоём бору* (Л. Татьяничева); *Если ты – / провода, / я – / троллейбус. / Ухвачусь за провода / руками долгими, / буду жить / всегда-всегда / твоими токами* (Р. Рождественский).

Семантика единства и взаимности может при этом осложняться семантикой различия и даже контраста, ср.: *Когда ты станешь мной, а я тобой, / Нас будет улаживать один прибор* (Д. Самойлов); *Это Вы – цветок, Тамара, / А морозика – это я* (Н. Олейников); *Я бел, / любимая. / Я – мел, / который морем был, / и рыб и птиц имел, / и побелел. / Я – меловой период. / В глубине / есть отпечатки раковин на мне. / Моя ладонь, / и та / лишь оттиск допотопного листа. / А ты – начало. / Ты полет стрекоз. / Ты всплеск летучих рыб. / Ты небо первых гроз. / Ты только что начавшаяся жизнь. / Ты радуга. / Ты первая из призм. / Ты только что открытые глаза. / Ты водопад из золота волос. / Ты вылет первых ос. / А я – глубинный мел, / в моей душе / былых стрекоз, и рыб, и птиц клише. / Рукой веселой камни разгребя, / на белом / мне / прочти: / «Любил тебя»* (С. Кирсанов); *Я – тень песчинки пред твоей судьбою, / Но тем, что вижу я, но тем, что знаю я, / Но тем, что мыслю я, – я властен над тобою!* (В. Луговской); *Мы – палюсы. / І я, відаць, Паўночны. / Паўднёвы – ты* (А. Сербантовіч); *Ты – сяло, і я – сяло. / Нас звяло і развяло* (М. Стральцоў); *Я – польмя, / каханая – бы лёд* (М. Федзюковіч); *Я выцісну цябе з сябе, / Як выціскаюць яд змяіны* (Р. Барадулін).

Особой разновидностью подобного рода конструкций являются отрицательные метафоры, ср.: *Што ты не вінт, а я не гайка, / Дагэтуль зразумець не можам* (П. Макаль); *Не подруга ты моя, / Это «ты» – второе «я»* (Г. Глинка).

Помимо образов интимной лирики подобная метафорика характерна и для репрезентации иных поэтических смыслов. Например, у И. Бродского таким образом выстраивается развёрнутая метафора поэтического творчества, ср.: *Ты – ветер, дружок. Я – твой / лес. Я трясусь листвой, / изъеденною*

весьма / гусеницею письма. / Чем яростнее Борей, / тем листья эти белей. / И божество зимы / просит у них займы [См.: Двоенко 2014, с. 133–134].

Данная модель может расширяться за счёт объединения Я и ТЫ/ВЫ в интегрирующее МЫ: «Я +/- ТЫ/ВЫ = МЫ», ср.: *Я не магу, каханая, нічым / утаймаваць душэўную палярнасць. / Ты – дня майго засмужанага радасць, / я – боль тваёй маланкавай начы. / Усё ў мяне з табой упершыню: / на золку – споведзь, вечарам прычасце... / Мы – дзве ракі, напоўненыя шчасцем, / мы – дзве рукі, што мкнуцца ў вышыню (М. Федзюковіч); Мы з табой, як вершаліны, / А карані – пад зямлёй (А. Грачанікаў); А мы з табой, як човен з хваляю, / Адзін другога даганяем, / То набліжаемся, то далеем, / Вітаемся за небакраем (Р. Барадулін); Мы – словы такога пісьма, / Якое ў вяках не сатрэцца. / Ты – мост, / на якім нездарма / Іду я з патамкам сустрэцца (П. Макаль); Я и ты... Громче, сердце, стучи! / Пусть два слова сольются в одно! / В наше сердце, глубокое дно, / Вольной воли запали ключи. / ... / Звонкий звук в золотое звено / Сердце сердцем навеки сольет. / Вот он, слышите, слышите, бьет: / Мы – одно, мы – одно, мы – одно... (А. Крайский); Ты – это я. Я – это ты. / Слова нежны. Сердца пусты. / Но щедрей и угрюмей / Наши вольные страсти – / Ты – как золото в трюме, / Мы – как парус и снасти (Д. Самойлов).*

Модель «МЫ – ВЫ/(ТЫ)». Названная модель метафорически структурированных КС также достаточно распространена у белорусских и русских поэтов. В большинстве случаев она работает на реализацию контрастивной семантики контекста, структуризацию полярных установок коммуникантов и в целом антагонистической коммуникации, что свойственно для текстов социально-философской направленности. Ср.: *Вы – хорошие. Мы – другие. / Мы – без денег и без моторов. / Мы – не черная металлургия. / Мы – промышленность редких металлов. / Мы – выигрыш. Вы – зарплата. / Вы – нормальные, вроде плана. / Мы – цветастые, как заплата / На дырявой спине цыгана.* Весьма примечательно название (по первым строкам) процитированного стихотворения Б. Слуцкого – «Разговаривать неохота...». Ср. также: *Мы – это люди / Вы – это боги / Наши деревни / Ваши дороги (Д. Хармс); Мы с вами под диктовку пишем / Несходных нравами богов; / Мы – под диктовку доброй феи; / Вы – гнома злобы и вражды (В. Курочкин).*

В редких случаях отмечаются подобного рода конструкции с местоимением 2-го лица единственного числа, ср.: *Ты – зыбь отходящей ночи, / Мы – новый красный день (С. Родов).*

Иной пример, где оппозиция МЫ и ВЫ выстраивается по несколько иному критерию (реализуется идея связи и – одновременно – противоречий времён и поколений): *Мы – галіны. / А вы – карэнні. / Мы – наследнікі. / Продкі – вы. / Вы маэчыце э сваім сутарэнні, / Мы шумім иматгалоссем ліствы. / Лупіць нас то град, то залева. / Нас калоцяць крутыя вятры. / Мы хістаемся эправа і элева, / Падпіраючы сонца эгары. / І з-за эласнага гоману дрэнна / Чуем мы ваш дакор нямы. / Два паверхі адзінага дрэва – /*

Вы і мы... / Пазіраем падчас звысоку / Мы, галіны, / На вас, карані. / Хоць і знаём, засохлі б без соку, / Што знаходзіце вы эглыбіні. / Нам – святло, / А вам – сутарэнне. / Гэта дадзена лёсам самім; / Нас трымаеце вы, карэнні, / Вы маэчыце, а мы шумім (П. Макаль).

Немногочисленными примерами представлены случаи концептуального схождения (отождествления) МЫ и ВЫ: *Мы – / это вы, / Не лучше и не плоше. / Когда вам весело, / Мы веселимся тоже. / Когда вы злы, / Мы тоже злы. / Нет высшей похвалы, / Чем та, когда / Нас путают: / С читателем – / поэта. / А если различат – / Не очень важно это (Д. Самойлов); Вы – Всемирный наш Товарищ... / Гордо шествуйте и смело, – / С Вами Мы непобедимы... / Мы и Вы – едино Тело, / Вы и Мы – неразделимы (И. Садофьев).*

Модель «Я/МЫ – ОН/ОНИ» сходна в структурно-смысловом и функциональном отношениях с предыдущей, однако структурирует не диалогические отношения субъектов поэтической коммуникации, а выражает некоторую персональную/интерперсональную оценочную позицию (как правило, отстранение, контраст, реже – тождество), исходящую от Я/МЫ в отношении не участвующих в КС лица или совокупности лиц (объектов): *...он – это я, зеркальный поединок / закончился вничью: не знает смерть свинца, / и черной тишины прозрачные седины / не видят ни себя, ни чейного лица. /... / он – это я. его златую тайну / тебе не одолеть, осенняя толпа: / все эти сентябри сегодня неслучайно / закончатся во тьме, которая слепа (В. Казаков); Маленства нізкастрэхага куранты, / Няўседлівага часу хадакі, / Пакуль мы мітусімся, кватаранты, / Яны ідуць няўмольна, / Як вякі (Р. Барадулін); Легко представить можете / жителя Японии: / если мы – как лошади, / то они – / как пони (В. Маяковский); Мы – красные строители счастья, дней чарующих, / Они – тираны белые, творцы гнетущей тьмы... (И. Садофьев).*

Наконец, в собранном нами материале представлены и такие примеры, в которых фигурируют **метафорически репрезентированные разностатусные коммуниканты** (обозначенные местоимениями 1-го и 2-го лица), а также входящие с ними в единую образную цепь «**третьи лица**» (обозначенные местоимениями 3-го лица во вторично-прагматической функции). Ср.: *Я – / это ты, / твоими друзьями продленный / до полного мира, / до крайней мечты, / до века, / где счастьем, / как снегом, / засыпаны все рубежи. / Я жив – это значит: / ты жив. / Я сделал мотор – / это значит: / тобою он начат. / Прошу, передай остальным: / их жизни останутся, / их руки дотянутся / к нам. / Им солнце достанется. / И мы – / в обновленные дни / прошедшие дальше, / прожившие дольше, – / ОНИ (С. Кирсанов)¹; Нередко / Бессмертия ищем / Мы только лишь в прошлом своем, / И молимся мы корневищам / И пнищам осанну поем, / Чтоб после*

¹ Пример заимствован из статьи [Норман 2016, с. 134].

кричать: / «**Мы** не **мы!** **Я** / **Не я!** Ты не ты! Он не он!» (Л. Мартынов);
И вот / Лишь на одно ответьте, если можно: / **Вы** – жєницинами **Вы** «он» –
или «она»?» (З. Гиппиус);
На птушак і звяроў падобны ўсе мы, / На добрых і злых, / Бо як адзін / Мы з аднае касмічнае сістэмы / Сваіх сцяжын, / Сваіх мясцін, / Хацін. / На голас, чалавеча, адгукніся, / Яшчэ ўсміхніся / Птушкам і лясам, / Яны і ты даўно ў чырвонай кнізе, / Якую ты завёў паспешна сам. / Хто пракрычыць табе, / Жаўна ці слонка, / Калі змутнее чыстая бруя, / Што ў кнізе пахаплівая старонка / Запоўнена апошняя / Твая? (Р. Барадулін).

5.3. Дискурсивная интеракция «текст в акте адресации» vs. «текст в акте восприятия» в аспекте лингвометафорологии

Метафорическому структурированию могут подвергаться не только отдельные фигуранты коммуникативной ситуации лирического текста (коммуниканты), но и вся коммуникативная цепь в целом, представленная на своих противоположных концах текстом адресованным и текстом воспринимаемым и/или воспринятым. Речь идёт о тех случаях, когда облик адресованного текста и/или характер его адресации подвергается метафоризации и на выходе мы получаем некий иной, переосмысленный облик текста (тематический, жанровый, смысловой и пр.). Иными словами, нас интересует действие метафорического механизма на уровне канала передачи текста и сопровождающих эту передачу авторских интенций и/или ожиданий от адресата.

В общем виде восприятие текста реципиентом предполагает переход от мотива к действию: «Побудительный мотив к восприятию текста реципиентом формируется как решение одной из частных задач того или иного некоммуникативного действия. Этот мотив обычно включает более или менее осознанное представление о той отрасли знания, к которой должен принадлежать предполагаемый текст, и эксплицируется в сознании реципиента как необходимость получения некоторой информации, отсутствующей у него на момент времени формирования мотива к восприятию текста» [Каменская 1990, с. 127].

В дальнейшем процесс восприятия осуществляется с опорой на те или иные ориентиры, которые подсказывает сам текст. «Внешние (языковые и речевые) признаки цельности выступают для реципиента как сигналы, позволяющие ему, не дожидаясь полного восприятия текста (а иногда и с самого начала процесса восприятия) прогнозировать его возможные границы, объём и, что самое главное, его содержательную структуру и использовать все эти данные для облегчения адекватного восприятия» [Леонтьев 1999, с. 136]. Подобное прогнозирование с опорой на сигналы жанра носит, естественно, вероятностный характер [Маслова 1999, с. 23–24].

В частности, жанровая идентификация текста основывается на жанровых ожиданиях. Последние можно расценивать как производные от лингвокультурной пресуппозиции (компетенции) читателя. В структуре жанровых ожиданий можно условно выделить две составляющие.

Дотекстовая составляющая, т. е. прогнозы в отношении подлежащего прочтению текста, которые появляются у реципиента ещё до начала его чтения и уже на этом этапе способные задать более или менее жесткую программу декодирования. Дотекстовые жанровые ожидания могут быть, в частности, связаны со знанием творческой манеры автора. Как известно, многие поэты и писатели сосредоточиваются в своём творчестве на каком-то одном жанре, например, на басне, как И. Крылов, на фантастике, как А. Беляев, на детективе, как А. Кристи и т. д. Дотекстовые прогнозы могут быть также обусловлены характером оформления книги; тем, кто предлагает прочитать нам данный текст, и т. п.

Инициированная текстом составляющая, которая может срабатывать в виде а) быстрой инициации той или иной стратегии декодирования (когда начало текста позволяет адекватно установить жанротип и обуславливает выбор нужной стратегии) или б) постепенного, нарастающего развёртывания стратегии декодирования с её корректировкой в процессе продвижения по тексту. Вот как об этом пишут Т. А. Ван Дейк и В. Кинч: «Языковому пользователю нет необходимости дожидаться конца абзаца, главы или целого текста, чтобы понять, о чём идёт речь в тексте или его фрагменте. Другими словами, вполне вероятно, что пользователь языка может догадаться о теме текста уже после минимума текстовой информации из первых пропозиций. Догадку может подтвердить самая различная информация: заглавие, тематические слова, тематические первые предложения, знание о вытекающих глобальных событиях или действиях и информация из контекста» [Ван Дейк 198, с. 168], ср. также приведённую выше цитату из книги А. А. Леонтьева.

Момент семиотического усложнения текста (в нашем случае – метафоризация коммуникативной ситуации) вносит определённые коррективы в решение задачи восприятия текста, поскольку дотекстовые знания (а возможно, и начало самого текста), ориентирующие реципиента на одну программу восприятия, на каком-то этапе интерпретационной деятельности приходят в противоречие с дальнейшей текстовой информацией. «В процессе метафорической коммуникации параллельно говорящим и слушающим порождаются смыслы, которые либо совпадают частично и фрагментарно, либо вовсе не совпадают. Именно в таких случаях проявляется загадка метафоры» [Добжиньская 2000, с. 516]. Иными словами, некое «А» перерастает по ходу прочтения текста в некое «В», что и подлежит интерпретации по линии разгадки метафоры. «Акт восприятия метафоры предполагает именно такой сложный и многоаспектный отклик со стороны адресата, который охватывает разные стороны интеллекта. Тем

самым, создание и понимание метафоры рассчитано на личное и заинтересованное участие обоих участников диалога – отравителя и адресата» [Добжиньская 2000, с. 519].

Например, если предложить читателю спрогнозировать жанр текста, имеющего название «*К вопросу о коммуникативной функции слова*», то им наверняка будет дан прогноз на отнесённость данного текста к научному стилю в области лингвистики. Однако стихотворение с таким заголовком мы встречаем у поэта Д. Сухарева [ПА-68]. Отсюда – своеобразный эффект обманутых ожиданий, следствием которого становится и юмористический эффект. Достигается это включением в текст типологически «не своих» конструктивных элементов (в данном случае – заголовка). Ср. также названия ряда стихотворных произведений В. Шершеневича: «Принцип развернутой аналогии», «Ритмическая образность», «Принцип параллелизма тем», «Принцип поэтической грамматики» [см.: Черняков 2007, с. 15–16].

Подобная «нестыковка» текста как целого и отдельных содержащихся в нём жанровых маркёров может быть отмечена уже в заголовке, ср. «Баллада-диссертация» (А. Вознесенский), «Баллада о бане», «Баллада о короткой шее» (В. Высоцкий), «Ода курильщику» (Е. Сазонов), «Гимн забору» (А. Макаревич), «Ода чахлу», «Ода горлу» (П. Макаль), «Ода ходзікам» (Р. Барадулін), «Ода пра чыгунок» (Г. Юрчанка), «Ода вершаробу» (С. Шушкевіч), «Ода кухні» (В. Аксак) и др.

Как видно, сами перечисленные тексты в реальности явно не соответствуют тем «высоким» жанрам, которые маркированы заголовками, что ведёт к смысловой модификации последних и перестроению программы интерпретации самих текстов в сторону сатрико-юмористических жанров.

Не менее характерным приёмом, используемым белорусскими и русскими авторами, является индивидуально-авторская репрезентация жанра (типа) текста, когда последний метафорически перекодируется тем или иным образом, ср.: [ПА-198].

Весьма интересным случаем является авторский прогноз на восприятие его текста или даже творчества в целом, своеобразная программа восприятия, подсказываемая читателю, поэтическая авторефлексия, ср.: *Я хочу быть понят своей страной, / А не буду понят – что ж... / Над родной страной я пройду стороной, / Как проходит косой дождь...* (В. Маяковский); *Стих последний, прошу, не примите буквально, / Ангел мой, я и так обливаюсь слезами. / Фет дивится, зачем я гляжу так чертовски-печально... / Ох, скорей умереть, лишь бы только увидеться с Вами* (В. Соловьев); *Я хачу напісаць радок, / толькі адзін радок, / які наіўны паэт / з галавой, кучаравай, як воблака, / мог бы ўзяць за эпіграф. / Напішу хоць бы так: / «Я аднойчы бачыў кепскага чалавека»* (М. Стральцоў); *Мой вери – як з чытачом размова, / Хоць пра сябе пішу парой, / Але заўсёды мае слова / Ў радках лірычны мой герой* (А. Балуценка).

Поскольку «интерпретация речевого произведения не безразлична не только к тому, кем именно и в какой обстановке оно было произнесено, но также и к фактору адресата» [Арутюнова 1981, с. 358], последний также весьма часто оказывается в фокусе метафоризации, обуславливающей специфику коммуникативной ситуации текста. «Использование вокатива позволяет не только конкретизировать или метафорически определить референта, но и создать впечатление прямого контакта автора с адресатом» [Кисель 2014, с. 9].

В текстах белорусских и русских поэтов обнаруживаются различные варианты коммуникативной ситуации, структурированной подобным образом.

Это, например, эксплицитный диалог автора с воображаемым читателем, пример которого, в частности, находим в стихотворении В. Некляева «Вадэвіль у двух актах» [ПА-199].

К текстам подобного рода близки те, в которых структурируется разговор с заведомо некоммуницирующим объектом [ПА-200]. В этом плане весьма показательны тексты с так называемым компаративным обращением¹. «Обращаясь к неодушевленному объекту (...), поэт, разумеется, не ждет от него ответа, но соответствующий коммуникативный настрой оказывается решающим для процесса текстопорождения и существенно влияет на конечный облик поэтического произведения» [Соловьева 2007, с. 5].

В качестве партнёра по коммуникации в таких текстах могут выступать:

• **природные явления и объекты окружающего мира неживой природы:** *Я люблю вас, Планета... / Чаму ж не астынеш ад стрэсу? / Я люблю вас, Еуропа, / Мы стынем ад слова «вайна» (В. Коўтун); Скажы мне, мора: хто цябе ўгпявіў, / Чым згап'баваў і дужа замаркоціў, / Што ты няспынна ў белай злосці грыў / За валам вал, нібыта помету, коціш? / Чаму за ўсё ў адказе берагі? (А. Бачыла); Мая Айчына, / ты – / душа / маёй душы, / што абрасце сумам / на табе, / пакуль я – / за даламі, / за лясамі... / О Бацькаўшчыны шчодрая зямля, ты – / сэрца / майго сэрца, што ўвабрала / гром бубнаў / ўсіх вяселяў / на Палессі... / Радзіма! / Твае вочы, / як дзве думы, / глыбокія і ясныя дзве думы, глядзяць трывожна / на мяне (М. Федзюковіч); Сябрам, што прыходзяць з давера / Гасцінна, мой Брэст, адчыні / Радзімы парадныя дзверы / На першай вярсце цішыні (В. Гардзей); Трывож мяне, сонейка, раннем, / Каб часам праспаць я не мог, / Як ладзіць жыццё вандраванне / У новую далеч дарог (А. Астрэйка); Годны край! / Налівай буйным зернем жыты, / Каласуй і красуй – / і, як сыну, павер мне: /*

¹ «Применительно к обращениям, содержащим в своем составе метафоры, считаем целесообразным использование термина *компаративные обращения*» [Железнова-Липец 2009, с. 153].

Не хачу між калоссяў / быць коласам тым, / Што часамі ўзрастае без зерня (М. Арочка); *О, рукі шчырыя!.. Вы – промні / Людской гарачай дабраты. / О, рукі, пахнучыя поўняй – / Пианічным хлебам залатым!* (Л. Якубовіч); *Ты прости-прощай, моя Россия!..* (Ю. Кузнецов); *Вселенная! Так вот твоя изнанка!..* (И. Елагин); *Арбат – одна из самых узких улиц... / не разминуться на тебе, Арбат!..* (А. Межиров); *Прощай, табачный дым! Прощайте, папиросы!..* (Н. Минский); *И помню – столько долгих лет / Сияли в небе крылья птицы, / Еще хранившие от бед / Тебя, гвардейская столица!..* (В. Лебедев); *Русь, Русь!.. Твой пастиший рожок / Мы вытрубим в рог изобилья...* (Н. Ушаков); *Дымись, библиотека! / Развейся, пепел, по сырой земле* (Ю. Кузнецов); *Пой, мандолина, / Пока так запоется, / Что струна оборвется!* (Д. Самойлов);

- **представители животного и растительного мира:** *Толькі цяпер зразумеў / Як належыць, / Як ад цябе, колас, / Многа залежыць* (У. Карызна); *Ваша светласць бяроза / і ваша высокасць дуб, / ваша міласць асіна / і яснавяльможнасць ясень – паважаныя дрэвы! / Сякеры на вас не вастру, – / стаіце вы аховай / зямлі гэтай годна на варце. / У мяне да вас просьба такая: / калі я памру, / над моёю магілай / БЕЛАРУСКІЯ песні спявайце* (І. Лагвіновіч); *Я сговорюсь с молчанием камней / И с вами, рыбы, как и с вами, птицы!..* (Л. Мартынов); *Погибай же, Гуляй-Поле, / молодое жито!..* (Э. Багрицкий); *Отдохните, птицы, отдохните, / Подремлите, милые мои...* (Ю. Кузнецов); *Зачем ты, ива, вырастаешь / Над судоходною рекой / И волны мутные ласкаешь, / Как будто нужен им покой?* (Н. Рубцов);

- **отвлечённые понятия:** *І ты, о час, што браўся дагадзіць / Жаданням першым, не крычы ў адчай: / Цябе мы не збіраемся судзіць, / Мы толькі супярэчнасць прыкмячам* (А. Бачыла); *О век дваццаты! Хіба толькі гэта – / Тваіх сыноў украдзены спакой – / Перадасі далей, як эстафету, / Другім вякам і сыйдзеш мірна ў Лету – / Тым застанешся ў памяці людской?* (В. Рагойша); *Погасни, время!..* (А. Белый); *Но в тебя не верю, гласность, / Вижу всю твою напрасность, / Неестественность твою...* (А. Межиров); *Солоно мне твое солнце, март, / Мнимогорячее, только на стеклах / И оживляющееся* (В. Кривулин); *Лги, память, безмятежно лги: / Нет очевидцев, я – последний* (С. Гандлевский);

- **собственное творчество, феномены интеллектуальной и духовной деятельности:** *Ляці, мая думка, ляці ты, галубка, / У далёкую даль – / Ухмарку змяніся, / стралою нусціся / Між ветравых хваль* (К. Буйло); *Узрост... узрост... / Скажы, што робіш з намі? / Каму на ўцеху падмяняеш нас? / Мы аб цябе, як непрыбрапы камень, / У спешыцы спатыкаемся штораз* (А. Бачыла); *Не ў белым тумане, не страту шукаць / Цячэш ты, людскіх спадзяванняў рака* (А. Бачыла); *Сонечны ветразь маленства, – / ты / Шумам лісця калыхала жыты* (М. Мятліцкі); *Замри, мой стих!..* (Ю. Кузнецов); *Ни о чем другом, / строка моя, не смей! / Другого смысла*

нету / тебе, моя **строка!** (Г. Семенов); *Ах, вопросы, вопросы прямые,* / вы не обошли ничего (Б. Слуцкий); *Моё мастерство, ты особого рода. Ты мяч тот, что с силою послан в ворота. Удар в лобовую, ты голая суть. Ты – как там?* – кратчайший меж точками путь (Е. Винокуров);

• **предки, великие предшественники, которых нет среди живых, литературные герои.** «При помощи такого вида идентификации поэт размыкает временные и пространственные рамки» [Кисель 2014, с. 11], в результате чего актуализируется «вертикальный контекст», подключаются интертекстовые и/или интердискурсивные отношения: *Прадбачыў ты, / Мой чалавечны продак, / І светлы час, / І дружнюю сяўбу. / Аб нас заўжды / Ты думаў у паходах / І на Нямізе / Ладзіў малацьбу. / Араў і сеяў, / І зямлю скародзіў. / Карміцельку, / Яе не даў на глум. / Які ўжо век / Пасля цябе ўзыходзіць / Дух дабрыні / З зярнятаў тваіх дум!* (В. Гардзей); *Ты, кажучь, вечна марыў пра зварот / да тых вытокаў, што з глыбінь бруяцца, / аб новых нарастках патурбавацца, / каб не пабіў сухмень ці недарод* (М. Арочка, «Каля магільны Максіма Багдановіча»); *Пудка шапоча на ветры аер, / Снег атрута ў зямным умалоце. / Як жа вам чуецца ў свеце цяпер, / Людзі мае, на палескім балоце?* (М. Мятліцкі, «І.П. Мележу»); *На крылах душы адляцела, / Каб тоькі ў песнях вярнуцца, / У сонечны «Дзень вечаровы», / Ў «Каліну зімы» захінуцца. / Ах, Жэня, навошта так раніць / Народу пакутнаму сэрца? / Ад Ясельды – вечная памяць, / Ад Белае Русі – бяссмерце* (Г. Дашкевіч, «Жэні Янішчыц»); *Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник» / В раструб душы ея проник, / И рокотал, и сердце ранил, / И душу страстную тиранил* (А. Тарковский); *Здравствуй, Пушкин, издалека! / Твоя сказка – вечная странница, / А дорога сказки легка!* (П. Антокольский); *Ты, Боян, золотой соловей, / Сочетал в рокотании славы / Суховой половецких полей / И туманное облако Лабы* (Д. Самойлов); *Между кладбищенских голых ветвей / нету, Лумумба, могилы твоей* (Я. Смеляков); *Встань, Прометей, комбинезон надень, / Возьми кресало гроз высокогорных!* (П. Антокольский).

В отношении текстов белорусских поэтов мы подтверждаем ранее сделанные исследователями наблюдения (об этом свидетельствует и собранный нами материал), что в функции вокатива здесь наиболее высокочастотными являются лексемы типа *пясняр, народ, песня, Беларусь, Радзіма, поле, песня, доля, мова, роднае слова* и т. п., в целом олицетворяющие патриотические понятия и актуализирующие концепт «малой родины» [Кисель 2014, сс. 12, 17], что не столь ярко выражено в русском лирическом дискурсе, за исключением некоторых поэтов, прежде всего есенинско-рубцовского направления.

Иногда лирическая коммуникация с некоммуницирующими объектами структурируется не прямо, а опосредованно, через указание на характер подобного общения, ср.: *З ліпамі за кладамі / ясны прамень на «ты»!* (Р. Баравікова); *Яны, партызаны смелья, былі / на «ты» з перамогай* (Р. Барадулін); *Яна – / не майце бульбу ўлегцы – / З усімі стравамі / на «ты»*

(Р. Барадулін); *Забудь, что с небом ты когда-то был на ты...* (И. Жданов); *Были мы с войной на «ты»*, / *Всякие видали виды* (А. Межиров).

В составе текстов с метафорически структурированным обращением нередко встречаются суппозитивные метафоры: *Вам, / вечаровыя паланы – / Прытулак ягад і грыбоў, / Я буду самым паслухмяным / Добраахвотнікам-рабом* (Г. Бураўкин); *Зеленые рощи, зеленые рощи, / Вы горькие правнуки древних лесов, / Я – брат ваш, лишенный наследственной мощи, / От вас ухожу, задвигаю засов* (А. Тарковский).

Значительную группу поэтических текстов русских и белорусских поэтов представляют такие, в которых автор ведёт повествование от лица заведомо некоммуникационного объекта (П. Макаль «Маналог сабакі», «Песня заваднога салдаціка», «Песня зярнят», А.Блок «Монолог изумруда», Д. Самойлов «Песня ясеневого листка», М. Светлов «Песня трёх апельсинов» и др.) либо от лица другого человека (известной личности, литературного персонажа и пр.) (А. Сербантовіч, «Маналог Каліты», І. Лагвіновіч «Маналог Максіма Багдановіча», М. Горький «Монолог Буслаева», Д. Самойлов «Монолог Молчалина» и др.)¹. В стихотворении П. Макаля «Нафта» [ПА-181] находим интересный пример диалога таких метафор.

Наконец, говоря о месте метафоры в структурировании момента передачи текста от автора к адресату, следует, безусловно, учитывать и то, что «...в поэтических текстах некоторые смыслы выявляются в условиях коммуникативной и временной дистанции между автором и читателем, что позволяет находить в поэзии те смыслы, которые могут появляться в процессе существования текста в «большом времени»: каждое произведение искусства ведёт диалог и с голосами из прошлого, и обогащается новыми смыслами в будущем своем существовании, т. е. в нем проявляется координация систем: текст – время. Например, наш современник, переживший Чернобыльскую катастрофу, не сможет воспринять так же, как человек XIX века, белорусскую народную песню, в которой упоминается трава – разновидность полыни чернобыльник или чернобыль» [Муратова 2014, с. 20-21].

Справедливость приведённой цитаты можно проиллюстрировать стихотворением А. Вознесенского «Римский водитель», написанном в 1977 году [ПА-201]. От современного читателя данный текст отделяют более четырёх десятилетий, и мало кому сейчас известно, что в 70-х годах XX века была мода у водителей прикреплять на лобовое стекло автомобилей портрет Сталина. Из соображений цензуры А. Вознесенский прибегает к аллюзии «Цезарь – Сталин», и текст, таким образом, становится своеобразной метафорой-загадкой. Однако упомянутый временной промежуток длиною в два поколения, приведший к забвению данного факта, разрушил эту имплицитную метафору. Без подобных фоновых знаний – это лишь текст о Цезаре, лишённый подтекстовой метафорики.

¹ Подробнее об этом речь шла в п. 5.2.

Концептуально близким смыслом наполнены приводимые ниже строки белорусского классика Аркадия Кулешова, где речь идёт о восприятии поэзии молодняковцев поколением, отделённым несколькими десятилетиями, что структурировано посредством компаративного тропа, в фокусе которого – асимметрия адресованного и воспринимаемого, ср.: *Тысячы іх, тысячы / Пасланцамі племені, / Руху маладняцкага / Рынуліся з цемені / Да агню мастацкага. / Хай вартуюць дзіўныя / Вершы маладняцкія / Сховішчы архіўныя – / Іх магілы брацкія, / Хай радкі ўспрымаюцца / Сёння як гарэзія – / Сэнс у іх хаваецца / Большы, чым паэзія* (А. Куляшоў).

Выводы по 5-й главе

1. На интерактивном механизме, сущностно родственном метафоре, основан и канал передачи образной информации от адресанта к адресату в процессе порождения/восприятия текста/дискурса. Определение параметров коммуникативной ситуации поэтического текста напоминает разгадывание метафоры: Я, ТЫ, МЫ, ОН как составляющие информативно-образного кода поэтического текста должны быть адекватно интерпретированы («разгаданы»), тем более что в поэтическом дискурсе возможны различные формы их взаимоперемещения и перевоплощения. Так, «перевоплощение» повествователя в неодушевлённый предмет, либо иное живое существо влечёт за собой трансформацию референтной ситуации текста в недостоверную, фантастическую; в том случае, когда адресант текста рефлексировал по поводу собственного речевого акта, коммуникативная ситуация совпадает с референтной; включение в коммуникативную рамку текста прецедентных литературных образов (в частности, онимов) выводит данный текст в интертекстовой слой дискурса и т. д.

2. Метафора активно функционирует в поэтических текстах на русском и белорусском языках в качестве средства структурирования Я/МЫ/ТЫ/ВЫ/ОН-концептов, входящих в концептуальное ядро лирического дискурса, а с другой – являясь стимулом генерации контекстов разной протяжённости вплоть до интертекста. В языке русской и белорусской поэзии выработаны в целом аналогичные модели суппозитивных метафор как с точки зрения содержания, так и со стороны структуры, но при этом наблюдаются и определённые национально-стилевые особенности анализируемых конструкций и текстов. Например, конструкции, концептуализирующие идею «широкого коалиционного «МЫ» в русском поэтическом дискурсе демонстрируют тенденцию к стилистической возвышенности контекста за счёт частотного употребления в качестве правого (В-) элемента метафоры поэтически маркированной лексемы *сыны*. В белорусских контекстах аналогичного плана в этой же функции доминирует лексема *дзеці*, а в качестве ближайших контекст-партнёров в большинстве случаев фигурируют лексемы типа *Беларусь, радзіма, маці-радзіма*, региональные названия и т. п.

3. Метафорическому структурированию могут подвергаться не только отдельные фигуранты коммуникативной ситуации лирического текста (коммуниканты), но и вся коммуникативная цепь в целом, представленная на своих противоположных концах текстом адресованным и текстом воспринимаемым и/или воспринятым, когда облик адресованного текста и/или характер его адресации подвергается метафоризации и на выходе мы получаем некий иной, переосмысленный облик текста (тематический, жанровый, смысловой и пр.).

4. Момент семиотического усложнения текста (в нашем случае – метафоризация коммуникативной ситуации) вносит определённые коррективы в решение задачи восприятия текста, поскольку дотекстовые знания (а возможно, и начало самого текста), ориентирующие реципиента на одну программу восприятия, на каком-то этапе интерпретационной деятельности приходят в противоречие с дальнейшей текстовой информацией. Отсюда – своеобразный «эффект обманутых ожиданий». Достигается это включением в текст типологически «не своих» конструктивных элементов, например, «иножанрового» заголовка, переструктурирования жанра, введение авторского прогноза на восприятие его текста или даже творчества в целом, специфическим фактором адресации (разговор с заведомо некоммуницирующим объектом, повествование от лица заведомо некоммуникационного объекта и т. п.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Исследование лингвистической природы поэтической метафоры имеет длительную историю. Наибольшее развитие получило изучение метафоры как поэтического тропа. Выделяются следующие способы функционирования метафоры, представленные в лирических произведениях русских и белорусских авторов: метафора – локальный текстовый отрезок; метафора может – один из ключевых структурно-смысловых и идейно-образных элементов текста; метафора – структурно-смысловая основа целого текста (собственно текстообразующая функция), когда граница текста совпадает с границами тропа (текст-троп).

2. В последние десятилетия XX века вектор исследования метафоры сместился в сторону придания ей более значимого (в сравнении с традиционно-риторическим) статуса. Метафора изучается в структуре протяжённостей, больших, чем словосочетания и фразы, и в первую очередь – в тексте и как текст. Данный подход принимается в качестве основы для разработки метафорологии поэтического дискурса, выросшей из метафорологии поэтического текста. Ключевым для тексто-дискурсивного изучения поэтической метафоры является такое её свойство, как интерактивность, т. е. способность совершать и вербально фиксировать момент взаимодействия смыслов. Это свойство делает метафору одновременно изоморфной знаку (метафора – знак знака, знак «в квадрате») и дискурсу (действенной ипостаси текста). При этом метафора – активный фигурант притекстовых зон дискурса, т. е. тех интеракций, в которых ПТ проявляет себя как эстетически нагруженный коммуникативно ориентированный знак. К числу таких интеракций мы относим разнообразные взаимодействия ПТ с внеязыковым универсумом (действительностью), языковым универсумом, интертекстом (совокупностью как претекстов, так и посттекстов) и коммуникативной ситуацией.

Лингвистический статус поэтической метафоры как дискурсивно ориентированного феномена в анализируемых национальных поэтических стилях является универсальным. Национально-языковая специфика относительно русского и белорусского поэтических стилей частично (на уровне конкретных лексических наполнений и идиостилевых предпочтений) проявляется в основном по отношению к области конкретно-языковых фактов актуализации ведущих дискурсивных интеракций ПТ посредством метафорической речи, в то время как структурные типы организации тропеических конструкций в целом идентичны.

3. В качестве рабочего методологического положения принят тезис об онтологической знаковости текста, выражающейся в диалектическом дуализме внетекстового и внутритекстового, объективного и субъективного, реального и вымышленного. В этом смысле художественный текст рассматривается как метафора действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – как принцип взгляда на мир посредством текста. В рамках

связей «текст – действительность» у текста-знака с действительностью устанавливаются «метафорообразные» отношения сходства/несходства (реалистичности/фантастичности, истинности/ложности и пр.).

Метафоричность как свойство художественного текста базируется на полиденотативности – контаминации двух взаимодействующих денотативных пространств – 1) основного, реального (той предметной области, денотасферы, которая подлежит осмыслению) и 2) привлечённого, «фиктивного» (метафорической оболочки) для осмысления основного денотата. Ведущей стратегией декодирования текста становится установление и интерпретация взаимоотношений этих денотасфер друг к другу (эффект «двойного зрения»).

Использование поэтами обеих лингвокультур приёмов метафоризации, ориентированных на расподобление узуальной и поэтической картин мира, – один из активных языковых процессов, определяющих облик как непосредственно белорусской и русской поэтической метафорики, так и всего поэтического дискурса в целом. В качестве критерия систематизации семиотически «отклонённых» текстов принимаются параметры референтной ситуации текста в соотношении с его языковыми особенностями, на основании чего нами предложена следующая классификация:

- достоверные тексты с расчленённым двуденотативным пространством – тексты, основанные на соположении (параллелизме): они распадаются на две микроситуации, каждая из которых отражает одно денотативное пространство реального мира, а основание их соположения чаще всего проясняется путём выраженного элемента сравнения (Ф. Тютчев, «Два голоса»; Л. Паўлікава, «Прытча пра кветку» и др.);

- достоверные тексты с переводом одного из денотативных пространств в подтекст, что характерно для жанров аллегии и басни реалистического характера (А. Пушкин, «Анчар»; И. Крылов, «Ларчик»; К. Крапіва, «Філософ і рака» и др.);

- недостоверные тексты с переводом одного из денотатов в подтекст – тексты сказочного и фантастического жанров, а также иносказательные (аллегорические) произведения и басни сказочного характера; отличие данной группы текстов от предыдущей в том, что одно двух из денотативных пространств здесь принадлежит не реальному, а возможному миру (И. Крылов, «Лягушка и вол»; К. Крапіва, «Ганарысты парсюк» и др.);

- тексты с контаминацией двух денотативных пространств – собственно тексты-метафоры (Б. Пастернак, «Бабочка-буря», А. Пысін, «Прырода – скульптар...» и др.).

Выявлен (с применением метода трансформации высказывания с позиции его синтаксической деривации) градуальный характер метафорики как лингвoseмиотического механизма, лежащего в основе поэтического моделирования картины мира. Анализируемые метафорические конструкции распределены по шкале отхода от «реалистичности» к «неузуальности», к увеличению «семантического расстояния» между двумя совмещаемыми ситуациями: от «слабой» («языковой», «стёртой» метафоники) наподобие:

Ветерок веселый робок и застенчив (С. Есенин), *Туман за мной паплыў з ракі* (В. Шніп) – до конструкций, демонстрирующих заметные отклонения в реализации принципа деривационной симметрии: *И мне в окошко постучал / Сентябрь багряной веткой ивы* (С. Есенин); *Абцёршыся ветрам сцюдзёным / І сонца ўзняўшы у высі, / Дзень новы ідзе* (А. Пысін).

4. Установлено, что культурная маркированность может сопровождать любой из структурных элементов компаративного тропа. Следовательно, метафорика той или иной национальной поэзии способна транслировать не только интракультурную, но и интеркультурную информацию. Интракультурные метафоры основываются на сближении понятий одной культуры («своё – своё»). Ядром этой типологической разновидности являются традиционные тропы, фоновые формулы национальной поэзии. Подобная метафорика обычно привлекается для усиления представления о том или ином предмете (явлении, понятии) как неразделимо близком, родном; наиболее характерная для неё жанрово-тематическая среда – тексты, посвящённые теме Родины, дружбы, любви: *То по холмам, как три богатыря, Ещё порой проскачут верховые...* (Н. Рубцов); *Мы ўсе, нібы зерні з калоссяў, – / З зямлі ды ізноўку ў зямлю* (П. Панчанка). Интеркультурные тропы могут представлять собой различные варианты соединения разнокультурных реалий в рамках оппозиции «своего» и «чужого»: «своё – чужое»: *Дышала трава, Точно шкура вспотевшего льва* (Н. Гумилёв), *Я стану, як стэп, салёны, / Нібы Ледавіты, Шквальны...* (Р. Барадулін); «чужое – чужое»: *Сібір, Сібір – халодная магіла, / Забыць цябе няма ніякай сілы, / Старая ведзьма, мачыха мая!* (М. Кавыль); «чужое – своё»: *Открыв травой набитый рот, Скакал, как лошадь, бегемот, И зверь, чудовищный на взгляд, С кошачьей мордой, а рогат – За ними.* (Н. Гумилёв); *Паўстаў Нью-Йорк перада мной... / З чым параўнаць? Мурашнік, вулей?* (П. Панчанка).

Установлено, что русская поэзия по сравнению с белорусской – это в целом поэзия более широких пространственных координат; белорусские поэты стремятся к локализации своего пространства в пределах сферы бытия, которая непосредственно окружает человека, иначе говоря, локализуют свое пространство в пределах родины, причём чаще всего именно «малой родины», для чего характерны антропоморфные и зооморфные метафоры, восходящие к архетипам и устоявшимся поэтическим формулам («жизнь – сеяние», «жизнь – цветение», «смерть – увядание» и т. п.): *Гісторыя, як азярод, / Дзе ветраца снапы стагоддзяў* (Р. Барадулін); *Пасею слова – / спелае, як семя, – / нальцеца колас / Чысцінэй зямной* (М. Федзюковіч); *Які ўжо век / Пасля цябе ўзыходзіць / Дух дабрыві / З зярнтаў тваіх дум!* (В. Гардзеі); *Сейбіты – зялёныя таполі / Сыплюць белы пух на цёмны роў* (А. Пысін). В современной русской поэзии шире, чем в белорусской, представлены идиостили, склонные к своеобразным неометафорам, основанным на базе реалий нового времени, артефактов современной социокультуры: *Вот небоскрёб, / как градусник, стеклянен. / И лифт*

внутри его – / как ртутный столбик. / (Р. Рождественский); Рву кожуру с планеты, / сметаю пыль и тлен, / Спускаюсь / в глубь / предмета, / Как в метрополитен (А. Вознесенский). Обращают на себя внимание и такие поэтические тексты, в которых «русское» и «белорусское» пространства метафорически концептуализируются в сфере «своего», например: «Што я думаў, гледзячы на Каспійскае мора» (П. Панчанка), «Побач з Расіяй» (А. Пысін) и др.

5. Языковую рефлексию некоторые исследователи называют типологической особенностью литературы XX в. Одной из форм такого рефлексирования (а в некоторых случаях и его содержанием) выступает поэтическая метафорика. Эксплицитная филологичность отличает идиостили таких русских поэтов XX века, как В. Маяковский, С. Кирсанов, Б. Пастернак, И. Бродский, А. Вознесенский, Д. Сухарев, Б. Ахмадулина и др., а из белорусских мастеров поэтического слова – Р. Бородулина, Н. Гилевича, В. Веремейчика, П. Макаля, А. Вертинского, Я. Сипакова, Г. Буравкина, В. Зуёнка и нек. др. В монографии раскрыта сущность метафороподобия отношений «содержание – фактура» поэтического текста, а также выявлены формы участия фигурантов концептуального пространства «Язык» в метафорическом структурировании поэтической картины мира русскими и белорусскими поэтами.

Метафорические образы языка и филологических феноменов в текстах современной русской и белорусской поэзии достаточно разнообразны. Вместе с тем в ходе проведенного исследования выявлены некоторые наиболее устойчивые парадигмы (серии) образов, характеризующие данную денотасферу как объект поэтической метафорики: «язык – живой организм»: *А у людей обязанность другая: / Бесчисленную свору слов-зверят / Так выдрессировать, чтоб они / Не лаяли, не выли, не кусались / И на своих хозяев не бросались / И на соседей, Боже сохрани!* (Л. Мартынов), *Усё на свеце выпадкова, / апроч зямлі, / дзе гукі найзванчэйшай мовы / праз сэрца прараслі* (В. Сахарчук); «язык – природное явление, гармония природы»: *Летят снежинки-строфы, / Где ямбы и хорей, / Как блёстки катастрофы / Разгрома в эмпирее* (В. Шаламов), *О, колькі яшчэ не адкрыта / Адценняў у ёй і блакіту, / Патрэбных народу, паэтам, / Каштоўнай руды, самацветаў!* (М. Танк); «язык – оружие»: *Проза – это орудья тяжёлые, / но разведчики – это стихи* (Е. Евтушенко), *Там звiняць неумiручыя песнi на поўныя грудзi, / Там спрадвеку гучыць мая мова, булатны клінок* (У. Караткевіч). Значительную часть метафорических репрезентаций концепта «Язык» в обоих рассматриваемых поэтических дискурсах занимают контексты с отчётливо выраженным национально-культурным компонентом. Так, у белорусских поэтов в фокус художественной метафорики попадает прежде всего родное, живое слово; кроме того, для белорусской поэзии весьма характерны метафорически структурированные рефлексии по поводу современного состояния белорусского языка, особенностей его функционирования в обществе, его непростых истори-

ческих судеб: ...*браты мае моўнае поле / ў суседзяў сваіх арантуюць!..* (І. Лагвіновіч).

Установлено, что денотасфера «язык» представлена как при структурировании левого, так и правого элементов метафоры: язык не только способен сам подвергаться метафорическому осмыслению, но и функционирует как источник для образно-метафорического осмысления неязыковых объектов и явлений действительности: *Полицейский на перекрестке / машет руками, как буква «ж» ни вниз ни / вверх...* (И. Бродский); *Мае настаўнікі і вучні, / Мае калегі і сябры, / Без вас, / Як без прыдатка – злучнік...* (М. Аўрамчык). Образному структурированию подвергаются факты как родного, так и других языков.

В литературно-художественном и философско-литературном дискурсах широко представлены рефлексивные реакции на само понятие «метафора». Это позволяет утверждать, что слово *метафора* переживает динамичную стадию своего семантического обогащения, концептуализации. Концепт «метафора» – чрезвычайно ёмкий и сложный, семиотически амбивалентный, семантически подвижный, и наиболее полное представление о его смысловом объёме можно получить только из аналитического обобщения большого корпуса употреблений данного слова в различных видах дискурсивных практик. Но главное в любых рассуждениях о метафоре, в том числе с позиций *pro & contra*, – это изначально определиться с терминологией, т. е. с концептуальным наполнением данного термина-концепта. В связи с этим представляется важным провести грань: собственно метафора (например, конкретная фраза, конкретный образ) vs. принцип метафоры (метафорообразие).

б. Интертекст метафорообразен по своей сути, по природе, по своему семиозису и коммуникативной оформленности. Одно и то же стремление – ассоциировать, уподоблять, создавать сходство – характеризует и метафору (когда речь идёт о предметах и явлениях действительности), и интертекст (когда речь идёт о текстах). Изоморфизм интертекста и метафоры проявляется через объединяющую их и являющуюся конститутивной категорией интерактивности, определяющую диалогическую природу словесного искусства (по М. М. Бахтину).

В процессе исследования установлено, что выход метафоры в интертекстуальное пространство порождает чрезвычайно интересное явление метафорического «диалога». При этом имеется в виду, что в каждом своём последующем «перевоплощении» троп претерпевает те или иные структурно-смысловые изменения, т. е. тем самым деривационный тропообразовательный механизм продолжает работать за пределами текста-источника в направлении «текст – идиостиль – контекст литературного направления (школы, стиля) – контекст эпохи – национальный стиль – мировая литература – мировая художественная культура». К наиболее характерным структурно-смысловым преобразованиям можно отнести следующие: дополнение исходной метафоры следующим шагом развёрты-

вания, т. е. трансформация структурного типа $A = B$ в структурный тип $A = B_1, B_2 \dots B_n$; посттекстуальное развёртывание метафоры по принципу её превращения из бинарной (двучленной) в веерную (интегрирующую), т. е. из $A=B$ в $(A_1, A_2) = B$; прецедентная и вновь созданная на её основе метафоры могут расходиться на уровне *tertium comparationis* A и B-элементов.

В отношении диалога могут вступать как метафоры одного идиостиля, так и метафоры, разделённые и пространством (принадлежностью идиостилям разных авторов), и временем, и различными лингвокультурами (переключки / диалоги / споры с текстами классиков и современников, близких и/или отдалённых в идейно-тематическом, эстетическом, творческом планах). Интертекстуальное поле межкультурного метафорического диалога может быть более или менее обширным, протяжённым: текст – фрагмент текста; текст – текст; текст – совокупность, объединение текстов.

Устойчивые и разнообразные «переключки» текстов белорусских и русских поэтов, относящиеся к явлениям белорусско-русского художественного билингвизма (А. А. Гируцкий), позволяют говорить о русско-белорусском поэтическом интертексте как об особом его феномене, где в весьма высокой степени проявлена «культуроскрепляющая» функция метафоры. Метафорические словесные образы принадлежат к числу «сильных позиций», «фокусов» белорусско-русского интертекстового пространства. Здесь общность метафорики обнаруживается не только на уровне реализации архетипических моделей, но и в виде прямого диалогизирования конкретных текстов (их метафорических фрагментов) конкретных авторов: *...любой из нас хоть чуточку Есенин. / И я Есенин, / но совсем иной. / В колхозе от рожденья конь мой розовый. / Я, как Россия, более стальной / и, как Россия, менее берёзовый* (Е. Евтушенко); *Сэрца сумам засеяна, / Хмельнай радасці роздумам. / Ад Сяргея Ясеніна / Я хварэю бярозамі* (В. Стрыжак).

Среди основных функций такого диалогизирования – расширение культурно-семантического поля текста, актуализация национально-культурного компонента образа. В диалогизировании метафорики русских и белорусских поэтов абсолютно преобладающим является вхождение русского интекста в текст белорусского автора. Большинство подобных метафорических переключек реализуется в виде продолжения и развития исходного (прецедентного) тропеического образа; контрастивная оппозиция в поле белорусско-русского поэтического диалога на уровне метафорики представлена немногочисленными примерами.

7. Определено, что лирическая и – шире – литературно-художественная коммуникация представляет собой достаточно специфическую часть вербальной коммуникации в целом. На сущностно родственном метафоре интерактивном механизме основан и канал передачи образной информации от адресанта к адресату в процессе порождения/восприятия текста/дискурса. Определение параметров коммуникативной ситуации поэтического текста

напоминает разгадывание метафоры: Я, ТЫ, МЫ, ОН как составляющие информативно-образного кода поэтического текста должны быть адекватно интерпретированы («разгаданы»), тем более что в поэтическом дискурсе возможны различные формы их взаимоперемещения и перевоплощения. Исходя из природы самой поэзии с имманентно присущим ей антропоцентризмом, одно из ведущих мест здесь занимает лирическая авторефлексия. Поэтический дискурс в большей степени, чем какой-либо иной, Я-центричен. Именно лирическое «Я» – один из типичных центров в концептуальном пространстве поэтического дискурса. В структурировании Я-концепта поэтического дискурса весьма заметная роль принадлежит метафоре.

Суппозитивные автометафоры могут структурировать различные аспекты Я-концепта по критерию его статуса (собственно коммуникативном, аксиологическом, культурологическом, социокультурном и пр.). В монографии выделены две базовые модели подобного рода автометафор: «Я – (не) Я» и «Я – ДРУГОЙ». Первая реализуется в следующих вариантах: «Я» – пространство, форма бытия, самолокализация; «Я» – предмет, понятие, явление, лицо/статус, нелицо и пр. Оппозиция «Я – другой» обнаруживается в разноплановых проявлениях, связанных с последовательным помещением «Я» в различные по объёму хронотопы. Как правило, подобные автотропы отмечены заметной лингвокультурологической (этнокультурной, социокультурной) маркированностью. Это, в частности, метафорическая идентификация с другим известным лицом, для чего используется обращение к прецедентным фоновым онимам, относящимся, как правило, к сфере литературы и культуры: *Я – Гамлет* (А. Блок), *Я – Гойя!* (А. Вознесенский), *На зямлі я найпершы Адам* (М. Кавыль); *З нас таксама, напэўна, хлопцы, / Кожны – крышачку Адысей* (А. Сербантовіч); репрезентация отношений лирического «Я» с совокупностью других «Я», например, с социумом, нацией и т. п.; репрезентация отношения «Я» к некоторому иерархически высшему началу, т. е. БЫТИЮ, ТВОРЦУ, БОГУ, СОЗДАТЕЛЮ: *И всё же ты лишь капля в океане / Истории народа* (В. Луговской), *Я – інтэрнацыяналіст / І ў шумнай кроне чалавецтва / З тутэйшае галінкі ліст.* (Р. Барадулін).

Метафорические конструкции с местоимением МЫ в «левой» части могут быть квалифицированы как «суппозитивные коалиционные метафоры». Метафорическому структурированию могут подвергаться различные аспекты МЫ-концепта в широком спектре оценок (собственно коммуникативном, аксиологическом, культурологическом, социокультурном и пр.): *Мы все – родные братья, / А имя нам – народ* (Д. Кедрин), *Нас рухае нямы / кругазварот нязморны. / Ў прадчассі плену, мы – / нібы зярняты у жорнах* (А. Разанаў).

Метафорические репрезентации собеседника (адресата поэтической речи) предполагают создание тропеических построений с местоимениями 2-го лица (ТЫ и ВЫ / ТВОЙ и ВАШ) в качестве «левого» элемента

(интерлокутивные метафоры). При этом позицию «правого» элемента могут, как и в случае с суппозитивными автометафорами и коалиционными метафорами, могут замещать номинации, разноплановые с точки зрения семантики и структуры. В качестве наиболее характерных метафорических образов функционируют следующие тропеически структурированные ТЫ/ВЫ-позиции в текстах современной белорусской и русской лирики: «ТЫ» обобщённое; «ТЫ= X = Я»; «Ты = Я / Я = ТЫ»; «ТЫ / ВЫ любовное»; «ВЫ вежливости»; «ВЫ множественное» и др.: *Изяцны Вы – как музыка «Миньоны», / Как Мирры Лохвицкой стихи!* (И. Северянин), *Ты – Сусвету ўсяго / пясчынка* (Р. Барадулін).

На исследуемом материале в качестве основных нами выявлены следующие модели метафорически структурированных лирических коммуникативных ситуаций такого рода: Модель «Я – ТЫ/ВЫ»; Модель «МЫ – ВЫ/(ТЫ)»; Модель «Я/МЫ – ОН/ОНИ» и др.

В текстах белорусских и русских поэтов обнаруживаются различные варианты коммуникативной ситуации, структурированной подобным образом. Это, например, «нестыковка» текста как целого и отдельных содержащихся в нём жанровых маркёров; диалог автора с воображаемым читателем; разговор с заведомо некоммуницирующим объектом; повествование от лица заведомо некоммуникационного объекта; создание коммуникативной и временной дистанции между автором и читателем и др.

Выявлено, что в целом в языке белорусской и русской поэзии большинство моделей и конструкций метафорической репрезентации лирических коммуникантов и коммуникативных ситуаций в целом идентичны как с точки зрения семантики, так и со стороны структуры. Вместе с тем охарактеризованы и определены их национально-стилевые особенности в плане реализации ими текстового, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурного потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Абабурка, М. В.* Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў / М. В. Абабурка. – Мінск : Выш. школа, 1992. – 224 с.
- Абабурка, М. В.* Станаўленне і развіццё мовы беларускай мастацкай літаратуры / М. В. Абабурка. – Магілёў : Выд-ва МДУ, 2000. – 202 с.
- Авеличев, А. К.* Метафора и контекст / А. К. Авеличев // Вестник Московского государственного университета. – Сер. 10. Филол. – 1974. – № 3. – С. 30–40.
- Аксёнова, Н. В.* Оценочные смыслы в метафоре (на материале англоязычной литературы XX века) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Аксёнова ; СПбГУ. – СПб., 2007. – 19 с.
- Алёшина, О. Н.* Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Алёшина ; Новосибирск. гос. ун-т. – Томск, 2003. – 52 с.
- Амелин, Г.* Метафора как темпоральная структура / Г. Амелин // Логос. – 1994. – № 5. – С. 267–268.
- Андреев, А.* Маргинал: романы и повесть / А. Андреев. – Минск : Макбел, 2006. – 320 с.
- Андреев, А. Н.* Метафора как поэзия / А. Н. Андреев // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. – С. 298–303.
- Андреев, А. Н.* Психика и сознание: два языка культуры / А. Н. Андреев. – Минск : БГУ, 2000. – 233 с.
- Андреев, А. Н.* Философия литературы : учеб. пособие для студентов и магистрантов вузов [Электронный ресурс] / А. Н. Андреев. – Минск : Электронная книга БГУ, 2003 – Режим доступа: <http://anubis.bsu.by/publications/elresources/Philology/andreev3.pdf>
- Андреев, А. Н.* Целостный анализ литературного произведения : учеб. пособие / А. Н. Андреев. – Минск : НМЦентр, 1995. – 144 с.
- Анисимова, Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
- Арбиб, М.* Метафорический мозг. – 2-е изд., стереотип. ; перев. с англ. Э. Л. Наппельбаума / М. Арбиб. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 304 с.
- Аристотель.* Собр. соч. в 4 томах. – Т. 4 / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – С. 645–686.
- Арнольд, И. В.* Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. статей / И. В. Арнольд. – СПб. : СПбГУ, 1999. – С. 341–350.
- Арутюнова, Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136.
- Арутюнова, Н. Д.* Метафора / Н. Д. Арутюнова // Русский язык. Энциклопедия ; гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1998. – 703 с.
- Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
- Арутюнова, Н. Д.* Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. отд. лит. и яз. АН СССР. – М., 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
- Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Астраух, А. Э.* Рыгор Барадулін і сучасная беларуская лірыка : вучэб.-метаад. дапам. / А. Э. Астраух. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 121 с.

- Ахапкин, Д. Н.* «Филологическая метафора» в поэзии И. Бродского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. Н. Ахапкин ; СПбГУ. – СПб., 2002. – 21 с.
- Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
- Бабенко, Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 496 с.
- Бадрызлова, Ю. Г.* Основные методы и принципы создания русскоязычного корпуса концептуальной метафоры: опыт разметки с применением инструмента BRAT / Ю. Г. Бадрызлова, Н. Г. Шехтман, Р. Дж. Керимов // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 3(23). – С. 82–92.
- Балабан, О. А.* Метафора як семантична універсалія : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15 / О. А. Балабан ; Донецький нац. ун-т. – Донецьк, 2006. – 20 с.
- Балашова, Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 496 с.
- Баранов, А. Н.* Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафоры) / А. Н. Баранов // Труды Международного семинара Диалог '2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Аксаково, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/Baranov.zip>. – Дата доступа: 14.07.2019.
- Баранов, А. Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т рус. языка Акад. наук СССР, 1991. – С. 184–192.
- Барт, Р. S / Z / Р. Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат ; общ. ред. и ст. Г. К. Косикова. – М. : РИК «Культура» : Ad Marginem, 1994. – 303 с.*
- Басилая, Н. А.* Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний / Н. А. Басилая. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. – 78 с.
- Басималиева, М. К.* О понятиях «текст» и «дискурс» / М. К. Басималиева // Филол. науки. – 1999. – № 2. – С. 78–85.
- Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 473–500.
- Безкровна, І. О.* Комунікативна структура поетичного тексту (семантичний та прагматичний аспекти) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / І. О. Безкровна ; Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України. – Київ, 1999. – 16 с.
- Безруков, А. Н.* Поэтика интертекстуальности : учеб. пособие / А. Н. Безруков. – Бирск : Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. – 70 с.
- Белецкая, Е. В.* Моделирование особенностей конструирования метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Белецкая ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2007. – 19 с.
- Белозерова, Н. Н.* Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Н. Н. Белозерова. – Тюмень, 2001. – 352 с.
- Бельский, А. В.* Метафорическое употребление существительных (к вопросу о генитивных конструкциях) / А. В. Бельский // Экспериментальная фонетика и психология речи. Уч. зап. 1-го МГПИИЯ. – Т. 8. – М. : Изд-во МГУ, 1954. – С. 279–298.
- Блэк, М.* Метафора / М. Блэк // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–172.
- Бобылев, Б. Г.* Метафорическое использование грамматических категорий и форм в художественном тексте // Русский язык в школе. – 2004. – № 1. – С. 64–71.
- Бондарко, А. В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Текст. Структура и семантика : доклады. VIII Междунар. конф. ; Московский гос. обл. пед. ун-т им. М. А. Шолохова ; редкол.: Е. И. Диброва (отв. ред.)

- [и др.]. – М. : Редакция «Спортивная жизнь», ЗАО «СпортАкадемПресс», 2001. – Т. 1. – С. 4–13.
- Борухов, Б. Л.* Онтология художественного текста // Художественный текст: онтология и интерпретация: Сб. ст.; Саратов. межрегион. центр по изуч. худож. текста, Саратов. гос. пед. ин-т им. К. А. Федина; под ред. Б. Л. Борухова, К. Ф. Седова. – Саратов, 1992. – С. 4–15.
- Будаев, Э. В.* Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3 (26). – С. 37–48.
- Булахов, М. Г.* Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков / М. Г. Булахов. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 40 с.
- Бухтояров, С. И.* Семиолингвистические аспекты переводов пьес Шекспира на русский и немецкий языки : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С. И. Бухтояров; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 22 с.
- Бюлер, К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М. : Прогресс, 2000. – 528 с.
- Важнік, С. А.* Дзеяслоўная мадэль і паэтычная метафара / С. А. Важнік // Беларуская лінгвістыка. – 2001. – № 50. – С. 25–31.
- Ван Дейк, Т. А.* Стратегии понимания связного текста / Т. А. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–211.
- Ван Дейк, Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк; пер. с англ., сост. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
- Вардзелашвили, Ж.* Метафорическая картина мира в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.03 / Ж. Вардзелашвили; Тбилис. гос. ун-т им. И. Джавахишвили. – Тбилиси, 2002. – 32 с.
- Васильев, А. Д.* Интертекстуальность: прецедентные феномены : учеб. пособие / А. Д. Васильев. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 342 с.
- Васілеўская, І. Я.* Функцыянальна-стылістычныя выкарыстанне лексічных вобразных сродкаў у мастацкай прозе : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / І. Я. Васілеўская; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2000. – 16 с.
- Везерова, М. Н.* Динамика метафоризации в структуре художественного текста // Проблемы деривации: Семантика и поэтика : межвуз. сб. науч. тр. / М. Н. Везерова, Е. Г. Сиверина. – Пермь : ПГУ, 1991. – С. 90–98.
- Векшин, Г. В.* Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования / Г. В. Векшин. – М. : Изд-во МГУП, 2006. – 444 с.
- Веселовский, А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Высш. школа, 1989. – 405 с.
- Виноградов, В. В.* Поэтика русской литературы: Избранные работы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1976. – 512 с.
- Виноградов, В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с.
- Винокур, Г. О.* О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высш. шк., 1991. – 448 с.
- Вознесенский, А.* Диалог о поэзии / А. Вознесенский, В. Огнев // Юность. – 1973. – № 9. – С. 72–77.
- Ворошилова, М. Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : монография / М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 194 с.
- Ву Бок Нам.* Модели метафорического представления межличностных отношений в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ву Бок Нам; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 152 с.

Вундт, В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. – СПб. и др.: Изд. дом «Питер» ЗАО «Питер бук», 2001. – 159 с.

Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 480 с.

Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.

Гармажапова, Л. А. Личные местоимения русского языка в семантико-функциональном аспекте (в сопоставлении с бурятским языком) : авторф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Гармажапова ; БурятГУ. – Улан-Удэ, 1999. – 24 с.

Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Гируцкий, А. А. Общее языкознание : учеб. пособие для студ. вузов / А. А. Гируцкий. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 304 с.

Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий. – Минск : Университетское, 1990. – 175 с.

Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований : монография / О. И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.

Гоготишвили, Л. А. Непрямое говорение / Л. А. Гоготишвили. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 720 с.

Головина, Л. В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. В. Головина ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1986. – 21 с.

Голуб, В. Б. Анализ и сопоставление лирических стихотворений : учеб. пособие / В. Б. Голуб, И. Я. Чернухина. – Борисоглебск : БГПИ, 1990. – 142 с.

Гончаренко, С. Ф. Компаративные тропы в испанской поэтической речи (лингвистические проблемы анализа и перевода) : авторф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / С. Ф. Гончаренко ; МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1973. – 29 с.

Горицкая, О. С. Вторичные прагматические функции показателей лица (на примере обозначения говорящего и слушающего в диалогической речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. С. Горицкая ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 25 с.

Горло, Е. А. Универсальная антропоцентрическая модель поэтического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.20 / Е. А. Горло; ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет». – Ростов н/Д, 2007. – 46 с.

Гоўзіч, І. «Мне зразумела ўсё і усё не ясна...»: паэзія ў вірлівых варунках часу / І. Гоўзіч // Вандроўкі вакол самотнага сонца: беларуская літаратура пачатку XXI стагоддзя ў літаратуразнаўчых аглядах і эскізах : зб. артыкулаў. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2011. – С. 5–26.

Граванс, В. Я. Метафара ў паэзіі Максіма Танка / В. Я. Граванс // Улюбёны ў роднае слова: Навук. выд. з нагоды 80-годдзя з дня нараджэння праф. Ф. М. Янкоўскага : зб. навук. арт. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2000. – С. 68–72.

Греймас, А. Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика / сост., вступит. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 481–550.

Григорьев, В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 344 с.

Григорьева, А. Д. «Телега жизни» Пушкина и русская поэзия / А. Д. Григорьева // Изв. Акад. наук СССР. Отд. лит. и яз. – 1969. – Т. 28. – № 3. – С. 259–266.

Гулый, К. В. Метафора в лирике романтиков (исследование на материале русских, английских и французских текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / К. В. Гулый ; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1989. – 24 с.

Гутина, Е. А. Детерминологизация лингвистических терминов в современной речи / Е. А. Гутина // Актуальные проблемы современного языкознания : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Коломна : Моск. гос. обл. соц.-гум. ин-т, 2013. – С. 20–28.

Данилова, Н. К. Операциональный подход к моделированию текста / Н. К. Данилова // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманитарный выпуск. – 2000. – № 3 (17). – С. 135–145.

Двуязычие: теория и практика / А. А. Гируцкий [и др.] ; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. А. Гируцкого. – Минск : БГПУ, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/5202>. – Дата доступа: 16.01.2019.

Демьянков, В. З. Семантические роли и образы языка / В. З. Демьянков // Язык о языке ; под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 193–270.

Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод ; пред. С. Гардзонио ; пред. Ю. Н. Караулова / Г. В. Денисова. – М. : Азбуковник, 2003. – 298 с.

Добжиньская, Т. Метафора в сказке / Т. Добжиньска // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 476–493.

Добжиньская, Т. «Мой интимный маленький мир» и поэтические способы концептуализации: метафора / Т. Добжиньская // Слово в тексте и словаре : сб. статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна ; отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин ; сост.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 513–522.

Долинин, К. А. Индивидуальная образность / К. А. Долинин, И. В. Шенько // Стилистика французского языка : учеб. пособие / К. А. Долинин. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1987. – Гл. IV. – С. 129–146.

Долинин, К. А. Интерпретация текста (французский язык) : учеб. пособие / К. А. Долинин. – М. : Просвещение, 1985. – 288 с.

Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

Егоров, Б. Ф. Простейшие семиотические системы и типология сюжетов / Б. Ф. Егоров // Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам. 2. – Тарту, 1965. – С. 106–115.

Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка : пер. с англ. ; сост. В. Д. Мазо / Л. Ельмслев. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.

Ермакова, О. П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. статей; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 289–298.

Ермилова, Е. В. Метафоризация мира в поэзии XX века / Е. В. Ермилова // Контекст – 1976. – М. : Наука, 1977. – С. 160–177.

Ермоленко, Г. Н. Теория повествования в отечественной и зарубежной филологии / Г. Н. Ермоленко // Современные методы анализа художественного произведения : матер. науч. семинара. – Смоленск : Универсум, 2002. – С. 27–35.

Ефимов, И. С. Типология художественных текстов и их филологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. С. Ефимов ; АПН СССР, НИИ преподавания рус. яз. в нац. школе. – М., 1982. – 23 с.

Железнова-Липец, И. А. Метафора-обращение в поэзии Ш. Бодлера (на материале цикла Жанны Дюваль «Цветы зла» и его русских разновременных переводов) / И. А. Железнова-Липец // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – Том 151, кн. 6. – С. 152–159.

Жирмунский, В. М. Задачи поэтики / В. М. Жирмунский // Вопросы теории литературы / В. М. Жирмунский. – Л. : Academia, 1928. – 358 с.

Жордания, С. Д. Общее и особенное в поэтике художественного тропа (на материале грузинской литературы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08 / С. Д. Жордания ; акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. – М., 1981. – 39 с.

Журавлев, А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлёв. – М. : Просвещение, 1991. – 173 с.

Жыбуль, В. В. Фігурны верш у беларускай паэзіі / В. В. Жыбуль // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – Мінск : БДУ. – 2002. – № 1. – С. 16–21.

Загребельна, Н. К. Ліричний суб'єкт поезії ХХ ст.: форми конститування і репрезентації : дис. ... канд. філол. наук : 10.01.06 / Н. К. Загребельна ; Київ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка. – Київ, 2007. – 15 с.

Задворная, Е. Г. Граница текста / Е. Г. Задворная // Постмодернизм. Энциклопедия ; сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – С. 183.

Задворная, Е. Г. Дискурсивные эпистемические трансформации / Е. Г. Задворная // Постмодернизм. Энциклопедия ; сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – С. 238.

Задворная, Е. Г. Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.19 ; Белорус. гос. ун-т / Е. Г. Задворная. – Минск, 2001. – 34 с.

Заика, В. И. Эстетическая реализация языка: функционально-прагматическое исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. И. Заика ; ГОУ ВПО НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2007. – 50 с.

Зимин, В. И. Метафора и метонимия / В. И. Зимин, Э. А. Модебадзе // Рус. язык в национальной школе. – 1977. – № 2. – С. 77–84.

Зотов, Ю. П. Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство / Ю. П. Зотов. – Саранск : Изд-во МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2000. – 221 с.

Иванов, В. В. Категория времени в искусстве и культуре ХХ века / В. В. Иванов // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – С. 39–67.

Иванова, Н. Н. Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала ХХ века / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. – М. : АСТ, 2004. – 667 с.

Иванюк, Б. П. Стихотворение-троп как тип художественного целого (на материале произведений Ф. И. Тютчева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Б. П. Иванюк ; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1988. – 16 с.

Иванюк, Б. П. Метафора и литературное произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования) / Б. П. Иванюк. – Черновцы : Рута, 1998. – 252 с.

Ивашева, В. В. На пороге ХХІ века: НТР и литература / В. В. Ивашева. – М. : Худож. лит., 1979. – 318 с.

Ивченков, В. И. Лингвостилистика тропов Юрия Казакова / В. И. Ивченков. – Минск : УП «Ред. науч.-метод. журн. “Пачатковая школа”», 2002. – 112 с.

Илюхина, Н. А. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты : монография / Н. А. Илюхина, И. А. Долгова, Н. О. Кириллова. – Самара : Изд-во “Самарский университет”, 2016а. – 188 с.

Илюхина, Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации : монография / Н. А. Илюхина. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2016б. – 321 с.

Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : колл. монография ; науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2015. – 352 с.

Кавалёва, М. Метафора і кантэкст / М. Кавалёва // Моўныя адзінкі і кантэкст : зб. арт. / Э. Д. Блінава [і інш.]. – Мінск : Выш. школа, 1992. – С. 108–112.

Каджая, Н. Некоторые формы выражения субъекта базовой структуры / Н. Каджая // Всероссийская научно-практическая конференция «Системные отношения в языке», посвященная 80-летию со дня рождения профессора Леденева Ю. И. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=573>. – Дата доступа: 18.06.2007.

Калашникова, Л. В. Что такое метафора? / Л. В. Калашникова. – Орел : Изд-во ОрелГАУ, 2005. – 351 с.

Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О. Л. Каменская. – М. : Высш. шк., 1990. – 152 с.

Карпов, В. А. Язык как система / В. А. Карпов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

Кедров, К. А. Матакод и метаметафора / К. Кедров. – М. : ДООС : Елена Пахомова, 1999. – 235 с.

Кисель, Е. В. Функциональная семантизация / характеристика личных местоимений как средство создания художественного образа в поэтическом тексте (на материале творчества русских и белорусских авторов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 ; 10.02.02 / Е. В. Кисель ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2014. – 24 с.

Кіс, Т. Є. Еволюція художньої метафори: лінгвокультурний аспект : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Т. Є. Кіс ; Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України. – Київ, 2001. – 20 с.

Кісліцына, Г. Алесь Разанаў: праблема мастацкай свядомасці / Г. Кісліцына. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – 143 с.

Кісліцына, Г. М. Новая літаратурная сітуацыя: змена культурнай парадыгмы : дыс. ... д-ра філал. навук : 10.01.01 / Г. М. Кісліцына ; Цэнтр даслед. бел. культуры, мовы і л-ры. – Мінск, 2015. – 241 с.

Кнорина, Л. В. Нарушение сочетаемости и виды тропов в генитивной конструкции / Л. В. Кнорина // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста : сб. науч. тр. ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1990. – С. 115–124.

Ковалёв, В. П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; Киев. гос. ун-т / В. П. Ковалёв. – Киев, 1975. – 56 с.

Коваль, В. И. Мифологические верования восточных славян : пособие / В. И. Коваль. – Гомель : УО ГГУ им. Ф.Скорины, 2016. – 270 с.

Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – М. : Наука, 1986. – 206 с.

Кожевникова, Л. П. О структурно-семантическом сходстве метафоры и метонимии / Л. П. Кожевникова // Проблемы функциональной семантики : межвуз. сб. науч. тр. – Калининград : КГУ, 1993. – С. 104–111.

Кожевникова, Н. А. Метафора в поэтическом тексте / Н. А. Кожевникова // Метафора в языке и тексте ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 145–165.

Кожевникова, Н. А. Об обратимости тропов / Н. А. Кожевникова // Лингвистика и поэтика ; отв. ред. В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – С. 215–224.

Кожевникова, Н. А. Тропы и грамматические структуры / Н. А. Кожевникова // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. – М. : Наука, 1993. – С. 172–203.

Козинец, С. Б. Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем / С. Б. Козинец // Филологические науки. – 2007. – № 2. – С. 61–70.

Кокорева, Н. И. О концептуальной природе метафоры и интертекста / Н. И. Кокорева // Юрьевские чтения : матер. междисциплинар. конф. молодых филологов. – Вып. 1. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 49–52.

Колмогорова, А. В. Концепции и модели коммуникации в современном гуманитарном знании / А. В. Колмогорова // Вестник науки Сибири. – 2012. – № 1 (2). – С. 272–277.

Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 149 с.

Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре : XI–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Кондратьева ; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 46 с.

Конюшкевич, М. И. Категория сравнения и бином языка / М. И. Конюшкевич // Русский язык: исторические судьбы и современность : тез. докл. междунар. конгресса / МГУ, 13–16 марта 2001 г. – М. : МГУ, 2001. – С. 103.

Конюшкевич, М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия / М. И. Конюшкевич. – Минск : Нар. асвета, 1994. – 158 с.

Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

Косиков, Г. К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2000. – С. 3–48.

Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / В. В. Красных ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1999. – 50 с.

Крюкова, Н. Ф. Метафорика и смысловая организация текста : монография / Н. Ф. Крюкова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь : ТвГУ, 2000. – 163 с.

Кудреватых, И. П. Стилистическая роль синтаксических единиц (блоков информации) в структуре русского художественного текста / И. П. Кудреватых. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2001. – 202 с.

Кузнецова, Е. Б. Семантические процессы современной поэзии: метафора и метонимия в текстах метаметафористов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Е. Б. Кузнецова / СПбГУ. – СПб., 1996. – 21 с.

Кузнецова, И. Н. Паронимическая аттракция как выразительное средство языка // Речь и тексты: тенденции, истоки, перспективы : материалы междунар. науч. конф. «Дни франко-российских исследований» ; под ред. В. М. Амеличевой, Е. М. Белавиной. – М. : МГУ, 2013. – С. 77–90.

Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. – Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.

Кузьмина, Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста / Н. А. Кузьмина // Текст. Интертекст. Культура : сб. докл. междунар. науч. конф., Москва, 4–7 апреля, 2001 г. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 97–111.

Кузьмина, Н. А. О некоторых типах образного словоупотребления в поэзии конца XIX – начала XX века // Актуальные вопросы грамматики и лексики : сб. тр. ; отв. ред. проф. Л. Ю. Максимов. – М. : МГПИ, 1976. – С. 90–112.

Кулиев, Г. Г. Метафора и научное познание / Г. Г. Кулиев. – Баку : Элм, 1987. – 156 с.

Купина, Н. А. Лингвистический анализ художественного текста / Н. А. Купина. – М. : Просвещение, 1980. – 80 с.

Купина, Н. А. Сущность и возникновение метафоры (на материале современной русской и украинской поэзии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 660 ; Воронеж. гос. ун-т / Н. А. Купина. – Воронеж, 1969. – 17 с.

Кураш, С. Б. Вобразна-метафарычныя канструкцыі ў мове беларускай паэзіі ХХ – пачатку ХХІ стагоддзяў: сінтаксічна-дэрывацыйны і лінгвасеміятычны аспекты / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2017а. – № 1 (49). – С. 146–150.

Кураш, С. Б. Гоголь: поэтическая концептуализация личного имени в составе компаративного тропа / С. Б. Кураш // Літаратура та культура Полісся. Вип. 95. Серія "Філологічныя науки". № 12 ; відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. – Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2019а. – С. 41–49.

Кураш, С. Б. Інтэрактыўнасць як аснова ізамарфізму ў трыядзе «метафара – тэкст – дыскурс» / С. Б. Кураш // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2018а. – № 1(51). – С. 103–109.

Кураш, С. Б. Информативно-образная структура поэтических текстов-метафор в аспекте дискурсивных связей / С. Б. Кураш // Filologija. Teksto lingvistika ir poetika. – Siauliai. – 2002. – № 1 (7). – Р. 47–53.

Кураш, С. Б. Канцэптуалізацыя тэрміналексемы *метафара* ў сучасных дыскурсіўных практыках: кантэкстны аналіз / С. Б. Кураш // Лінгвістычныя горизонты : міжнарод. сб. науч. ст. ; отв. ред. Е. А. Огнева, Е. А. Карабутова, Л. Н. Мирошниченко. – Вып. 2. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – С. 216–219.

Кураш, С. Б. Коалиционные супозитивные метафоры в языке русской и белорусской поэзии ХХ–ХХІ веков / С. Б. Кураш // Весці БДПУ імя М. Танка. Серыя 1. – 2019б. – № 4. – С. 75–79.

Кураш, С. Б. Концепт «метафора»: ракурсы поэтычнай рэфлексіі / С. Б. Кураш // Мова і культура. – Вип. 9. Т. IV (92). Лінгвокультуралогічна інтэрпретацыя тэксту. – Кіў : Вид. дім Дмитра Бураго, 2007а. – С. 17–22.

Кураш, С. Б. Лінгвокультуралогічны аспект метафарычнага ўзаемадзеяння: інтракультурыя і інтэракультурыя метафоры в рускай і беларускай паэзіі // Культура народаў Прычэрномор'я. – 2008а. – № 142, т. 1. – С. 423–426.

Кураш, С. Б. Літаратурна-художэсцвенны інтэратэкст в сістэмна-структурным і тэксто-дыскурсіўным вымярэннях / С. Б. Кураш, О. Н. Хакамі, Л. М. Шецко. – Мозырь : МГПУ ім. І. П. Шамякіна, 2018б. – 187 с.

Кураш, С. Б. Метафара: мастацкі сродак? Вобраз? Канцэпт? / С. Б. Кураш // Роднае слова. – 2019в. – № 10. – С. 31–34.

Кураш, С. Б. Метафара і ёе межы: мікраконтэкст – тэкст – інтэратэкст : монаграфія / С. Б. Кураш. – Мозырь : МозГПИ, 2001а. – 118 с.

Кураш, С. Б. Метафара як аб'ект вывучэння лінгвометафаралогіі: становішча і перспектывы / С. Б. Кураш // Граматычны студыі : зб. науч. праць ; Донецький нац. ун-т імені Василя Стуса ; наук. ред. А. П. Загнітко. – Вінніца : ДонНУ імені Василя Стуса, 2017б. – Вип. 3. – С. 7–12.

Кураш, С. Б. Метафара як стимул генерацыі тэкста: аспекты аналізу языковых механізмаў / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Н. К. Крупскай. – 2001б. – № 5(2). – С. 85–90.

Кураш, С. Б. Метафара, метабола, метафароподобіе як прынцыпы тэкстопостроення в рускай поэтычнай дыскурсіі / С. Б. Кураш // Веснік БДУ. – 2005а. – Серыя 4. Філаал. Журн. Пед. – № 3. – С. 18–23.

Кураш, С. Б. Модэліраванне рэальнасці в художэсцвенным дыскурсіі: семиотычныя складаныя жанры (к праблеме тыпалогізацыі і дэкадыравання тэкстаў) / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Н.К.Крупскай. – 1999. – № 2. – С. 95–99.

Кураш, С. Б. Модель дискурсивного функционирования поэтической метафоры / С. Б. Кураш // Мова: наук.-теор. часопис з мовознавства. – Одеса : «Астропринт», 2006а. – № 11. – С. 222–226.

Кураш, С. Б. О некоторых активных процессах в лексике и фразеологии современного русского языка (из опыта исследований, проводимых в МГПУ им. И. П. Шамякина) / С. Б. Кураш // Филологическая регионалистика. – 2016а. – № 4 (20). – С. 30–36.

Кураш, С. Б. Паэтычная метафорыка ў дынаміцы даследчыцкай цікавасці да мовы мастацкай літаратуры ў русістыцы і беларусістыцы / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2008б. – № 3 (20). – С. 53–57.

Кураш, С. Б. Поэтическая метафорика в межкультурном интертексте / С. Б. Кураш // Актуальні проблеми слов'янської філології : міжвуз. зб. наук. ст. ; відп. ред. В. А. Зарва. – Вип. XIX Лінгвістика і літературознавство. – Київ: Освіта України, 2008в. – С. 400–405.

Кураш, С. Б. Прасторавы свет лірычнага «Я» ў лютэрку метафары / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2005б. – № 1 (12). – С. 71–77.

Кураш, С. Б. Семиотическая градуальность образно-метафорических построений в русских поэтических текстах / С. Б. Кураш // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016б. – № 3.2. – С. 78–85.

Кураш, С. Б. Сопоставительный анализ как прием обучения интерпретации тропов / С. Б. Кураш // Проблеми зіставної семантики : збірник наукових статей. Вип. 6 ; відп. ред. М. П. Кочерган. – Київ : КДЛУ, 2003. – С. 442–446.

Кураш, С. Б. Специфика поэтической коммуникации с точки зрения лингвометафорологии / С. Б. Кураш // Література та культура Полісся. Вип. 91. Серія «Філологічні науки». № 10 ; відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. – Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2018в. – С. 165–175.

Кураш, С. Б. Способы развёртывания поэтической метафоры в интертекстовом континууме (на материале белорусской и русской поэзии) // Мова і культура. – 2019. – Вип. 22. – Т. III (198). – С. 306–311.

Кураш, С. Б. Структурные типы русских поэтических текстов-метафор / С. Б. Кураш // Известия Гомельского государственного ун-та им. Ф.Скорины. – 2007б. – № 3 (42). – С. 62–68.

Кураш, С. Б. Суппозитивные автометафоры в языке белорусской и русской поэзии XX–XXI веков / С. Б. Кураш // Известия Гомельского государственного ун-та им. Ф. Скорины. – 2019д. – № 3 (42). – С. 97–101.

Кураш, С. Б. Тропеичность, троп, текст-троп: лингводидактический аспект / С. Б. Кураш // Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук : межвуз. сб. науч. статей. IV вып. – Баку : Мутарджим, 2006б. – С. 112–115.

Кураш, С. Б. Феномен метафоры в русистике: от прошлого к будущему / С. Б. Кураш // Русистика. – 2019е. – Т. 17. – № 2. – С. 171–183.

Кураш, С. Б. Фрагмент корпусного исследования концепта «метафора»: метафора и её антиподы / С. Б. Кураш // Компьютерная лингвистика научное направление и учебная дисциплина ; отв. ред. В. И. Коваль. – Вып. 2. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 63–67.

Кураш, С. Б. Художественный дискурс – интертекст – научный дискурс: объекты и субъекты сопоставления / С. Б. Кураш // Проблеми зіставної семантики : збірник наукових статей. Вип. 5 / Відп. ред. М. П. Кочерган. – Київ : КДЛУ, 2001в. – С. 303–305.

Кураш, С. Б. Художественный текст как дискурсивно-семиотический феномен и перспективы изучения поэтической метафорики / С. Б. Кураш // Kalba ir kontekstai. Mokslo darbai. Vilnius: VPU leidykla, 2010. – Т. 3. – С. 256–263.

Лагута, О. Н. Лингвометафорология: теоретические аспекты. Ч. 1. / О.Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003а. – 114 с.

Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2. / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003б. – 208 с.

Ладохина, О. Ф. Филологический роман как явление историко-литературного процесса XX века : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О. Ф. Ладохина ; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2009. – 24 с.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Лакофф Дж., Джонсон М. ; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Лапицкая, И. Н. Лексическое взаимодействие белорусского и русского языков в художественной прозе Беларуси (функциональный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / АН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа / И. Н. Лапицкая. – Минск, 1993. – 24 с.

Ларина, Т. И. Ономастические тропы: семантика и функционирование : моногр. / Т. И. Ларина. – Минск : РИВШ, 2011. – 163 с.

Ларчанка, М. Г. Сувязі беларускай літаратуры з літаратурамі суседніх славянскіх народаў у другой палове XIX ст. / М. Г. Ларчанка. – Минск : БДУ, 1958. – 111 с.

Лассан, Э. Предикация, номинация и концептуальная метафора // Языковая номинация : тез. докл. междунар. науч. конф. – Минск : МГЛУ, 1996. – С. 11–12.

Лашкевич, А. И. Генитивные конструкции со значением метафорического количества в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. И. Лашкевич ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1976. – 21 с.

Левин, Ю. И. Структура русской метафоры / Ю. И. Левин // Труды по знаковым системам. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. – Т. 2. – Вып. 181. – Тарту, 1965. – С. 293–299.

Левин, Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – М. : Язык русской культуры, 1998а. – С. 464–480.

Левин, Ю. И. О семиотике искажения истины / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – М. : Язык русской культуры, 1998б. – С. 594–605.

Левин, Ю. И. О типологии непонимания текста // Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – М. : Язык русской культуры, 1998в. – С. 581–593.

Левин, Ю. И. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация / Ю. И. Левин // Труды по знаковым системам. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. – Т. 4. – Вып. 236. – Тарту, 1969. – С. 290–305.

Левонтина, И. Б. Родные просторы / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Языки пространств ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 338–347.

Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 287 с.

Леонтьев, А. А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности / А. А. Леонтьев // Текст. Структура и семантика: доклады. VIII Междунар. конф.; Московский гос. обл. пед. ун-т им. М. А. Шолохова ; редкол.: Е. И. Диброва (отв. ред.) [и др.]. – М. : Редакция «Спортивная жизнь», ЗАО «СпортАкадемПресс», 2001. – Т. 1. – С. 92–100.

Лепешаў, І. Я. Лінгвістычны аналіз тэксту / І. Я. Лепешаў. – Минск : Вышэйшая школа, 2009. – 263 с.

Лезметс, Х. Д. Компаративность и метафоричность в языках разных систем // Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак [и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 92–97.

Липатов, А. Т. Интертекст в составе дискурса / Т. А. Липатов // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность : труды и материалы, Казань, 11–13 декабря 2003 г. : в 2 т. ; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 54–58.

Литвиненко, Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста: моногр. / Т. Е. Литвиненко. – Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. лингв. ун-та, 2008. – 308 с.

Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280–288.

Ломоносов, М. В. Краткое руководство к красноречию / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч. : в 11 т. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – Т. 7. – С. 92–378.

Лопаткина, С. В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке (на материале художественной и публицистической речи) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Лопаткина. – Абакан, 2004. – 217 с.

Лотман, М. Ю. Мандельштам и Пастернак: (Попытка контрастивной поэтики) / М. Ю. Лотман // *Literary Tradition and Practice in Russian Culture [Studies in Slavic Literature and Poetics, v. XX]*. – Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 1993. – С. 123–162.

Лотман, М. Ю. Звуковая метафора vs. звуковая метонимия / М. Ю. Лотман // Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы ; сост. Ян Левченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://diction.chat.ru/zvuk_met.html. – Дата доступа: 06.07.2019.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

Лотман, Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс / Ю. М. Лотман // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки : сб. статей. – М. : Наука, 1973. – С. 16–22.

Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. I. Введение, теория стиха. Труды по знаковым системам / Ю. М. Лотман. – Тарту : Тартус. гос. ун-т, 1964. – 195 с.

Лотман, Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 25–34.

Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 383 с.

Лубянская, Г. И. О некоторых особенностях метафорического образа / Г. И. Лубянская // Проблемы мастерства писателя : сб. – Тула : ТГПИ, 1975. – С. 24–35.

Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – М. : Изд-во «Ось-89», 2005. – 560 с.

Любимова, Н. А. Звуковая метафора в поэтическом тексте / Н. А. Любимова, Н. П. Пинежанинова, Е. Г. Сомова. – СПб. : Изд-во С.-ПбГУ, 1996. – 102 с.

Лясота, Ю. Л. Понятие о контекстуальной (метафорической) группе / Ю. Л. Лясота // Уч. зап. Дальневосточного гос. ун-та. – Вып. 5. Сер. филол. – Владивосток, 1962. – С. 93–98.

Ляшчынская, В. А. Метафара ў паэзіі Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2003а. – 160 с.

Ляшчынская, В. А. Тропы і іх сувязі ў вершаваным творы: на прыкладзе паэзіі Я. Купалы / В. А. Ляшчынская // Беларуская мова і літаратура ў школе. – 2003б. – № 9. – С. 42–44.

Макаров, М. Л. Основы теории дискурса : моногр. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 104 с.

Маслова, В. А. Преданья старины глубокой в зеркале языка / В. А. Маслова. – Минск : Пейто, 1997. – 124 с.

Маслова, В. А. Интерес к глубинному знанию как важнейший принцип лингвистики XXI века / В. А. Маслова // Язык как зеркало эпохи: К 100-летию революций в России: сб. науч. ст. ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – С. 122–124.

Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В. А. Маслова. – Минск : Выш. школа, 1997. – 156 с.

Маслова, В. А. Национальный характер сквозь призму языка : моногр. / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2001. – 68 с.

Маслова, В. А. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : БРФФИ, 1999. – 173 с.

Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста: когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.01 / Т. В. Милевская ; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2003. – 42 с

Миловидов, В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса : пособие по спецкурсу / В. А. Миловидов. – М. – Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 129 с.

Миловидов, В. А. Текст, контекст, интертекст : пособие по спецкурсу / В. А. Миловидов. – Тверь : ТвГУ, 1998. – 84 с.

Михеев, М. Ю. Жизни мышья беготня или тоска тщетности? (о метафорической конструкции с родительным падежом) / М. Ю. Михеев // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 47–70.

Мишанкина, Н. А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Мишанкина ; Томский гос. ун-т. – Томск, 2002. – 12 с.

Міхневіч, А. Я. «Вазьмі маё слова...»: нататкі аб лексічным узаемаўплыве беларускай і рускай моў у кантэксте ўзаемадзеяння культур / А. Я. Міхневіч, А. А. Гіруцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 87 с.

Морыганов, А. Ю. «Слово» и «оружие» в поэзии 1920-х годов. (К понятию стилевой рефлексии) / А. Ю. Морыганов // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: исслед. и материалы. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. – С. 138–156.

Мосенцева, Т. С. Симулятивність та інтертекстуальність у просторовій метафоріці : автореф. дис. ... канд. філос. наук : 09.00.04 / Т. С. Мосенцева. – Харьков, 2002. – 21 с.

Москальчук, Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Москальчук. – М. : Эдиториал, 2003. – 296 с.

Москвин, В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – 2-е изд., перераб. и доп. / В. П. Москвин. – М. : УРСС, 2006. – 184 с.

Мощенская, Л. Г. Лингвистический и социолингвистический аспекты русской речи в Беларуси: грамматическое варьирование в русской речи белорусов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Л. Г. Мощенская ; БГУ. – Минск, 1992. – 46 с.

Муратова, Е. Ю. Языковые средства выражения аллотропичности русского поэтического текста : автореф. дис. д-ра филол. наук ; 10.02.01 / Е. Ю. Муратова ; Бел. гос. ун-т. – Архангельск, 2014. – 45 с.

Муратова, Е. Ю. Специфика дискурсивных связей в русской и белорусской поэзии XX века / Е. Ю. Муратова // Русский язык : система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск,

5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 212–215.

Мурзин, Л. Н. Язык, текст и культура / Л. Н. Мурзин // Человек – текст – культура: колл. моногр. – Екатеринбург : Ин-т развития регион. образования, 1994. – С. 165.

Мурзин, Л. Н. Образование метафор и метонимий как результат деривации предложения (к постановке вопроса) / Л. Н. Мурзин // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии : матер. конф. – Пермь : ПГУ, 1972. – С. 362–366.

Мурзин, Л. Н. Предисловие / Л. Н. Мурзин // Как образуется метафора (деривационный аспект) / Т. В. Симашко, М. Н. Литвинова. – Пермь : ПГУ, 1993. – С. 3–14.

Мурзин, Л. Н. Синтаксическая деривация (на материале производных предложений) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. Н. Мурзин ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1976. – 29 с.

Некрасова, Е. А. Метафора и её окружение в художественной речи // Слово в русской советской поэзии ; отв. ред. В. П. Григорьев / Е. А. Некрасова. – М. : Наука, 1975. – С. 76–110.

Некрасова, Е. А. Сравнения в стихотворных текстах (А. Блок, Б. Пастернак, С. Есенин) / Е. А. Некрасова // Языковые процессы в современной русской поэзии / Е. А. Некрасова, М. А. Бакина. – М. : Наука, 1982. – С. 5–189.

Новиков, В. Реквием по филологической поэзии / В. Новиков // Новый мир. – 2001. – № 6. – С. 167–178.

Новиков, В. Философия метафоры / В. Новиков // Новый мир. – 1982. – № 8. – С. 246–251.

Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Сов. писатель, 1989. – 554 с.

Новикова, М. Л. Структура и семантика метафоры как конструктивного компонента художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Л. Новикова ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1983. – 17 с.

Норман, Б. Ю. Конструкции с местоимением *мы*: формирование актуальной илиokkaциональной коллективной идентичности / Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6(34). – С. 126–138.

Образцова, В. В. Генитивная метафора в поэзии / В. В. Образцова // Проблемы экспрессивной стилистики : Сборник. Вып. 2. Отв. ред. Т. Г. Хазагеров. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – С. 98–103.

Овшьева, Н. Л. К вопросу о различиях в понимании термина «дискурс» / Н. Л. Овшьева // Вестник ОГУ. – 2004. – № 11. – С. 165–169.

Оганьян, А. М. Метафора как основной троп поэтической речи: на материале англоязычной поэзии XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. М. Оганьян ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2006. – 206 с.

Ольховиков, Д. Б. Лингвистическая характеристика и функции метафоричности текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Воен. ин-т / Д. Б. Ольховиков. – М., 1987. – 273 с.

Орлова, О. В. Коммуникативные аспекты лексической репрезентации концепта язык в лирике И. Бродского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Орлова ; Томск. гос. пед. ун-т. – Томск, 2002. – 25 с.

Орлова, Р. А. Субстантивные синтаксически нечленимые словосочетания метафорического характера / Р. А. Орлова // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка : сб. трудов ; редкол.: проф. Л. Ю. Максимов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1973. – С. 148–167.

Охремова, Е. А. Художественный текст как объект межъязыковой и межкультурной адаптации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Охремова. – Белгород, 2002. – 214 с.

Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русского художественной литературы XVIII–XX веков. В 2-х томах. – 2-е изд., стер. / Н. В. Павлович. – М. : Едиториал УРСС, 2007. – 1744 с.

Павлович, Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М. : ИРЯ РАН, 1995. – 491 с.

Падучева, Е. В. Метафора и ее родственники / Е. В. Падучева // Слово. Текст. Культура : сборник. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 187–203.

Панченко, А. М. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. / А. М. Панченко, И. П. Смирнов // Труды отдела древнерусской литературы ; Ин-т рус. лит. АН СССР. – Т. XXVI. – Л., 1971. – С. 33–49.

Паплаўная, Л. В. Моўныя сродкі выяўленчай выразнасці ў паэзіі Пімена Панчанкі : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Л. В. Паплаўная ; УА ГДУ імя Ф.Скарыны. – Гомель, 2003. – 19 с.

Пастернак, Б. Замечания к переводам из Шекспира // Собр. соч. В 5 т. – М. : Худож. лит., 1991. – Т. 4. – С. 413–431.

Пахсарьян, Н. Т. К проблеме изучения литературных эпох: понятие рубежа, перехода и перелома / Н. Т. Пахсарьян // Литература в диалоге культур : матер. междунар. науч. конф. – Ростов н/Д : ФГАОУ ВО «Южный федеральный ун-т», 2004. – С. 12–17.

Перфильева, Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. П. Перфильева ; ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет». – Новосибирск, 2006. – 42 с.

Петрова, Е. Г. Опыт выделения некоторых структурных типов развёрнутой метафоры / Е. Г. Петрова // Иностранные языки в вузах Узбекистана : сб. науч. тр. ; Ташк. гос. ун-т. – № 566. – Ташкент, 1978. – С. 80–87.

Петрова, Е. Г. Языковая природа стилистического приёма «развёрнутая метафора» и её роль в создании целостности художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Г. Петрова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1982. – 25 с.

Петрова, З. Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры / З. Ю. Петрова // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. – М. : Прогресс, 1989. – С. 120–134.

Петрова, Н. А. Личные местоимения в коммуникативном аспекте : авторф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Петрова ; Череповец. ГПИ им. М. В. Луначарского. – Череповец, 1995. – 21 с.

Пищальникова, В. А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. – 132 с.

Півавар, К. С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту : манаграфія / К. С. Півавар. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2015. – 155 с.

Плеханова, Т. Ф. Текст как диалог : монография / Т. Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.

Плисецкая, А. Д. Использование национального корпуса русского языка для исследований в области метафоры / А. Д. Плисецкая // Социосфера. – 2010. – № 4. – С. 66–74.

Полиниченко, Д. Ю. Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Д. Ю. Полиниченко. – Краснодар, 2004. – 179 с.

Полухина, В. Словарь тропов Бродского: (На материале сборника «Часть речи») / В. Полухина, Ю. Пярли. – Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1995. – 342 с.

- Поляков, М. Я.* Вопросы поэтики и художественной семантики / М. Я. Поляков. – М. : Сов. писатель, 1978. – 448 с.
- Попова, Н. Б.* Эволюция информативности поэтического текста: вопросы стилистики и интерпретации текста (на материале французской поэзии XVII–XIX веков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.05 / Н. Б. Попова ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1994. – 48 с.
- Потебня, А. А.* Теоретическая поэтика ; сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова / А. А. Потебня. – М. : Высш. шк., 1990. – 344 с.
- Почепцов, Г. Г.* История русской семиотики до и после 1917 года / Г. Г. Почепцов. – М. : Изд-во «Лабиринт», 1998. – 336 с.
- Почепцов, Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук. – Киев : Ваклер, 2001. – 656 с.
- Приходько, И. П.* Аллеотеты: когнитивное содержание и лингвопрагматические характеристики : на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. П. Приходько ; Юж. федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2007. – 25 с.
- Прохоров, Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
- Пузырёв, А. В.* Место анафонии и анаграмм в сфере фоносемантических средств языка / А. В. Пузырёв // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : научный журнал ; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2013. – С. 222–230.
- Пшеничникова, Н. В.* Метафора как способ постижения реальности : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Н. В. Пшеничникова / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – 22 с.
- Рагаўцоў, В. І.* Сінтаксіс беларускай і рускай моў: дыскусійныя пытанні : дапам. для філал. спец. ВНУ / В. І. Рагаўцоў. – Мінск : Універсітэцкае, 2001. – 198 с.
- Радзіевська, Т. В.* Комунікативно-прагматичні аспекти текстотворення : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.15 / Т. В. Радзіевська ; Ін-т української мови НАН України. – Київ, 1999. – 21 с.
- Ратникова, И. Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. – 214 с.
- Ратникова, И. Э.* Ономастические единицы вне прямой референции в русском публицистическом тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / И. Э. Ратникова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 33 с.
- Ревзина, О. Г.* Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. – Вып. 7. – Новосибирск, 2004. – С. 11–20.
- Ревуцкий, О. И.* Анализ художественного текста как коммуникативно обусловленного связного целого. – Минск, 1998а. – 68 с.
- Ревуцкий, О. И.* Анализ художественного текста на дискурсивной основе : монография / О. И. Ревуцкий. – Мозырь : УО МГПУ, 2004. – 210 с.
- Ревуцкий, О. И.* Лингвистический анализ художественного текста : учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов / О. И. Ревуцкий. – Минск : НМЦентр, 1998б. – 192 с.
- Ревуцкий, О. И.* Метафоричные тексты с зоной отправления «слово», «поэзия», «стих» / О. И. Ревуцкий // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 2(24). – С. 114–118.
- Ревуцкий, О. И.* Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
- Риффатер, М.* Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика. – М. : Прогресс, 1980. – С. 69–97.
- Ричардс, А. А.* Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 44–67.

Романова, И. В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / И. В. Романова ; ГОУ ВПО «Смоленский гос. ун-т». – Смоленск, 2007. – 44 с.

Роўда, І. С. Рознаўзроўнёвая намінацыя беларускай і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакун) / І. С. Роўда. – Мінск : БДУ, 1999. – 170 с.

Руднев, В. П. Интертекст / В. П. Руднев // Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – С. 113–118.

Руднев, Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка / Ю. Руднев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm. – Дата доступа: 18.07.2019.

Русская грамматика : В 2-х т. ; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова [и др.]. – М. : Наука, 1980. – 783 с.

Рыньков, Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (Послепушкинский период) : монография / Л. Н. Рыньков. – Челябинск: Юж.-Уральск. кн. изд-во, 1975. – 182 с.

Рябова, Т. Н. Вторичные качественные номинации в русском и белорусском языках: типология, функционирование: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. Н. Рябова. – Минск, 2013. – 270 л.

Рябых, Е. Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Б. Рябых / ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина». – Тамбов, 2006. – 25 с.

Сайкоўская, В. М. Метафара ў вершаваным радку Максіма Танка / В. М. Сайкоўская // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка. – Мінск, 1994–2003. – 2002. – № 4. – С. 76–80.

Самигуллина, А. С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / А. С. Самигуллина. – Уфа, 2008. – 359 с.

Самигуллина, А. С. Теория метафоры в современной англистике: принципы, подходы, перспективы / А. С. Самигуллина // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – Вып. 19. – 2008. – № 9. – С. 115–120.

Самойлова, А. Д. Дискурс: к проблеме определения понятия / А. Д. Самойлова // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Вып. 3. – Иркутск : Иркут. ун-т, 2005. – С. 109–119.

Санцевич, Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов: метафоры и семантические оппозиции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Н. А. Санцевич. – М., 2003. – 268 л.

Сапарина, Е. В. «Ага!» И его секреты / Е. В. Сапарина. – М. : Молодая гвардия, 1967. – 240 с.

Свирепо, О. А. Метафора как код культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / О. А. Свирепо ; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 2002. – 24 с.

Седых, А. П. Трансформация значения в метафоро-метонимическом контексте: на материале произведений М. Пруста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / А. П. Седых ; Белгород. гос. ун-т. – Воронеж, 1999. – 22 с.

Селиванова, Е. А. Интерактивность как текстово-дискурсивная категория / Е. А. Селиванова // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы II Междунар. науч. конф., Мозырь, 26–27 марта 2003 г. : в 2 ч. / Мозырь. гос. пед. ун-т. – Мозырь : УО МГПУ, 2003. – Ч. 1. – С. 60–62.

Семенко, И. М. Развитие метафор в «Грифельной оде» Мандельштама / И. М. Семенко // А. Блок и его окружение. Блоковский сборник. VI: Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 680. – Тарту, 1985. – С. 117–136.

Семьян, Т. Ф. Визуальный облик прозаического текста как литературоведческая проблема : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08 / Т. Ф. Семьян ; ВПО «Южно-Уральский государственный университет». – Самара, 2006. – 37 с.

Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVIII. – М. : Прогресс, 1986. – С. 242–263.

Сигнеева, Р. В. Метафоричность как один из принципов художественного творчества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / Р. В. Сигнеева ; Моск. гос. ун-т. – М., 1976. – 23 с.

Сидоренко, К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова : моногр. / К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – 253 с.

Сидоренко, М. Н. Метафорические модели в системно-функциональном аспекте (на материале имен существительных немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 / М. Н. Сидоренко ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2012. – 23 с.

Симашко, Т. В. Как образуется метафора (деривационный аспект) / Т. В. Симашко, М. Н. Литвинова. – Пермь : ПГУ, 1993. – 216 с.

Симонова, Т. Г. Соотношение художественного и документального как основа типологии мемуарной прозы / Т. Г. Симонова // Современные методы анализа художественного произведения : матер. науч. семинара. – Смоленск : Универсум, 2002. – С. 106–115.

Синельникова, Л. Н. О взаимодействии тропов (метафор, перифраз, сравнений) в контексте стихотворения / Л. Н. Синельникова // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. – М. : МГПИ, 1973. – С. 220–231.

Сиротина, В. А. Метонимия и метонимический эпитет в художественной речи / В. А. Сиротина // Рус. язык в школе. – 1980. – № 6. – С. 72–77.

Сичинава, Д. В. «Увы, для них это всё плюсквамперфект»: лингвистический термин как языковой образ / Д. В. Сичинава // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 27. – С. 90–121.

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб. : Наука, 1993. – 150 с.

Скобелев, В. П. О структурно-семантических первоосновах поэтики литературного пародирования / В. П. Скобелев // Проблемы изучения литературного пародирования : межвуз. сб. науч. трудов. – Самара : СГУ, 1996. – С. 41–60.

Слухай, Н. В. Сверхфразовые образные единства в художественной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Слухай ; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1984. – 24 с.

Смирнов, И. П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака / И. П. Смирнов. – СПб. : Языковой центр СПбГУ, 1995. – 191 с.

Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1977. – 341 с.

Соловьёва, Е. А. Диалогические основы англоязычного поэтического текста в аспекте его категориальных свойств : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. А. Соловьёва ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 19 с.

Сомова, Е. Г. Национальная обусловленность звуковой метафоры в поэтическом тексте / Е. Г. Сомова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 4. – С. 158–166.

Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование / А. В. Андреева [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 485 с.

Сопоставительное описание русского и белорусского языков: морфология / АН Белорусской ССР, Ин-т языкозн. им. Я. Коласа. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 336 с.

Софронова, И. Н. Вертикальный контекст как категория художественного текста и средства его создания (на материале художественной прозы А. Адамовича) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / И. Н. Софронова; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1990. – 29 с.

Сравнительно-сопоставительное изучение лексики русского и белорусского языков : сб. науч. тр. – Минск : Мин. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1981. – 150 с.

Старичёнок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме : моногр. / В. Д. Старичёнок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.

Староселец, О. А. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. А. Староселец ; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1997. – 23 с.

Старычонок, В. Д. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манагр. / В. Д. Старычонок. – Мінск : БДПУ, 2007. – 190 с.

Старычонок, В. Д. Многазначнасць слова ў беларускай мове. У 3 кн. Кн. 1. Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі / В. Д. Старычонок. – Мінск : Колоград, 2017а. – 273 с.

Старычонок, В. Д. Многазначнасць слова ў беларускай мове. У 3 кн. Кн. 2. Семантычная прастора чалавека ў мове і маўленні / В. Д. Старычонок. – Мінск : Колоград, 2017б. – С. 201–225.

Стеблин-Каменский, М. И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» / М. И. Стеблин-Каменский // Спорное в языкознании. – М. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – С. 74–80.

Субботина, М. В. Межкультурная метафора в русском художественном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М. В. Субботина ; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – М., 2005. – 41 с.

Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 47 с.

Суховой, Д. А. Графика современной русской поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. А. Суховой ; СПб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2008. – 27 с.

Сырма, Н. А. Тропы и фигуры речи и их текстообразующая функция: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. А. Сырма ; Юж. федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2007. – 18 с.

Сянкевіч, В. І. Семантыка і прагматыка беларускай мовы / В. І. Сянкевіч ; навук. рэд. А. М. Булыка. – Брэст : Брэст. дзярж. пед. ін-т імя А. С. Пушкіна, 1995. – 213 с.

Тавдгиридзе, Л. А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Тавдгиридзе ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 23 с.

Тарасевіч, А. Г. «Я», «другі» і свет у лірычным дыскурсе: ментальныя станы і ментальныя сітуацыі / А. Г. Тарасевіч // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2000. – № 1. – С. 54–58.

Тарасов, Л. Ф. К вопросу о лингвистической природе метафоры / Л. Ф. Тарасов // Рус. язык в школе. – 1980. – № 4. – С. 64–67.

Тарасов, Л. Ф. Поэтическая речь (типологический аспект) / Л. Ф. Тарасов. – Харьков : Вища школа, 1976. – 140 с.

Тарасова, В. К. Словесная метафора как знак : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. К. Тарасова ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1976. – 29 с.

Телия, В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярецава. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 46–47.

Тенбаева, А. М. Метафора: функционирование и трансформация (на материале русской поэзии середины XIX – начала XX веков) : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.01.08 / А. М. Тенбаева ; Алмат. гос. ун-т им. Абая. – Алматы, 2003. – 28 с.

Герентьев, Ю. В. Метафора как способ объяснения роли коммуникации в конструировании реальности / Ю. В. Герентьев, Н. П. Кириллов // Молодой ученый. – 2009. – № 2. – С. 97–99

Тимошенко, Ю. В. Метафора в структурі художньої свідомості : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.06 / Ю. В. Тимошенко ; НАН України, Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка. – Київ, 2001. – 17 с.

Тихомирова, Е. А. Лингвистический анализ тропа: метафора-олицетворение в русских и белорусских поэтических текстах начала XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Е. А. Тихомирова ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1991. – 22 с.

Тодоров, Ц. Семиотика литературы / Ц. Тодоров // Семиотика / сост., вступит. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 350–354.

Толочин, И. В. Метафора и интертекст в английской поэзии / И. В. Толочин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 95 с.

Трубачев, О. Н. Приемы семантической реконструкции / О. Н. Трубачев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. – М. : Наука, 1988. – С. 197–222.

Тюкова, И. Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б. Л. Пастернака (на материале книги «Сестра моя – жизнь») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Н. Тюкова ; Томский гос. пед. ун-т. – Томск, 2005. – 21 с.

Уваров, М. С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры / М. С. Уваров. – СПб. : Изд-во БГТУ, 1996. – 214 с.

Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – Вып. 5. Языковые универсалии. – М. : Прогресс, 1970. – С. 250–299.

Усманова, А. Р. Дискурсия / А. Р. Усманова // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – С. 239.

Уфимцев, Р. Хвост ящерицы / Р. Уфимцев. – Калининград : Оттокар, 2010. – 295 с.

Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : БГУ, 2014. – 222 с.

Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.

Фатеева, Н. А. Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века / Н. А. Фатеева // НЛО. – 2001. – № 50. – С. 416–434.

Фатеева, Н. А. Поэзия как филологический дискурс / Н. А. Фатеева. – М. : Изд. дом ЯСК, 2017. – 360 с.

Фатющенко, В. И. Метафора Маяковского и вопросы истории метафоры в русской поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Фатющенко ; Моск. гос. ун-т. – М., 1966. – 18 с.

Фёдоров, А. И. Образная речь / А. И. Фёдоров. – Новосибирск : Сиб. отд-ние изд-ва «Наука», 1985. – 199 с.

Фёдорова, Т. А. Семантический анализ субстантивной метафоры (на материале прозы XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Фёдорова ; Ун-т дружбы народов. – М., 1985. – 16 с.

Федосеева, Е. Н. Диалогическая основа русской лирики первой трети XIX века : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / Е. Н. Федосеева ; Московский гос. обл. ун-т. – М., 2009. – 42 с.

Филатова, А. С. Метафора как комбинаторно-семантическая и валентностная проблема : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : 10.02.04 / А. С. Филатова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2004. – 25 с.

Филиппова, А. К. Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя (на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. К. Филиппова ; ФГБОУ «Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена». – СПб., 2013. – 16 с.

Франк-Каменецкий, И. Г. О развитии поэтической метафоры / И. Г. Франк-Каменецкий // Советское языкознание. – Т. 1. – Л. : Ленингр. НИИ языкознания, 1935. – С. 93–145.

Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.

Фридрих, С. А. Метафора в системе тропов (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 663 / С. А. Фридрих ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1971. – 24 с.

Фридрих, С. А. Принципы структурно-семантической классификации метафор / С. А. Фридрих // Уч. зап. Московского областного педагогического института. – Т. 268. – № 27. – М., 1970. – С. 82–98.

Фролова, Т. Г. Эволюция метафорического стиля на рубеже XX–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. Г. Фролова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2012. – 20 с.

Хаками, О. Н. Русский поэтический интертекст в аспекте системных отношений: текстоцентрический и текстотипологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. Н. Хаками ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2007. – 20 с.

Хамитова, Э. Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX–XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты / Э. Р. Хамитова ; под ред. Л. Г. Саяховой. – Уфа : РИО БашГУ, 2009. – 145 с.

Харитончик, З. А. О номинативных ресурсах языка, или к дискуссии о концептуальной интеграции / З. А. Харитончик // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 412–422.

Харитончик, З. А. Связующая функция метафоры / З. А. Харитончик // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2013. – № 6. – С. 107–111.

Харциев, В. Элементарные формы поэзии / В. Харциев // Вопросы теории и психологии творчества / изд.-сост. Б. А. Лезин. – Т. 1. – Харьков, 1907. – С. 161–199.

Харченко, В. К. Переносные значения слова / В. К. Харченко. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 145 с.

Харченко, В. К. Функции метафоры : учеб. пособие / В. К. Харченко. – Воронеж : ВГУ, 1992. – 87 с.

Хахалова, С. А. Категория метафоричности : формы, средства выражения, функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / С. А. Хахалова ; Моск. пед. ун-т. – М., 1997. – 32 с.

Хахалова, С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры : монография / С. А. Хахалова. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 292 с.

Хоанг Лай. Лингвистическая природа бинарных метафорических словосочетаний : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Хоанг Лай ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1977. – 24 с.

Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта ; Наука, 2005. – 184 с.

Цалко, Л. В. Сістэмныя метафары ў паэтычным тэксьце і іх трансфармацыя пры перакладзе (на матэрыяле твораў А. Пушкіна і іх перакладаў на беларускую мову) :

аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Л. В. Цалко ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2007. – 22 с.

Черкасова, Е. Т. О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л. Леонова и М. Шолохова) / Е. Т. Черкасова // Исследования по языку советских писателей : сборник статей. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 5–89.

Чернейко, Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста / О. Л. Чернейко // Структура и семантика художественного текста : докл. VII междунар. конф. ; отв. ред. Е. А. Диброва. – М. : СпортАкадемПресс, 1999. – С. 438–460.

Черниговская, Т. В. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза / Т. В. Черниговская // Физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2006. – Т. 92. – № 1. – С. 84–99.

Черниговская, Т. В. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга / Т. В. Черниговская, В. Л. Деглин // Уч. зап. Тартуского Университета: Труды по знаковым системам. – Тарту. – 1986. – Вып. 19. – С. 68–84.

Чернухина, И. Я. Основы контрастивной поэтики / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 198 с.

Чернявская, В. Е. Дискурс / В. Е. Чернявская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 53–55.

Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.

Черняков, А. Н. Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910–20-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / А. Н. Черняков ; Рос. гос. ун-т им. И. Канта. – Калининград, 2007 – 23 с.

Чудинов, А. П. Корпусное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения : сб. науч. тр. ; Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т ин. яз. / отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2007. – С. 219–224.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

Чулкова, В. С. Многочленный стилистический приём как одно из средств интеграции текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. С. Чулкова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1978. – 24 с.

Чумак, Л. Н. Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии : монография / Л. Н. Чумак. – Минск : БГУ, 1997. – 196 с.

Чумак-Жунь, И. И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия / И. И. Чумак-Жунь. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 228 с.

Шакирова, Ф. С. Сочетаемость прилагательных и существительных как основа метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ф. С. Шакирова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1974. – 26 с.

Шаталов, Д. Г. Метафорическое осмысление перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. Г. Шаталов ; ФГБОУ ВПО «Воронеж. гос. ун-т». – Воронеж, 2014. – 32 с.

Шатуновский, И. Б. Способы повышения информативности в художественном тексте (метафора и информация) / И. Б. Шатуновский // Вопросы русского и общего языкознания : сб. науч. тр. № 519 ; Ташк. гос. ун-т. – Ташкент, 1976. – С. 62–70.

Шаўлякова, І. Л. Эвалюцыя тропы: метафара / І. Л. Шаўлякова // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1998. – № 2. – С. 20–24.

Шаўлякова-Барзенка, І. Л. Тэорыя літаратурных тропы: метафара і сімвал: Генезіс, эвалюцыя, тэндэнцыі развіцця : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.08 / І. Л. Шаўлякова-Барзенка ; Ін-т літ. імя Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2001. – 20 с.

Шендельс, Е. И. Грамматическая метафора / Е. И. Шендельс // Филологические науки. – 1972. – № 3. – С. 48–57.

Шестак, Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Шестак ; Волгоград. гос. пед. у-т. – Волгоград, 2003. – 38 с.

Шинкаренкова, М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Б. Шинкаренкова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 314 с.

Шкловский, В. Б. Избранное : в 2 т. Т. 1. Повести о прозе. Размышления и разборы / В. Б. Шкловский. – М. : Художественная литература, 1983. – 636 с.

Штайн, К. Э. Гармония поэтического текста : моногр. / К. Э. Штайн ; под ред. В. В. Бабайцевой. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006. – 646 с.

Шукуров, Д. Л. Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда первой трети XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Д. Л. Шукуров ; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2007. – 43 с.

Шумчык, Ф. С. Вобразныя сродкі мовы ў мастацкіх творах В. Адамчыка (параўнанне і метафара: структура, лексіка, ужыванне) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Ф. С. Шумчык ; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 1999. – 121 с.

Шур, В. В. Слова ў мастацкім кантэксце: онімы, метафары : манаграфія / В. В. Шур, С. Б. Кураш. – Мазыр : УА МДПУ, 2013. – С. 155–266.

Шыманская, В. Ю. Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле субстантываў) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / В. Ю. Шыманская ; ГрДУ імя Я. Купалы. – Гродна, 2009. – 21 с.

Эпштейн, М. Что такое метабола? / М. Эпштейн // Стилистика и поэтика : тез. всесоюз. науч. конф. (Звенигород, 9–11 нояб. 1989 г.) / АН СССР, Ин-т рус. яз. [и др.]. – М., 1989. – Вып. 2. – С. 75–80.

Эпштейн, М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков / М. Н. Эпштейн. – М. : Сов. писатель, 1988. – 416 с.

Юрков, Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. Е. Юрков ; С.-Пб. гос. ун-т. – СПб., 2012. – 55 с.

Якобсон, Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. Якобсон // Семиотика / сост., вступит. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 462–482.

Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

Ямпольский, М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. Б. Ямпольский. – М. : РИК «Культура», 1993. – 464 с.

Яскевич, Н. В. Зооморфизмы в русском и белорусском языках (сравнительно-типологическая характеристика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. В. Яскевич ; БГПУ им. М. Танка. – Минск, 2004. – 26 с.

Black, M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy / M. Black. – Ithaca ; New York : Cornell UP, 1962. – 162 p.

- Blumenberg, H. Paradigmen zu einer Metaphorologie / H. Blumenberg // Archiv für Begriffsgeschichte. – 1960. – № 6. – S. 7–142.*
- Bouverot, D. Comparaison et Metaphore / D. Bouverot // Le Francais Moderne. – 1969. – №№ 2, 3, 4.*
- Chandler, D. Semiotics: The Basics / D. Chandler. – Second ed. – London ; New York : Routledge, 2007. – 307 p.*
- Corpus-based approaches to metaphor and metonymy / Ed. A. Stefanowitsch, St.Th. Gries. – Berlin ; New York : Moutonde Gruyter, 2006. – 319 p.*
- Coulson, S. Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study / S. Coulson, C. Van Petten // Memory & Cognition. – 2002. – № 30 (6). – P. 958–968.*
- Deignan, A. Metaphor and Corpus Linguistics / A. Deignan. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2005. – 236 p.*
- Dubois, Ph. La Metaphore Filee et Fonctionnement du Texte / Ph. Dubois // Le Francais Moderne. – 1975. – № 4.3. – P. 207–208.*
- Grammatical Metaphor. Amsterdam Studies In The Theory And History Of Linguistic Science ; General Editor E.F. Konrad Koerner. – Series IV. Current Issues In Linguistic Theory. – Vol. 236. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2003. – 453 p.*
- Haley, M. C. The semeiosis of poetic metaphor / M. C. Haley. – Bloomington ; Indianapolis : Indiana univ. press, Cop. 1988, XIV. – 178 p.*
- Holmes-Higgin, P. Assembling and Viewing a Corpus of Texts: Self-organisation, Logical Deduction and Spreading Activation as Metaphors / P. Holmes-Higgin, K. Ahmad // EURALEX '96: Proc. I-II, Part I. – Papers submitted to the Seventh EURALEX International Congress on Lexicography in Göteborg, Sweden. – Göteborg: Göteborg University, 1996. – P. 109–120.*
- Kaluza, I. Towards a New Grammar of Metaphor / I. Kaluza // Zeszyty naukowe Uniwersytety Jagiellonskiego. Seria «Prace Historycznoliterackie». – Zeszyt 24. – Warszawa. – Krakow, 1973. – P. 93–112.*
- Kiklewicz, A. Teoria metafor pojęciowych: zagadnienia dyskusyjne / A. Kiklewicz // Kiklewicz A. Język. Komunikacja. Wiedza. – Minsk : Prawo i ekonomika, 2006. – S. 217–273.*
- Kintsch, W. Metaphor comprehension: A computational theory / W. Kintsch // Psychonomic Bulletin & Review. – 2000. – № 7. – P. 257–266.*
- Kovecses, Z. Metaphor: a practical introduction / Z. Kovecses. – Oxford ; New York, 2002. – 285 p.*
- Kragen, K. D. On metaphor: a semantic theory of figurative discourse / K. D. Kragen. – New York : Syracuse, 1989. – 15 p.*
- Kristeva, J. Desire in language: a semiotic approach to literature and art / J. Kristeva. – New York : Columbia University Press, 1980. – 319 p.*
- Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980. – 256 p.*
- Metaphor and Discourse; ed. By A. Musolff and J. Zinken. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – 269 p.*
- Metaphor and thought; ed. by Andrew Ortony. – 2nd ed. Cambridge University Press 1993. – 678 p.*
- Metaphor: Problems and Perspectives; ed. by David S. Miall. – New Jersey : Humanities Press Inc., 1982. – 172 p.*
- Nowakowska, N. Metaphor from a Linguistic Point of View / N. Nowakowska // Studia anglica posnaniensia. An International Review of English Studies. – Vol. 5 (1973). – № 1–2. – Poznan, 1974. – P. 137–151.*

Panzaru, R. Metafora ei textualitatea: probleme de interpretare ei traducere: autoreferatul tezei de doctor on filologie; 10.02.04 / R. Panzaru; Universit rii de Stat din Moldova. – Chieinru, 2010. – 29 c.

Researching and Applying Metaphor; ed. by L. Cameron and G. Low. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 296 p.

Stern, J. Metaphor in context / J. Stern. – Cambridge : Massachusetts Institute of Technology, 2000. – 387 p.

Sullivan, K. Frames and Constructions in Metaphoric Language / K. Sullivan. – Amsterdam : John Benjamins, 2013. – 192 p.

Taverniers, M. Metaphor and Metaphorology. A selective genealogy of philosophical and linguistic conceptions of metaphor from Aristotle to the 1990s / M. Taverniers // *Studia Germanica Gandensia: Libri, 1.* Gent: Academia Press, 2002. – 207 p.

The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought; ed. By Raymond W. Gibbs, Jr. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 550 p.

МГЛУ ИМ. И.П.Шамьякина

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ТЕКСТЫ И ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТОВ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЙ ОБЪЁМ РАБОТЫ

В данное приложение включены тексты и фрагменты текстов, не включённые в основной объём монографии по причине их значительного размера и/или являющиеся иллюстративным материалом, дополнительным к приведённым примерам в качестве их аналога. Тексты приводятся в порядке их упоминания в диссертации.

№ 1

У. Караткевіч

ЗАЯЦ ВАРЫЦЬ ПІВА

Туман плыве з нізіны сівы
Над нівай голай і пустой.
«Глядзіце, заяц варыць піва», –
Жартуюць людзі між сабой.
А я відушчым бачу зрокам,
Як ён прысеў каля агню,
Трыгубы, шэры, касавокі,
І піва варыць з ячмяню.
Яліна іскрамі страляе,
А ён прыладзіў кацялок
І трэскай варыва мяшае,
Каштуе, сплёўвае набок.
І піва заяц зварыць густа,
А на закуску – бурачок,
Трава, заечая капуста,
Галін асінавых пучок.
З зайчыхай вып’юць па малепькай
І дзеткам трошкі паднясуць,
Пужлівым галаском таненькім
«Цвіцела морква» завядуць.
Пабачыш – не гані з абсады,
Дай хоць на гэты дзень спакой,
Павінна ж быць і у зайца радасць
Перад халоднаю зімой.

№ 2

Р. Рождественский
ЧАСЫ

– Идут часы...
– Подумаешь,
открыть!

Исправны, значит.
Приобрёл – носи.
– Я не о том!

На улицу смотрите:
по утренней земле

идут часы!

Неслышные, торопятся минуты,
идут часы,

стучат ко мне в окно.

Идут часы,
и с ними разминутся,
не встретит их живущим не дано...

№ 3

М. Арочка

НА АЛМАЗНОЙ ТРУБЦЫ

Стаю над прорвай,
што завецца т р у б к а ю.
Яна, як дрэва, –
ўніз магутнай кронай!
Не трубка – стадыён з трыбунамі.
Глыбозная алмазная карона.
Не трубка,
а прадонне кратара.
Загадкавая быль зямнога эпасу,
што ў мерзлату ўпісаўся
эліпсам –
алмазамі ў тысячы каратаў!

№ 4

В. Шніп

ПАМЁР ЧАЛАВЕК

Ідзе гадзіннік –
Цік-так, цік-тук...
А мне думаецца –
Няўмольны час
Забівае дзверы
У наша мінулае.

№ 5**П. Макаль****ДОЛЯ МАЯ ТАЛОННАЯ**

К д'яблy слоdыч патрэб спаталёных!
Як мы дыхаем?

Па талонах.

Штосьці доля ў душы прышчаміла –
так шчыміць, так баліць, што жуда!

Па талонах –
цукар і мыла,

па талонах –
вада і бяда.

Што вам бачыцца ўранку туманна,
незалежна, кастрычнік ці май?

Па талонах –

нябесная манна,

калі хочацца, атрымай!

Сталі ўсе цнатліўцы распуснымі,
як патрапілі ў віражы.

Я цягнуся да любай вуснамі,
а яна мне:

– Талон пакажы!

Абавязкаў

важная вязка,

дум і вечных трывог кругаверць,

па талонах –

спагада і ласка,

па талонах –

жыццё і смерць...

Каб вярнуўся ў боскае лона я,
дай мне позву, таварыш Хрыстос.

Ах ты доля мая талонная,
мой талонна адмераны лёс!

№ 6**А. Пысін****ХЛОПЧЫК ДРЭЎЦА ПАСАДЗІЎ**

Дрэўца пасадзіў ля школы Віця,

Дрэўца першае ў жыцці;

Чарназём з далоняў сваіх выцер:

– Ну, вялікае расці!

Даганяй вясной сяброў зялёных, –

Бачыш, тут які прастор?

І кіўнуў яму галінкай клёнік:

– Я прымаю дагавор.

З навіной панёсся лёгкі вецер

Да дубоў зарэчных,

Ніў.

Крышку стала прыгажэй на свеце:

Хлопчык дрэўца пасадзіў.

№ 7**А. Пысін****НАВЫРОСТ**

Усё навыврост для дзіцяці:

Тая кашуля, што маці

Шые па форме марскай,

Бел ай абносіць каймой;

Лыжка сапраўдтая, міска;

Ложак, што зменіць калыску;

Сцежка, што выведзе з дому

На шлях – покуль што незнаёмы,

Далі, якія ён пройдзе,

Доля, якую ён знойдзе

Ў нашай вялікай Радзіме.

Нават уласнае імя,

Каторым яго назвалі,

У загсе навыврост запісалі:

Там ён над імем дарослым

3 першага дня ў жыцці

Светлым надзелены лёсам,

Нашчадак,

Вялікі расці!

№ 8**А. Пушкин****ТЕЛЕГА ЖИЗНИ**

Хоть тяжело подчас в ней бремя,

Телега на ходу легка;

Ямщик лихой, седое время,

Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;

Мы рады голову сломать

И, презирая лень и негу,

Кричим: пошел!

Но в полдень нет уж той отваги;

Порастрясло нас; нам страшней

И косогоры и овраги;

Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;

Под вечер мы привыкли к ней

И, дремля, едем до ночлега –

А время гонит лошадей.

№ 9**А. Пушкин****ТРИ КЛЮЧА**

В степи мирской, печальной и безбрежной,

Таинственно пробились три ключа:

Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,

Кипит, бежит, сверкая и журча.

Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ – холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

№ 10

**Е. Винокуров
ВДОХНОВЕНЬЕ**

Нет, не гордое парение!..
Вид у ней нехитр и прост:
Ящерица вдохновенья
Ускользнёт, оставив хвост...
И опять дневной прогулкой
Ожидать тебе одно, –
Что – и скользкою и юркой –
Вновь подкрадется оно...

№ 11

Н. Арсеньева

Няцямным немаўлём я пяты памачыла
упершыню ў кіпень ракі майго жыцця.
І вось другі ўжо бераг шэры неўпрыцям
расце перад вачмі... ЁН прыме на спачынак.
А я б – яшчэ плыла, няхай між берагамі
каменне, і віры, і дна глыбінны жвір...
Ці раз параненая імі да крыві
не паддалася ўсё ж, не пала я ў змаганні.

Рака, рака жыцця! У градаў гнеўнай пене,
у зернетах пяску на плёсах залатых,
бурлі ж павек між берагамі ты,
і ў грудзі – ўжо не мне – а змене бі па
змене!

№ 12

Б. Слуцкий

Журчит рассказ
и как любой ручей –
уже неважно:
ни о чём, ни чей.
События проточная вода
и счастье,
а вослед за ним беда.

И как лесная жухлая листва,
не торопясь,
сплывают вниз слова.

И только вопль
и жест поднятых рук
прислушаться
нас заставляют вдруг.

№ 13

Р. Бардулін

Пад высветленымі дубамі
Салодкімі смягне губамі
Пасека –
класіка.

Маладое сена
Расе на
Паспытак
Растрэсена –
экспрэсія.

Дыхае Белавеж
Спакойна, як
белы верш.

№ 14

**А. Лойка
НАКОНТ СЕРАБРА І ЗОЛАТА**

Б'е пад рабро
Прыказка молатам:
Слова – серабро,
Маўчанне – золата!

А ці не наадварот
У любую пару:
Замкнёны рот –
Памінкі серабру!..

Ваюй за дабро,
І станеш волатам:
Маўчанне – серабро,
Слова – золата!..

№ 15

В. Высоцкий

Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица.
А память, как колодец, глубока.
Попробуй заглянуть – наверняка
Лицо – и то неясно отразится.

Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд.
Осторожно с прошлым, осторожно, –
Не разбейте глиняный сосуд.

Одни его лениво ворошат,
Другие – неохотно вспоминают,
А третьи даже помнить не хотят, –
И прошлое лежит, как старый клад,
Который никогда не раскопают.

И поток годов унёс с границы
Стрелки – указатели пути.
Очень просто в прошлом заблудиться
И назад дороги не найти.

С налёта не вини – повремени!
Есть у людей на свои причины.
Не скрыть, а позабыть хотят они:
Ведь в толще лет лежат в тени
Забывшие заржавленные мины.

В минном поле прошлого копать
Лучше без ошибок, потому,
Что на минном поле ошибаться...
Нет! Не удавалось никому.
Один толчок – и стрелки побегут,
А нервы у людей не из каната,
И будет взрыв, и перетрётся жгут...
Ах, если люди вовремя найдут
И извлекут до взрыва детонатор!

Спит Земля спокойно под цветами,
Но находят мины в ней.
Их берут умелыми руками
И взрывают дальше от людей.

№ 16
Г. Кляўко
ПЕРШАЕ СЛОВА

Слова –
Лязо бліскавіцы,
Слова –
Гаючы бальзам на рану...
Рады ў пояс табе пакланіцца,
Мова сяброў –
Шчодры скарб аланаў.

Мова вялікага Косты,
Нерушы скарбаў
Ты захавала.
Стала між намі братэрскім мостам,
Ззяеш вясёлкай
Над перавалам.

Мова –
Спрадвечныя сховы.
Як немаўля,
Пачынаў вучыцца
Я гаварыць на іронскай мове
З самага першага слова –
Гіццы.

№ 17
Л. Мартынов
ПРОШЛОЕ

О, Прошлое,
Снегами запорошенное!
Зачем и вновь ты гредишься, ответь?

И Прошлое,
Об этом ясно спрошенное,
Вдруг на дыбы восстало, как медведь.

Я выстрелил,
И пало, как подкошенное,
Оно, чтоб дикой кровью багроветь.

О, Прошлое,
Пожарами окрашенное, колючими
стожарами
украшенное,
Медвежья шуба, сброшенная с плеч,
Не ты ль висишь,
На вешалку повешенное, о, прошлое и
грешное и бешеное!
Но можно ли тобою пренебречь?..

№ 18
У. Някляеў
ВОБЛАКА НАД ШКОЛАЙ

– Воблака гэтае хоць пастрыжы:
Иасецца на небе авечкаю воблака.
– Ага. Пастрыжы і ад страху бяжы:
Яно на мядзвездзя падобнае воблікам.
– Не, у яго плаўнікі, як у рыб.
– Па выбух надобна.
– На атамны грыб.
– Дурань!.. Яно – як капа на мяжы
Бяры
І складай у рэзгііны.
– Як грыб, я кажу!
– Сваёй мамцы скажы!..
Гульні дзіцячыя... Сны... Міражы
Воблака гэтае на віражы
Чатыры стрыжы, як чатыры іажы,
Зрэзалі.

№ 19
В. Шніп

Тысячи гадоў назад
Нашу планету ўяўлялі
Плоскай, як даланя.
Магчыма, яна такой была
Ды, відаць, з таго часу,

Як вынайшли зброю,
Планета стала сціскацца...
І сціснулася ў кулак.

№ 20

В. Винокуров

Жизнь – это конь, что рвётся из удил,
Что вертит крупом, скинуть наземь метя...

Жизнь может вдруг подмять, – и я ходил
С рогастиной на жизнь как на медведя.

Жизнь – это бойкий ботик посреди
Бездн и высот. Гребни же, бел от злости...

Тебе ответ? Так вот он: победи!
Как сказано в грузинском древнем тосте.

№ 21

Л. Галубовіч

ПАЭЗІЯ

Ты – боль, паэзія. Ты – быль.
Твае суровыя законы
Не для забаў, не для гульбы –
А пошук ісціны да скону.

Ты – рай, паэзія. Ты – рой
Адвечных дум, дзе мы згараем.
І толькі геніі парой
Жылі часова гэтым раем.

Ты – жаль, паэзія. Ты – жар.
Я па тваім хаджу вуголлі.
Чыя не прагнула душа
Твайго зняволення і волі?
Ты – сум, паэзія. Ты – суд
І мрояў нашых, і здзяйсненняў.
Хай душы шчырыя нясуць
Высокі лад тваіх памкненняў!

Ты – яд, паэзія. Ты – сад
З адзіным яблыкам спакусным.
Над ім – каторы год падрад! –
Мае збалела смягнуць вусны...

Ты – боль, паэзія. Ты – бой.
Ты – праўды непрыступнай вежа.
Я – праведнік і грэшнік твой,
Пусці мяне ў сваё бязмежжа!..

№ 22

Е. Винокуров

ВРЕМЯ ХЛЕЩЕТ

Ты задумался. Или ты болен.
Или замер с котлетой у рта.
Время хлещет – вот так из пробоин
Хлещет в трюм что есть силы вода.

Ты балетом любишься. Или
Спишь, укрыт одеялом по грудь...
Время хлещет, как будто забыли
В кухне кран до конца завернуть.

№ 23

Р. Барадулін

ЗАГАДКА ПЕРАКЛАДУ

А перакласці –
Значыць пераплавіць,
Нанова пераліць метал упарты.
Перапісаць,
Закрэсліць,
Пераправіць.
Заблытаўшы сабе самому карты.

А перакласці –
Значыць пераправіць
Паром павагі на прыветны бераг,
Каб не пераліць,
Не пераправіць,
Трымаць канат даводзіцца абаруч.
Загадка перакладу,
Як вядзьмоўства:
Ашчаднасць,
Марнатраўства,
Красамоўства!

№ 24

Н.Заболоцкий

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица – подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мёртвые лица
Закрывают решётками, словно темница.
Другие – как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!

Есть лица – подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.
Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица – подобья жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мёртвые лица
Закрты решётками, словно темница.
Другие – как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица – подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

№ 25

А.Тарковский КНИГА ТРАВЫ

О нет, я не город с кремлем над рекой,
Я разве что герб городской.

Не герб городской, а звезда над щитком
На этом гербе городском.

Не гостья небесная в черни воды,
Я разве что имя звезды.

Не голос, не платье на том берегу,
Я только светиться могу.
Не луч световой у тебя за спиной,
Я – дом, разоренный войной.

Не дом на высоком валу крепостном,
Я – память о доме твоём.

Не друг твой, судьбою ниспосланный
друг,
Я – выстрела дальнего звук.

В приморскую степь я тебя уведу,
На влажную землю паду,

И стану я книгой младенческих трав,
К родимому лону припав.

№ 26

З. Дудзюк

Я – толькі ўсхліп,
Ты чуў яго скрозь вецер,

Ды голас мой зусім не пазнаваў.
Не заўважаў:
Цягнулася я веццем,
Вязалася, як ніцая трава.

Я – толькі плач,
Які ты чуў заўчора
Скрозь ціхі шэлест дробнага дажджу.
Акно чарнела, нібыта пячора,
І поўня з хмар
Надзела паранджу.

Я – толькі стогн...
Ты чуеш, чуеш зараз?
І думаеш: зімовы стогне сад.
А гэта мне ўсяго за тое кара,
Што часта азіраюся назад.

№ 27

Л. Мартынов ТАНКИ

Приморские люди,
Толпясь на песчаной косе,
Сказали:
– Вы слышите? Море грохочет, как будто
бы

танки идут по шоссе –
Вот там за деревней, где чисто поле
в могилах!

Спросил их:
– А раньше, когда ещё не было танков,
на что был похож этот шум,
Какие другие сравнения тогда приходили
на ум,
Когда ещё не было танков и не было даже
шоссе? –
Но всё же, иного сравнения придумать как
будто

не в силах,

Ответили все:
– Видно, море и раньше всегда грохотало,
как танки!

Как будто бы море во веки веков – от
начала
времен –

Гремело,
Стучало,
Рычало,
Как танковый дивизион,
Когда ещё в братских могилах не тлели
людские
останки.

О танки!

№ 28**В. Някляеў****ВОБЛАКА НАД ШКОЛАЙ**

- Воблака гэтае хоць пастрыжы:
Пасецца на небе авечкаю воблака.
- Ага. Пастрыжы і ад страху бяжы:
Яно на мядзвездзя падобнае воблікам.
- Не, у яго плаўнікі, як у рыб.
– На выбух падобна.
– На атамны грыб.
- Дурань!.. Яно – як капа на мяжы:
Бяры
і складай у рэзгіны.
– Як грыб, я кажу!
– Сваёй мамцы скажы!..

Гульні дзіцячыя... Сны... Міражы...

Воблака гэтае на віражы
Чатыры стрыжы, як чатыры нажы, –
Зрэзалі.

№ 29**А. Вознесенский**

Шарф мой, Париж мой,
серебряный с вишней,
ну, натворивший!

Шарф мой – Сена волосяная,
как ворсисто огней сиянье,

шарф мой Булонский, туман мой мохнатый,
фары шофёров дуют в Монако!

Что ты пронзительно шепчешь, горячий,
шарф, как транзистор, шкалою горящий?

Шарф мой, Париж мой непоправимый,
с шалой кровинкой?

Та продавщица была сероглаза,
как примеряла он первоклассно,
ласковым пальчиком с отсветом улич
нежно артерии сонной коснулась...

В электрическом шарфе хожу,
душный город на шее ношу.

№ 30**Р. Рождественский**

- Будем горевать
в стол.
Душу открывать
в стол.
Будем рисовать
в стол.
Даже танцевать –
в стол.
Будем голосить
в стол.
Злиться и грозить –
в стол!
Будем сочинять
в стол...
И слышать из стола
стон.

№ 31**Р. Барадулін****БУЛЬБЯНАЯ БАЛАДА***Ігару Шклярэўскаму*

Гаспадыня стала,
Багіня,
Беларуска ружовашчокая.
Над катлом німб гарачы гіне,
Рупіць німбу расплыцца аблокамі.

Гэта з пары над бульбай
Хмары
Над планетай бульбападобнаю.
Непадробная ў неба на твары
І сляза, як бульбінка дробная.
З бульбай хрэсьбіны, і Каляды,
І Дзяды з паганскаю кульбаю,
І адведкі, і тыя нарады,
Дзе прамоўцы трывалыя бульбаю.

У прысмакаў слабая спакуса.
Пахнуць бульбаю нашы хронікі.
Маннай з неба кармі беларуса,
Ляжа спаць –
Сняцца клёцкі, дзяронікі.

Бульба з намі ідзе вякамі,
Бульба тоўчаная, цалкамі,
Бульба параная, бульба вараная,
І нішчымная, і засквараная.
Бульбай посцім і разгаўляемся,
З бульбы выгнанай пахмеляемся.

№ 32**М. Лермонтов
ВОЛНЬИ ЛЮДИ**

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной толпою
Также один за другим.
Волнам их воля и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... И что же?
Души в них волн холодней!

№ 33**Ф. Тютчев
ДВА ГОЛОСА**

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы – молчат и оне.
Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто ратуя пал, побежденный лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

№ 34**Л. Паўлікава
ПРЫТЧА ПРА КВЕТКУ**

Я кактус калючы вясной пасадзіла
ў зялёны гаршчэчак.
Я пальцы калола,
яго даглядала,
яго ашчаджала,
каб кветкай,
як казкай,
дзівоснаю казкай,
ён выбухнуў ноччу,
адзінаю ноччу,
якой зацвітае калючы мой кактус.
Адзінаю ноччу,
бо раніцай кветка
пажухне, завяне,

нібыта баіцца
душой сваёй кактус
адкрыцца чужому,
цікаўнаму воку.
Я ночы не спала,
пільнуючы кветку, –
навошта тады
укладзе сваю сілу
мой кактус маленькі
ў магутную кветку?
Навошта душа яго –
ночы халоднай?
І што прыгажосць яго –
цёмнае ночы?
Ды ноччу адною
была я ў дарозе.
Спяшала дадому
зірнуць на свой кактус.
І кветкай апалай,
што долу ляжала,
паніклаю,
мёртваю,
бледнаю кветкай
сустрэў мяне ўранні
засмучаны кактус...

...Як часта любімыя,
дзіўныя нашы,
адзіныя нашы
без нас адцвітаюць...

№ 35**В. Ходасевич
ПУТЁМ ЗЕРНА**

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.
Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю чёрную оно упасть должно.
И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрёт и прорастёт.
Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт – и оживёт она.
И ты, моя страна, и ты, её народ,
Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год, –
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всеми живущему идти путём зерна.

№ 36**У. Жылка
ПАЛІМПСЕСТ**

Ёсць рукапісы, змест якіх сцярты, ледзь
знаць,
Ці нат другі напісан сэнс бязбожна.

Іх палімпсестамі прынята здаўна зваць,
І першы іхні змысл пайме не кожны.

Краіна родная! Так сталася й з табой.
Багацце й хараство твае прыроды
І прошласць слаўную змяшаў чужак з гразёй
І словы вывеў гідкія для зводу.

Але народны дух, разбіўшы мур турмы,
Здалеў вяковы бруд паганы змесці.
І з дзіўнай любасцю чытаем тое мы,
Што захавалася на палімпсесце.

№ 37

А. Пушкин
АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

№ 38

А. Пушкин
АНЧАР

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный

На древо смерти набезит –
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями,

Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.
А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

№ 39

М. Ю. Лермонтов
ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.
За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, –
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел – тряхнул главою.
Ахнул дерзкий – и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

№ 40**И. Крылов
ЛАРЧИК**

Случається нередко нам
 И труд и мудрость видеть там,
 Где стоит только догадаться
 За дело просто взятсья.
 К кому-то принесли от мастера Ларец.
 Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
 Ну, всякий Ларчиком прекрасным
 любовался.
 Вот входит в комнату механики мудрец.
 Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец
 с секретом,
 Так; он и без замка;
 А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
 Не смейтесь так исподтишка!
 Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
 В механике и я чего-нибудь да стою».
 Вот за Ларец принялся он:
 Вертит его со всех сторон
 И голову свою ломает;
 То гвоздик, то другой, то скобку
 пожимают.
 Тут, глядя на него, иной
 Качает головой;
 Те шепчутся, а те смеются меж собой.
 В ушах лишь только отдаётся:
 «Не тут, не так, не там!» Механик пуще
 рвется.
 Потел, потел; но наконец устал,
 От Ларчика отстал
 И, как открыть его, никак не догадался;
 А Ларчик просто открывался.

№41**К. Крапіва
ФІЛОСАФ І РАКА**

Блукаў Філософ па зямлі.
 Чаго блукаў? Мо праўды ён шукаў
 І сцежак тых, што да яе вялі,
 Мо вывучаў складанасць тых падзей,
 Што выклікаюць у людзей
 То радасць, то трывогі.
 А толькі збіўся ён з дарогі,
 Пайшоў да вёскі нацянькі
 І апынуўся ля ракі.
 Вось вёска ўся на відавоку,
 Сям-там дымяцца каміны,
 І смачны пах даносіцца здалёку:
 Няйначай як пякуць бліны,
 А можа, нават і мачанку

(Філософ наш ад ранку
 Не каштаваў ніякай стравы).
 Ды вось бяда –
 Наперадзе вада
 І не відаць ніякай пераправы.
 «Не будзем смутку наддавацца, –
 Скажаў Філософ наш, пачаўшы
 раздзявацца. –
 Мне толькі варта зняць штаны,
 І я паспею на бліны».
 Аднак, раздзеўшыся, пачаў ён
 сумнявацца:
 Ці то ў штанах, ці без штаноў –
 Філософ ёсць філософ:
 Паразважаць заўжды гатоў
 Аб чалавечых лёсах.
 «Які ж мяне самога лёс чакае?
 Хоць розум мой глыбінь шукае,
 Але ж вада тут чорная такая...
 Таму адзначым: гэты глыб
 Не для філосафаў, – для рыб».
 І тут, у гэтыя хвіліны
 Сумненняў і разваг,
 Пачуўся раптам роў асліны:
 Асёл, прыспешыўшы хаду,
 Імчаўся з берага ў ваду
 (Відаць, усмаг).
 Напіўшыся, стаяў, крапіў хвостом бакі
 Аж на сярэдзіне ракі
 (Аслу было тут па калені).
 Філософ зноў у задуменні:
 «Чаму ж мы дна ў рацэ не бачым?
 Даследуем і растлумачым:
 Таму мы ў ёй не бачым дна,
 Што ў вадаёме муць адна».
 Так іншы твор са зместам цьмяным
 Мы лічым ледзь не акіянам.

№42**И. Крылов
ЛЯГУШКА И ВОЛ**

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
 Затаяла сама в дородстве с ним
 сравняется;
 Она завистлива была.
 И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
 «Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я
 с него?» –
 Подруге говорит. «Нет, кумушка,
 далеко!» –
 «Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
 Ну, каково? Пополнилась ли я?»

– «Почти что ничего». –
«Ну, как теперь?» – «Все то ж».
Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Волом,
С натуги лопнула – и околела.

№ 43

К. Крапіва

ГАНАРЫСТЫ ПАРСЮК

Бывае, праўда вочы коле...
Раз гнаў пастух свіней у поле.
Адзін вялізарны Парсюк,
Які абегаў вёску ўсю,
За раніцу абшнырыў завуголле,
Цяпер такі меў выгляд важны,
Што носа не дастаць і сажнем –
Вышэй за ўсіх ён сам сябе лічыў,
А што ў самога на лычы,
Не бачыў гэтага, аднак.
І вось адзін тут Падсвінак,
Які заўважыў бруд раней,
І кажа: – Дзядзечка, твой лыч у брудзе!
Нязграбна гэта й між свіней,
А што ж, калі заўважаць людзі?
Парсюк наставіў хіб, Парсюк раз'юшан:
–Цераз цябе я чырванець прымушан!
Такое мне сказаць асмеляцца нямногія,
Ды гэта ж – дэмагогія! –
Парсюк наш лаецца, не дараваць
клянецца:
–І месца мокрага,–крычыць, – не
застанецца!
Ты мой свінячы гонар закрунуў! –
І так ён Падсвінака грызняў,
Што той за сажняў пяць адскочыў.
Парсюк не надта быў ахвочы
Глядзецца праўдзе ў вочы.

№ 44

Б. Пастернак

БАБОЧКА-БУРЯ

Бывалый гул былой Мясницкой
Вращаться стал в моем кругу,
И, как вы на него ни цыцкай,
Он пальцем вам – и ни гугу.

Он снится мне за массой действий,
В рядах до крыш горящих сумм,
Он сыплет лестницы, как в детстве,
И подымает страшный шум.

Напрасно в сковороды били,
И огорчалась кочерга.
Питается пальбой и пылью
Окуклившийся ураган.

Как призрак порчи и починки,
Объевший веточки мечтам,
Асфальта алчного личинкой
Смолу котлами пьет почтаamt.

Но за разгромом и ремонтом,
К испугу сомкнутых окон,
Червяк спокойно и дремотно
По закоулкам ткёт кокон.
Тогда-то, сбившись с перспективы,
Мрачатся улиц выхода,
И бритве ветра тучи гриву
Подбрасывает духота.
Сейчас ты выпорхнешь, инфанта,
И, сев на телеграфный столб,
Расправишь водяные банты
Над топотом промокших толп.

№ 45

А. Пысін

Прырода – скульпітар.
Вечна лениць,
Не даспадобы, ўсё не так,
Над ногі кіне, зноў замесіць
І возьме месіва ў кулак,
Даўно пад ёю бесканечнасць,
Лле шэдэўраў тых –
Пяма.
І часам гэткае скамечыць,
Што потым журыцца сама.

№ 46

Р. Барадулін

Суровая нітка жыцця
Не лезе ў шаршатку долі.
Ад часу-краўца
Ныцця
Ніхто не пачуў ніколі.

І выюць турбот ваўкі,
І золка ў зорнай паветцы.
Гарбее кравец вякі.
Суровая нітка ірвецца...

Не знойдзеш у стозе сноў
Пранырлівую шаршатку.
І вузел завязвай –
І зноў
Усё пачынай спачатку...

№ 47

Я. Смеляков

Если я заболёу,
к врачам обращаться не стану,
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.
Порошков или капель – не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада –
Вот чем стоит лечить.
От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь:
вечно живем.

Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путём.

№ 48

П. Макаль
ЗЯЛЁНАЯ АПТЭКА

Гаі, ласка,
хваробы свае!
Зелкі і травы –
Ратоўныя л е к і
Прадмесце Траецкае выдае
Знямоглым
рукамі зялёнай аптэкі.
Бачыш,
З зярняткамі горкімі струн?
Ад рабалепнай ліслівасці лечыць
Тых, хто прад моцным згінаецца ў крук,
Пакораю душы свае нявечыць.
І хай ад спалоху цябе не трасе,
Што зелле пякучае, як атрута.
Выратаванне яно нясе:
Мята – ад пыхі.

Ад зайздрасці – рута!
Калі ж бракуе ў цябе дабрыні,
Калі на душэўную чэрствасць хварэеш,
Лыжку настою шыпшыны глыні,
І сам не заўважыш, як падабрэеш...

Кліча аптэка:

– Пакуль выдаю,
Прымайце зёлкі мае, як замову
Ад забыцця на матулю сваю.
Ад забыцця на родную мову!
Каб дзеці і саджанцы спорна раслі,
Болі свае і грахі не лічыце,
Дотыкам да бацькоўскай зямлі
Вы іх
Лячыце,
Лячыце,
Лячыце,
Чуеш, зямлячка.
Штодзённа заходзь,
Каб уваскрэснуць душою навекі,
Хоць бы на хвілю, хоць мімаходзь
У велічны храм зялёнай аптэкі!

№ 49

В. Ходасевич

Обо всём в одних стихах не скажешь.
Жизнь идёт волшебным, тайным чередом,
Точно длинный шарф кому-то вяжешь,
Точно ждешь кого-то, не грустя о нём.
Нижутся задумчивые петли,
На крючок посмотришь – всё желтее кость,
И не знаешь, он придёт ли, нет ли,
И какой он будет, долгожданный гость.
Утром ли он постучит в окошко
Иль стопой неслышной подойдет из тьмы
И с улыбкой, страшною немножко,
Всё распустит разом, что связали мы.

№ 50

П. Макаль
ВЫСАКАВОЛЬТНЫЯ МАЧТЫ

Над хвалямі збажыны,
Пад пасмамі хмар парваных
Сціскаюць у пальцах яны
Жмуты бліскавіц спрасаваных.
І што ім бяздонне бяды.
І што ім хрыбет камяністы:
Трымаюцца за правады,
Быццам за шнур альпіністы.

Спяшаючы ўдалечыню,
Да кузняў і да мартэнаў,

Нясуць эстафету агню
Наследнікі Праметэя...

У дроце дарогу знайшоў
Маланак табун бяздомны,
Каб прыгаршчамі каўшоў
Жар выграбаць з домны,

Каб у любым гарадку,
Будзячы вулкі заспаняя,
Вадзіць, як дзяцей за руну,
Тралейбусы паслухмяныя...

Зары трапяткі агонь
Да ўсіх падключыцекватэр вы,
Бяссоннага веку майго
Высакавольтныя нервы!
Аж выгнуліся правяды,
Дзе ток, як пак запруджаны.
Як гэта, мачты, заўжды
Быць у высокім напружанні?

№ 51

Ф. Тютчев

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смиренный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Коньгта кинешь в звонкий брег
И – в брызги разлетишься!..

№ 52

В. Брюсов

ТВОРЧЕСТВО

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки

В звонко-звучной тишине.
И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.
Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуке реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.
Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

№ 53

У. Жылка

ПРАДЧУЦЦЁ

Неба пахмурае... ймгліць невясёлае...
Нібы ў бяздоллі сумуе...
Нечым стрывожана сэрцайка кволае.
Чым? – адказаць не магу я.
Можа быць, гэтая даль непагожая
Крые у хмарах няшчасці?
Можа, збіраецца сіла варожая
Новы наслаци напасці?

№ 54

А. Пісьмянкоў

ЗДЗІЎЛЕННЕ

Нібы народжаны нанова,
Зноў абжываю
гэты свет:
Смакую ранішняе слова,
Спрабую сонечны ранет.
І слова мне здаецца боскім,
І яблык, быццам райскі,
І сам я –
хлопчык босы
у даўнім чыстым ранні.

№ 55

М. Багдановіч

ХРЭСЬБІНЫ ЛЕСУНА

Бор шумеў, навяваў зводны сон,
А ў ім ціха гул раздаваўся, –
Гэта ў небе лясун калыхаўся
На вяршынах вялізных сасон.
Яму месяц маркотны свяціў,
Падымалі крыжы ў неба елі, –
І ў сіняй нябеснай купелі
Душу дзікую ён ахрысціў.

№ 56

В. Шніп
КРАНАЎШЧЫЦА

Што такая вышыня дзяўчыне?!
«Птушкі ж, – кажа, лётаюць вышэй»
Не ўзышла – ўзяцела па драбіне,
Крыкнула: “Ану, хлапец, жвавейі»

І панель цяжкую пад аблокі
Асцярожна падняла страла...
Мне цікава: з кім жа так высока
Ты апоўдні сонца падняла?

№ 57

С. Кирсанов
МАЯКОВСКОМУ

Быстроходная яхта прорвала бока,
растянула последние жилки
и влетела в открытое море, пока
от волнения тряслись пассажирки.
У бортов по бокам отросла борода,
бакенбардами пены бушуют,
и сидел, наклонясь над водой, у борта
человек, о котором пишу я.
Это море дрожит полосой теневой,
берегами янтарными брезжит...
О, я знаю другое, и нет у него
ни пристаней, ни побережий.
Там рифы – сплошное бурление рифм,
и, чёрные волны прорезывая,
несётся, бушприт в бесконечность вперёд,
тень парохода «Поэзия».

№ 58

Л. Сільнова

Як доўга не было дажджу!
Як доўга не было каханя!
У неба з-пад рукі гляджу,
Стаміўся позірк ад чакання.

Мо сінявокай хмары цень
Да траў паніклых дакранецца?..
І згіне мой спякотны дзень:
Пачуццяў шумны дождж пральцеца!

№ 59

Н. Заболоцкий

Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.

А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе.

№ 60

А. Ахматова
ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в инее ярком блеснёт,
Почудится в дрёме левкоя...
Но верно и тайно ведёт
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно её угадать
В ещё незнакомой улыбке.

№ 61

А. Пысін

Не ведаю, якім вузлом
Навекі я прывязан
Да старых сосен за сялом,
Да яблынь, груш і вязаў
Да кладак гладкіх,
Валуноў,
Да траў, жытоў на ўзлесках,
Да партызанскіх курганоў
І помнікаў гвядзейскіх...

Адно я знаю: гэтка меч
На свеце не скуецца,
Каб мог ён вузел мой рассеч,
Не закрануўшы сэрца.

№ 62

П. Панчанка
МОРА

Я рукой мималётную хвалю крануў –
І ты, мора, мне стала
І родным, І блізкім.
У тваю глыбіню,
нібы ў пройдзены шлях,
заглянуў –
І дзяцінства ўсплыло,
рассыпаючы звонкія пырскі,
На сустрэчу ка мне

ты зялёныя гоніш валы,
А на схіле прыбою –
да болю палюблены ветразь...
Прыгадаў я гады,
калі быў піянерам малым,
Калі з кнігай Жюль Верна
сядзеў я / над рэчкаю Светлан.
Сабіраў дружбакоў.
Мы скрозь шторм
прабіваліся ў порт.
Невялічкая рэчка,
за ёй – непраходны маліннік)
Гром над намі расстрэльваў
хмары густыя ва ўпор
І чаўны-караблі
адбівалі вясновыя ліўні.
Нас гукала наперад
шчаслівая зорка прыгод.
Мы не зналіся з горам –
З нас кожны і весел, і
дуж быў.
Над агнём медуніц,
над спакоем нясоланых вод
Нарадзілася наша
юнацкая дружба.
Дні прайшлі...
прада мною
сапраўднае мора грыміць.
Ну, а я – ўсё такі ж
неспакойны дзівак-летуценнік.
Мора – радасць мая,
мора – песенны мой успамін,
Я іду да цябе,
каб нырнуць у салёную пену.

№ 63

П. Макаль ШТО ТАКОЕ МОРА

Сумуючы трохі без спраў,
Курортны народ назіраў
Хваляў плавучых плойму,
І кожны думаў па-свойму.
Гультай, загарэлы, як бохан,
Мора назваў абібокам.
Якому лёгка жыць, бо цэлы век ляжыць,
Варочаецца патрошку
У берагах, як у ложку...
Скульптар лічыў так:
Мора – глыбокі мастак,
Разцом сваім днём і ноччу
У цвёрды граніт стукоча,

Абчэсвае ўпарты камень,
Шукае свайго вякамі.
Глядзеў з прыбярэжных дзюн
Чабан на кудлатыя хвалі
І бачыў у іх табун
Авечак, якія бляялі...
Грузчык зазначыў сабе –
Мора на хісткім гарбе
Цяжар караблёў носіць
І нават платы не просіць
І толькі, калі на дне
Зробіцца моташна-чорна,
Усходзіцца і праглыне
Скарынку нейкага чоўна...
Сумуючы крыху без спраў,
Курортны народ пазіраў
Халяў плавучых плойму,
І кожны думаў па-свойму:
«Што такое мора?».

№ 64

М. Мятліцкі

Мільёны год вандруе цень Зямлі,
Паказваючы воку Млечны Шлях,
Распальваючы зораў вугалі,
Агусла морак водзячы ў палях.
Яму насустрач з вечнасці шырот
Імкнецца лётка сонечны прамень.
Ашчэрыўшы зары чырвоны рот,
Агонь Жыцця святлом згрызае цень.
Зямля, крыламі ночы калыхні
Нябачны шлейф касмічнага вітка.
Плынеш куды ў сусветнай глыбіні?
О, як віруе млечная рака!
І я, праз сетку зорнага галля
Ўпіваюся вачмі, душой пльву
Туды, дзе будзеш некалі, Зямля,
Туды, дзе зорным рэхам ажыву...

№ 65

А. Пысін ПОБАЧ З РАСІЯЙ

Пойдзеш сцежкай на усход – зямля руская
Там такія ж лугі ля ракі,
І такія ў дзяўчат косы русыя,
Вочы – сінія васількі.
Зямля руская, зямля бранская,
Побач сёлы, крыніцы, палі,
Ў песнях слава жыве партызанская,
Што ў сумесных баях здабылі.
Ў добрай дружбе жывём па-харошаму:

Свята ў нас – к нам Расія ідзе.
Свята ў іх – беларусы запрошаны,
Ўсюды разам – у шчасці, ў бядзе.
Пабялее зара, сонца ранняе
З таго боку для нас паўстае.
І здаецца заўжды – зямля братняя
З рук уласных яго падае.
...Пойдзеш лугам на ўсход – зямля руская,
Разам сеем, будзем і жнём.
Гэтым болей за ўсё ганаруся я,
Што мы побач з Расіяй жывём

№ 66

Л. Мартынов

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые –
И в серые,
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш,
И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

№ 67

А. Кушнер

ВВОДНЫЕ СЛОВА

Возьмите вводные слова,
От них кружится голова,
Они мешают суть сберечь
И замедляют нашу речь.
И все ж удобны потому,
Что выдают легко другим,
Как мы относимся к тому,
О чем, смущаясь, говорим.

№ 68

Д. Сухарев

К ВОПРОСУ

**О КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ
СЛОВА**

Коммуникативная функция слова,
Она, если в ней разобраться толково,

Кому – позитивная функция слова,
Кому – негативная функция слова.

Представим, к доярке взывает корова,
Мычит некультурно и неэлитарно;
Здесь функция МУ, т. е. функция слова,
Нелитературна, но утилитарна;
Здесь МУ позитивно, коммуникативно:
Ведь, как бы ей ни было это противно,
Доярка пойдет на вербальный призыв,
Источнику МУ кулаком пригрозив.
Но если доярка в своём терему
Мычит, поджидая шофёра Кузьму,
То ясно для самых отсталых ослов,
Что самодостаточна песня без слов;
Здесь значимо "ми" и не значимо МУ
И, стало быть, слово вообще ни к чему;
Тем более в песне оно примитивно
И, стало быть, антикоммуникативно.
Но я-то, но мы-то, я думаю, с вами
За то, чтобы песня была со словами!
За слово, зовущее жить коллективно,
А бьющее мощно и кумулятивно!
Поэтому нам и толкует наука,
Что главное – незамусоленность звука,
Поэтому мы и за МУ, и за "ми",
За заумь, но все ж и за ум, чёрт возьми!¹⁾

Не в этой ли пене рождается снова
То самое, самое дивное слово,
Которое, сколько его ни зовите,
В ответ лишь хохочет, как Моника Витти!

1) А ежели кто ни за МУ, ни за «ми»,
То пусть почитает хотя б Низами.

№ 69

С. Бирюков

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

эта листва просит настоящего
подумать так неизбежно
тело входит в тело
отверстия округлость и мягкости твердости
зияния задний передний подъем
фонетика
фонология – иное
выбор между архифонемой и
ее коррелятом
боже это не релевантно!
так просит листва настоящего
пафоса страсти апофеоза
мысли-спермы

№ 70**С. Кирсанов****РОСТ ЛИНГВИСТА**

Сегодня окончена юность моя.
 Я утром проснулся в халате и туфлях,
 увидел: взрослеют мои сыновья –
 деревья-слова, в корневищах и дуплах.
 И стала гербарием высохших слов
 тетрадь молодого языковеда,
 но сколько прекрасных корней проросло,
 но сколько запенилось листьями веток!
 Сады словарей посетили дожди,
 цветут деревья, рукава подымая,
 грузинское ЦХ и молдавское ШТИ,
 российское ОВ, украинское АЕ.
 К зеленым ветвям, закипая внизу,
 ползут небывало зеленые лозы –
 китайское ЧБЕН, и татарское ЗУ,
 и мхи диалектов эхоголосых.
 Я слышал: на ветке птенец тосковал,
 кукушка, как песня, в лесу куковала, –
 и понял: страна моя такова!
 А лес подымался, а речь ликовала...
 Весною раскроется сад словарей,
 таившийся в промхах корней сыновних,
 и то, что лелеял еще в январе,
 тяжелым и спелым увидит садовник.

№ 71**А. Вознесенский****МЕЛОДИЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ**

Есть лирика великая – кириллица!
 Как крик у Шостаковича – «три лилии!» –
 белеет «Ш» в клавиатуре Гилельса –
 кириллица!
 И фырчет «Ф», похожее на филина.
 Забьет крылами «у» горизонтальное –
 и утки унесутся за Онтарио.
 В латынь – латунь органная откликнулась,
 а хоровые клиросы –
 в кириллицу!
 «Б» вдаль из-под ладони загляделася –
 как Богоматерь, ждущая младенца.

№ 72**Р. Барадулін****ПА СХІЛЕ АЛФАВІТА**

Адчай,
 араатай, аброк, асянчына, ахвяра,
 апрамецце, аблітня, аблігацыя, аблога,
 ажамеры, аберуч, асвер, аброць,

аплітанік, аполак, асецішча, аер, абцугі,
 Адворня, адрына, асіта, аскома;

Боскасць,

бохан, багаславенне, бальзамінка, бязь,
 бягельда, багун, буцян, боль, баль, блёкат,
 бель, Быкаў, Баркоўшчына, баракамера,
 бруёк, бёрды, бязмен, бёрны, беркавец,
 бома;

Вырай,

вір, вуж, вугарына, варыўня, Вечалле,
 вярэгі, Вялікдзень, валачобнікі,
 Верасовачка, Велес, вурзгалка, вогнік,
 верацяно, волаць, вішшо, вотрыны, век,
 Вяркуды, вех, вусціш, вар,

Гаркота,

гора, гара, гарлач, Грамніцы, Гілёня,
 гаспода, гадзіна, галзіна, гонт, гузік,
 газоўка, гарохавіны, Грабакладзіна, гуз,
 галавешка, гай, грай, гарбар, грабар;

Дарога,

далечыня, доўг, даланя, Дземенец, друкі,
 друз, дзядоўнік, Дзяды, дынаміт, далакоп,
 донар, дрот, даважак, дуля,
 дармаўшчына, дарэмшчына, дамавік,
 дамавіна, дым, даёнка, даніна;

Енкат,

еменка, ендза, ерапеніцца, Ева, ельнік,
 Еўразія, еданіна, езданіна;

Ёкат,

ёлкасць, ёд, ёўня;

Жалоба,

жэрабя, жорны, жуда, жолаб, жур,
 журавель, жарабя, жароўня, Жыжаль,
 Жыцень, жарства, жмыха, журавіны,
 жаўна, жоўць, журлівасць, жомчуг,
 жаданне, Жывалака, жанчына;

Змярканне,

зеўрыцца, золь, завіруха, затула, здор,
 Задаброцце, зык, загарадзь, зрэб'е, згрэб'е,
 забыццё, загон, загана, затока, Загавіны,
 залобак, заручыны, зданькі, забарона;

Іржа,

імжа, імша, іржышча, істопка, Ілля,
 Ізбор, іншаверца, ірацыянальна, Ідута,
 іклы, Ілона, імшарына, ілоўка, іголка,
 ільмак, ікона;

Кірмаш,
крумкач, кут, крывічы, куцця, Ксты,
крэў, Каляды, Куліна, кара, кара, камель,
крыж, касавільна, курмель, кужаль,
куніца, крушня, Кавалеўшчына, капа,
капа, капішча, кроклы, катоўня;

Ланцуг,
лэх, луг, лой, лом, ластаўка, ласка, лёска,
ляскат, ляскотка, латок, латока, лесавік,
лейцы, лайно, лён, лотаць, лямантаваць,
лашчына, ляшчына, лавіна, лядАік,
лядоўня;

Мара,
мана, Менск, Маскалёўшчына, мярэжы,
мялінне, мох, мярлог, мурог, меліва,
мліва, малодзіва, мех, мядзяк, міжыпарніца,
малацьба, Міклашэўская, маладзік,
Мілавіца, мураванка, мама, маркота;

Нашча,
нагбом, навошта, навобмацак, набільніцы,
нядзеля, нэндза, насоў, ніты, нараспеў,
начлег, норат, наравісты, нараканне,
нораст, навала, нявывалака, непэраліўкі,
няснота;

Ойча,
одум, овен, охра, Орша, ордэн, ода;

Прашчур,
праснак, падсмеценне, паланачкі,
пільсьць,
поўсьць, пАкулле, пікар, павець, Пакроў,
палюк, праварына, прадзіва, пястачка,
Піліпаўка, Полацак, пакута, пазыка,
пекла, пост, пулята;

Ракіта,
рыдма, Радаўніца, радоўка, Роўба, радца,
раніца, рэзгіны, рунь, рой, роў, рай, рана,
радовішча, радабоць, ростанькі,
радыяцыя, развітанне, рашпіль, росы,
расплата, рум;

Сповідзь,
свет, сейбіт, смага, сведка, Спас, Саракі,
Сарочына, сірата, сорам, сырапеня,
скарга, скарбонка, стрыгнатка, студня,
сухмень, саха, сарачыны, сачэнь,
скароміна, сігалетка, Селівей, свята;

Талака,
таропкасьць, таемнасьць, трыпутнік, трэтар,
таварыскасьць, трывучасьць, Туроўля,

туман, Тумаш, Тарэнта, танок, тубылец,
тлушч, тлук, тлум, ток, такавішча, тата;

Ушача,
ужо, улукаткі, уваскрошанне, узроўе,
уток, удосталь, ужор, Улляна, увішна,
урачыста, уборы, уроцы, Увалокі, уяўна;

Фэст,
фарба, фара, фальга, фасоля, фуганак,
Фарынава, фурманка, фіранка, флора,
флянец, фаўна;

Холад,
хвароба, хаўтуры, хутар, хорт, халераваць,
хеўра, хада, хаўрус, харахорышча,
хмурына, Харон, хвартух, хусціна;

Цемра,
цяжар, цапавільна, Цярэжка, цэбар,
цьмян, цецярук, цурок, Царкавішча,
церасядзёлак, цуг, цяць, цвяліць, цвет,
цвіль, цвік, цвінтар, цэўка, цаўё,
Ціханяты, цяробкі, цясніна;

Чарга,
чалеснік, чарэнь, чарнобыль, чарот,
чарада, чэмер, чэрава, Чаравэчча,
чалавеча, чарэп'е, Чарнаручча, човен,
чомбар, чорны, чапяла, Чарапоўшчына,
чарапіца, чарвяк;

Шалі,
шаргунок, шуметнік, шэрас, шаленец,
шкода, шкада, шуфель, шархебель,
шурпаты, шчавульнік, шулы, шыла,
шарон, шана, шаша, шарэнніка, шчыра,
шчодрa, шаршатка, шчоґлы, шчэць,
шпак;

Ы-ы-ы-ы!

Экзамен,
электроніка, электрапіла, электракрэсла,
эрозія, эротыка, эпітэт, элеґія;

Ютрань,
юнацкасьць, Юр'я, Юркоўшчына, юр,
юхта, юха, Юпітэр, юлёва;

Яшчэ,
яма, яр, ярына, Ярыла, Якута, ячнішча,
ява, Ясь, язмін, ясік, ялавічына, ятроўка,
яблык, ядваб, явар, яджгур, яслі, яґня;

І кожнае слова
Твой век пялеґвае,

Пакуль у слоў цябе
Не выйграе пры дзьяльбе
Ці-
шы-
ня...

№ 73

Р. Баравікова

Пераплятуцца гукі «дж» і «дз»
дзівоснай нашай мовы ў песнях лета,
і страказе свавольнай на вадзе
так схочацца ў адной з іх быць апетай.

Заўваж, дрыжыць рука ў тваёй руцэ,
день ад вярбы на цёплым парапече, –
і ў гэтых сказах лёгенькія «ц»,
нібы званочкі ў нашым першым леце.

А ты маўчыш, хто ж навучыць пасмеў
цябе, што мова наша без дыхання,
што, як глухі, застраглы ў горле спеў,
яна даўно на грані вымірання.

О, калі б гэта к... Як дазнаўся б ты,
што тут, дзе пчолы водзяць карагоды,
між гэтай пракаветнай пекнаты
хачу твой голас вабны чуць заўсёды.

№ 74

**Г. Бураўкін
ЦІХІ ВЕРШ**

Ціхая засень старэнькай альтанкі.
Ціхае шчасце –
Шэпат каханкі.
Ціхія гукі.
Цёплыя рукі.
Лісця чаромхі вячэрняга споведзь.
Вусны дыханне спалохана ловаць.
Сіняя ціша
Зоркі калыша.
Крышаў птушыных апошнія ўзмахі.
Святло патушылі шэрыя гмахі.
Чуеш,
Як б'ецца
Сэрца ля сэрца?..

№ 75

**Н. Гілевіч
ЦІХІ ВЕРШЫК**

Век не забудзецца гэны зазімак.
Ціхі, бязветраны ранак у Мінску.
Ціхае паданне першых сняжынак.

Ціхія чары вачэй тваіх зблізку.
Ціхія крокі па вулачцы ціхай.
Ціха-нясмелае рук дакрананне.
Ціхія словы і ціхія ўздыхі.
Ціхае недзе цымбалікаў гранне.

№ 76

**Н. Гумилев, пер. из А. Рембо
ГЛАСНЫЕ**

А – черно, бело – Е, У – зелено, О – сине,
И – красно... Я хочу открыть рождение
гласных.

А – траурный корсет под стайей мух
ужасных,
Роящихся вокруг как в падали иль в тине,

Мир мрака; Е – покой тумана над
пустыней,
Дрожание цветов, взлет ледников
опасных.

И – пурпур, сгустком кровь, улыбка губ
прекрасных
В их ярости иль в их безумье пред
святыней.

У – дивные круги морей зеленоватых,
Луг, пестрый от зверья, покой морщин,
измятых
Алхимией на лбах задумчивых людей.

О – звона медного глухое окончанье,
Кометой, ангелом пронзенное молчанье,
Омега, луч Ее сиреневых очей.

№ 77

**А. Макаревич
СПУСКАЯСЬ К ВЕЛИКОЙ РЕКЕ**

Крестики, нолики, фантики
Стали теперь солдатики,
Стали теперь служивые,
Каждому вышел срок.
С вечера спорили, ссорились,
А поутру построились,
А поутру прицелились,
Каждый нажал курок.
Спускаясь к великой реке,
Мы все оставляем следы на песке,
И лодка скользит в темноте,
А нам остаются круги на воде.

Сабельки, пулечки, пушечки,
Выбритые макушечки.

Цепкие лапы Родины,
да письмоце семье.
Холмики, крестики, нолики,
Где вы теперь, соколики,
Где вы теперь служивые,
спите в какой земле?

№ 78

Г. Семёнов
БОЛЕРО

Ах, болеро – от слова «роль»:
разыгрыванье роли!
Все короли, и я король –
на то не болеро ли?
Ах, болеро – от слова «бал»:
разнуздыванье бала!
Не подтундыкнешь – и пропал,
и всё, пиши, пропало.
Ах, болеро – от слова «боль»:
преодоление боли!
Ты кружишься – и я с тобой,
партнёр твой поневоле.
Тебя направо повело...
Толпой меня размыло...
Бурление слова «болеро»,
безумный образ мира!

№ 79

Р. Барадулін

Трохкутнік
выраю
высока.
Трыпутнік ласкаю прыціх.
Трывога зерыцца трохвока.
Век чалавечы,
Як трыпціх.
Світанне,
дзень
і змрок вячэрні –
Іх, трох,
Навечна час упрог.
Трыпціх пасеянага зерня.
Трыпціх –
дол,
аралля,
нарог.

Трыпціх крыжа,
Трыпціх жагнанняў,
Трыпціх расстайных
Трох дарог.
Трыпціх апошніх

Трох жаданняў.
Трыпціх –
калыска,
кут,
парог...

№ 80

П. Макаль

Май прынёс Перамогу.
У Маі расцвіў бэз.
У Маі прымаю трывогу,
Што тупае да парогу,
Без...
Без бацькі сын вырас.
Прыродзе наперарэз
Множыцца, быццам вірус,
Без...
Нага без нагі –
Пратэз.
Як рэха мінулага, стукае
У сэрцы і камяні.
Завяя бяздомнай сукаю
Сціхла ўдалечыні.
Вуліцай у непагоду
Безвач народ ідзе.
Бездараж. Ад галалёду
Не ўратавацца нідзе.
Аўтобус, што коціцца роўна,
Зачыкільгае раптоўна
І панясе, панясе
Гэтак, што ахнуць усе.
Не ўтаймаваць гайданку.
Хіба не бачыце вы,
Як крутануў баранку
Вадзіцель без галавы?
У твары пранізліва хукае,
Разбегам збіваючы з ног,
Эра бязмерных хуткасцяў,
Эра люстраных дарог.
Лёс мой – шалёны аўтобус
Без тармазоў і руля.
За паваротам,
як глобус,
Выслізнуць можа зямля...
Множыцца страшнае «без»,
Быццам бязродны бес.
Вокны без шыбы.
Свет без падзей.
Мора без рыбы.
Дом без людзей.
Без...
Без...

Без...
Бездань, як позва.
Стойце – яшчэ не позна!

№ 81

В. Хлебников
ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют
смеяльно.
О, засмейтесь усмеяльно!
О рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных
смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно смех надсмейных
смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь смехачи!

№ 82

У.Карызна
МОЙ ЛЕС

Хоць лес
і мужчынскага роду,
З мужчынскім характарам,
хваткай,
Ды ў ваенную непагоду
Для нас ён
быў маткай.
Яна – усё аддавала.
Нас ля сэрца трымала.
З моху
пасцель рабіла.
Ласункамі частавала.
Нават звяроў упрасіла,
Каб нас яны не чапалі, –
І тыя пад хвой, асінай
Амаль побач з намі
спалі.
Калі ж блакада даймала,
Выманьвала нас пад кулі, –
Яна
калыханку
спявала,
Каб ворагі плач наш не чулі!

№ 83

А. Барскі

Банальная – непаўторная,
Гераічная – труслівая,
Шчырая – фальшывая,
Крыклівая – нямая,
Добрая – злая,
Журботная – вясёлая,
Мімалётная – вечная –
Твая і мая ўласнасць –
Сляза.

№ 84

Е. Кропивницкий

Как трудно жить!
Как страшно быть!
Надо есть-пить,
Надо любить,
Надо родить.
Кормить,
Работать, потеть, терпеть, болеть...
Потом помереть.

№ 85

А. Вярцінскі

Мужчына. Жанчына. Чаканне.
Шуканне. Блуканне. Час.
Жанчына. Мужчына. Спатканне.
Вітанне. Пытанне. Адказ.
Мужчына. Жанчына. Дыханне.
Сэрцабіццё. Забыццё.
Жанчына. Мужчына. Каханне.
Мужчына. Жанчына. Жыццё.

№ 86

Б. Слуцкий

Звенюм в цепи, звенюм в цепи,
звенюм в цепи
звени терпи, звени терпи,
звени терпи.
Терпеньё звона мудреней,
а цепь из дней, из дней, из дней
длинна, как степь. Еще длинней.

№ 87

Л. Мартынов
ВРЕМЯ

Чар
Потерянного времени
Полны доли и леса.
Шар
Потерянного времени
Улетел под небеса.
Жар
Потерянного времени
Сохранить не удалось.
Пар
Потерянного времени
Испускает паровоз.
Дом
Потерянного времени
Размышляет о былом.
Том
Потерянного времени
Запылился под стеклом.
Счёт
Потерянного времени
Ржаво тикают часы.
Год
Потерянного времени
Лёг безмолвно на весы.
Ход
Потерянного времени –
Он, увы, необратим.
В плод
Потерянного времени
И в зерно непревратим.
Тих
Потерянного времени
Вздых в бурьянах, в ковылях.
Вихрь
Потерянного времени
Зарождается в полях.
Пляс
Потерянного времени
Дик, зловещ. И не угас
Глаз
Потерянного времени,
Не взирающий на нас!

№ 88

И. Бродский
ФОНТАН

Из пасти льва
струя не журчит и не слышно рыка.
Гиацинты цветут. Ни свистка, ни крика.
Никаких голосов. Неподвижна листва.
И чужда обстановка сия для столь грозного лика,
и нова.
Пересохла уста,
и гортань проржавела: металл не вечен.
Просто кем-нибудь наглухо кран заверчен,
хоронящийся в кущах, в конце хвоста,
и крапива опутала вентиль. Спускается вечер;
из куста
сонм теней
выбегает к фонтану, как львы из чаши.
Окружают сородича, спящего в центре чаши,
перепрыгнув барьер, начинают носиться в ней,
лизжут лапы и морду вождя своего. И чем чаще,
тем темней
грозный облик. И вот
наконец он сливается с ними и резко
оживает и прыгает вниз. И все общество резво
убегает во тьму. Небосвод
прячет звезды за тучу, и мыслящий трезво
назовет
похищение вождя
– так как первые капли блестят на скамейке –
назовет похищение вождя приближеньем дождя.
Дождь спускает на землю косые линейки,
строя в воздухе сеть или клетку для львиной
семейки
без узла и гвоздя.
Теплый
дождь
моросит.
Как и льву, им гортань не остудишь.
Ты не будешь любим и забыт не будешь.
И тебя в поздний час из земли воскресит,
если чудищем был ты, компания чудищ.
Разгласит
твой побег
дождь и снег.
И, не склонный к простуде,
все равно ты вернешься в сей мир на ночлег.
Ибо нет одиночества больше, чем память о чуде.
Так в тюрьму возвращаются в ней побывавшие
люди,
и голубки – в ковчег.

№ 89

І. Лагвіновіч

КПНЫ ВЕЧНАЗЯЛЁНАЕ ЯЛІНЫ

І
дуб
стары
замшэлы
ганарыцца,
фанабэрыцца,
як да пачатку
чэрвеня апер'іцца:
я
дам
адпор
дажджам,
маланкам і вятрам!

№ 90

С. Кирсанов

ЛИРИКА

Человек
стоял и плакал,
комкая конверт.
В сто
ступенек
эскалатор
вез его наверх.
К подымавшимся
колоннам,
к залу,
где светло,
люди разные
наклонно
плыли
из метро.
Видел я,
земля уходит
из-под его ног.
Рядом плыл
на белом своде
мраморный
венок.
Он уже не в силах видеть
движущийся
зал.
Со слезами,
чтоб не выдать,
борются глаза.
Подойти?
Спросить:

"Что с вами?"

Просто ни к чему.
Неподвижными
словами
не помочь ему.
Может,
именно
ему-то
лирика нужна.
Скорой помощью,
в минуту,
подоспеть должна.
Пусть она
беду чужую,
тяжесть всех забот,
муку
самую большую
на себя возьмет.
И поправит,
и поставит
ногу на порог,
и подняться
в жизнь
заставит
лестничками
строк.

№ 91

В. Аксак

травень
на Траецкай гары
трапяткая лістота
і ў нататніку аркуш
трапечацца так
што радок да радка
падбягае ахвотна
не трапляючы ў такт
слё-
за-
па-
ду

№ 92

А. Вознесенский
ПЕСЧАНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК
(СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ)

Человек бежит песчаный
по дороженьке печальной.
На плечах красиво сшита
майка в дырочках, как сито.
Не беги, теряя вес,

можешь высыпаться весь!
Но не слышит человек,
продолжает быстрый бег.
Подбегает он к Москве –
остается ЧЕЛОВЕ...
Губы радостно свело –
остается лишь ЧЕЛО...
Майка виснет на плече –
от него осталось ЧЕ...

Человечка нет печального.
Есть дороженька песчаная...

№ 93
М. Мятліцкі

На дне гісторыі сівой
Багата чый астыне голас.
К
О
Ды зорны крыж КУПАЛА
А
С
Свячэннем век паверне твоей.
Шляхамі мары агнявой
Павыйдзе ў Заутра
наша Сёння.
І душы зведаюць бяссонне
На дне гісторыі сівой...

№ 94
В. Шаламов
КРИСТАЛЛЫ

Стекло обледенело,
Блестит резная запись,
В ночной метели белой
Скитается анапест.
Летят снежинки-строфы,
Где ямбы и хорей,
Как блестящие катастрофы.
Разгрома в эмпирее.
Их четкое строенье
Еще с времен Гомера –
Точь-в-точь стихотворенье
Старинного размера.
Един закон сцепленья.
Симметрии вселенной.
Сложенья и деленья
И четкости отменной.

Снег падает устало.
Снежинки давят плечи,
Стихи – это кристаллы,
Кристаллы нашей речи.

№ 95
Р. Рождественский
СОН

Я по улице иду –
удручен.
В магазинах
нет вопроса:
"Почем?"
На вокзалах нет вопроса:
"Куда
по планете
разбрелись поезда?.."
Этот сон
приснился в пятницу мне
(может, он –
к деньгам,
а может –
к войне).
Я попал на заседание вдруг
Академии
Серьезных
Наук...
Академики –
дотошный народ
(сорок лысин,
восемнадцать бород) –
при параде,
при больших орденах
обсуждают
вопросительный знак.
Рассуждают
о загадках
его...
Говорят, что он немножко
того...
Не умеет
эпохально звенеть...
Заставляет временами
краснеть...
Не зовет,
не помогает
в борьбе...
"Задается" --
значит, мнит о себе...
Если даже и ведет
иногда,

то заводит
неизвестно куда...
Решено:
недопустим компромисс!
Решено, что этот знак –
пессимист.
И записано,
что он
отменен,
так как
«нет уже потребности
в нем»...
«Восклицательным знакам –
почет!!»
(Вопросительные –
взять на учет.
Разрешить для них
журчание
вслух
при наличии
особых
заслуг...)
Телефон «09»
вправе
молчать.
(Если нет вопросов
что отвечать?)
Нет вопросов,
и не слышно
гудка...
«Мосгорсправка»
растерялась слегка.
Но потом
она опомнилась и
заклеймила
заблужденья свои...
Только сложности
возникли
опять:
«Как
с вопросами детей
поступать?..»
Просит ректор МГУ
разъяснить:
«Что с экзаменами?
Чем
заменить?»
Все супруги
соблюдают престиж.
Ведь не спросишь:
«Почему ты

грустишь?..»
И не скажешь:
«Ты сегодня бледна...
Что с тобою?
Может,
помощь нужна?..»
Нет возможности
задачник добыть...
Не вздыхает Гамлет:
«Быть
или не быть?..»
Нет задумавшихся.
Быт упрощен.
В магазинах нет вопроса:
«Почем?»
На вокзалах нет вопроса:
«Куда:
непонятные
ушли
поезда?..»
Нет кроссвордов.
КВН
не бурлит.
И не спрашивает врач:
"Что болит?.."
Лишь в кошмарных
появляется
снах
отмененный
вопросительный знак.
...А природе
не впервой
отставать.
А природе на запреты
плевать!
Вопросительно
глядит
сова.
Вопросительно
шуршит
травы.
Вопросительна пчела
в цветах.
Вопросительны краны
в портах.
Вопросительно закручен
ус,
Вопросительно свернулся
уж...
Если даже у змеи
вопрос,

что же делать тем, кто
в полный
рост?!

№ 96

А. Кушнер

«БЛЕДНЕЮТ ЗАКАТЫ...»

Как грустно! Как поздно!
Ты машешь рукой.
И город – как создан
для дружбы такой.

Он холод вдыхает
на зимний манер
и сам выбирает
короткий размер.
И слово «холодный»,
снежиночка, пух,
звучит как «свободный»
и радуется слух.

№ 97

Л. Мартынов

Я ПОДНЯЛ СТИХОТВОРНУЮ ВОЛНУ

Я поднял стихотворную волну.
Зажег я стихотворную луну
Меж стихотворных облаков
И вот решил: теперь возьму засну,
Засну теперь на несколько веков!
Но я забылся не на сотню лет,
А стихотворный наступил рассвет,
Сам по себе передо мной вставал
Расцвет всего, что я предсоздавал.
И будь я даже в сотни раз сильнее
Не мог бы на минуту ни одну
Пресечь течение стихотворных дней,
Объяввших стихотворную страну.

№ 98

И. Бродский
ГЛАГОЛЫ

Меня окружают молчаливые глаголы,
похожие на чужие головы
глаголы,
голодные глаголы, голые глаголы,
главные глаголы, глухие глаголы.
Глаголы без существительных. Глаголы –
просто.
Глаголы,
которые живут в подвалах,

говорят – в подвалах, рождаются – в подвалах
под несколькими этажами
всеобщего оптимизма.

Каждое утро они идут на работу,
раствор мешают и камни таскают,
но, возводя город, возводят не город,
а собственному одиночеству памятник
воздвигают.

И уходя, как уходят в чужую память,
мерно ступая от слова к слову,
всеми своими тремя временами
глаголы однажды восходят на Голгофу.

И небо над ними
как птица над погостом,
и, словно стоя
перед запертой дверью,
некто стучит, забивая гвозди
в прошедшее,
в настоящее,
в будущее время.
Никто не придет, и никто не снимет.
Стук молотка
вечным ритмом станет.
Земли гипербола лежит под ними,
как небо метафор плывет над нами!

№ 99

С. Поделков

БЕГ

Откуда это чародейство?
О, как кружится голова!
Преобразуемые в действие,
бегут из небыли слова.

Нет, не тяну их на аркане,
они врываются в блокнот,
одно – взойдет иль в сумрак канет,
другое – по ветру плывет.

И не нуждаясь в опеке, –
чужую власть опередим, –
мы сказке приподнимем веки,
лукаво в очи поглядим.

Все настезь – и весна готова,
и – солнечная тишина,
и слову жарко снится слово,
мысль трудится, себе верна.

Русь, твой простор широк и плавен,
земля родная, как магнит,
и чувство с мыслью в равноправье,

и голос с песней дружно слит.
Не выцвело, не сникло зренье,
еще судьба не отцвела,
нет вдохновенья без прозренья,
нет гения без ремесла.

Я в сказке жил под тонким зонтом
и слышал ржанье, отклик, гик,
и на душевном горизонте
за табуном табун возник.

Они поджарые, крутые...
Мой друг, у древности спроси:
- Да, были масти золотые
и голубые на Руси.

Слова бегут... Но это ж кони,
куда ни глянь, где ни ступи,
на диком, бешеном разгоне
они несутся по степи.

Слова бегут... Все те же кони,
доносится горячий дых,
и без приманки на ладони
ловлю буланых и гнедых.

Оглаженные бурей стати,
любимые из вороных,
чтоб запаленными не стать им –
метафорой укрою их...

Летят, стремительностью скрыты
и вытянувшись, как цевье;
так дерзко цокают копыта,
аж с криком вьется воронье.

Летят, – врываясь на иконы,
ездец с копьём в руке тугой,
О, золотые мои кони
и голубые под дугой!

Сюда, сюда! В железном звоне
ко мне сбегаются на сказ
слова мои, вы – кони, кони,
свирепо объезжаю вас.

Но время в звездах и кометах,
их разноцветия горят,
бушует год, играет лето,
а кони – в сказке говорят.

№ 100

А. Вознесенский

МЕЛОДИЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Есть лирика великая –
кириллица!
Как крик у Шостаковича – «три лилии!» –
белеет «Ш» в клавиатуре Гилельса –
кириллица!
И фырчет «Ф», похожее на филина.
Забьет крылами «у» горизонтальное –
и утки унесутся за Онтарио.
В латынь – латунь органная откликнулась,
а хоровые клиросы –
в кириллицу!
«Б» вдаль из-под ладони загляделась –
как Богоматерь, ждущая младенца.

№ 101

М. Танк

РОДНАЯ МОВА

З легендаў і казак былых пакаленняў,
З калосся цяжкага жытоў і пшаніц,
З сузор'яў і сонечных цёплых праменняў,
З трымучага зьяння бурлівых крыніц.
З птушынага шчэбету, шуму дубровы,
І з гора, і з радасці, і з усяго
Таго, што лягло назаўсёды ў аснову
Святыні народа, бясмерця яго, –
Ты выткана, дзіўная родная мова.

Няма на зямлі таго шчасця і гора,
Якога б ты нам перадаць не магла.
Няма такіх нетраў, глыбокага мора
І гор, праз якія б ты не правяла
Мяне на радзіму, туды, дзе сягоння
Стаіць акрываўлены вораг з пятлёй
Над спаленай хатай, над родным загонам,
Над будучыняй і песняй маёй –
Над тым, што было і што век будзе вольным.

Народ пранясе цябе, родная мова,
Святлом незгасальным у сэрцы сваім
Праз цемру і годы змаганняў суровых.
Калі ж ападзе і развеецца дым
І нівы васкросшыя закаласяцца, –
Ізноў прашуміш ты вясновым дажджом,
Ізноў зазвініш ты у кожнай у хаце,
Цымбалам дасі іх сарэбраны гром
І вусны расквеціш усмешкай дзіцяці.

№ 102

**А. Балугенка
РЫТМІЧНЫ ВЕРШ**

Хто дзеля сваёй асалоды
К паэзіі мае любоў,
Той верш разумее заўсёды,
Не шкодзіць інверсія слоў.

Бясконца існуе пагроза
Рытм страціць – і верша няма,
Гучаць верш пачне, нібы проза,
Хоць прозу складаць не дарма.

Паэзія – тонкая справа,
Каб радасць здабыць ад верша,
Мець розуму мора – замала,
Павінна быць чуткай душа.

Існуе аматараў многа,
Ім вершы цікава чытаць,
Як талент паэта ад Бога,
То песню вершу гучаць.

№ 103

**В. Зуёнак
ДЗЕЯСЛОЎ**

Дзеяслоўная рыфма –
кепская рыфма.
І абозьнікі, і авангард
Зазубрылі:
па самых нізкіх тарыфах
Гэта рыфма ідзе –
як насмешка ці жарт...

«Сеў» і «зьеў»
альбо «выпіў» і «лыпаў»... –
Тут і ўсё. І славе каюк.
І ўжо крытык
амаль што пяском засыпаў...
Плача верш, як пабіты шчанюк...
Толькі што гэта? – глянце! – рабы
Гнёту выпрасталі гарбы!
Нехта плача, нехта сьмяецца,
Нехта ў вечным каханьні канае,
Нехта ў пошуках ісьціны б'ецца,
Нехта ў полымі бітвы згарае... –

Гэта ён, гэта ён – дзеяслоў
Патрасае сьвет да асноў!

Спапяляе слова кляцьбы,
Прарастае слова сяўбы.

Дык хіба ж дзеяслоў вінаваты ў тандэце?!
Тут ні кроплі яго віны.
Рыфмаплётаў,
што словы кідаюць на вецер, –
Іх судзіце. Паглумцы – яны.

Майстар – слову дае аздобу
І каштоўнасьць высокае пробы.
Помніць верш: Купалам і Пушкіным
На Парнас гэта рыфма дапушчана!

Дзеяслоў –
дзея слова:
падзея, надзея, –
І душа маладзее, і голас цьвярдзее.
Гэта кліч,
што паходняй у цемрачы ўспыхнуў.
Дзеяслоўная рыфма –
выдатная рыфма!

№ 104

**У. Някляеў
ХАРЭІ**

Што, Валодзька?.. Зноў, здаецца,
З каляіны выбіла...

Ах, як выбалела сэрца!

Ах, як выбалела.

Таргаваў на кірмашы
Весела ранетамі...

Вершаў сумных не пішы,

Дурань гэтакі.

Ах, зялёным лоньнем вод

Вочы дзеўчыны!..

Не пішы сьвяточных од.

Сьні пра вечнае.

Вам – за вочы і касу –

Яблыкі найлепшыя...

Рыфмай лёзунгі ня псуй.

Сьмешна.

Пакацілася – трымай! –

Сэрца яблыкам...

Вось пра гэта і сьпявай

Ямбамі.

№ 105**М. Аўрамчык****БАЛАДА ПРА СЛОВЫ****(фрагмент)**

Хлапчук успрымаў адмыслова

Па матчыных нават губах

Не толькі

сэнс кожнага слова,

А колер яго,

смак і пах.

Салодкім ён быў задаволены,

Як мацерыным малаком,

Ад кіслага слова

міжволі

Сціскаўся малютка маўчком.

Здзіўляўся,

што ў іхніх мясцінах

Птушына балотная –

драч,

А ў іншых,

як венік з галінак,

Яе называюць –

дзяркач.

Пасля зразумеў паступова,

Што слова –

вастрэй ад ляза,

Што слова –

ліхая абмова,

Згарае яно,

як сляза.

Што песня без слова –

нямая.

Як гучна яна ні звiніць.

Што словы ў жыцці паміраюць,

Як дзеці ў галодныя дні.

І ўжо прарасталі ў самога

Яны па загаду рукі,

Нiбыта ад ліўня грыбнога –

Праўдзiвiкi-баравiкi.

Ды словамі ўжо гандлявалі,

А ён заклікаў,

каб яны

Зняволеных ператваралі

У птахаў крылатых зямных.

Каб вязні з астрогаў праклятых

Умiг разляцецца маглі,

Каб турмы і ўсе казематы

Пустыя былі на зямлі.

Калі б заклінапнем вось гэткам

Мяне акрыліў ён калісь,

Не тое

што з лагернай клеткі

Узняўся б я птушкай увысь,

А словам гаючым,

як зеллем,

Узбуджаны,

катам назло,

Я нават з глыбiнi падзямелля

Змог выпырхнуць бы на святло.

№ 106**М. Аўрамчык****УСПАМІНЫ БЫЛОГА ПАЛЫМЯНЦА**

Народжаны і кволым быў і голым я.

Але шчаслівы, мабыць, ад таго,

Што хрышчаны і гартаваны ў «Полымі»

Дый быў апрануты за кошт яго.

Яно з юнацтва мне, як лiтвучылішча,

Дало прытулак пад сваёй страхой.

І з пекла ў рай яно было чысцілішчам

З гарачаю парыльняю сухой.

Я ў «Полымя» за тройцай апантанаю –

За Мележам, Шамякіным, Брылём,

Ужо прызнанымі трыма Іванамі,

Хадзіў са знятым з галавы брылём.

Бо нам яно было не толькі кухняю

Для гатавання чытачам яды,

Але яшчэ і незаменнай кузняю,

Дзе падганялі вупраж для язды.

Мянялі ў колах шыны выпадковыя

І загваздкі, каб не было бяды,

Пегасаў неаб'езджаных падкоўвалі,

Атосаў напіналі павады.

Тут з загартоўкай шворанаў расслабленых

Закоўвалі ў падрэзы палазы,

Каб сані не куляліся на ўхабінах,

На паваротах на крутых – вазы.

Яе каваль, з нязвыклым трохі прозвішчам,

На першы погляд пагражальным – Танк,

Быў чалавек лагодны, непагрозлівы,

Меў вытрымку і ўмельства, ведаў такт.

Высакароднасць iнтэлектуальная,

Адметны майстра, слова чараўнік,

Цікавая асоба абаяльная,

Дасціпны весялун і жартаўнік.

І ён мяне,
на дужасць небагатага
Дый хваткаю і спрытам так сабе,
У кузню гэтую за памагатага
Узяў малатабойцам да сябе.

З мяне малатабоец быў нявопытны,
Але ўсё роўна бачна было мне,
Як слова карыстаецца тут попытам
І асабліва свежае ў цане.

Як меркне слова,
гартам перапалена,
І як яно блішчыць з усіх бакоў,
Калі з яго здымаецца акаліна
Тачылам, рашпілем ці наждаком.
Яно і на памер тут вымяралася
І на падставе вагавых адзнак.
І разам з тым
Таксама вывяралася
На форму, на гучанне і на смак.

З нас кожны асабліва быў уражлівы,
Нібы набожны ў храме ў час імшы,
Вачамі і вушамі надта ўважліва
Улоўліваючы ў нямой цішы,
Як вымаўляліся тут словы Коласам
Сярод рэдактараў і выдаўцоў,
Ягоным ціхім глухаватым голасам
З адметнай, ледзь улоўнай хрыпатцой.

Як раптам прасвятляліся мы тварамі,
Бо Крапіва сур'эзны спакваля
(Пабліскваючы грозна акулерамі),
Саланаватае слаўцо ўстаўляў.

Як рогат скаланаў усю сям'ю нашу,
Аж водгалас гучаў з усіх куткоў,
Калі не ў горач вугалі,

а ўюнашам
Падкідваў словы смешныя Лынькоў.

Не ў параўнанне з сённяяшнімі чэргамі
Па цукар, па гарэлку ці алей,-
Ды аўтараў выстройваліся шэрагі
І ў «Полымя», нібыта ў маўзалеі.

Як галасы свае харысты з кліраса,
Бярэмамі выкладвалі яны
Свае машынапісныя папірусы,
Бы ў млын мяхі здавалі збажыны.

Хоць і ў пісьменнікаў пары застойнае
Былі некаларыйныя харчы,

А творы ўсё-такі ад іх прыстойныя
Тады атрымлівалі чытачы.
Вядома, адчуваў сябе не проста я,
Як асабіста з Коласавых рук
Па частках браў трылогію «На ростанях»
Ці «Толькі ўперад» сам здаваў у друк.

Пасля «Глыбокай плыні» і «З народам»
«Мінскі напрамак» і «Векапомныя дні»,
Апошнія ўдастоеныя ўзнагароды,
Шум паднялі ў застойнай цішыні.

Што-кольвечы з надрукаваных намі рэчаў
Цяпер не ўвойдзе ў аўтарскі актыў,
Хоць «Пяюць жаваранкі»
і «Новае рэчышча»
Тады праславілі наш калектыў.

Дуплет «Сустрэнемся на барыкадах»
І «У Забалоцці днее»
сапраўды

Адкрылі тэмы новыя
і з радасцю
Былі сустрэты чытачом тады.

З удачай віншавалі мы і класікаў,
І радавых таксама заадно, —
З камедыяю «Выбачайце, калі ласка»,
З «Аповесцю пра залатое дно».

Пасля вайны была не надта голая
Літаратура ў нас і пагатоў,
Калі надрукавана гэта ў «Полымі»
Было за сем якіх-небудзь гадоў.

Рэдактар усміхаўся задаволена,
І кожны раз упарта ўносіў ён
Адну папраўку дробную, адвольную
У пералік пісьменніцкіх імён.

Выкрэсліваў
з хвалебных спісаў прочырмам
Склады імя і прозвішча свайго,
Разборлівым упісваючы почырмам
Прозвішча Панчанкі замест яго.

Апошні ў той далёкі час апальны стаў
У бюракратаў і кіраўнікоў
(Ва ўладароў жа не ў пашане таленты
Былі ва ўсе часы, спакон вякоў).

Каб перайсці з той кузні не прымуслілі
У іншую,

я ў ёй бы век каваў.
У кавалі праслаўленага, мусіць, я
Малатабойцам бы і звекаваў.

№ 107**Р. Барадулін****МАЯ МОВА**

Сцвярджаюць гісторыкі і мовазнаўцы,
 Што паступова сціраюцца грані нацый
 І, нібыта як перажытак,
 аджыць павінна абавязкова
 Мова маці маёй – беларуская мова...
 Што мне, як імя ўласнае, блізкая і
 знаёмая,
 Што па жылах маіх цячэ
 і сонным Сажом і Нёманам.
 Я чакаю часіну сябрыны людской,
 Але не згаджуся, што родныя мовы
 лускай
 Былі на рыбіне чалавецтва,
 Якая ў вечнасць плыве акіянам вечнасці.
 Галеюць увосень гаі-касмачы,
 Па вясне расціскаюць лісты
 Свае кулачкі маладыя.
 І калі нават мова мая замаўчыць,
 То не зробіцца мёртвай латынню.
 Словы, дзе кожны гук
 Азяблай сініцай цінькае,
 Не стануць тэрмінамі медыцынскімі.
 Гэтыя словы
 Павінны вывучыць будуць нанова,
 Каб даведацца,
 Як Русь мая, белая
 Ад вясновай наклеці
 І касцей няпрошанай набрыдзі
 З-пад чарапастых свастык,
 Вольнай воляй сваёй даражыла,
 Як з братамі і сёстрамі
 Шчыра дружыла.
 Калі мова мая
 Уліецца ў агульны людскі акіян –
 Пацячэ ў ім, стрыманая,
 Цёплым Гальфстрымам.
 І будзе мне сэрца грэць
 Кожным ашчаджаным словам,
 Бо як жыта спрадвечная
 Беларуская мова!

№ 108**А. Астрэйка****ВАГА СЛОВА**

Словам можна выказаць усё,
 Словам можна не сказаць нічога,
 Абпаліцца, быццам аб касцёр,

Збіцца з непратоптанай дарогі.
 Слова мае розную вагу,
 То алмаз, то жэмчуг перацягне,
 Ходзіць, бродзіць недзе на рагу
 Ці грукоча вулканічнай магмай.
 Як не звязаны паміж сабой,
 Дык, як дубчыкі, не маюць сілы,
 То атручваюць жыццё журбой,
 То ўздываюць лёс зямны на крылы.
 Многа ёсць на сведе розных слоў,
 Шчырых, цёплых, як бальзам, гаючых.
 Я збіраю з ніў іх і з гаёў,
 Толькі сцерагуся слоў балючых.
 Ды ад іх няма куды ўцячы,
 Безліч іх пад кожным плотам.
 Сцеражыся, могуць апячы,
 Нізавошта атруціць самотай.
 Словы нам дарованы жыццём,
 Каб мы з іх красе складалі песні,
 Каб заўсёды чалавечы дом
 Быў ад радасці і шчасця цесным.

№ 109**Л. Галубовіч****ПАЭЗІЯ**

Ты – боль, паэзія. Ты – быль.
 Твае суровыя законы
 Не для забаў, не для гульбы –
 А пошук ісціны да скону.

Ты – рай, паэзія. Ты – рой
 Адвечных дум, дзе мы згараем.
 І толькі геніі парой
 Жылі часова гэтым раем.

Ты – жаль, паэзія. Ты – жар.
 Я па тваім хаджу вуголі.
 Чыя не прагнула душа
 Твайго зняволення і волі?
 Ты – сум, паэзія. Ты – суд
 І мрояў нашых, і здзяйсненняў.
 Хай душы шчырыя нясуць
 Высокі лад тваіх памкненняў!

Ты – яд, паэзія. Ты – сад
 З адзіным яблыкам спакусным.
 Над ім – каторы год падрад! –
 Мае збалела смягнуць вусны...

Ты – боль, паэзія. Ты – бой.
 Ты – праўды непрыступнай вежа.
 Я – праведнік і грэшнік твой,
 Пусці мяне ў сваё бязмежжа!..

№ 110**В. Зуёнак**

«Як вршы пішуцца? – пытаюць.
Агонь з вачэй і дым з вушэй?...»
Я усей маёй не знаю тайны.
А вршы – пішуцца цішэй.
Прыходзіць верш безабаронна.
Адзін. Ні продкаў, ні радні...
Яны пасля – хістаюць троны.
Пасля пакутнай цішыні.

№ 111**Г. Бураўкін****ЯК ПЕСНЯ НАРАДЖАЕЦЦА**

Як часта
на сцяжыпцы палявой
Яна ўва мне прачнецца нечакана
І па спакойным і будзённым сэрцы
Ударыць мяккім, трапяткім крылом!
І ціхі вецер
камяком гарачым
На міг мае дыханне перахопіць,
І я глыну ЯГО –
і цёплай хваляй
Ён паплыве ўладарыя па крыві.
І галава закружыцца,
і ў роце,
Шбы ў спякотны поўдзень,
перасохне,
І летуценне вочы затуманіць,
І я спынюся пасярод зямлі.
Тады вось
з глыбіні душы шчаслівай
Нясмела,
нетаропка і ўрачыста
Бліскучай рыбай слова усплыве.
І рынуцца за ім другія словы,
Задыханія,
потныя, цяжкія,
Зацокаюць бязладна капытамі,
Закруцяцца шалёным табуном.
Я іх спыняць не стану.
Хай бушуюць,
Падковай з сэрца выкрасаюць іскры
І радасцю
шчымлівай, першароднай
Калоцяцца нястрымана ў грудзях...Да
кожнага я буду прымярацца.
Я кожнае акіну хітрым вокам –
І самых наравістых адбяру.

І буду з імі мучыцца і плакаць,
Спрацацца буду з імі і смяяцца,
І лашчыць буду, і ўтаймоўваць іх,
Пакуль яны
збяруцца добрым ладам
І самым лепшым моўчкі ўступяць месца
(О, каб заўсёды так было ў жыцці!).
Тады, пахаладзелы ад здзіўлення,
Пачую я,
як прарастае песня,
Як цёплыя і трапяткія крылы
Узносяць над прыціхлаю зямлёй
У слова пералітае імгненне,
У слова пералітыя гады.

№ 112**М. Мятліцкі****ВЕРШЫ**

Іх душа ускаласіла
На палях прагоркай долі.
Рыфмаў пружыстая сіла
Абаб'е дзічэўе ў полі.
Лёс іх горкі, незайздросны –
Стаць самотай дня зямнога.
Ды прачнуцца слоў барозны,
Зашумяць і скажуць многа.
Сведкі даўніх дзён пагаслых,
Болю чутага і тлуму.
І радкі, як перавяслы,
У снапы павяжуць думы.

№ 113**Е. Лось**

Я да цябе, паэзія, дабіралася,
Як далакоп да вады на сухой мясціне.
Я з табой, нарэшце, спазналася, –
І стала светла ў маёй хаціне.
Шлях да цябе – аблогай няходжанай.
Крокі мае убачыць кожны,
Як зруба вянцы ў глыбокім калодзежы,
Які на вокліч гудзе трывожна...

№ 114**В. Гардзеі****ГРАМАТЫКА ЛЕСУ**

Шумлівы лес –
Падручнік роднай мовы.
Тут дрэвы,
Як назоўнікі,

Стаяць,
 А птушкі утвараюць дзеясловы –
 Пяюць і свішчуць,
 Звоняць і крычаць.
 Прыметнікамі бор здалёк прыметны –
 Зеленачубы,
 Стройны,
 Залаты.
 Сустрэне гай займеннікам прыветным:
 Нібы з сябрамі, 3 намі ён на «ты».
 Зязюля раницай лічэбнік вучыць –
 Плыве наўсцяж стараннае «куку».
 Цвіце багун.
 Цвіце чабор гаючы. Вісяць,
 Што коскі, Шышкі пры суку.
 Грыбы, нібы часціцы і прыслоўі,
 Хаваюцца
 Сярод імхоў і траў.
 У верасным,
 Сунічным палясоўі
 Я ласкавыя словы напаткаў.
 Звіні ж вякамі,
 Мова,
 Па-над краем –
 У жніўны дзень,
 На лузе,
 Пры сасне!
 Жыццё не адмаўляе,
 А сцвярджае
 Адмоўная часціца мовы – «не».
 Не знішчым іх,
 Не спляжым,
 Не загубім –
 Сваіх азёр, лугоў, сваіх лясоў.
 1 родны край і мову не разлюбім –
 У кожным сэрцы гэты дзеяслоў!

№ 115

Е. Винокуров

Дайте полночь с луною в мои осторожные
 руки,
 Чтоб шумела широкой и мокрой сиренью.
 Я не трону её, только в шумы и звуки
 Аккуратно поставлю кой-где ударенья...

Дайте плотные ливни и молнии мая,
 Закоулки лесные и даль заревую.
 Я листа не сомну, стебелька не сломаю,
 Только шелесты трав и берёз зарифмую...

Дайте полные неба речные затоны,
 В острых искорках звёзд, и откосы крутые.
 Я в полях предвечерних травинки не трону,
 Лишь, волнуясь, помечу кой-где запятые...

№ 116

Р. Барадулін
ПАПРАСІЛІСЯ ЛІЎНІЎ ВЕРШ

Сонца спее
 жоўтай лотаццю,
 ад нецярпення
 пупышкі лопнулі.

Порстка раскручваюць
 дубкі над кручамі,
 у лагчынах ляшчынкі
 першыя лісцінкі.

Працуе таропка
 тэлеграф навальнічны:
 працяжнік – кропка.
 Маланка!
 Клічнік!

Чуеш, у Тураве,
 у Антопалі,
 громам устуранья,
 ліўні затопалі?!

Зірні, паслухай:
 пад весялухай
 ад Обалы ў пантоплях
 патопамі
 патопалі ...

№ 117

Р. Баравікова

Пераплятуцца гукі «дж» і «дз»
 дзівоснай нашай мовы ў песнях лета,
 і страказе свавольнай на вадзе
 так схочацца ў адной з іх быць апетай.

Заўваж, дрыжыць рука ў тваёй руцэ,
 день ад вярбы на цёплым парапече, –
 і ў гэтых сказах лёгенькія «ц»,
 нібы званочки ў нашым першым леце.

А ты маўчыш, хто ж навучыць пасмеў
 цябе, што мова наша без дыхання,
 што, як глухі, застраглы ў горле спеў,
 яна даўно на грані вымірання.

О, калі б тэта к... Як дазнаўся б ты,
 што тут, дзе пчолы водзяць карагоды,
 між гэтай пракаветнай пекнаты
 хачу твой голас вабны чуць заўсёды.

№ 118**М. Зенкевич**

В сознание сияет она, внушая,
 Что с ней неразлучна вся жизнь моя,
 Что в маленькой в ней бесконечно-
 большая
 Вселилась Вселенная, вечность тая.

И в ослепление своем убогом,
 Как солнце атомное, ярка,
 Хочет она воплотиться богом
 Микроскопического мирка.

И нет укуса ее ядовитой,
 Язвительная, как змея,
 Тая обиду, стоит в алфавите
 Последняя буква: Я.

№ 119**К. Камейша**
**ПРОСТАЯ МОВА,
 АБО ЭКЗАМЕН
 ПА МОВАЗНАЎСТВУ**

– Хто ты ёсць? –
 І пытанне на вуснах шыпіць,
 Як укус.
 – Беларус!
 – ?
 – Так і ёсць, беларус!
 Мой найцяжкі экзамен
 Прымае сягоння НКУС.
 – Памыліўся, шаноўны, ты ў гэтай графе,
 – Вусны крывяцца
 Акантоўкаю галіфэ –
 Гэта простая мова.
 І пісаць усё трэба ў двукоссях.
 Вось як?..
 Я стаю і маўчу,
 Абліваюся потам.
 Зразумею ўсё потым,
 Калі возьмуць мой лёс
 У двукоссе калючага дроту.
 Мая простая мова,
 Лёс твой матчыным словам галосіць,
 Як цябе два арлы небяспечна двукосяць.
 Два арлы, ды з адной, як паглядзіш,
 пароды.
 Разам з простаю мовай
 Двукосяць народы.
 Мая простая мова!
 Я і сам прастанган,
 Жыў у прастай хацінцы.
 Як экзамен той здаў,

На зямлі сваёй роднай

Стаўся чужынцам.

Плача, плача мой сказ,

І рыбінай б'ецца аб слова чужое.

З крыўды цяжкіх двукоссяў

Не выйду няўжо я?

Мая простая мова!

Я парэшце дазвол атрымаў на цябе,

А разам з дазвалам і ўмову:

–Што ж, браток, гавары,

Не прэрэчым мы болей,

Гавары... сам з сабою.

№ 120**А. Разанаў**
**СУМА НЕМАГЧЫМАСЦЯЎ
 (фрагменты)**

«У сваіх крайніх – самавольных – праявах
 метафара выкарыстоўвае прыём чорнай
 магіі: сілком «сшывае» адно з адным тое,
 што само не жадае «спывацца», «шлюбую»
 адно з адным тое, што само не жадае
 «шлюбавання».

Метафара занадта наўмысная, каб быць
 іспіннай, занадта ўмелая, каб быць шчырай,
 і тая паэзія, дзе самаэтнічае метафара,
 становіцца звярынцам, дзе ёсць самыя
 разнастайныя істоты, але няма ні ўнутранай
 прасторы, ні свабоды.

Метафара – транскрыпцыя: яна перадае
 на «тутэйшай» мове «тамтэйшае». Калі
 выходзіць на прэрдні план, тады творчасць
 ператвараецца ў метафаратворчасць, у тое,
 што Герман Гесэ назваў «Das
 Glasperlenspiel» («Гульня шкляных перлаў»),
 а рэчаіснасць – у матэрыял для гэтай гульні.

Метафарычны верш ілюзорны, праз яго
 нічога не відаць, відзён толькі ён сам, ён
 не адкрывае, а засланыя – як шыбіна, на
 якой мароз намаляваў свае ўзоры.

Метафарычныя вершы – ловы, у якіх
 таму, хто ловіць, завязваюцца вочы, а тыя,
 што ловацца, падаюць яму знакі, што яны
 тут.

Метафара не набліжаецца да рэчаіснасці,
 а, хутчэй, наадварот – аддаляецца ад яе, не
 прасвятляе яе, а скажае. Гэта бачанне
 зрокам, які запалоньваюць «бярвёны і
 парушынкі», ілюзорнае бачанне, «цікавае»
 бачанне, якое грунтуецца на «так мне
 ўяўляецца» і прадметы ў якім дваяцца,
 траяцца і не пазнаюць саміх сябе».

№ 121**Я. Янішчыц
МЕТАФАРА**

Я высветлю цябе зусім знянацку
 Над ціхім і напорыстым радком.
 Метафара – ты ёлачная цацка,
 Ліловы чад над бацькавым грудком.
 Калі нячутна снег ляціць над светам
 І доўга не праходзяць маразы,
 Ты нібы ў дар з'яўляешся паэту,
 Здзіўляючы да чуйнае слязы.
 Цябе не раз лавілі, як какетку,
 Прыклеівалі па чыстыя лісты.
 Але заўжды была ты этыкетам
 Народнае і мудрай прастаты.
 Не адхіліць бы кволую былінку,
 Не размяняць на дробязь пачуцця!
 О, гэта ты – нязгасная іскрынка:
 Метафара сумнення і жыцця.

№ 122**Ю. Олеша
ИЗ ЗАПИСЕЙ «НИ ДНЯ БЕЗ
СТРОЧКИ» (фрагмент)**

На старости лет я открыл лавку метафор.
 Знакомый художник сделал для меня
 вывеску. На квадратной доске, размером в
 поверхность небольшого стола, покрытой
 голубой масляной краской, карминовыми
 буквами он написал это название, и так
 как в голубой масляной краске и
 в карминовых буквах, если посмотреть
 сбоку, отражался, убегающий свет дня, то
 вывеска казалась очень красивой. Если
 посмотреть сильно сбоку, то создавалось
 такое впечатление, как будто кто-то
 в голубом платье ест вишни.

Я был убеждён, что я разбогатею.
 В самом деле, в лавке у меня был запас
 великолепных метафор. Однажды чуть
 даже не произошёл пожар от одной из
 них. Это была метафора о луже в осенний
 день под деревом. Лужа, было сказано,
 лежала под деревом, как цыганка.
 Я возвращался откуда-то и увидел, что
 из окна лавки валит дым. Я залил водой
 из ведра угол, где вился язык пламени,
 и потом оказалось, что именно из этой
 метафоры появился огонь.

Был также другой случай, когда я
 с трудом отбилась от воробьёв. Это было
 связано как раз с вишнями. У меня имелась

метафора о том, что когда ешь вишни,
 то кажется, что идёт дождь. Метафора
 оказалась настолько правильной, что
 эти мои вишни привлекли воробьёв,
 намеревавшихся их клевать. Я однажды
 проснулся от того, что моя лавка трещит.
 Когда я открыл глаза, то оказалось,
 что это воробьи. Они прыгали, быстро
 поворачиваясь на подоконнике, на полу, на
 мне. Я стал размахивать руками, и они
 улетели плоской, но быстрой тучкой. Они
 порядочно истребляли моих вишен, но я на
 них не сердился, потому что вишня,
 истребленная воробьём, ещё больше похожа
 на вишню, – так сказать, идеальная вишня.

Итак, я предполагал, что разбогатею на
 моих метафорах.

Однако покупатели не покупали
 дорогих; главным образом покупались
 метафоры «бледный как смерть» или
 «томительно шло время», а такие образы,
 как «стройная как тополь» прямо-таки
 расхватывались. Но это был дешёвый
 товар, и я даже не сводил концов с концами.
 Когда я заметил, что уже сам прибегаю
 к таким выражениям, как «сводить концы
 с концами», я решил закрыть лавку.
 В один прекрасный день я её и закрыл,
 сняв вывеску, и с вывеской под мышкой
 пошёл к художнику жаловаться на жизнь..

№ 123**Б. Пастернак
ВЕНЕЦИЯ (2)**

Я был разбужен спозаранку
 Щелчком оконного стекла.
 Размокшей каменной баранкой
 В воде венеция плыла.

Все было тихо, и, однако,
 Во сне я слышал крик, и он
 Подобьем смолкнувшего знака
 Еще тревожил небосклон.

Он вис трезубцем скорпиона
 Над гладью стихших мандолин
 И женщиною оскорбленной,
 Быть может, издан был вдали.

Теперь он стих и черной вилкой
 Торчал по черенку во мгле.
 Большой канал с косою ухмылкой
 Оглядывался, как беглец.

Вдали за лодочной стоянкой
В остатках сна рождалась явь.
Венеция венецианкой
Бросалась с набережных вплавь

№ 124

К. Павлова

Паров исчезло покрывало, –
Плывем.- Еще ли не видна?
Над ровною чертою вала
Там словно что-то засияло,
Нырнув из моря. – Вот она!

Зыбь вокруг нее играет ярко;
Земли далеки берега;
К нам грузная подходит барка,
Вот куполы святого Марка,
Риальта чудная дуга.

И гордые прокурации
Стоят, как будто б корабли
Властителям блажной стихии
И ныне дани Византии
Толпой усердною несли.

Свой горький жребий забывая,
Царица пленная морей,
Облитая лучами мая,
Глядится, женщина прямая,
В волне сверкающей своей

№ 125

В. Маяковский
РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О
ПОЭЗИИ
(фрагменты)

Говоря по-вашему,
рифма –
вексель.
Учесть через строчку! –
....., вот распоряжение.
И ищешь
мелочишку суффиксов и флексий
в пустующей кассе
склонений
и спряжений. <...>
Говоря по-нашему,
рифма – бочка.
Бочка с динамитом.
Строчка –
фитиль.

Строка додымит,
взрывается строчка, –
и город
на воздух
строфой летит.

№ 126

П. Макаль

СЛОВА ПРА СЛОВЫ

Свет скаланаюць
словы і словы,
што з нашых вуснаў
ляцяць стрымгалоў.
Сядайце ў лодку,
бярыце вясло вы,
пльвіце ў паводцы
уздыбленых слоў.
Хоць здабываем удачы рыўкамі,
марудна растуць жыты і дамы...
Болей, чым розумам і рукамі,
сёння працуем словамі мы.
Як весяліцца, калі не ў гуморы?
Як усміхацца, калі баліць?
Штормы грывотныя ў слоўным моры
могуць і лодку перакуліць.
У незабяспечаных праўдаю словах
якая патрэба, якая вага?
Трашчаць у баталіях гутарковых,
як халастых патронаў чарга.
Ды ёсць словы, з якімі і танку
не параўнацца сталёвай цаной.
Як выстрал, каманда адна:
–У атаку!
І лес чалавечы ўставаў сцяной.
Слаўлю я слова свінцова-важкое,
што ратавала людзей ад агню,
непераможнае слова, якое
брала любую ў баі вышыню.
Не смеем мы,
дорачы абяцанкі,
свайму красамоўству
сказаць «стоп»,
шпурляем у спрэчках
грамы і маланкі,
рыхтуючы свету
слоўны патопа...
Што з адмысловай зіхотнай аправы,
калі замест партрэта – дзіра?
Выратавальнае кола справы
нарэшце сабе нам кінуць пара.

№ 127
В. Маяковский
ВО ВЕСЬ ГОЛОС
(фрагмент)

Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках волоска
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.

№ 128
У. Карызна
ТЫ МНЕ ЗАСПЯВАЙ

Калі захварэю –
Ты не хадзі
Шукаць розных зэлак
У лузе за вёскай,
У шумным бары,
Каля ціхай Пцічы,
Ля хаты,
дзе жоўтыя свецяцца восы, –
Ты родную песню Мне заспявай:
Яна абляцела увесь край
мой прыгожы
І зёлкі сабрала.
Калі ж...
Ну, тады
Нічога ты ужо не шукай.
Не паможа.

№ 129
В. Стрыжак
ПАДБЯРОЗАВІК

Сэрца сумам засеяна,
Хмельнай радасці роздумама.
Ад Сяргея Ясеніна
Я хварэю бярозамі.

Уцякаю ад поснага,
Што мне бытам адведзена
– Аж да вечара позняга
Да гаёў у адведзіны.
Папракнучь мяне волаты,
Пазайздросцяць мне хліпкія...
Я ж бярозай зняволены,
А не простымі ліпамі.
Засмяюцца разумнікі –
Задымлю папяросаю.
Ані кроплі не сумна мне,
Каля я – падбярозавік...

№ 130
Е. Евтушенко
ЗОЛУШКА

Моя поэзия,
как Золушка,
забыв про самое своё,
стирает каждый день,
чуть зорюшка,
эпохи грязное бельё.
Покуда падчерица пачкается,
чумаза,
словно нетопырь,
наманикюренные пальчики
девицы сушат в растопыр.
Да,
ей не сладко понимать,
что пахнет луком и картошкой,
а не шанелью номер пять.
Лишь иногда за всё ей воздано –
посуды выдраив навал,
она спешит,
воздушной воздуха,
белее белого,
на бал!
И феей,
а не замарашкою,
с лукавой магией в зрачках,
она,
дразня и завораживая,
идёт
в хрустальных башмачках.
Но бьют часы,
и снова мучиться,
стирать,
и штопать,
и скрести,
она бежит,
бежит из музыки,
бежит,
бежит из красоты.

И до рассвета ночью поздною
она,
 усталая,
 не спит
и, на коленях
 с тряпкой ползая,
попы истории скоблит.
В альковах сладко спят наследницы,
а замарашке –

 как ей быть?! –
ведь если так попы наслежены,
кому-то надо же их мыть.
Она их трёт и трёт,
 не ленится,
а где-то,
 словно светлячок,
переливается на лестнице
забытый ею башмачок...

№ 131
Е. Евтушенко
СКАЗКА О РЕПКЕ

Была показуха. Теперь унизуха,
ибо трещит вся страна-развалюха,
а подпирают ей стены негордо,
как на субботнике, шейхи и лорды.
Разве не стыдно тебе, государство,
если чернобыльским детям лекарства
шлет в реактивной своей неотложке
классовый враг с крокодильской
обложки?
Кончена сказка о ленинской кепке.
Вновь начинается сказка о репке.
Стали мы в очередях обозленных
репкой всех наций объединенных.
Тянут нас, чтобы спасти от упадка,
дедка-ковбой и "железная бабка".
Тянут, натужившись, всей заграницей,
раны замазывая нам пищей.
Тянут нас брайтеновские внучки.
Тянут нас люксембургские жучки.
Но подзасели, мы, видимо, крепко.
Капиталисты спешат на подмогу,
а вот страну, как застрявшую репку,
тянут-потянут, вытянуть – не могут...

№ 132
П. Макаль
«ЗАБЫШЫ БОГА...» (фрагмент)
Сталі такімі відушчымі
Вочы мае,
Што я разгледзеў
У кошыку электронных арбіт

Залатое яечка –
Атамнае ядро...
«Ляцела мышка,
хвосцікам махнула...»
На шчасце, яшчэ
Не ўпала яечка.
На шчасце, на ім –
Залатая вуздзечка.

№ 133
А. Ахматова
ЛОНДОНЦАМ

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провозать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наёмным убийцей дрожать, –
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

№ 134
П. Макаль
ЛЁС НАРОДА – КУПАЛА

Каб замкнуць пагарджанаму люду раты,
У турэмшчыкаў рук не хапала.
Сумным плачам жалейкі прарэзаўся ты,
Боль парода – Купала.
Песня тая, што спела пакутна ў душы,
Думкай долі сваёй не праспала.
Пракаціўся, як гром перуновы ў цішы,
Крык народа – Купала.
Свет пытаў у здзіўлепці:
– А хто там ідзе?
3 воч заслона туману апала.
Вырастаў упяраймы спрадвечнай бядзе
Меч народа – Купала.
У граніт берагоў біў маланкавы ўздым
Хвалі той, што, як гнеў, закіпала.
Дол і высь абручыліся з імем тваім,
Лес народа – Купала.
Каб заужды ты ўпрыгожваў сабою зямлю,
Каб віхура цябе не шчапала,
Я любоўю сыноўняй цябе атулю,
Сад народа – Купала.
Сёння зноў па вялікай штодзённай сяўбе
Слова-зерне, што ў сэрцы запала.
Мы нясём пакаленням наступным цябе,
Скарб народа – Купала.

№ 135

А. Балущенка
КАЛІБР ВЕРША

Хай напішучь, як Сяргей Грахоўскі,
Верш малы – вялікая цана,
Ён магутны, як паток дняпроўскі,
Паўнаводны, як Бярэзіна.

Верш вялікі пішучь шмат паэтаў,
Добра не чытаецца верлібр,
Сэрца чытача ім не сагрэта,
Бо зусім малы яго калібр.

№ 136

А. Пісьмянкоў

Каб потым зноў да поту
Гнаць быстрага каня...
Паэты Дон Кіхоту
Заўжды былі радня.
Хоць юшку нашай пробы
Не еў славуты брат –
Пасуцца ў лузе побач
Пегас і Расінант.

№ 137

А. Вознесенский
ЭРМИТАЖНЫЙ МИКЕЛАНДЖЕЛО

«Скрюченный мальчик» резца
Микеланджело,
сжатый, как скрепка писчебумажная,
что впессовал в тебя чувственный старец?
Тексты истлели. Скрепка осталась.
Скрепка разогнута в холоде склепа,
будто два мрака, сплетённые слепо,
дух запредельный и плотская малость
разъединились. А скрепка осталась.
Благодарю, необъятный Создатель,
что я мгновенный твой соглядатай –
Сидоров, Медичи или Борджиа –
скрепочка Божья!

№ 138

А. Вознесенский
«МОЙ МИКЕЛАНДЖЕЛО»

«Скрюченный мальчик» – единственный
подлинник Микеланджело в России, –
маленький
демон смерти, неоконченная фигурка для
капеллы Медичи.

Мысленный каркас его действительно похож
в профиле на гнутую напряжённую
металлическую скрепку, где силы Смерти и
Жизни томительно стремятся и разогнуться,
и сжаться.

№ 139

Р. Бардулін
АЛЯКСЕЮ ПЫСІНУ НА 60 ГАДОЎ

Да бога збірайся, а жыта сей! –
Вучылі вякі неўміручасць вясковую.
Ты рана сейбітам стаў,
Аляксей,
Падперазаны шляхамі вайсковымі.
Была нялёгкай твая сяўня –
Адмервала помста
Зярняты свінцовыя.
Крапіла трывогу тваю да дня
Крыніц краснапольскіх
Вада свянцоная.
А іх свянцілі і гнеў круты,
І ласка дняпроўскіх бяроз
Спагадаю.
І да цябе праз усе франты
Прыходзіла і пра сябе нагадвала
Ад касьбы, ад ворыва
Смугалёўшчына,
Лютая да ворага
Вугалёўшчына,
Клопатамі ўзвышаная
Мазалёўшчына,
Вышытая вішнямі
Магілёўшчына.
Дзе на маланкавым вудаўі
Дрыжэла слова нерастлумачана,
Дзе баркалабаўскія салаўі
Ляцелі ў летапіс мовы матчынай.
Шаптала зямля:
Сівярэй, расей,
Дадому вярніся,
У змаганні выстаі
Ды роўнае праўдзе
Слова выстагні.
Хай родзіць нашчадкам,
Сей, Аляксей!
Скарылася ратніку
Слова вячыстае!

№ 140

М. Арочка

КАЛЯ МАГІЛЫ МАКСИМА

БАГДАНОВІЧА

Паміж пясцоў Егіпецкай зямлі...

(М. Багдановіч)

Паміж замшэлых плітаў і вякоў
я ледзь знайпоў грудочак той пясчаны.
Прынесці б мне сгоды не ружаў чайных,
а з роднай нівы жменю васількоў.

Які цяжкі табе прыйшоўся лёс!
Нібы зярнятам тым над хваляй Ніла.
Не верыцца, што тут твая магіла,
а не ў краіне сосен і бяроз.

Ты, кажуць, вечна марыў пра зварот
да тых вытокаў, што з глыбінь бруяцца,
аб новых нарастках патурбавацца,
каб не пабіў сухмень ці іедарод.

Пераступіў к табе я грэбень гор
з той вераюзярнят у калашэнне,
што ты жыццём пацвердзіў і служэннем,
пакінуўшы іх мне – нібы узор.

З цяжкіх глыбінь ты праз мяне прарос –
прарос з пакутнай цемепі магілы...
Маўчком стаю ў цяньку галін пахілых,
шукаю сіл,

твой згадваючы лёс.

№ 141

А. Вознесенский

Я – СЕМЬЯ

Я – семья
во мне как в спектре живут семь “я”
невыносимых как семь зверей
а самый синий

свистит в свирель!

а весной
мне снится
что я – восьмой

№ 142

Л. Лазарев, С. Рассадин и Б. Сарнов

Я – пятно
Во мне как в споре живут пять “но”
слепых бесстыжих как пять медуз
а самый рыжий

не дует в ус!

А ночами

мне кажется

что я – чайник

№ 143

И. Малец

Я – твае дзверы... Пастукай

У неразумны мой лоб.

Клямкі вось дзве, а не рукі...

Час цеплыню з іх саскроб.

(Р.Тармола-Мирскі)

Я – твая ванна... Дык мыйся!

Вуха круці, гэта – кран!

І за другое вазьміся

З носа каб хлынуў фантан.

Мыцца хутчэй не імкніся,
Мацеі спачатку вады,
Скінь свій халат, працягніся
Млосна ў мяне на від.

Лоб мне пагладзь даланёю,
Спіну пачухай – свярбіць.
Ды не нагой, а рукою
Гэта прашу я рабіць!

І не круці так старанна
Ты мой падношаны кран,
Хоць я чыгунная ванна,
Як забаліць – я Раман!

№ 144

А. Зэкаў

ПАРАЎНАННІ

Раскрываю яблыка сакрэт

У глыбіні сусвету:

Адзін маленечкі ранет –

Як цэлая планета.

(Н. Гальпяровіч)

З усіх паэтаў я – паэт,
Вядома ж, разумнейшы.
Раскрыўшы яблыка сакрэт,
Пішу пра тое вершы.
Узяць ранет. Сярод галля
Глядзіцца яблык гожа.
А што ёе круглы – як зямля,
Дадумаўся не кожны.
А я дадумаўся. Адзін
З усіх – каго не згадвай.
То ж недарэмна ў сад хадзіў
І той ранет выглядваў.
У агарод скірую зрок:

А мо і там што ўбачу?
Я б апісаў і агурок,
Ды параўнаць няма з чым.

№ 145

А. Пьянов
САМ С СОБОЙ,
ИЛИ ИРОНИЯ СУДЬБЫ

*Гляжу я на себя со стороны,
И кажется: всё это не со мною!
Нет, я себя не чувствую больным...
Но вроде я развёлся сам с собою.*
(Э. Рязанов)

У каждого есть странности в судьбе,
Загадки, аномалии, секреты...
Мне выпало жениться на себе.
Послушайте, как получилось это.

Я на углу себя часами ждал
И сам себе ночами часто снился.
С другим себя увидев, я страдал,
Покуда сам себе не объяснился.

На свадьбу гости собрались гурьбой,
И каждый молодыми любовался:
Я был в фате и в тройке.
Сам с собой
Под крики “горько!” сладко целовался.

А после свадьбы, не жалея сил,
Любил себя и праздновал победу.
И сам себя я на руках носил
И тайно ревновал себя к соседу.
Потом себя за это извинил,
Но поманила прежняя свобода...
Я сам себе с собою изменил
И у себя потребовал развода.

В суде мою специфику учли:
Чего, мол, не бывает с мужиками,
И, пожурив немного, развели
Они – меня. Читатели – руками.

№ 146

А. Зэкаў
ЦЕЦЕРУЧЫНАЯ ІСЦІНА

*Шукаю ісціну. А між густой травы
Цецерукі шукаюць журавіны.*
(Б. Беліжэнка)

Ссамотнеў я, змарыўся ўвесь –
Аж пад сабой не чую ног.
Абшарыў да травінскі лес,
Схадзіў мо тысячу дарог.
Паўсюль, дзе колісь кветкі рваў
Без лішніх дум у галаве,
Я сёння ісціну шукаў
Да самай ночы ў траве.
Аблазіў бераг ля ракі,
І раптам пабач – хоць ты згіль! –
Між траў густых цецерукі
Шукаюць спелых журавін.
А ім лягчэй, што ні кажы!
Навошта пружыць зрок і слых?
Як наядуцца журавін –
У тым і ісціна для іх.
Узважыў гэта я як след,
Аж сэрца зачасціла стук:
Чаму я ўсё-такі паэт,
А не звычайны цецярук?

№ 147

Г. Юрчанка
РАСПКАЎЦЕСЯ

*Адалі першаснеззе, мой лёс!
.....
За трохтраўе, дзе чарку бярем...
.....
Заціўцікана ліпы спявалі...*
(Ул. Барысенка)

Пацівяззе, бы ў страшным судзе,
Несціханна трасе двухасінне.
Пра каханне размовы штодзень
Васьмідуб’е вядзе з трохрабіннем.

Сямілкённе мне значыла след,
Не спыняўся на гразкай дарозе.
Бы мяне з аднахаця ў свет
Напрамкі павяло шматбяроззе.
– Ціў-цілік, цілілік, – з трох бакоў
З растапырнага чулася пер’я...
Я ж за цьмянь каламутных радкоў
Прабачэнь не прашу ў шматпер’я.

№ 148

Демьян Бедный
ПРОСТЫ МОИ ПЕСНИ

Писал я, друзья, не для славы,
Не для лёгкой забавы,

Не для сердечной услады.
Не сладкие рулады,
Не соловьиные трели
Выводил я на нежной свирели:
Просты мои песни и грубы.
Писал я их, стиснувши зубы.
Не свирелью был стих мой – трубой,
Призывавшей всех вас на решительный бой
С мироедской разбойной оравой.
Не последним бойцом был я в схватке
кровавой.
Просты мои песни и грубы,
Зато беднякам они любви.
Не боялся я критики строгой:
Шёл упорно своею дорогой.
С вами шёл я, товарищи, с вами иду
И идти буду вместе... пока упаду!

№ 149

П. Макаль

Прывід блукаў па Еўропе,
І ад яго з той пары
У абстраляным акопе
Свет адбываўся стары.
У прывідзе, як у хлебе,
Людзі ратунак знайшлі:
Раю няма на небе –
Створым яго на зямлі!
Усё, што было, бракавалі
Градам удараў ламы.
Касцямі братаў брукавалі
Дарогу ў наступнае мы.
То статкавым гуртам, то строем
Пад барабанны грай
Канвойнымі ці пад канвоем –
У непазбыўны рай.
Мы ў чэргах кіламетровых,
А завадатары зграй
Абцасамі па галовах –
Ціснучь у прывідны рай...
Узвыеш ад сумнай весці
Голасам сціснутых скаб:
– Не даяце пад'есці,
Дайце напіцца хаця б!
Ад цісканіны злачыннай
Хутка – пабачыце вы! –
Асколак Вялікай Айчыннай
Выстраліць з галавы...
Гляджу з-пад рукі: якая
Эра з туману ўстае?
Прывід ужо не блукае,
Прывід ужо растае.

№ 150

Л. Мартынов

Месяц-
Отрок
Льёт
Мёд в рог
И опрокидывает
Свой же собственный мёд
Через собственный рог
В свой же собственный рот.

Нет,
Не мёд
Из космических сот
И не ром, и не бром, и не грог,
Но азот с кислородом
Мечтает вдохнуть, проглотить месяц-отрок!
Ибо хочет с людскими дыханьями слить и
своё он

дыханье –

Месяц-отрок из старых есенинских строк,
Месяц-отрок в скафандре из собственного
сиянья,
Так мечтательно ставящий свой собственный
рог
На порог
Своего серебристого шарообразного лунного
здания.

№ 151

А. Межиров

НАПУТСТВИЕ

Согласен,
что поэзия должна
Оружьем быть (и всякое такое).
Согласен,
что поэзия –
война,
А не обитель вечного покоя.
Согласен,
что поэзия не скит,
Не лягушачья заводь, не болотце...
Но за существование борются
Совсем иным оружием надлежит.
Сбираясь в путь,
стяни ремень потуже,
Меси прилежно
бездорожий грязь...
Но, за существование борясь,

Не преврашай поэзію
в оружье.
Она в другом участвуе бою...
Спасибо, жизнь,
что голодно и наго!
Тебя
за благодать, а не за благо
Благодарить в пути не устаю.
Спасибо,
что возможности дала,
Блуждая в элегическом тумане,
Не впутываться в грязные дела
И не бороться за существованье.

№ 152

**Е. Лось
СВОЙ КУПАЛА**

У кожнага – свой Купала...
У мяне ён – само Купалле,
само неўміручае свята
песень,
кветак,
кахання,
кастроў...
У кожнага – свой Купала...
У мяне ён – само змаганне,
сама неўміручая прага
свабоды,
годнасці,
праўды,
сяброў.
Мае трывогі – Купала
і перамогі – Купала.
Маё трыванне – Купала,
маё шанаванне – Купала...
Маёй куванне зязюлі,
майго кананне татулі.

№ 153

М. Дукса

Жыцце – тэатр, а людзі ў ім акцёры...
Вільям Шэкспір, і сапраўды ўсе так.
Акцеры мы, але ж і рэжысёры,
Бо ставім мы свайго жыцця спектакль.

Мы самі выбудоўваем сюжэты
І павароты ўсе сваіх дарог.
Адначасова стомленаму свету
Мы прамаўляем доўгі маналог.

Шчасліўчыкам, відаць, не будзеш век ты,
На тэатральнай сцэне – штурхатня.
Бываюць і правальныя праекты,
Здараецца нікчэмная гульня.

Згуляць хоць як – заўжды вялікі сорам,
А б'юць у ладкі – радасна да слез.
Прыемна быць уласным рэжысёрам,
Ды рэжысёр галоўны – гэта лёс.

№ 154

У. Дубоўка

О Беларусь, мая шыпшына,
зьялены ліст, чырвоны цвет!
У ветры дзікім не загінеш,
чарнобылем не зараснеш.
Пялёсткамі тваімі стану,
на дзіды сэрца накалю.
Тваіх вачэй – пад колер сталі –
праменне яснае люблю.
Ніколі пройме з дзікім ветрам
не развіваць дзявочых кос.
Імкнешся да Камуны Свету,
каб радасць красавала скрозь.
Варожасць шляху не зачыніць:
у перашкодах дух расце.
О Беларусь, мая шыпшына,
зьялены ліст, чырвоны цвет!

№ 155

**Л. Рублеўская
АДНАКУРСЬНІКІ**

Беларусь – жыве.
Мы ведалі, што да вясны – далёка,
Што цяжка жыць на гэтае зямлі,
Дзе камянёў – на кожнага прарока.
Мы ведалі... І ўсё-ткі – тут жылі,
Тутэйшыя, рамантыкі, паэты...
Між верасовых пустак і балот,
Дзе паляванье дзікае па сьледзе
Усё імчыць і трушчыць тонкі лёд.
Мы ведалі, што нашая шыпшына –
Ня цьвет чырвоны, а крываваы сьлед
І з пушчы нават сьцежкаю зьвярынай
Ня выйдзе больш ніякі інсургент.
Чароўнай Панны зьехала карэта.
Ды колы шлях пакінулі ў траве.
Мы гэтка ж – рамантыкі, паэты,
Тутэйшыя.

№ 156**А. Зарыцкі
КРЫЛЫ**

Сапраўдныя паэты юнакі,
Хай іхнівек ужо на перавале.
Сапраўдныя паэты кунакі,
Што разам ваявалі й піравалі.
Ну, а кунак, вядома, кунаку
Заўжды, як брат любімейшы для брата:
Бяда – працягне першы ён руку,
А свята – першы прыляціць на свята.

І ў час, калі наш Куляшоў Аркадзь,
Капу гадоў звязаўшы песняй туга,
Рашыў сабраццаў па пярэ сабраць,
На госці ўраз прымчаліся да друга.

Паэты-кунакі.
І ўсе з такіх,
Чые імёны ведае краіна.
На жаль, паспею я назваць дваіх.
Я назаву Расула іКайсына.

Расула Дагестан узгадаваў,
Кайсын каля падножжа ўзрос Эльбруса.
І кожны з іхсвой дар падрыхтаваў
Для кунака, для сябра беларуса.

Заўважце, як «Эльбрус» і«беларус»
Рыфмуюцца ўшчыльную па-кунацку...
Ну, вось святочны ўжо засцелены абрус,
І юбілярскіх год змяншаюць груз
Вітанній жарты шчырасцю юнацкай.

І тут пад воплескаў шалёны гул,
Які нагадваў горную рачулку,
Свой падарунак расхіснуў Расул,
Калматую, як бура ўночы, бурку.
Яна ў заплеччы крыламі арла
Здавалася.
Яна нібыта
Адзнакаю крылатасці была
І мужнасці паэта іджыгіта.

Паэт заўжды джыгіт:
Адным рыўком
І ён на ворага узнімае зброю:
Сваім радком, як на скаку клінком,
Рубае ён у час гарачы бою.

Услед з другою буркаю Каўказ
Другога шле выдатнейшага сына,

Паэту нашаму, нібы ў запас,
Ён дорыць крылы ірукой Кайсына.

Сяброўскі дар – найдаражэйшы дар.
Як кунакамі дадзена багата.
Цяпер зайздросччу я табе, пясняр:
Ты іжывеш ібудзеш жыць крылата!

Сапраўдныя паэты юнакі,
Хай іхнівек ужо на перавале.
Сапраўдныя паэты кунакі,
Што разам ваявалі й піравалі.

№ 157**Р. Барадулін
КУДЫ ВЕЦЕР ВЕЕ**

Хмарка небам праплывае,
Незямная чараўніца,
Палавее палавая
Прагнучы распрамяніцца.

Следам,
Як за маладухай,
Шаферамі верталёты.
Вухам слухай,
Нюхам нюхай,
Чым закончацца залёты.

А такія заляцанні
Пазначаюцца на карце,
Дзе пральецца,
Дзе прыстане, –
Усе дазіметры на варце.
Расстраляюць маладую,
Толькі не туды скіруе.
І, канаючы, шкадуе
Хмарка ўсю зямлю сырую.

Спланаваная памылка
Небакрай журбой аздобіла,
Не бабылка-чарнабылка –
Гэта хмарка
Ад Чернобыля.

№ 158**Г. Дашкевіч
АСЕННЯЕ**

Што са мною? Слёзы з вачэй,
На дуты – трывогі агонь,
І нічога няма бліжэй,

Чым твой позірк, твая далонь,
І ўладарныя вусны твае,
І срабрысты разліў валасоў.
Часам людзям вясной не стае
Палымяных асенніх слоў.
І не можам тады зразумець,
Явай гэта было ці сном.
...Льецца лісцяў асенніх медзь,
Грэе сэрца вясновым цяплом.

№ 159

А. Пісьмянкоў

*За акіянам усе ахвотней
разважаюць пра «зорныя войны».*
(З газет)

Продкі газет не чыталі –
Продкі чыталі па зорках.
Наіўна свой шлях вызначалі
Па іхняй гаворцы.
Начамі ў пячоры іх чорныя
Заходзілі зорныя сны.
Веру – парою зорнаю
Прыдумалі жорны яны.
Веру – парою зорнаю,
Калі я і сам не сплю,
Прашчур мой непакорлівы
Ціха шапнуў: «Люблю!..»
Продкі газет не чыталі –
Продкі чыталі па зорках.
Наіўна свой шлях вызначалі
Па іхняй гаворцы.
Святло ліючы непагаснае,
Зоркі не веялі згубаю:
Не страшна было,
не страшна
Зоркаю, зорачкай яснай
Назваць сваю любую.

№ 160

**С. Грахоўскі
ЖУРАВЫ**

*И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.*
(С. Ясенін)

Бывайце. Шчасліва ляцець, журавы,
Хай будзе бяспаспартна ваша дарога.
Спяшаецца ключ, як на злом галавы,
Нібыта на споведзь да зор і да Бога.

Гляджу і зайздросчу: няма ў вас граніц,
Над вамі то сонца, то морак настылы,
Нясуць вас праз дождж і агні бліскавіц
Нястомныя, дужыя, лёгкія крылы.
Калі ж вы ў мае завітаеце сны
Пакутам і даўнім трывогам на змену?
Вас будуць чакаць на пачатку вясны...
Даруйце, калі я, магчыма, не стрэну.

№ 161

**Р. Барадулін
ЯШЧЭ РАЗ...**

*Я знаю, солнце, покидая сад,
Должно ещё раз было оглянуться...*
Барыс Пастарнак

Помняцца першыя словы твае,
Словы апошнія я не ўзгадаю.
Так, як смуга неўзнаку растае,
Ціха расталі,
Пайшлі за гадамі.
Мне не дагнаць іх.
Словы й гады
Рушыць у прочкі надумалі самі.
Дні дагарэлі,
Як дровы з грады.
Сподзеў вазіў
Гэты дровы вазамі.

Болей не грэў нас
З песні камін.
Здаўся на яблынях наклеццю
Шэрас.
І, адыходзячы ў мой успамін,
Мусіла ты
Азірнуцца яшчэ раз...

№ 162

А. Балутенка

«Я» ў вершах не адносіцца к паэту,
Калі любыя тэмы па плячы,
Ніякага няма у тым сакрэту,
Што «Я» – амаль заўсёды чытачы.

Пад «Я» быць могуць дзеці і жанчыны
У светлым шчасці або у бядзе,
Ды не пісаць пра іх няма прычыны,
Бо адчуваю, як іх лёс ідзе.

Мне да спадабы вершы пра каханне,
З натхненнем іх таму заўжды пішу,

Раблю упарта ў вершах намаганне
Убачыць, нібы праз рэнтген, душу.

Цікавыя паводзіны людскія,
Бо доля амаль ў кожнага свая,
Гавораць праз мяне таму другія,
У вершах «Я» занадта рэдка я.

№ 163

А. Пысін, пер. з М. Ханінава

Я не хмара, якую
гоніць вецер да скал,
Чалавек я,
іду праз круты перавал.
Я не сцюжа,
што вые зімовай парой,
Чалавек я,
спяваю, як птушка вясной,
Я не спёка,
што высмаліць грудзі зямлі,
Чалавек я,
каналы вяду на палі.
Я не холад,
што ломкасьць жалезу дае,
Чалавек я,
стыхііскарыліся мне.
Я не змрок,
што схіляе усё да зямлі,
Чалавек я,
узнімаю я сонца з імглы.
Я не выбух вайны,
я не гора,
не страх,
Чалавек я,
з кумысным пітвом у руках.

№ 164

**А. Вознесенский
ГОЙЯ**

Я – Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал ворон,
слетая на поле нагое.

Я – Горе.

Я – голос
Войны, городов головни
на снегу сорок первого года.

Я – Голод.

Я – горло
Повешенной бабы, чье тело, как колокол,
било над площадью голой...

Я – Гойя!

О, грозди
Возмездья! Взвил залпом на Запад –
я пепел незваного гостя!
И в мемориальное небо вбил крепкие
звезды –
Как гвозди.

Я – Гойя.

№ 165

**В. Высоцкий
ПЕСНЯ САМОЛЁТА-ИСТРЕБИТЕЛЯ**

Я ЯК-истребитель, мотор мой звенит,
Небо – моя обитель,
Но тот, который во мне сидит,
Считает, что он истребитель.

В этом бою мною «юнкерс» сбит,
Я сделал с ним, что хотел.
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел.

Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал,
А тот, который во мне сидит,
Опять заставляет – в «штопор».

Из бомбардировщика бомба несёт
Смерть аэродрому,
А кажется – стабилизатор поёт:
«Мир вашему дому!»

Вот сзади заходит ко мне «мессершмитт».
Уйду – я устал от ран.
Но тот, который во мне сидит,
Я вижу, решил: на таран!

Что делает он? Вот сейчас будет взрыв!
Но мне не гореть на песке –
Запреты и скорости все перекрыв,
Я выхожу из пике!

Я главный, а сзади... Ну чтоб я сгорел!
Где же он, мой ведомый?
Вот он задымился, кивнул – и запел:
«Мир вашему дому!»

И тот, который в моём черепке,
Остался один – и влип.

Меня в заблужденье он ввёл и в пике
Прямо из «мёртвой петли».

Он рвёт на себя, и нагрузки – вдвойне.
Эх! Тоже мне, лётчик-ас!
И снова приходится слушаться мне,
Но это в последний раз.

Я больше не буду покорным! Клянусь!
Уж лучше лежать на земле.
Ну что ж он не слышит, как бесится
пульс,
Бензин – моя кровь – на нуле?!

Терпению машины бывает предел,
И время его истекло.
И тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит он! Я счастлив – лечу налегке,
Последние силы жгу.
Но что это, что?! – я в глубоком пике
И выйти никак не могу!

Досадно, что сам я не много успел,
Но пусть повезёт другому.
Выходит, и я напоследок спел:
«Мир вашему дому!..»

№ 166
Е. Евтушенко
Я КОШЕЛЕК

Я кошелек.
Лежу я на дороге.
Лежу один посередине дня.
Я вам не виден, люди.
Ваши ноги
идут по мне и около меня.
Да что, вы
ничего не понимаете?!
Да что, у вас, ей-богу,
нету глаз?!
Та пыль,
что вы же сами поднимаете,
меня скрывает,
хитрая,
от вас.
Смотрите лучше.
Стоит лишь взглядеться,
я все отдам вам,
все, чем дорожил.
И не ищите моего владельца –

я сам себя на землю положил.
Не думайте,
что дернут вдруг за ниточку,
и над косым забором невдали
увидите какую-нибудь Ниночку,
смеющуюся:
«Ловко провели!»
Пускай вас не пугает смех стыдящий
и чьи-то лица где-нибудь в окне...
Я не обман.
Я самый настоящий.
Вы посмотрите только, что во мне!
Я одного боюсь,
на вас в обиде:
что вот сейчас,
посередине дня,
не тот, кого я жду,
меня увидит,
не тот, кто надо,
подберет меня.

№ 167
В. Князев
СКРИЖАЛИ ЗАВЕТА

1
Я –
Золото, божественный металл,
И горести и радости дающий.
Кто мощности моей не испытал?
Хвали меня всяк сущий и живущий,
Я – Золото, божественный металл.

2
Всё прочее – ничто передо мной;
– Золото, и всем повелеваю:
Я затопляю мир кровавою волной
И мертвые пустыни оживляю.
Иди ко мне, кто веровать устал
В безгорестный утопий век грядущий,
Я дам-тебе опору – капитал.
Хвали меня всяк сущий и живущий,
Я – Золото, божественный металл.

3
Несть эллина, несть иудея... Есть –
Мой раб, склонившийся передо мной поко
рно,
Обязанный на ниву мира несть
Моих заветов благодные зерна.

Честь, совесть, жалость, страх, унынье, гнев –
Всё покори моей могучей воле.
Бездушною машиной будь, поколе
Не принесет тебе плодов посев.
Иди ко мне, кто, слабый духом, пал,
Блуждая темною житейской пущей,
Я дам тебе светильник и капитал.
Хвали меня всяк сущий и живущий,
Я – Золото, божественный металл.

№ 168

С. Щипачев

Я – ЖЕЛЕЗО

Ну что ж, я железо простое.
но люди-то знают, чего я стою.
Гордись первозданной своей чистотою,
и я понимаю, чего я стою.
Не думайте только – я к славе не лезу.
На что она, слава, железу?
Хотя без меня – элемента в таблице,-
возможно, и жизнь не могла бы
продлиться.
На крыши, на темную кромку леса
навалятся звезды – все станет белесо.
В них людям сверкаю и я, железо.
Скажу откровенно, мне вовсе не лестно,
что канцлер какой-то в одной стране
за твердость был прозван Железным.
Чего его вдруг приплели ко мне?
За твердость? Но только ли твердость
одна,
в моих молекулах заключена?
Кому неизвестна и мягкость железа:
меня и холодное вяжут узлом,
о землю на пахоте белят до блеска,
пытают на гибкость, а не на излом.
Я только железо. Но знаю: броня
броню не стала бы без меня.
Есть где-то руда. Пусть еще не открыта,
и место глухое тайга сторожит,
но, чуткая от моего магнита,
на компасе синяя стрелка дрожит.
Гвоздем или рельсой – я выдержу службу.
Готово под молот спокойно лечь.
Вот только б от ржавчины равнодушной
мне душу свою уберечь.

№ 169

Г. Глинка

Я

Страстными волнами взмыта
Юности смелой ладя.
Изо всего алфавита
Лаврами славы увито
Слово короткое «Я».
В самости чуя победу,
Ячеством упоены,
Миру хотим мы поведать
Плод гениального бреда:
С явью сплетенные сны.

Ну, а потом понемногу,
Оравнодушив к себе,
На боковую дорогу
Сходим от бурь и тревоги
И не перечим судьбе,

Чтоб в безысходности лени,
Чувств не тревожа шестых,
Вне четырех измерений
«Я» стало тенью сомнений,
Звуком ошибок былых.

№ 170

З. Дудзюк

Я – толькі ўсхліп,
Ты чуў яго скрозь вецер,
Ды голас мой зусім не пазнаваў.
Не заўважаў:
Цягнулася я веццем,
Вязалася, як ніцая трава.
Я – толькі плач,
Які ты чуў заўчора
Скрозь ціхі шэлест дробнага дажджу.
Акно чарнела, нібыта пячора,
І поўня з хмар
Надзела паранджу.
Я – толькі стогн...
Ты чуеш, чуеш зараз?
І думаеш: зімовы стогне сад.
А гэта мне
Усяго за тое кара,
Што часта азіраюся назад.

№ 171

А. Балуюенка

Я

«Я» ў вершах не адносіцца к паэту,
Калі любяць тэмы па плячы,
Ніякага няма у тым сакрэту,
Што «Я» – амаль заўсёды чытачы.

Пад «Я» быць могуць дзеці і жанчыны
У светлым шчасці або у бядзе,
Ды не пісаць пра іх няма прычыны,
Бо адчуваю, як іх лёс ідзе.

Мне да спадобы вершы пра каханне,
З натхненнем іх таму заўжды пішу,
Раблю упарта ў вершах намаганне
Убачыць, нібы праз рэнтген, душу.

Цікавыя паводзіны людскія,
Бо доля амаль ў кожнага свая,
Гавораць праз мяне таму другія,
У вершах «Я» – занадта рэдка я.

№ 172

А. Наўроцкі

Я – ЗЕРНЕ

Я – Зерне. Ляжаць на камені змушана,
Замярзаю на ім, сонцам аглушанае.
А навокал калоссем звоніць поле,
Не ўсім аднакая выпала доля.

№ 173

А. Пысін

Жыццё маё ў двухколерным свячэнні,
Як доўгі фільм. Я – аўтар і глядач.
Перада мною пошукі, здзяйсненні
І кіламетры сумных няўдач.

І ў чымсьці каешся пасля аглядкі,
І знойдзеш, чым сумленне суцяшаць.
Відаць, не першы ты, хто ўсе выдаткі
Хацеў бы на мінулае спісаць.

№ 174

Р. Барадулін

МАНАЛОГ ЛУГУ

Скубіце ўсе мяне,
Дратуйце капітамі –
На голым лахмане
Зноў зашчымлю атавай,

Упірыстай травой
Аброць цяпла прывечу,
Аседласці прабой
Сарву ў адчай вечным –
І захлыну абшар
Зялёнаю крывёю.
Мне лівень-жыццядар
Ахвяраваў прыволле.
Хай туману ланцуг
Навязвае стагоддзі
Пасціся на выгодзе.
Насычу ўсіх.
Я – луг!

№ 175

А. Разанаў

Я – рака.
Цяку ад таго, дзе быў,
кім быў,
кім не стаў...
А яно даганяе мяне берагамі.

№ 176

М. Лужанін

ДВА КАЛАСЫ

1
Я – колас,
Сеяны у сорак другім,

З апошняй жмені
Кінуты ў разлогі
Незаараныя –
тут, у баі даўгім,
Гарматы працавалі як парогі.

Я рос і тросся,
Каб галодны рот
Маё жыццё
Не абязвечыў хіжа.
Дзесятак зерняў спеліў на завод,
Каб новы колас
У налецці выжыў.

Я верыў:
Стану ніваю шумець!
Сталь сталі пераесць-такі вантробы.
Мяне падыме,
Запыніўшы смерць,
Кроў воіна майго,
Пот хлебараба.

Я вырас на крывх
Яна ж – ікроў твая,
Наступнага калена беларусе,
«Лічы, што я –
Чацвёрты твой сваяк,
Што ў бітву
Жытнім коласам вярнуўся.

2
Я – колас,
Вырасшы праз трыццаць пяць
Гадоў,
Што без спачынку лета ў лета,
Былі ў заслоне,
Каб не падпусаць
Крысо пажараў
Пад будынак свету.

Шумлю тым шумам я,—
Жывая плоць
Таго зярняці
І яго трываласць.
Да росту прагі не перабароць
Па даляглядзе ўсклубленым навалам.

Я чуюся,
як роўны між людзей.
Я – колас,
З зернем залатое пробы.
Дзеля мяне змагалі сухавей
Пот воіна,
Кроў хлебароба.

Калі ж на дол
Я лустай упаду,
Схіліся, дружа, нізка,
Не лянуйся!
Пачуеш ты:
І голас,
І хаду
Чацвёртага,
Што коласам вярнуўся.

№ 177
М. Стральцоў
БАЛАДА ВУЛЦЫ

Я – вуліца,
я – рака.
Праз водараслі рэклам
плыву ў затоці плошчаў,
у рукавы завулкаў –

паўз астравы кварталаў
і мікрараёнаў
мацерыкі.
У маіх затоках
нерасцяца машыны,
слізка мігцяць бакамі
тралейбусы,
аўтобусы,
трамваі,
туга набітыя даволі абрыдлымі мне
стварэннямі,
адно на адно падобнымі,
бы ў мікрараёне
дамы.
Праўда, я да ўсяго прывыкла,
я стала цяплявая,
бо я – вуліца, я – рака.
Але калі-нікалі мне хочацца,
каб ноч хутчэй наставала,
каб хутчэй засыналі машыны –
гэтыя юрліва-халодныя рыбіны
з падманым
маторным цяплом.
Мне хочацца,
каб гарэў толькі бакен,
каб гарэла адна тэлевышка,
там, у небе,
дзе зоры гараць.
Толькі і гэта дарэмна!
Ноччу
я часта чую,
як пад бетонным мостам
смуткуе мая сястра.
Яна шэпча:
«О гора мне, гора!
Я дзяцей сваіх загубіла,
вясёлкавыя ад нафты,
усплылі на паверхню яны.
Бляшанкамі ад кансерваў
дно маё ўсцяж укрыта,
на могільніках бляшанак
памяць аб дзецях спіць.
З моста на мяне з пагардай
плююць цыркачы, паэты,
грузныя ўпраўдомы,
бухгалтары-планавікі.
Бетонныя парапеты
мяне абдымкамі душаць,
каналізацыйныя трубы
пагібель маю пяюць».

Так яна шэпча.
І ноччу я гэта чую,
а днём у затоці плошчаў,
у рукавы завулкаў –
сваю й сястрыну сумоту
нясу,
нясу...

№ 180

М. Арочка

Я ў Сусвеце – нібы Планета.
І для нсйкіх маленькіх істот
Сам, напэўна, з'яўляюся светам,
Дзе свой Захад
І свой Усход. Свае войны, набегі варожыя,
Дзікіх ордаў шалёны напад-
І крывёю сцякае
кывінка кожная,
Ды ні кроку назад!
Па артэрыях – бітвы, пікеты
І на конях чырвоных ганцы.
Адступленне – канец Планеты.
Таму свету ва мне – канцы.
Адаб'юць эпідэміі нашэсце –
Лодзь адхлыне пабоішчаў пір.
І ва мне – падабрэлай Планеце –
Усталюецца чуйны мір.
Кожнай клетачцы хмельна стане.
Ад любові – да ядра ядро!
Да жывога свае пасланні
Піша з вечнай надзеяй дабро...
І ў тых кодавых запісах дбайна
Зашыфруецца боль і час...
О, Прыроды вялікая тайна:
Свет над намі.
І свет у нас.

№ 181

П. Макаль

НАФТА (фрагменты)

Я – нафта.
Я чорнай рабыняй у сховішчы
Пад прэсам адменнай
каменнай пароды
Шукала ў сваім безвыходным
станівішчы
Свабоды.
(...)
А я –

акіян,
спрасаваны ў азерцы,
Агонь выбуховы свой
няньчыла ў сэрцы.
(...)

№ 182

Р. Баравікова

Я – ДЗЯЎЧЫНКА НА ШАРЫ

Я – дзяўчынка на шары,
што плыве у блакіце!
І палаюць Стажары
нада мною ў зеніце,
і нікому не ў цяжкасць,
я – нібыта пушынка,
што трапляе ў бязважкасць,
я – на шары дзяўчынка!
Шар вялікі, бязмежны
У здзіўленні я кратаю,
быццам Белья Вежы,
быццам чорныя кратэры,
горы ззяюць снягамі
і дымяцца абшары
у мяне пад нагамі.
Я – дзяўчынка на шары!
Заручыся з бястрашшам
у густой сіняве,
страціць як раўнаважжа,
калі шар не дае?!
Ім адзіным сагрэта,
не ўпаду, і не дзіва!
Пада мною планета,
Што мяне нарадзіла.
Я ж – дзяўчынка на шары!

№ 183

Е. Евтушенко

БАБИЙ ЯР

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.
Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас –
я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне – следы гвоздей.

Мне кажется, что Дрейфус –
это я.
Мещанство –
мой доносчик и судья.
Я за решеткой.
Я попал в кольцо.
Затравленный,
оплеванный,
оболганный.
И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.
Мне кажется –
я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилён.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот:
«Бей жидов, спасай Россию!» –
насилует лабазник мать мою.
О, русский мой народ! –
Я знаю –
ты
По сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту твоей земли.
Как подло,
что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!
Мне кажется –
я – это Анна Франк,
прозрачная,
как веточка в апреле.
И я люблю.
И мне не надо фраз.
Мне надо,
чтоб друг в друга мы смотрели.
Как мало можно видеть,
обонять!
Нельзя нам листьев
и нельзя нам неба.
Но можно очень много –
это нежно
друг друга в темной комнате обнять.
Сюда идут?
Не бойся – это гулы
самой весны –

она сюда идет.
Иди ко мне.
Дай мне скорее губы.
Ломают дверь?
Нет – это ледоход...
Над Бабым Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно,
по-судейски.
Все молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
я чувствую,
как медленно седею.
И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных.
Я –
каждый здесь расстрелянный старик.
Я –
каждый здесь расстрелянный ребенок.
Ничто во мне
про это не забудет!
«Интернационал»
пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
как еврей,
и потому –
я настоящий русский!

№ 184

А. Вознесенский

Я сослан в себя я – Михайловское
горят мои сосны смыкаются

в лице моем мутном как зеркало
смеркаются лоси и пергалы

природа в реке и во мне
и где-то еще – извне
три красные солнца горят
три рощи как стекла дрожат

три женщины брезжут в одной
как матрешки – одна в другой
одна меня любит смеется
другая в ней птицей бьется

а третья – та в уголок
забилась как уголек

она меня не простит
она еще отомстит

мне светит ее лицо
как со дна колодца – кольцо.

№ 185

И. Сельвинский ГУЛЛИВЕР

Как Гулливер меж лилипутов,
Кляня свою величину,
Систему карличью запутав,
Лежу, рукой не шевельну.
Как им страшна моя весёлость.
Невинный, я кругом во зле!
Я – Гулливер! Мой каждый волос
Прибит ничтожеством к земле.

№ 186

Р. Барадулін Я – АРЫЕЦ

Я – арыец,
Гэта значыць з аратаяў,
З суверэнных, ссівярэлых крывічоў,
На зямлі яны жылі не для харчоў,
З сёмым потам кнігу ворыва гарталі.
Ціміян ішоў смалісты ад карчоў.

І аралася й радзіла ўсё ў арыяцаў,
На сяброў у іх ставала дабрыні,
Не прымалі хцівасць, Божа барані,
І ставала злосці хціўцам не скарыцца,
Перамогу пераймалі на кані.

Ды суседзі, што мядзведзі з перасыпу,
Ледзь ад зайздасці не грызлі валуны.
Род крывіцкі ненавідзелі яны,
Ненавідзяць гэтак трутні ў цвеце ліпу.
Аратаяў спавядалі перуны.

Крывічы крывіць душой
Не мелі моды.
Ад плугоў, а не ад мечоў мазалі.
Дзякуй, продкі,
Што ў радню сваю ўзялі!
Я – арыец.
Прысягаў на вернасць роду,
Як нарог,
Маёй крывіцкай араллі.

№ 187

Б. Слуцкий НОЧНОЙ ТАКСИСТ

Я ночной таксист. По любому
знаку, крику / я торможу,
открываю дверцу любому,
и любого я отвожу.

Я обслуживаю стихами,
как таксист такси,
всех подряд,
а расплачиваются пустяками,
очень скупно благодарят.

Я ночной таксист. Среди ночи,
по полуночи / в мрак и тьму
тормозну на крик что есть мочи,
и открою дверцу ему.

Кто он, этот читатель ночной,
для чего я ему понадобился,
может быть, он просто полакомился
занимательной строчкой одной?

Может быть, того не планируя,
я свою глухою лирою
дал ответ на глухой вопрос,
до которого он дорос?

Я ночной таксист. За спиной
пассажир словоохотливый,
видный в зеркало очень отчетливо,
поболтать он хочет со мной.

№ 188

Р. Баравікова

Стракатасць выставачай залы
і лесвічны пралёт круты.
Там незнарок табе сказала
нязвычайнае да здзіву: «Ты».

Калі суніме вечар спёку,
аблашчыць прыцемак кусты,
як лёгка вымаўляць здалёку
знаёмае да болю: «Ты».

А ноччу чуць, як чысцяць пёркі
стрыжы пад сховай цемнаты...
Не спаць, варочацца і горка
шаптаць да рання зноўку: «Ты».
Выходзіць з дому, кутаць плечы,
збіваць расу з густой травы,
чакаць нязначнае сустрэчы,
каб вымавіць шматзначна: «Вы».

№ 189**Р. Барадулін**

На *ты* лепей з Богам і з маці.
 Чужое, халоднае *Вы*,
 Як тыя пустыя палаці,
 Дзе ні перыны, ні травы.
 На *ты* са шпакамі шпакоўня,
 На *ты* з каранямі віры,
 На *ты* з паднявольным катоўня,
 На *ты* з морам вецер сыры.
 Калі ў цішыні дамавіны
 Ашчэраць да дзяснаў раты,
 З жывіцай яшчэ габлявіны
 З нябожчыкам будуць на *ты*.
 Жывы ў здрадным плоцевым грыме
 Спяшаецца, вязень вярсты,
 А змоўкне –
 І дол яго прыме,
 Бо з прахам няўмольнасць на *ты*.

№ 190**М. Шкапская****«ТЫ» И «ВЫ»**

Я остро не люблю сближающего » ты» –
 Оно как комната, в которой все знакомо.
 Как нераскрытые, как ждущие цветы –
 Почтительного «Вы» мне сладостна истома.

За этим строгим «Вы» всегда тонка печаль,
 Но неисчерпана бездонная возможность,
 За ним скрывается в печальную вуаль
 Касаний ласковых пьянительная сложность.

Почтительное «Вы» кладу, как талисман,
 У входа строгого души моей чертога. –
 Кому не сладостен его живой обман –
 Не перейдет ее заветного порога.

№ 191**П. Панчанка****ХВАЛА ВАМ!**

Хвала вам, чырвонаармейскія боты,
 Вы служыце службу сумленна і шчыра.
 Не страшны мне з вамі пяскі і балоты,
 Размытыя гаці і насыпы жвіру.
 Заўсёды ішлі вы дарогаю прастай,
 І бор адгукаўся глухім адгалоскам.
 Пачуўшы цяжкі ваш упэўнены поступ,
 Адважна ўцякалі драпежныя войскі.

Хвала табе, стрэльба мая баявая,
 Ніколі ты мне не намуляла плечы.
 Ты ворагаў сэрцы наскрозь працінаеш.
 Умела свінцовымі лекамі лечьнп.
 Ты пільна Радзіму сваю маладую
 Вартуеш і ўвосень, і ўзімку, і ўлетку.
 Я масла табе анічуць не шкадую –
 Служы толькі верна, страляй толькі метка.
 Хвала і шынелі, хоць сціплай, ды цёплай.
 Суровая сцюжа мяне не згінала:
 Ад дзікіх вятроў, ад асенніх патокаў
 Мяне беражліва шынель захінала.
 Хвала і табе, кацялок мой паходны,
 Ніколі не кідаў мяне ты галодным.
 Прыпомні, як мы ля ракі на прывале
 За супам наварыстым піравалі.
 А зорцы, што ззяе агнём рубіновым, –
 Найлепшыя песні, найлепшыя словы.
 З табою мне светла і ў цёмныя ночы.
 Дзе кінеш прамень ты, туды я і крочу.
 І людзі спяшаць на нямеркнучы свет твой,
 І чуюць падзяку стагоднія хвоі:
 «Ты радасць прынёс к нам з краіны
 Саветаў
 І зорку шчасліваю, друг наш і воін!»

№ 192**С. Грахоўскі****РАЗМОВА З ПОМНІКАМ**

Ізноў заканваіравалі вас?
 Міліцыя і дзень, і ноч пільнуе.
 Апора верная – рабочы класс –
 І беспрацоўны, і бунтуе.
 Вы так упэўнена вялі
 Народ да шчасця і да згоды,
 Сялянам абяцалі даць зямлі,
 Рабочым – шахты і заводы.
 Вы абяцалі волю на вякі
 І слова да канца стрымалі:
 Зямлі па тры аршыны мужыкі
 Пад піхтамі ў Сібіры атрымалі.
 Рабочыя гарбелі да начы
 За пайку і баланды міску
 І падалі, на шахту ідучы
 І ў зоны заінелага Нарыльска.
 Народ ад страху і дрыжаў, і слеп,
 Сацлагер называў «сусветным раем»,
 А вы сцвярджалі: «Будзе лепш,
 Калі мы болей расстраляем».
 Была ці не была у іх віна,

І сотні тысяч не было вам шкода.
Вось так ішла крывавая вайна
Здзічэлых нелюдзей з народам.

№ 193

У. Карызна

ТЫ – МУЗЫКА

Ні трывожнай сірэнай,
Ні зоркай
на сінім папасе –
Мазуркай Шапэна
Ты ў сэрцы маім
занялася,
Як вясна жаўрукамі,
Як восень вятрамі...
Ты – музыка, –
Не дакранешся рукамі...
Слухаю
на наслухаюся
Ні ўдзень
і ні ўночы...
Баюся,
Каб не змоўкла аднойчы!

№ 194

У. Карызна

ТЫ – ДОЖДЖ І СНЕГ

Ёсць штосьці у табе
Ад кожнай пары года –
І сівер слоў тваіх,
І пісем першы снег
Пасля асенняй серабрыстай золі
Перад вялікім веснім адраджэннем
Калі,
як лісці першыя,
і словы,
І пачуцці,
І усмешкі...
І твайго шчасця ліпеньскае неба
Такое яснае,
Што сэрцу і вачам
Хмурынкі хочацца,
Сняжынкі хочацца...
Ты – дождж і снег,
Штось з кожнай пары года.
Ты вечная ў красе,
Нібы сама прырода.

№ 195

У. Карызна

ТЫ – ЛЕТНЯЕ СОНЦА

Ты – летняе сонца
У небе маім,
Я ж толькі маўклівы
Сланечнік пад ім.
Лаўлю кожным зернеткам
Лецейка міг.
Ты свеціш, я спею –
І мы удваіх.
Нам нельга расстацца,
Пакуль я живу,
Пакуль над зямлею
Нясу галаву.

№ 196

А. Белый

ТЫ – ТЕНЬ ТЕНЕЙ

Ты – тень теней...
Тебя не назову.
Твое лицо –
Холодное и злое...
Плыву туда – за дымку дней – зову,
За дымкой дней,- нет, не Тебя: бывшее,-
Которое я рву
(в который раз),
Которое,- в который
Раз восходит,-
Которое, –в который раз алмаз –
Алмаз звезды, звезды любви, низводит.
Так в листья лип,
Провиснувшие, – Свет
Дрожит, дробясь,
Как брызнувший стеклярус;
Так, – в звуколивные проливы лет
Бежит серебряным воспоминаньем: парус...
Так в молодой,
Весенний ветерок
Надуется белеющий
Барашек;
Так над водой пустилась в ветерок
Летенница растерянных букашек...
Душа, Ты – свет.
Другие – (нет и нет!) –

В стихиях лет:
Поминовенья света...

Другие – нет... Потерянный поэт,
Найди Ее, потерянную где-то.

За призраками лет –
Непризрачна межа;
На ней – душа,
Потерянная где-то...

Тебя, себя я обниму, дрожа,
В дрожаниях растерянного света.

№ 197

В. Брюсов

ТЫ – ЧТО ЗАГАДКА

Ты – что загадка, вовек не разгадывающаяся!
Ты – что строфа, непокорно не
складывающаяся!
Мучат глаза твои душу выведывательностями,
Манят слова твои мысль
непоследовательностями.
Ты – словно нить, до сверканья
раскаливающаяся,
Ты – как царица, над нищими сжаливающаяся.
Небо полно золотыми свидетельствами
Всех, кто твоими был жив
благодетельствованиями!

№ 198

Р. Барадулін

ЗАГАДКА ПЕРАКЛАДУ

Язэпу Семяжону

А перакласці –
Значыць пераплавіць,
Нанова пераліць метал упарты.
Перапісаць,
Закрэсліць,
Пераправіць,
Заблытаўшы сабе самому карты.
А перакласці –
Значыць пераправіць
Паром павагі на прыветны бераг,
Каб не пералявіць,
Не пераправіць,
Трымаць канат даводзіцца абаруч.
Загадка перакладу,
Як вядзьмоўства:
Ашчаднасць,
Марнатраўства,
Красамоўства!

№ 199

У. Някляеў

ВАДЭВІЛЬ У ДВУХ АКТАХ

Заходзь у мой дом, чалавек!
Знаёмы ці проста прахожы.
Не бойся мяне патрывожыць,
Заходзь у мой дом, чалавек.
Нараніцы, днём і ў начы,
Заходзь у хвіліну любую;
Як ёсць што сказаць – памяркуем,
Няма што сказаць – памаўчым.
Заходзь, чалавек, да мяне,
З бядою заходзь і турботай,
І проста, калі захлыне
У натоўпе людскім адзінота.
Заходзь, чалавек, у мой дом!
Мы нешта прыдумаем разам.
Адолеем крыўды, абразы,
Заходзь, чалавек, у мой дом.
Так верш я скляпаў. Неблагі...
Не горшы з усіх маіх вершаў.
Ды гэта пакуль што АКТ ПЕРШЫ.
А вось
АКТ ДРУГІ.
Стук у дзверы.
– Хто там?
– Незнаемы. Адчыніце...
– Хто вы?
– Незнаемы. – Што вам трэба?
– Мне ад вас?.. Пічога.
– Ну тады ідзіце сабе з богам.
– Як жа так... Някляеў вы?
– Някляеў.
– Ведаеце хто я?
– Не ўяўляю.
– Я чытач. Я верш у вас знайшоў,
Вы там напісалі:
Днём і ўночы.
Хто захоча і калі захоча,
Хай ідзе да вас.
Дык я прыйшоў.
– Кіньце жарты. Ноч. Не адчыню.
– То навошта верш вы напісалі?
– Вы вар'ят!
– Дык вы пажартавалі?
– Слухайце. я зараз пазваню,
Каб па вас з міліцыі прыслалі!
– Вось як... То бываеце... Я дарма
Кожнай косцы у вершы вашым верыў...
«Што ж рабіць?»

Я адчыняю дзверы
Толькі там нікога ўжо пяма.
Ці здалося ўсё мне?
Я стану,
Думаў пра няўдалую размову.
Нехта ж быў...
І нехта майму слову
Верыць перастаў.

№ 200

**Г. Бураўкін
РАЗМОВА З ДУБРОЎНЦКІМ
ВЕТРАМ**

Хто як можа –
Хутчэй да мора
Ад духмені,
як ад смалы.
А я лезу вышэй у горы,
Каб па мора зірнуць са скалы.
Праз густыя зялёныя кроны
Прабіваецца промень касы.
Трэпле,
трэпле ведер салёны
Маладыя мае валасы.
Можа, хоча ў печым прызнацца,
На бягу захліпаецца аж?..
Каля мора дванаццаць нацый
Абжываюць вясновы пляж.
Хто – як жэрдка.
Хто – як калода...
Што ён, ведер, ім кум які?
Набярэцца хіба прахалоды
На распараныя кумпякі?
Не прывык ён ступаць, як лёкай
З вейкаў рапішні сон не згані.
Захацелася пагалёкаць –
І ён свішча на вышыні.
Я лаўлю яго прагным ротам,
Даспадобы ён мне такі –
Не лагодны
і не курортны,
А калючы і трапяткі.
Хто яго, баяка, аштрафуе,
Што ад сонца так асмялеў,
Ён настояны
не на парфуме,
А на моры і на смале?
Хвалі ўнізе калышучь дымку,
Белы ветразь ляніва абвіс...
Мы стаім на скале ў абдымку

І не хочам спускацца ўніз.
Хай курортнікі ловяць казну,
Расціраюць прамень на плячы,
Па-славянску,
Па-партызанску
Мы з табой памаўчым.

№ 201

**А. Вознесенский
РИМСКИЙ ВОДИТЕЛЬ**

Я впрыгнул в грузовик, идущий к побережью.
Шофер длинноволос, совсем еще дитя.
На лобовом стекле – изображение Цезаря.
Садясь, я произнес: «Приветствую тебя!»

Что знаешь ты, пацан, о Цезаре по сути?
Что значит талисман? Что молодость слепа?
Темнело. По пути мы брали голосующих.
И каждый говорил: «Приветствую тебя».

«Приветствую тебя», – леса голосовали.
И сотни новых рук хватались за борта.
И памятники к нам тянулись с пьедестала.
«Убитые тобой приветствуют тебя».
А Цезарь пролетал, глаза от ветра сузив.
Что ты творишь, пацан, срывая скоростя?
Их всех не уместить в твой пятитонный кузов.
Убитые тобой преследуют тебя.

Отец твой из земли привстал благоговейно.
Сидело за рулем убитое дитя.
И хор перерастал в иные поколения:
«Убитые собой приветствуют тебя!»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

На русском языке

1. Айзенберг, М. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html>[М.Н.Айзенберг].
2. Алексеева, Л. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html>[Л.А.Алексеева].
3. Андреев, Д. Л. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html>[Д.Андреев].
4. Анненский, И. Лирика / И. Анненский. – Минск : Харвест, 1999. – 430 с.
5. Антокольский, П. Стихотворения и поэмы / П. Антокольский. – Л. : Сов. писатель, 1982. – 783 с.
6. Асеев, Н. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания. Статьи / Н. Асеев. – М. : Правда, 1990. – 494 с.
7. Ахмадулина, Б. Полное собрание сочинений в одном томе / Б. Ахмадулина. – М. : Альфа-книга, 2017. – 856 с.
8. Ахматова, А. Избранное / А. Ахматова. – М. : АСТ, 2004. – 638 с.
9. Багрицкий, Э. Стихотворения и поэмы / Э. Багрицкий. – СПб. : Акад. проект, 2000. – 300 с.
10. Балутенко, А. (Балуценка А.) 5000 вершаў аб каханні, шчасці, лёсе і жыцці. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://ab24b.narod.ru>. – Дата доступа: 04.08.2019.
11. Бальмонт, К. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / К. Бальмонт. – М. : Альфа-Книга, 2011. – 1307 с.
12. Бахнов, В. // Литературная пародия : сборник; сост.: Б. Брайнин [и др.]. – М. : ЭКСМО-пресс, 2000. – 540 с.
13. Бедный, Д. Стихотворения / Д. Бедный. – М. : Худож. лит., 1988. – 270 с.
14. Белый, А. Лирика / А. Белый. – Минск : ООО «Харвест», 2000. – 430 с.
15. Бенедиктов, В. Г. Стихотворения / В. Г. Бенедиктов. – М. : Сов. Россия, 1991. – 270 с.
16. Берггольц, О. Встреча : сборник / О. Берггольц. – М. : Русская книга, 2000. – 329 с.
17. Бирюков, С. Poesis поэзис roesis : Книга стихотворений / С. Бирюков. – М. : НП «Центр современной литературы», 2009. – 70 с.
18. Блок, А. Стихотворения и поэмы / А. Блок. – Минск : Нар. асвета, 1980. – 190 с.
19. Бродский, И. Малое собрание сочинений / И. Бродский. – СПб. : Азбука, 2012. – 877 с.
20. Брюсов, В. Стихотворения / В. Брюсов. – Минск: Наука и техника, 1981. – 557 с.
21. Бурлюк, Д. Стихотворения / Д. Бурлюк, Н. Бурлюк. – С.-Пб. : Академический проект, 2002. – 582 с.
22. Вагинов, К. Песня слов : собр. стихотв. / К. Вагинов. – М. : ОГИ, 2016. – 367 с.
23. Ваншенкин, К. Волнистое стекло : Лирика / К. Ваншенкин. – М. : Совет. писатель, 2000. – 574 с.
24. Вега, М. Ночной корабль : Стихи / М. Вега. – Л. : Сов. писатель, 1982. – 175 с.
25. Викулов, С. Разговоры-разговоры...: Стихотворения и поэма / С. Викулов. – М. : Современник, 1985. – 159 с.
26. Винокуров, Е. Из двух книг : Стихи / Е. Винокуров. – М. : Сов. писатель, 1989. – 237 с.

27. Вознесенский, А. Малое собрание сочинений / А. Вознесенский. – СПб : Азбука, 2013. – 606 с.
28. Волошин, М. Лирика / М. Волошин. – М. : Хранитель, 2008. – 315 с.
29. Высоцкий, В. Песни. Стихотворения. Проза / В. Высоцкий. – М. : Эксмо, 2010. – 813 с.
30. Вяземский, П. Стихотворения / П. А. Вяземский. – Пермь : Кн. изд-во, 1989. – 461 с.
31. Гандлевский, С. Стихотворения / С. Гандлевский. – М. : Астрель, Corpus, 2012. – 347 с.
32. Герасимов, П. Утренний край : Стихи / П. Герасимов. – М. : Сов. писатель, 1984. – 80 с.
33. Гиппиус, З. Избранное / З. Гиппиус. – М. : Изд. центр «Терра», 1997. – 893 с.
34. Глазков, Н. Избранное / Н. Глазков. – М. : Худож. лит., 1989. – 540 с.
35. Глинка, Г. Погаснет жизнь, но я останусь : собр. соч. / Г. Глинка. – Томск: Водолей Publishers, 2005. – 383 с.
36. Гумилёв, Н. Лирика / Н. Гумилев. – Минск : Харвест, 2009. – 511 с.
37. Дельви́г, А. Стихотворения / А. Дельви́г. – М. : Сов. Россия, 1983. – 286 с.
38. Дементьев, А. Стихотворения / А. Дементьев. – 5-е изд. – М. : Эксмо, 2010. – 445 с.
39. Дмитриев, И. // Антология русской поэзии. Золотой век : 150 поэтов, 750 стихотворений; сост., авт. предисл. и библиогр. заметок С. Дмитренко. – М. : Эксмо, 2007. – 990 с.
40. Евтушенко, Е. Малое собрание сочинений / Е. Евтушенко. – СПб. : Азбука, 2014. – 571 с.
41. Елагин, И. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [И. В. Елагин].
42. Ерёменко, А. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [А. В. Ерёменко].
43. Есенин, С. Стихотворения и поэмы / С. Есенин. – Л. : Сов. писатель, 1986. – 461 с.
44. Жаров, А. Собрание сочинений / А. Жаров. Т. 1: Стихотворения (1921–1959). – М., 1980. – 317 с.
45. Жданов, И. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [И. Ф. Жданов].
46. Заболоцкий, Н. Избранные сочинения / Н. А. Заболоцкий. – М. : Худож. лит., 1991. – 430 с.
47. Зенкевич, М. Избранное / М. Зенкевич. – М.: Худож. лит., 1973. – 222 с.
48. Иванов, Г. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [Г. В. Иванов].
49. Исаев, Е. Стихотворения и поэмы / Е. Исаев. – М. : Мол. гвардия, 1989. – 140 с.
50. Казаков, В. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [В. В. Казаков].
51. Кедрин, Д. Избранное : Стихотворения и поэмы / Д. Кедрин. – М. : Худож. лит., 1991. – 319 с.
52. Кирсанов, С. Книга лирики : 1925–1965 / С. Кирсанов. – М. : Сов. писатель, 1966. – 391 с.
53. Клычков, С. Стихотворения / С. Клычков. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. – 190 с.
54. Клюев, Н. Стихотворения и поэмы / Н. Клюев. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 157 с.
55. Князев, В. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [В. В. Князев].

56. Кондратьев, А. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [А. А. Кондратьев].
57. Корнилов, Б. Избранное : Стихотворения, поэмы / Б. Корнилов. – М. : Худож. лит., 1990. – 285 с.
58. Костров, В. Товарищества светлый час: стихи / В. Костров. – М. : Современник, 1977. – 110 с.
59. Крайский, А. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [А. П. Крайский].
60. Крандиевская-Толстая, Н. Дорога : стихотворения / Н. Крандиевская-Толстая. – М. : Худож. лит., 1985. – 286 с.
61. Кривулин, В. Концерт по заявкам: Три кн. стихов трех послед. лет (1990–1992) / В. Кривулин. – СПб., 1993. – 96 с.
62. Кропивницкий, Е. Земной уют : избр. стихи / Е. Кропивницкий. – М. : Прометей: Асс. «Неизвест. Россия», 1989. – 32 с.
63. Крылов, И. Басни. Повести / И. А. Крылов. – Минск : Издательство БГУ, 1980. – 253 с.
64. Кузмин, М. Лирика / М. Кузмин. – Минск: Харвест, 1998. – 478 с.
65. Кузьмина-Караваева, Е. Избранное / Е. Кузьмина-Караваева. – М. : Сов. Россия, 1991. – 447 с.
66. Кулемин, В. Избранное : стихотворения и поэмы / В. Кулемин. – М. : Худож. лит., 1987. – 316 с.
67. Куняев, С. Стас уполномочен заявить...: поэзия, судьба, Россия : сборник / С. Куняев. – М. : Наш современник, 2007. – 411 с.
68. Кушнер, А. Пятая стихия : Стихи и проза / А. Кушнер. – М. : ЭКСМО-пресс, 2000. – 380 с.
69. Лавров, Л. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [Л. А. Лавров].
70. Лазарев, Л. Липовые аллеи : книга литературных пародий / Л. Лазарев, С. Рассадин, Б. Сарнов. – М. : Зебра-Е, 2007. – 320 с.
71. Лебедев-Кумач, В. Стихотворения и песни / В. Лебедев-Кумач. – Л. : Сов. писатель, 1950. – 442 с.
72. Лермонтов, М. Стихотворения / М. Ю. Лермонтов. – М.: Худож. лит., 1988. – 445 с.
73. Лившиц, Б. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [Б. К. Лившиц].
74. Лохвицкая, М. Песнь любви : [стихотворения, поэма] / М. Лохвицкая. – М. : Летопись, 1999. – 411 с.
75. Луговской, В. Стихотворения и поэмы / В. Луговской. – М. : Худож. Лит., 1977. – 428 с.
76. Луконин, М. Стихотворения и поэмы / М. Луконин. – Л. : Сов. писатель, 1985. – 543 с.
77. Майков, А. Стихотворения / А. Майков. – М. : Совю Россия, 1980. – 222 с.
78. Макаревич, А. Семь тысяч городов : Стихи и песни / А. Макаревич. – М. : Эксмо, 2003. – 431 с.
79. Мандельштам, О. Сочинения : стихотворения, проза, эссе / О. Мандельштам. – Екатеринбург: У-Фактория : М., АСТ Москва, 2008. – 863 с.
80. Мартынов, Л. Стихотворения / Л. Мартынов. – М. : Сов. Россия, 1987. – 335 с.
81. Маяковский, В. Поэмы : Стихотворения / В. Маяковский. – М.: Правда, 1989. – 557 с.

82. Межиров, А. Поэтический сборник / А. Межиров. – М. : Зебра Е: Тверь, АСТ, 2006. – 255 с.
83. Мориц, Ю. Лицо : Стихотворения. Поэма / Ю. Мориц. – М. : Рус. кн., 2000. – 539 с.
84. Набоков, В. Стихотворения / В. Набоков. – М. : Эксмо, 2004. – 382 с.
85. Некрасов, Н. Стихотворения. Поэмы / Н.А. Некрасов. – М. : Художественная литература, 1978. – 414 с.
86. Одоевцева, И. Избранное / И. Одоевцева. – М. : АО «Согласие», 1998. – 958 с.
87. Окуджава, Б. Стихотворения / Б. Окуджава. – М. : Профиздат, 2007. – 332 с.
88. Олеша, Ю. Ни дня без строчки / Ю. Олеша. – Минск : Издательство БГУ, 1982. – 285 с.
89. Павлова, К. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [К. К. Павлова].
90. Пастернак, Б. Стихотворения и поэмы / Б. Пастернак. – М. : Худож. лит., 1988. – 511 с.
91. Петров, С. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [С. В. Петров].
92. Платонов, А. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [А. П. Платонов].
93. Поделков, С. Говорящие деревья : стихотворения разных лет / С. Поделков. – М. : Сов. писатель, 1963. – 215 с.
94. Пушкин, А. Избранное ; под общ. ред. Д. Д. Благого. – М. : Дет. лит., 1994. – 734 с.
95. Ривель, К. Белый ветер: стихи / К. Ривель. – СПб. : ЛИО Редактор, 1997. – 93 с.
96. Родов, С. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [С. А. Родов].
97. Рождественский, Р. Стихотворения / Р. Рождественский. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 141 с.
98. Рубцов, Н. Стихотворения / Н. Рубцов. – М. : ИИД «Профиздат», 2000. – 349 с.
99. Рязанов, Э. У природы нет плохой погоды : стихотворения / Э. Рязанов. – М. : Эксмо, 2007. – 350 с.
100. Садофьев, И. Стихотворения / И. Садофьев. – М. : Гослитиздат, 1956. – 175 с.
101. Самойлов, Д. Избранные произведения / Д. Самойлов. Т. 1: Стихотворения. – 558 с.
102. Светлов, М. Стихотворения / М. Светлов. – Петрозаводск: Карелия, 1977. – 273 с.
103. Северянин, И. Лирика / И. Северянин. – Минск : ООО «Харвест», 2002. – 446 с.
104. Сельвинский, И. Я это видел! : Стихотворения и поэмы / И. Сельвинский. – М. : Сов. Россия, 1985. – 160 с.
105. Семёнов, Г. Стихотворения и поэмы / Г. Семёнов. – СПб. : Академический проект, 2004. – 532 с.
106. Симонов, К. Стихи и поэмы, 1936–1954 / К. Симонов. – М. : Худож. лит., 1955. – 578 с.
107. Слуцкий, Б. Избранное, 1944–1977 : стихи / Б. Слуцкий. – М. : Худож. лит., 1980. – 365 с.
108. Случевский, К. Стихотворения и поэмы / К. К. Случевский. – СПб.: Академический проект, 2004. – 814 с.
109. Сухарев, Д. При вечернем и утреннем свете : стихотворения / Д. Сухарев. – М. : Сов. писатель, 1989. – 383 с.
110. Смеляков, Я. Стихотворения и поэмы / Я. Смеляков. – Л. : Сов. писатель, 1979. – 767 с.

111. Соловьёв, В. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [В. С. Соловьёв].
112. Тарковский, А. Собеседник : стихотворения разных лет / А. Тарковский. – М. : Эксмо, 2003. – 382 с.
113. Тарловский, М. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [М. А. Тарловский].
114. Татьяничева, Л. Собрание сочинений / Л. Татьяничева. Т. 1: Стихотворения (1933–1963). – М., 1985. – 543 с.
115. Твардовский, А. Лирика / А. Т. Твардовский. – М. : Книга, 1985. – 368 с.
116. Тихонов, Н. Стихотворения и поэмы / Н. Тихонов. – Л. : Сов. писатель, 1981. – 799 с.
117. Тютчев, Ф. Стихотворения. Письма / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда., 1987. – 540 с.
118. Фатьянов, А. Избранное / А. Фатьянов. – М. : Худож. лит., 1983. – 334 с.
119. Филатов, Л. Леонид Филатов : сборник / Л. Филатов. – М. : Эксмо, 2006. – 474 с.
120. Фирсов, В. Стихотворения / В. Фирсов. – М. : Худож. лит., 1987. – 510 с.
121. Хлебников, В. Лирика / В. Хлебников. – Минск : ООО «Харвест», 1999. – 478 с.
122. Ходасевич, В. Лирика / В. Ходасевич. – Минск : ООО «Харвест», 1999. – 414 с.
123. Холин, И. // НКРЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/poet-list.html> [И. С. Холин].
124. Хорват, Е. Раскатанный слепок лица : Стихи, проза, письма / Е. Хорват. – М. : Культурный слой, 2005. — 496 с.
125. Цветаева, М. Лирика / М. Цветаева. – М. : Эксмо, 2010. – 382 с.
126. Чёрный, С. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе / С. Черный. – М. : Альфа-книга, 2012. – 952 с.
127. Шаламов, В. В зеркале : рассказы, стихотворения, эссе и заметки / В. Шаламов. – М.: Эксмо, 2009. – 569 с.
128. Шершеневич, В. Стихотворения и поэмы / В. Шершеневич. – СПб.: Академический проект, 2000. – 360 с.
129. Шефнер, В. В этом веке : Стихи разных лет / В. Шефнер. – Л. : Лениздат, 1987. – 318 с.
130. Шкапская, М. Час вечерний : стихи / М. Шкапская. – СПб.: Лимбус пресс, 2000. – 191 с.
131. Щипачёв, С. Избранное: стихотворения и поэмы / С. Щипачев. – М. : Худож. лит., 1988. – 398 с.
132. Эрберг, К. Плен : сб. стихотворений; Цель творчества: Трактат-манифест / К. Эрберг. – Томск : Водолей, 1997. – 159 с.
133. Эренбург, И. Стихотворения / И. Эренбург. – М. : Сов. Россия, 1982. – 176 с.

На белорусском языке

1. Аколава, В. В. Случарыны : кн. паэзіі / В. Аколава. – Мінск : Полымя, 1994. – 432 с.
2. Аксак, В. Капліца: вершы. – Мінск: Маст, літ., 1994. – 111 с.
3. Александровіч, А. Збор твораў / А. Александровіч. Т. 1 : Вершы. – Мінск : ДВБ, 1963. – 422 с.
4. Арабейка, І. Асенні ранак : вершы. – Мінск : Мастац. літ., 1978. – 64 с.
5. Арочка, М. Памяць зярнятаў : выбр. – Мінск : Маст, літ., 1991. – 367 с.
6. Арсеннева, Н. Выбраныя творы / Н. Арсеннева. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2002. – 589 с.

7. Аўласенка, Г. Час збіраць камяні : вершы, паэмы / Г. Аўласенка. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 86 с.
8. Аўрамчык, М. Запрашэнне да роздуму : вершы / М. Аўрамчык. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 94 с.
9. Астапенка, З. Пад шум дажджу : вершы, паэмы, лісты / З. Астапенка. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 278 с.
10. Астрэйка, А. Памяць дарог : вершы. – Мінск : Маст, літ 1980. – 112 с.
11. Багданкевіч, С. Напрадвесні : вершы і пераклады / С. Багданкевіч. – Мінск : Ковчег, 2012. – 132 с.
12. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992.
13. Багун, М. Выбранае : вершы / М. Багун. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, Рэд. маст. літ., 1961. – 94 с.
14. Балусенка, А. 5000 вершаў аб каханні, шчасці, лёсе і жыцці. [Электронны ресурс]. – Рэжым доступу: <http://ab24b.narod.ru/>. – Дата доступу: 04.08.2019.
15. Баравікова, Р. Дрэва для райскай птушкі : лірыка / Р. Баравікова. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 270 с.
16. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Р. Барадулін. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 596 с.
17. Барскі, А. «І толькі ў мове роднай буду вечны...»: вершаваныя творы / А. Барскі. – Warszawa : Katedra białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2015. – 430 с.
18. Басуматрава, С. Званы чадавечпасці : вершы / С. Басуматрава. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 174 с.
19. Бачыла, А. Гараць лісты кляновыя : вершы / А. Бачыла. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 159 с.
20. Бічэль, Д. Выбраныя творы / Д. Бічэль. – Мінск : Бел. навука, 2016. – 603 с.
21. Блатун, С. Радаслоўнае дрэва : вершы / С. Блатун. – Мінск : Беларусь, 1970. – 94 с.
22. Броўка, П. Пахне чабор... : вершы, паэмы / П. Броўка. – Мінск : Маст. літ., 2011. – 229 с.
23. Буйло, К. Выбраныя творы. У 2-х т. / К. Буйло. – Мінск : Маст. літ., 1981.
24. Бураўкін, Г. Выбраныя творы. У 2 т. / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1986.
25. Вераб'еў, П. Крытычная маса : вершы / П. Вераб'еў. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 110 с.
26. Верамейчык, У. Клянуся Прыпяцю : паэзія / У. Верамейчык. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 191 с.
27. Вярцінскі, А. Ветрана. Кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 144 с.
28. Галубовіч, Л. Поўня: выбранае : вершы, зацемкі / Л. Галубовіч. – Мінск : Кнігазбор, 2015. – 142 с.
29. Гардзей, В. Засевак Радзімы : вершы / В. Гардзей. – Мінск : Маст. літ., 1983. – 93 с.
30. Геніюш, Л. Выбраныя творы / Л. Геніюш. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2000. – 602 с.
31. Гілевіч, Н. Выбраныя творы / Н. Гілевіч. – Мінск : Кнігазбор, 2009. – 597 с.
32. Глобус, А. Новае неба : вершы / А. Глобус. – Мінск : Галіяфы, 2010. – 191 с.
33. Голуб, Ю. Поруч з дажджом : вершы / Ю. Голуб. – Мінск : МГА «Бел. кнігазбор», 2001. – 163 с.
34. Грахоўскі, С. Асеннія гнёзды : кн. новых вершаў. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 142 с.
35. Грахоўскі, С. Недапісаная кніга: вершы / С. Грахоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 271 с.

36. Грачанікаў, А. Я вас люблю... : Лірыка / А. Грачанікаў. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 143 с.
37. Гурыновіч, Хв. Мой храм : выбранае / Ф. Гурыновіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2019. – 317 с.
38. Дашкевіч, Г. Верасніца : Кн. паэзіі / Г. Дашкевіч. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 140 с.
39. Дранько-Майсюк, Л. Гаспода : Выбранае / Л. Дранько-Майсюк. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 382 с.
40. Дубоўка, У. О Беларусь, мая шыпшына... : Выбранае / У. Дубоўка. – Мінск : Маст. літ., 2002. – 318 с.
41. Дудзюк, З. Так і не. Вершы / З. Дудзюк. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 189 с.
42. Дукса, М. Птушка вечнасці – душа : кніга паэзіі / М. Дукса. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2015. – 233 с.
43. Жуковіч, В. Золата лістапада : вершы розных гадоў / В. Жуковіч. – Мінск : Ковчег, 2012. – 133 с.
44. Жылка, У. Выбраныя творы / У. Жылка. – Мінск : «Бел. кнігазбор», 1998. – 358 с.
45. Законнікаў, С. Лістам дарога запала... : выбранае / С. Законнікаў. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 278 с.
46. Зарыцкі, А. Каля вячэрняга кастра : Вершы / А. Зарыцкі. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 144 с.
47. Зубрыцкі, Э. Восень над вогнішчам : вершы / Э. Зубрыцкі. – Мінск : Харвест, 2011. – 255 с.
48. Зуёнак, В. Выбраныя творы : у 2 т. – Мінск : Маст. літ., 1996.
49. Зэкаў, А. Замарожаныя пачуцці : літаратурныя пародыі, сяброўскія шаржы / А. Зэкаў. – Мінск : Бел. Энцыклапедыя, 2015. – 117 с.
50. Івашчанка, А. Хай так: ad samoty i da svabody : вершы / А. Івашчанка. – Мінск : Галіяфы, 2013. – 120 с.
51. Кавыль, М. Міжагнёўе : Выбр.творы. – Нью Ёрк : Беларус. ін-т навукі і мастацтва. Друк. М. Прускага, 1990. – 343 с.
52. Казакоў, М. Млечны шлях : вершы / М. Казакоў. – Мінск : Беларусь, 1969. – 42 с.
53. Камейша, К. Лінія лёсу : Вершы / К. Камейша. – Мінск : Маст., літ., 1996. – 126 с.
54. Караткевіч, У. Збор твораў / Уладзімір Караткевіч. Т. 1 : Паэзія, 1950–1960 ; рэдактар тома В Рагойша. – 2012. – 532 с. ; Т. 2 : Паэзія, 1961–1984 / рэдактар тома Вячаслаў Рагойша. – 2012. – 396 с.
55. Карызна, У. Цішыня баразны : Вершы і паэма. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 79 с.
56. Карызна, У. Музыка ў свсце : Лірыка. / У. Карызна – Мінск : Маст. літ., 1985. – 135 с.
57. Кісялеўскі, Ю. Было спачатку слова?.. / Ю. Кісялешмкі [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://kamunikat.org/download.php?item=4363-3.html&pubref=4363>. – Дата доступа: 04.08.2019.
58. Кляўко, Г. Падкова над парогам : выбраная паэзія / Генадзь Кляўко. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1979. – 269 с.
59. Кляшторны, Т. Сляды дарог : Выбранае / Т. Кляшторны. – Мінск : Беллітфонд, 2003. – 131 с.
60. Коўтун, В. Метраном : Кн. паэзіі / В. Коўтун. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 135 с.
61. Крапіва, К. Кандрат Крапіва : байкі, вершы / К. Крапіва. – Мінск : Беларусь, 1971. – 142 с.
62. Крушына, Р. Выбраныя творы / Р. Крушына. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2005. – 443 с.

63. Куляшоў, А. Выбраныя творы / А. Куляшоў. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 205 с.
64. Кунцэвіч, В. Горкая спакуса: Кн. лірыкі / В. Кунцэвіч. – Мінск: Бел. кнігазбор, 1999. – 175 с.
65. Купала, Я. Вершы. Паэмы. П'есы / Я. Купала. – Мінск : Харвест, 2012. – 703 с.
66. Купрэў, М. Непазбежнасць / М. Купрэў. – Мінск : Беларусь, 1967. – 88 с.
67. Лагвіновіч, І. Элегія палескага матыля : вершы / І. Лагвіновіч. – Мінск : Кнігазбор, 2011. – 87 с.
68. Лісіцын, У. Беларусь – мая калыска : кніга паэзіі / У. Лісіцын. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 167 с.
69. Лойка, Л. Пралескі ў акопах : паэзія / А. Лойка. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 158 с.
70. Лось, Е. І каласуе даўгалецце : Вершы. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 367 с.
71. Лужанін, М. Паразмаўляй са мной, зямля : паэзія / М. Лужанін. – Мінск : Маст. літ., 1983. – 109 с.
72. Лукша, В. Агні далёкіх гарадоў : вершы / В. Лукша. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 142 с.
73. Макаль, П. Выбраныя творы. У 2-х т. / П. Макаль. – Мінск : Маст. літ., 1982.
74. Малец, І. Трава ў вушах : вершы / Янусь Малец. – Мінск, 1994. – 31 с.
75. Маляўка, М. Беражыце Шыпшыну : вершы, балады / М. Маляўка. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2013. – 116 с.
76. Мацяш, Н. Поўны келіх : Лірыка. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 63 с.
77. Мятліцкі, М. Цяпло буслінага крыла : палескія вершы / М. Мятліцкі. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2010. – 208 с.
78. Наўроцкі, А. Выбраныя творы / А. Наўроцкі. – Мінск : Бел. навука, 2016. – 636 с.
79. Някляеў, У. Галубіная почта : вершы / У. Някляеў. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 150 с.
80. Панізнік, С. Выбранае : паэзія за паўстагоддзя творчай працы / С. Панізнік. – Мінск 4 : Тэхналогія, 2017. – 208с.
81. Панчанка, П. Збор твораў. У 4-х т. – Мінск : Маст. літ., 1981.
82. Паўлаў, У. Каласы радкоў : вершы / У. Паўлаў. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 174 с.
83. Паўлікава, Л. Прыступкі да Храма Святога Духа : вершы / Л. Паўлікава-Хейдарова. – Мінск : Галіяфы, 2017. – 402 с.
84. Пісьмянкоў, А. Чытаю зоры : Лірыка / А. Пісьмянкоў. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 87 с.
85. Пракаповіч, М. Прытулак памяці : вершы, паэмы / М. Пракаповіч. – Мінск : Кнігазбор, 2018. – 258 с.
86. Прануза, П. Памяць, памяць...: вершы / П. Прануза. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 223 с.
87. Пысін, А. Збор твораў : у 2 т. / А. Пысін. – Мінск : Маст. літ., 1989.
88. Рагойша, В. Полнос цяпла : вершы / В. Рагойша. Мінск : Кніга збор, 2007. – 180 с.
89. Разанаў, А. Вастыё стралы. Версэты, паэтычныя мініяцюры / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 159 с.
90. Рублеўская, Л. Замак мясячнага сяйва : Вершы / Л. Рублеўская. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 126 с.
91. Рудкоўскі, М. Залатазвон : выбраная лірыка / М. Рудкоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 238 с.
92. Сахарчук, В. // Крыло : зборнік вершаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 197 с.
93. Свірка, Ю. Паўшар'е блакіту: кніга лірыкі / Ю. Свірка. – Мінск: Маст. літ., 1986 – 126 с.

94. Сербантовіч, А. Жаваранак у зеніце : вершы / А. Сербантовіч. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 477 с.
95. Сільнова, Л. Горад Мілаград : кніга вершаў / Л. Сільнова. – Мінск : Кнігазбор, 2016. – 187 с.
96. Сіпакоў, Я. Двое на вуліцы : выбранае / Я. Сіпакоў. – Мінск : Маст. літ., 2011. – 542 с.
97. Сокалаў-Воюш, С. Кроў на сумётах: Вершы і паэма / С. Сакалаў-Воюш. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 70 с.
98. Стральцоў, М. Выбраныя творы / М. Стральцоў. – Мінск : Бел. навука, 2015. – 652 с.
99. Стрыжак, В. Рэха журбы : Вершы / В. Стрыжак. – Мінск : Маст.літ., 1994. – 111 с.
100. Сяднёў, М. Выбраныя творы / М. Сяднёў. – Мінск : Кнігазбор, 2014. – 603 с.
101. Сяргей, С. Снежань : Вершы, паэма / С. Сяргей. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2003. – 83 с.
102. Тармола-Мірскі, Р. Прычасце : Паэзія / Р. Тармола-Мірскі. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 286 с.
103. Танк, М. Выбранае : Вершы / М. Танк. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 335 с.
104. Трафімава, Т. Вершы пра каханне / Т. Трафімава. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.moukahanu.ru/autor/taisa-tpafimava>. – Дата доступу: 06.11.2018.
105. Федзюковіч, М. Красадзён : вершы, пераклады / М. Федзюковіч. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 319 с.
106. Філімонава, Л. // Анталогія беларускай паэзіі : у 3 т. – Т. 3 : Вершы і паэмы; уклад. У. Гніламедаў. – Мінск : Маст. літ., 1993. – С. 481–485.
107. Цвірка, К. Выбраныя творы / К. Цвірка. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 604 с.
108. Цыбульскі, К. Малітва і песня : вершы і песні / К. Цыбульскі. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2006. – 159 с.
109. Шніп, В. Гронка святла : Вершы / В. Шніп. – Мінск : Маст. літ., 1983. – 54 с.
110. Шушкевіч, С. Выбранае : Вершы / С. Шушкевіч. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 414 с.
111. Шэлехаў, М. Сын яблыні : вершы / М. Шэлехаў. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 125 с.
112. Юрчанка, Г. Негабляваная пегасня : літаратурныя пародыі / Г. Юрчанка. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 253 с.
113. Якубовіч, Л. Я з вамі, вёсны... : Вершы / Л. Якубовіч. – Мінск: Маст. літ., 1979. – 80 с.
114. Янішчыц, Я. Выбранае: вершы, паэмы : для сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту / Я. Янішчыц. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 246 с.

ДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА

Уровень языка	Основная единица		Основная выполняемая функция	Уровень знания (по О. Л. Каменской [1990, с. 51])	Результат действия метафорического механизма
Фонологический	Фонема		Строительная	Различение понятий	Звуковая метафора
Морфемный	Морфема			Незавершенное понятие	Словообразовательная метафора; окказиональное словообразование
Лексический	Лексема		Номинативная Коммуникативная	Понятие	Метафорическое значение слова
Синтаксический	Синтаксема	Словосочетание		Суждение	Грамматическая метафора; производные предложения
		Предложение			
Текстовой	Текстема	Текст		Фрагмент знания	Тексты-метафоры (текст = метафора)
		Текстотип	Отрасль знания		
Дискурсивно-интертекстовой	Совокупность текстов	Интертекстема (Текст ¹ → Текст ²)	Совокупные знания о мире	Интертекстовая метафора (интертекст = метафора)	

Научное издание

Кураш Сергей Бонифациевич

**МЕТАФОРИКА РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ:
ТЕКСТО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ**

Корректор *Т. И. Татарина*

Оригинал-макет *М. С. Галеня*

Иллюстративный материал на первой странице обложки заимствован с общедоступных ресурсов сети Интернет, которые не содержат указания на авторов этих материалов и органичений для их заимствований.

Подписано в печать 16.03.2020. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Ризография. Усл. печ. л. 18,72. Уч.-изд. л. 21,2.

Тираж 100 экз. Заказ 6.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.

Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.

Тел. (0236) 24-61-29